

УДК 39
ББК 63.5
К 90

Ответственный редактор
доктор филологических наук Х.В.
ТУРКАЕВ

Культура Чечни: история и современные проблемы /
[Отв. ред. Х.В. Туркаев]; Ин-т этнологии и
антропологии. - М.: Наука, 2002. - 382 с. - ISBN 5-02-
008832-3

В сборнике содержатся статьи исследователей из
Института этнологии и антропологии, Института
археологии, Института мировой литературы РАН,
Чеченского государственного университета, видных
общественных и политических деятелей. Они дают
представление о культуре чеченского народа как о
сложной системе, имеющей древние корни и занимающей
достойное место среди культур других народов Кавказа и
России в целом. В книге говорится также о разрушениях
в сфере культуры в Чечне, которые явились результатом
войны, и о путях возрождения культурной жизни в
республике.

Для историков, этнологов и всех интересующихся
данной проблемой.

ТП-2002-П-№ 60

ISBN 5-02-008832-3

© Коллектив авторов, 2002
© Российская академия наук,
2002
© Издательство "Наука",
художественное оформление, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

<i>Тишков В.А. Масаев У.Ш.</i>	Война и культура 6 Роль общественных движений в национально- культурном возрождении Чечни 15
--	--

РАЗДЕЛ II

<i>Козенкова В.И. Мунчаев Р.М. Маркович В.И. Багаев М.Х. Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д.</i>	Древние основы культурного наследия нахского этноса (к истокам горского менталитета) ... 19 К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспеди ции в 1957-1968 гг.) 25 Башенная архитектура и ее декор - неоцени мый источник изучения культуры чеченцев и ингушей 38 Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев 55 Русско-чеченское этнокультурное и хозяйст венное взаимовлияние на Тереке в XVI- XVIII вв. 64
--	---

РАЗДЕЛ III

<i>Джамбеков О.Д. Ахмадов Х.М.</i>	О художественном времени в устно- поэтиче ском наследии чеченцев 71 В поисках духовных сокровищ (из истории со бирания и издания чечено-ингушского музы кального фольклора)..... 78
--	---

РАЗДЕЛ IV

<i>Алироев</i>	Лингвистические взаимосвязи народов Кавказа и России.....	85
<i>И.Ю.</i>	Культура сквозь призму языка	94
<i>Халидов</i>		

А.И.

РАЗДЕЛ V

<i>Далгат У.Б.</i>	Вклад ученого в популяризацию древней обря-дово-вербальной культуры вайнахов (к 130-летию Б.К. Далгата)	101
<i>Хасбулатова</i>	Вайнахский этикет (традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX - начале XX в.....)	109
<i>З.И.</i>		
<i>Абдулвахабова</i>	Традиционная мужская одежда вайнахов XVI - начале XIX в.....	126
<i>Б.Б.</i>	Семейное право у чеченцев в XIX - начале XX в	144
<i>Арсанукаева</i>		
<i>М.С. Чеснов</i>		
<i>Я.В.</i>	Генетические представления в менталитете чеченцев (на основании полевых этнографических материалов, собранных в Чечне и Грузии в 1980-1990-е годы).....	154

РАЗДЕЛ VI

<i>Туркаев Х.В.</i>		
<i>Абдулаева Х.Р.</i>	Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 г	164
<i>Ташаева Р.А.</i>	Этноисторические и эстетические предпосылки зарождения письменного художественного слова у чеченцев	192
<i>Магомадов С.С., Пыльцин Д.В.</i>	Чечено-Ингушский драматический театр: его роль в формировании толерантности в обществе 1950-1980 гг.....	215
<i>Димаев С.У.</i>	Государственные музеи Чеченской Республики в период российско-чеченской войны 1994—1996 гг.....	239
	Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе национальных композиторов	252

<i>Гешаев М.Б.</i>	Чеченское музыкальное и изобразительное искусство, его влияние на искусство народов России и Закавказья.....	258
<i>Наишоев Р.М.</i>	Творческое наследие Махмуда Эсамбаева и его роль в сближении культур народов России и мира	277
<i>Хасиев Н.-Э.А.</i>	Долгий путь к рассвету.....	288

РАЗДЕЛ VII

<i>Гакаев Ж.Ж.</i>	Чеченский кризис, его природа и эволюция ...	315
--------------------	---	-----

Указатель имен.....

363

Сведения об авторах

372

РАЗДЕЛ I

В.А. Тишков

ВОЙНА И КУЛЬТУРА

Любой вооруженный конфликт, а тем более война, наносит огромный ущерб культурной среде. Разрушаются исторические памятники, музеи, библиотеки, театры, вузы и научные центры. Распадаются творческие коллективы, гибнут и страдают таланты и рядовые работники культуры. Население в зоне конфликта лишается возможности потреблять плоды культуры. Дичают нравы, ожесточаются люди, место культуры занимают суррогаты религиозного экстремизма и бытовая мифология. В то же самое время война и насилие, страдания и жертвы служат источником новой поэтики, прославляющей героизм борцов за то или иное дело и ниспровергающей враждебную силу. Культура становится сражающимся ресурсом в условиях вооруженного противостояния.

Конец вооруженных действий наступает при победе одной стороны или при истощении обеих сторон, но конец конфликта наступает с возвращением культуры в разрушенное войной общество. Более того, культура есть одно из средств миротворчества и послевоенной терапии, ибо через мир культуры и через художественные образы человек быстрее излечивается от травмы войны и избавляется от образа врага. Все это - большие и сложные вопросы, которые пока недостаточно изучены в мировой и отечественной науке. Если обратиться к российскому общественнонаучному, то, кроме большого числа сочинений на тему о культуре в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., данный вопрос затрагивался слабо. Можно также встретить анализ зарубежного кино и литературной продукции, посвященных войне во Вьетнаме, но судьбы вьетнамской, афганской и других культур, пострадавших в ходе вооруженных конфликтов, российских специалистов интересовали мало.

Тема недавних "собственных" войн с точки зрения их воздействия на культуру и, наоборот, роль профессиональной культуры и ее носителей в конструировании конфликта и в миротворчестве фактически еще не рассматривалась, за исключением книги-альбома "Чечня. Право на культуру", изданной Общественным фондом имени академика А.Д. Сахарова в 1999 г. Эта книга с краткими рассказами деятелей культуры и с детскими рисунками раскрывает разные стороны воздействия вооруженного конфликта в Чечне на культуру и общество. Однако вышеназванная книга не представляет собою научного исследования. Скорее она может служить документальным свидетельством и быть предметом анализа: как война разрушила основы культуры в местном обществе, как ощущают войну и как ведут себя в ситуации вооруженного конфликта представители культуры, каковы их индивидуальные судьбы и судьбы их творчества.

В теме "война и культура" имеются три фундаментальных аспекта. Первый — это вопрос о культурной среде и о культурном контексте, в котором зарождается и происходит насильственный конфликт. Вопрос этот не так прост, как представляется на первый взгляд. Тем более трудно принять многие упрощенные версии в отношении культуры чеченцев, которые были порождены плохим знанием, политической заданностью или эмоциональной реакцией на драму войны. Прежде всего я имею в виду версию о радикальных культурных (стадиально-цивилизационных!) различиях чеченцев и остального населения России, которые якобы и стали главным аргументом борьбы за "национальное освобождение" и за государственное самоопределение. К категории упрощений и романтических вымыслов относится и версия, объясняющая упорство борьбы вооруженных сепаратистов против федеральной армии особыми качествами социальной организации и нормативно-ценностной культуры чеченцев. Эти качества возводятся к ранним человеческим обществам на историко-эволюционной стадии так называемой "военной демократии" — общественного строя,

изобретенного Генри Луисом Морганом на основе изучения истории североамериканских индейцев.

Каждый конфликт порождается как минимум двумя сторонами, если речь идет о межгосударственных и межгрупповых конфликтах, включая войны. Если конфликт выстраивается по линии "группа против государства", а именно такова природа почти всех внутренних конфликтов, особенно сепаратистских войн, тогда в конфликте оказываются задействованными две социально-культурные среды. Одна - это культура местного сообщества, от имени которого в котором действуют инициаторы вооруженного сепаратизма и где, как правило, разворачивается сама драма конфликта. Вторая - это среда доминирующего общества, т.е. социально-культурная среда всего государства, от имени которого осуществляется воленавязывание, включая применение вооруженной силы против сторонников явочной сепаратизма.

Поэтому социально-культурная среда чеченской войны - это далеко не только культура населения Чечни и тем более не только чеченская культура. Это и общероссийский культурный контекст, в котором оказалась позволительной данная война со всеми ее неоправданными жестокостями и фантастическими нелепостями. Причем, обе эти среды не являются такими не связанными друг с другом субстанциями, как, например, американское общество и то население, которое авиация США бомбит, так как предполагает, что там находятся сторонники международного терроризма, как, например, на территории Афганистана.

В случае внутривосударственного конфликта сепаратистского толка культура мятежного региона составляет хотя и отличительную, но все же часть общекультурной среды государства, как бы ни старались сторонники сепаратизма и "борцы за свободу" представить обе среды двумя несовместимыми субстанциями. Культура Каталонии при всем ее своеобразии есть часть общеиспанской культуры, и эти две среды никогда не смогут поделить между собой художника Пабло Пикассо - уроженца Барселоны, ибо он одновременно принадлежит обеим культурным средам и составляет часть как каталонской, так и более широко - испанской культуры (а еще свою долю претензий на его творчество может выдвинуть и Франция). Точно так же творчество великого чеченского артиста Махмуда Эсам-баева принадлежит чеченской, еще шире - вайнахской (чечено-ингушской), еще шире - северо-кавказской и еще шире - российской культурам.

Знание и понимание отличительных черт чеченской культуры не должно приводить к игнорированию культурных схожестей разделяемых всем населением государства культурных норм и ценностей, сложившихся на основе доминирующей в нем русскоязычной российской культурной системы. В современном культурном арсенале чеченцев (имеется в виду ситуация до начала 1990-х годов) было и остается гораздо больше элементов от региональной северокавказской, от общероссийской и от общемировой культурных систем, чем тот набор культурного материала, который можно определить как "собственно чеченский". Даже историко-археологические культурные комплексы, относящиеся к эпохам, когда межчеловеческие взаимодействия были меньшими, а групповые границы — более жесткими, даже эти комплексы трудно разделить между нынешними претендентами на культурные памятники и на культурных героев. Во-первых, сами общности-группы стали другими, а во-вторых, даже в том далеком прошлом культурное производство не было изолированным, а культурная диффузия сделала трудным установление исключительного авторства на генеалогическое родство. Кому принадлежит аланская культурная традиция? - Ясно, что не только одним современным осетинам. Кто потомки творцов уникальной каменно-башенной архитектуры Чечено-Ингушетии? - Ясно, что не одни только чеченцы и ингуши.

Историко-археологические памятники на территории Чечено-Ингушетии составляют часть культурного наследия живущих на данной территории чеченцев и ингушей не потому, что представители двух народов могут быть единственными потомками творцов этих памятников, а потому, что эти памятники создавали и составляют ныне культурную среду обитания чеченцев и ингушей.

Однако уже более поздние эпохи и тем более современная жизнь наполнили культурную среду Чечни более сложным содержанием. Мусульманские кладбища и мечети — это свидетельство проживания здесь носителей одной религиозной традиции, а православная церковь — это уже другая традиция. Но сотни республиканских библиотек и кинотеатров, музеев и творческих ансамблей, архитектура Грозного до его разрушения — это уже среда, которой невозможно придать исключительно этническую принадлежность. Это есть общее культурное достояние населения республики, равно как Государственная Третьяковская галерея, поэзия Пушкина и Лермонтова есть общее достояние россиян, включая чеченцев и ингушей. Поэт-чеченец, пишущий стихи на русском языке, - это художник, участвующий в производстве как чеченской, так и российской (русскоязычной) культуры, но только если стихи этого поэта читают как в чеченском селе, так и в Рязани.

Если его не читают ни там, ни тут, то это не поэт как состоявшееся культурное явление или поэт в будущем, если вдруг он обретет запоздалое признание.

Написанные на русском языке или переведенные с чеченского языка на русский произведения писателя М.А. Мамакаева бесспорно принадлежат чеченской культуре, но их читательская аудитория и сфера воздействия гораздо шире. Возродившийся в Москве молодежный танцевальный ансамбль "Ловзар" — это творчество чеченского руководителя-постановщика, мальчиков и девочек, выехавших из Чечни, но зритель на концертах этого коллектива самый разный. Поэтому мы можем говорить не только о культурном производстве, но и о культурном потреблении. В последнем случае среда всегда шире и сложнее по своему составу. Так, например, рожденная в период чеченской войны песенная попса, исполнявшаяся среди воевавших и невоевавших чеченцев, пользовалась популярностью и среди российских военнослужащих, ибо была исполнена по законам массовой молодежной культуры. В то же самое время главной формой информационно-культурного воздействия на население в последние десятилетия в Чечне было и остается так называемое "центральное" (советское и затем российское) телевидение, через которое транслируются и утверждаются как общероссийские культурные формы и ценности, так и мировая массовая культура. Любителей смотреть latinoамериканские сериалы в Чечне не меньше, чем в той же Рязани.

Однако если культурная среда российских регионов и территорий преимущественного проживания представителей той или иной этнической общности не имеет радикальных отличий от общей культурной среды государства, тогда почему в одном регионе возникают насилие, война и торговля заложниками, а в других регионах и сообщества сохраняются мир и социальный порядок? Смею утверждать, что культура и этническая отличительность имеют ко всему этому косвенное отношение. Нет культур, предрасположенных к войне, т.е. более воинственных и менее воинственных народов. Этнокультура нейтральна в отношении насилия. Насилие было и есть в любой культуре, а представители любого народа могут быть инициаторами и участниками насилия. Но тогда почему существует столько мифов и серьезных сочинений об особой воинственности горских или других народов, особенно в историческом прошлом?

Ответ следует искать не в самой этнокультуре, а в социально-исторических условиях и в конкретно-историческом опыте, которые также могут стать в определенных условиях частью культурной традиции. Безусловно, что в давние исторические эпохи системы жизнеобеспечения человеческих коллективов, функционирование политических коалиций и их взаимоотношения включали войну, особенно в форме набегов, так же, как повсеместно было распространено использование рабского труда пленников.

Бесспорным представляется и то, что исторические эпохи раннего средневековья и образования колониальных империй были наполнены насилием религиозных войн и походов, "покорением земель и народов", колониальными военными кампаниями. В эпоху становления современных государств почти все регионы мира, включая "цивилизованную" Европу, познали бисмарковскую политику покорения "огнем и мечом" или ермоловскую политику "замирения инородцев". На смену пришли мировые войны, затем антиколониальные батальи, которые оставили мало мест на Земле, где бы человеческим коллективам и носителям разных культур и религий удавалось проживать в мире и согласии.

На протяжении прошлых эпох можно проследить только одну общую закономерность: территории, ресурсы, власть и политика, вера и идеология гораздо чаще служили аргументами войны и насилия, а не сами по себе приверженность к той или иной культуре и языку, а тем более культурные различия. Поэтому худшей формой культурного релятивизма (точнее - культурного фундаментализма) являются выводы, что те или иные современные народы больше склонны к тому, чтобы "бегать с автоматом по горам (джунглям, равнинам, болотам)", а другие больше склонны к мирной жизни.

Насилие присутствует во всех прошлых культурах, как и опыт мирного взаимодействия. В зависимости от желания и политической установки из этого опыта можно извлечь и задействовать в качестве современного аргумента или то обстоятельство, что настоящие японцы (швейцарцы и др.) не могут жить без оружия — самурайского меча (ружья или пистолета), или же то обстоятельство, что японцы исповедуют самую мирную религию и этику жизни, а швейцарцы последние двести лет ни с кем не воевали.

Точно так же среди чеченцев и в отношении чеченцев в последнее десятилетие из прошлого были извлечены (а чаще — просто выдуманы) и использованы те моменты и тот опыт, которые соответствовали политическому проекту "национально-освободительной революции" или борьбе с "криминальным режимом". Особенно энергично были задействованы даже не исторические данные (все-таки имам Шамиль был выходцем из Дагестана, а вооруженное сопротивление царизму оказывали не только чеченцы), а литературные метафоры из творчества Льва Толстого и Александра Солженицына вместе с мало проверенными фольклорно-этнографическими версиями.

Гораздо серьезнее следует отнестись к вопросу о воздействии на чеченцев коллективной травмы сталинской депортации, ибо почти для всего взрослого населения это была часть их прожитой жизни, а не вычитанная из книг история. Но и здесь следует иметь в виду, что не столько сама депортация, сколько ее драматическая презентация в метафоре "народоубийства" оказала воздействие на формирование наиболее радикальных установок в Чечне в отличие, например, от Калмыкии, народ которой пережил аналогичную травму.

Именно политико-идеологическая среда в сочетании с нерешенными проблемами социального обустройства жизни местного населения, особенно сельской мужской молодежи, послужили питательной основой для организации вооруженного сопротивления государству. Уже позднее к этому добавилась логика войны: жестокость за жестокость, мщение за человеческие смерти и разрушения, смена лозунгов в пользу религиозного экстремизма в форме "священного джихада".

Таким образом, сама по себе современная культурная среда Чечни и культура чеченцев не могут рассматриваться как субстанции, в которых заложены предрасположенность к насилию и к отторжению порядка, а также неистребимое стремление к государственной независимости и к неприятию общероссийского социально-культурного пространства. Все эти версии появились в ходе самого конфликта, постфактум, как рационализации, хотя внешне эти объяснительные модели могут выглядеть довольно привлекательными и политически корректными для борцов против "последних империй" и для защитников "угнетаемых меньшинств".

В истекшем столетии чеченская культура пережила огромные трансформации на путях модернизации и интеграции в общероссийский (общесоветский) контекст. В 1920-30 годах и в последепортационный период в культуре Чечено-Ингушетии произошли особенно быстрые перемены, обеспечившие институциональные, кадровые и содержательные основы разнообразного и богатого культурного производства на основах светской и европейской традиции, в рамках которой развивалась вся советская культура. Это трудно отрицать, даже признавая все те деформации и преступления, которыми сопровождалась политическая практика Советского государства. К последним относятся репрессии, включая депортацию 1944 г., борьба с религией и традиционными правовыми нормами (адатами), форсированная языковая ассимиляция в пользу русского языка, дискриминация чеченцев в общественной жизни.

Схожие или другие формы прямого и косвенного насилия со стороны существовавшего политического и идеологического режима испытывали многие другие этнические общности, а воинствующий атеизм и репрессии затронули все население страны. Однако период пребывания Чечни в составе Российского государства, включая и советский период, не может рассматриваться как время деградации или колониального состояния чеченской культуры. Убедительное тому подтверждение может быть найдено в простых сравнениях социально-культурных условий жизни довоенной Чечено-Ингушетии с такими регионами колониального господства и доминирующей исламской традиции, как, например, Афганистан и Пакистан. Демодернизация и разрушение культурной среды произошли уже в годы местной политики радикальной суверенизации и самой войны. И это следующая крупная проблема в теме "война и культура".

Война в Чечне унесла десятки тысяч человеческих жизней, разрушила основы социальной жизни, нанесла огромный ущерб культуре проживавшего в этом регионе населения. Прежде всего и больше всего пострадал собственно чеченский компонент культуры Чечни, ибо Ингушетия смогла выйти из зоны самопровозглашенной независимости и из-под власти экстремистского режима, а русский компонент культуры слишком велик, чтобы его уничтожение в одном из регионов страны могло оказать ощутимое воздействие на русскую культуру в целом. Конечно, мы не ведем здесь речь о жизнях, имуществе и судьбах русского населения Чечни, включая представителей профессиональной культуры, которые оказались среди первых жертв конфликта. Особенно если учесть, что основной зоной материальных и культурных разрушений стал город Грозный, большинство населения которого были русские.

Почему в войне больше всего пострадала чеченская культура? Потому что территория республики была основным средоточием ее воспроизводства и основным местом проживания чеченцев. Конфликт оказался настолько разрушительным по своим масштабам, что его воздействие на чеченскую культуру может иметь и необратимые последствия. Прежде всего речь идет о двух невосполнимых утратах. Во-первых, это уничтожение значительной части достояния художественной культуры (историко-архитектурные памятники, музейные ценности и творческие коллективы) и эпистолярного документального наследия (архивные документы, аудиовизуальные коллекции, домашние собрания фотографий и переписки и т.п.), которые сгорели или исчезли в ходе войны. Во-вторых, это исход значительной части культурной элиты за пределы Чечни, куда большинство ее представителей уже никогда не вернется, а воспроизводство новых кадров потребует два-три поколения.

Имеются и другие разрушительные воздействия и деформации, которые еще в полной мере не осознаны. Это касается не только подрыва всей институциональной и материальной основы развития и функционирования культуры, но и деградации морально-духовного климата в республике. Десятилетие после 1991 г. было не только временем отторжения старой советской культуры и идеологии (этот процесс переживало все население страны), но и временем частичной смены основополагающих ориентации.

В годы войны в Чечне была сделана попытка замены светской культуры на культуру исламистского толка, которая зиждется на религиозной доктрине. Провал радикального исламизма в форме так называемого ваххабизма привел к дискредитации ислама, но сам по себе возврат религии в духовную жизнь чеченцев имел место. Война с ее ужасами и безысходностью способствовала распространению веры во Всевышнего. Это никак не относится к категории негативных воздействий на культуру, но послевоенная культура Чечни уже будет другой культурой, в которой светскость уступит часть своего места религиозной стороне культурного производства. Эти моменты найдут отражение в содержании и формах чеченской культуры, включая и художественное творчество.

Сама по себе война уже стала и надолго останется одной из главных тем чеченской художественной культуры. Писатели, драматурги, художники не смогут уйти от величайшей драмы в истории собственного народа, и это будут болезненные и трудные поиски ответов при неизбежном отсутствии единой версии происшедшего, ибо война расколола чеченское общество в его политических и идейных симпатиях. Трудно даже предсказать, как все эти интерпретации будут восприниматься чеченцами, не говоря уже о восприятии чеченских версий войны остальным российским обществом. Здесь также имеют место культурные версии чеченской войны, которые далеки от установак на примирение и интеграцию.

Самое печальное - это своего рода перенос творческих наработок и штампов, накопленных при разработке тем войны с Германией и войны в Афганистане, на осмысление войны в Чечне. Будучи по своей сути войной гражданской, она в некоторых российских версиях (фильмы и книги) предстает как очередная война народа с внешним врагом. Произойдет ли сближение культурных интерпретаций войны в Чечне во имя примирения, сейчас сказать очень трудно, ибо в России есть свои жертвы и герои, которые имеют свои представления о событиях этой войны.

Третья фундаментальная проблемы темы "война и культура" в контексте событий в Чечне — это роль культуры в процессе восстановления мирной жизни в разрушенной республике. Никакие силовые, экономические и социальные меры не будут достаточными для решения этой задачи, если не будут предприняты усилия по восстановлению культурной сферы, и прежде всего собственно чеченской культуры. Художественное творчество и другие формы культурной деятельности обладают одним из важнейших свойств, которые не смогут заместить никакие политические и другие меры. Речь идет об изживании травмы войны через мир воображаемой жизни, через сценическое творчество и театральную игру, которые способны перебросить мостик между реалиями войны с ее жестокостью и реалиями мирного существования с его спокойствием.

Как известно, художественное творчество создает некий третий мир - воображаемого и желаемого идеального. И в отличие от религиозной веры (воздействие которой в чем-то сходно с воздействием искусства) художественные образы обладают не просто терапевтической силой, но и мобилизуют людей на определенные действия. Не зря иногда говорят, что "культура лечит", а в данном случае она действительно может играть роль исцелителя. В течение 2001 г. мне приходилось дважды наблюдать, как в московских концертных залах представители чеченской общины переживали выступления профессиональных артистов (певцов, танцоров, музыкантов). Для них это были не просто развлекательные или патриотические мероприятия (программы включали выступления представителей чеченской культуры), но это были одухотворяющие акции, помогающие поверить в лучшую жизнь. После этих концертов менялись не только настроения, но даже лица людей. И я полагаю, что этот ресурс должен быть задействован уже сейчас, как бы невероятно трудным ни было возрождение чеченской культуры после трагедии войны и сохраняющегося в Чечне и в России в целом противостояния, вызванного этой войной.

Одним из средств перехода общества к миру через культуру является распространение достоверных научных знаний о культурном достоянии и о культурных достижениях чеченского народа. Предлагаемая читателю книга, написанная специалистами по истории и культуре Чечни, может стать одной из таких необходимых акций.

У.Ш. Масаев

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ ЧЕЧНИ

Часто меняющийся в последнее десятилетие общественно-политический климат в нашей стране не оздоровил организм российского общества, а, напротив, способствовал возникновению в некоторых регионах глубоких противоречий в национальных взаимоотношениях. Надежда народов России на подлинно демократическое обустройство страны не оправдалась, их мечты не сбылись, более того, на примере Чечни мы видим, как грубо попираются права человека и его достоинство.

Не трудно представить душевное и физическое состояние чеченского общества, которое вместе со всеми россиянами пережило политические и социально-экономические потрясения и к тому же оказалось в пламени двух разрушительных войн. Эти факторы, несомненно, негативно воздействовали на убеждения и нравственные представления человека. Основы некогда цельного чеченского общества сегодня сильно поколеблены.

Для объективной характеристики целесообразно проследить его трансформацию за последние 10-15 лет. Определяющее влияние на него оказали, в первую очередь, суровые и даже жестокие события: "парад суверенитетов", начавшийся в 1991 г., военные действия в Чечне (1994—1996), строительство так называемого "исламского государства" (1997-1999) и, наконец, продолжающееся с 1999 г. по настоящее время военное противостояние двух враждующих сторон.

До распада Советского Союза в Чечено-Ингушской АССР, где проживали представители 101 нации и народа, не проявлялась открытая дискриминация по национальному, религиозному и другим признакам. По уровню уголовных преступлений Чечено-Ингушетия занимала последнее место в Советском Союзе.

Однако проблемы межнациональных отношений здесь все же существовали, хотя и были загнаны вглубь.

Война 1994-1996 гг. разрушила почти всю инфраструктуру экономики и социальной сферы, систему образования, здравоохранения, культуры и просвещения. Произошел массовый исход мирного населения республики в соседние и дальние регионы России, во многие страны мира.

Надежды подавляющей части населения, голосовавшего за президента А. Масхадова, к сожалению, не оправдались. А. Масхадов повторил предшествовавший режим, и даже в худшем варианте. Возрос национальный и религиозный радикализм. Усилилось военное противостояние с федеральным Центром. Израненная, голодная и больная часть народа, оставшаяся в республике, не смогла противостоять надвигавшейся трагедии. Новая война с Россией привела к большим жертвам среди мирного населения и разрушениям.

В настоящее время анализ состояния чеченского общества следует производить с учетом того факта, что одна часть населения, несмотря на неопишуемые тяготы жизни, еще проживает в Чечне, в то время как другая — большая часть — в качестве вынужденных переселенцев находится в различных регионах Российской Федерации.

Наиболее распространенными формами самоорганизации и самосохранения чеченской общины стали благотворительные фонды, культурные центры, общества национальной культуры, общественные движения и общественно-политические организации и блоки. Приоритетной задачей общественных организаций является проблема адаптации обездоленных людей к новым условиям жизни, их моральная и, по возможности, материальная поддержка, правовая защита, организация лечения и медицинского обслуживания огромного количества раненых и изувеченных людей, особенно детей. Большая работа проводится совместно с Российским детским фондом по программе "Фронтовые дети Чечни" (руководитель программы Л.К. Крыжановская). Также комплектовались бригады врачей для отправки в полевые госпитали Чечни, организовывался сбор медикаментов, приобретались медицинский инструмент и оборудование. Предпринимались первые попытки спасения культурного достояния Чеченской Республики. Создавались культурные центры (Чеченский этнокультурный центр в Грозном — С. Хасиев; музей Арби Мамакаева в Надтеречном районе, Чеченский культурный центр в Москве под руководством профессора Ж. Гакаева, Общество чечено-ингушской культуры "Даймохк" — руководитель А. Апаев и т.д.). В Грозном, расчищая площадки среди развалин драматического театра, прямо на улице проводил репетиции с детьми руководитель молодежного ансамбля народного танца М. Тахаев. Незабываемое впечатление осталось от первого послевоенного (точнее сказать, междувоенного) концерта артистов чеченской эстрады в Москве 17 октября 1996 г. Люди со слезами на глазах встречали каждое выступление артистов, горячо благодарили организаторов концерта из общества "Даймохк".

Большую роль в сохранении и формировании культурного пространства в расчлененном чеченском обществе сыграли создавшиеся общественные движения, где объединялись силы писателей и ученых, студентов и аспирантов, общественных и политических деятелей,

предпринимателей и бизнесменов. Организовывались выпуски газет и книг, научные конференции, выступления в СМИ представителей чеченской интеллигенции. В целом, общественные движения, работающие в основном без поддержки государства, на одном энтузиазме и чувстве сопричастности с бедами в Чечне, призваны сыграть существенную роль в сохранении оставшегося после двух войн национально-культурного достояния чеченского народа.

В начале 1980-х годов национальное самосознание и чеченскую историю стали намеренно отрывать от огромного духовного, научного, творческого потенциала республики. И это тяжелое прошлое явилось вновь как злая память о перенесенных страданиях. И опять, как сказал наш поэт: "Россия воюет с Россией, Чечня убивает Чечню".

После первой и особенно в ходе второй чеченской кампании чеченская интеллигенция осознала, что самый верный путь к сохранению и оздоровлению народа — это возвращение его в российское и мировое сообщества посредством просвещения и подъема национального самосознания. В условиях тотального разрушения экономики, социальной сферы, центров образования и культуры названная проблема многократно усложнилась. Поэтому ее решение не под силу только одним государственным структурам, нужны еще добрая воля и пробуждение у народа национальной гордости. Сейчас чеченский народ переживает этап истории, очень созвучный истории русского народа 1870-х годов, когда за его просвещение взялись народники. Да, сегодня нам нужны новые подвижники, которые пошли бы в народ для спасения его от тьмы невежества, нейтрализации в нем созревших и в будущем возможных сепаратистских настроений.

Во многом этими мыслями руководствовалась группа ученых и предпринимателей, создавших в 1998 г. в Москве межрегиональное общественное движение за развитие культурных и общественно-политических связей с Чеченской Республикой "Новое время".

Стимулом для создания движения послужила боль за свою родину — Чечню. Это скорее экономическое движение, чем политическое. Название "движение" говорит о том, что мы отбрасываем все старое и отжившее, начинаем отсчет новой эпохи. И возрождение республики должно начинаться с труда.

Основная цель нашей деятельности — оказание помощи народу в восстановлении экономики и развитии социальной инфраструктуры республики. Предприниматели, бизнесмены, представители интеллигенции, создавшие движение "Новое время", участвовали в благотворительных акциях, проведенных среди беженцев в Ингушетии и в Тверской области, оказывали материальную помощь людям, приехавшим с ранеными детьми в Москву, а также оказавшимся без средств на питание, медикаменты, обратный проезд в Чечню и т.д.

"Новое время" и его филиалы в различных регионах РФ значительно активизировали работу среди беженцев и вынужденных переселенцев. Одновременно разрабатывалась концепция газеты движения - "Зов времени", которая в качестве приоритетных публиковала материалы культурно-просветительного характера, освещала духовно-нравственные вопросы и актуальные проблемы современного чеченского общества. Газета нужна, чтобы отстаивать правду о нашем народе. "Желтая" пресса давно сделала из чеченцев бандитов и работяг, отказав им даже в умении трудиться. Наше движение призвано восстановить историческую справедливость.

В ноябре 2001 г. газета "Зов времени" объединилась с газетой "Свет Родины", учредителем которой является общественная организация "Союз возрождения мира и согласия в Чеченской Республике" (председатель — депутат Государственной думы РФ А. Аслаханов).

Движение "Новое время" помогает национальной и русской интеллигенции (мы профинансировали издание справочника Союза писателей Москвы), учредило ежегодные премии за лучшие произведения чеченской литературы, именные стипендии для студентов-отличников Чеченского университета и Грозненского нефтяного института.

В настоящее время наше движение готовит программу культурно-просветительной работы в восстанавливаемой республике, где предусматривается печатание и распространение "Объединенной газеты", шефство над возрождаемыми учреждениями культуры, внедрение новейших технологий в промышленности и сельском хозяйстве, новых форм малого и среднего бизнеса.

Темпы национально-культурного возрождения Чеченской Республики в значительной степени будут зависеть от выполнения первоочередных мер по нормализации ситуации в Чечне: прекращения военного противостояния, восстановления органов республиканской власти, создания гарантий безопасности и приемлемых социально-бытовых условий для возвращения беженцев; восстановления важнейших объектов в сфере экономики, обеспечения работой трудоспособной части населения; восстановления и строительства школ, средних и высших учебных заведений, театров, музеев, библиотек, типографий, радио- и телецентров и других объектов культуры.

В новых условиях общественные движения будут содействовать осуществлению этих мер и готовы использовать свой опыт работы для консолидации чеченского общества, формирования современного общественного сознания, развития национально-культурного потенциала Чеченской Республики.

Большая нравственная задача легла сегодня и на деятелей культуры России. Они обязаны протянуть руку помощи чеченскому народу в деле восстановления его культуры. Да и мировое сообщество не должно оставаться равнодушным зрителем того, как постепенно уничтожается древняя культура чеченского народа. Было бы очень своевременным, если бы ЮНЕСКО объявило будущий год годом восстановления чеченской культуры.

РАЗДЕЛ II

В.И. Козенкова

ДРЕВНИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАХСКОГО ЭТНОСА (к истокам горского менталитета)

Вопросы происхождения культуры, основ творчества и особенностей искусства в разных его проявлениях всегда были на острие внимания наиболее активной и, как бы сейчас сказали, пассионарной части любого народа. Не составляют в этом исключения народности нахского происхождения, в частности чеченцы и ингуши.

Конечно, чем глубже попытка заглянуть в толщу истории со стороны ученых-кавказоведов самых разных специальностей, тем больше их ответственность за высказываемые гипотезы, поэтому необходимо системное рассмотрение вопроса с привлечением всего комплекса знаний по истории народа.

Я постараюсь изложить наиболее устоявшуюся часть выводов по результатам многолетних работ, начиная с конца 1930-х и кончая 1980-ми годами, на территории Чечни и Ингушетии целой плеяды археологов относительно древней основы культурного наследия нахского этноса, по крайней мере с эпохи поздней бронзы и раннего железного века. По сути, речь идет о значении культурного субстрата в поздних проявлениях местной традиционной культуры в определенном географическом анклав Кавказского региона. Такие проявления в обществе автохтонного населения отмечаются вплоть до современности. О подобной ситуации как нельзя более выразительно свидетельствуют археологические памятники восточного варианта знаменитой кобанской культуры (XI-IV вв. до н.э.), зона распространения которой охватывала в гидрографическом плане Аргуно-Сунженский "куст", включавший высокогорье и предгорные части современной Чечни - коренного места проживания чеченцев.

Кобанская археологическая культура получила свое название по первым открытым памятникам у аула Кобань в Северной Осетии в 1869 г. Изучение ее на протяжении более 100 лет показало, что эта культура была древнейшим культурным субстратом в культуре многих народов Северного Кавказа, а не только вайнахов. Она составляет древнейший пласт в национальных культурах адыгов, балкарцев и осетин.

На востоке кобанские племена появились в самом конце II или на рубеже II — I тысячелетий до н.э. Территориально эта группа занимала северо-восточную часть Кавказа: бассейн р. Сунжи и среднее течение р. Терек.

На юге граница расселения проходила по верховьям рек Шаро-Аргун и Чанты-Аргун и по северным отрогам Пастбищного и Андийского хребтов. На севере она очерчивается в основном по правобережью Терека. Западная граница расплывчато фиксируется в междуречье Ассы и Терека, а восточная - по бассейну р. Аксай, захватывая частично ее правый берег.

В настоящее время лучше и полнее изучены предгорные памятники, однако отрывочные данные показывают, что близкородственные группы населения занимали и горные районы Северо-Восточного Кавказа.

Особенности культуры восточного варианта выявлены благодаря более чем 100

памятникам, поселениям, могильникам, отдельным вещевым комплексам икладам воинского снаряжения VIII-VII вв. до н.э. Наиболее известные из них Сержень-Юртовское, Алхастинское, Бамутское, Нестеровское, Курчалоевское поселения; могильники Пседахский, Ахловский, Нестеровский, Луговой, Урус-Мартановский, Сержень-Юртовский, Майртуп, Ахкинчу-Борзой, Аллеро-евский, Исти-Суйский и частично Зандакский; клад у с. Кескем. Все они позволяют документировать разные периоды развития ко-банской культуры в Аргуно-Сунженском бассейне и междуречье Хулхулау и Аксай.

По основам своего быта, уклада, хозяйства восточные кобанцы в эпоху поздней бронзы были оседлыми племенами, глубоко местными по своим корням, но впитавшими и творчески воспринимавшими чужеродные культурные элементы. Определяющими облик материальной культуры оказались те элементы, что были характерны и для населения районов Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Кисловодской котловины и Пятигорья и горных районов Карачаево-Черкесии.

Восточные кобанцы обитали в небольших поселениях, не имевших строгой планировки. Некоторые из поселений (Сержень-Юрт) имели естественно укрепленные убежища на случай опасности. В настоящее время известно не менее 50 поселений, но степень изученности их различна и в целом не достаточна. Лучше всего обследованы Сержень-Юртовское, Бамутское, Алхастинское, Нестеровское поселения и Курчалоевский зольник. По характеру культурных слоев они обнаруживают большое сходство с поселениями центрального варианта кобанской культуры (Змейское поселение).

Для поселений восточного варианта характерны наземные "тур-лучного" типа дома со стенами, возведенными из плетня и обмазанными глиной. Нижняя часть зданий укреплялась глиняными блоками (Сержень-Юрт) или булыжником (Сержень-Юрт, Бамут). Планировку поселка, вернее, ее элементы удалось зафиксировать лишь на Сержень-Юртовском поселении. Здесь четко выявлено поквартальное размещение бытовых комплексов (жилищ, производственных и культовых сооружений), разделенных узкими улицами. Улицы были вымощены булыжником среднего размера. Всего в слое конца XI—VII вв. до н.э. открыты 4 такие мостовые.

Мостовые Сержень-Юртовского поселения пока уникальны в археологии Кавказа. Они являются ценным свидетельством бытования элементов сельского благоустройства у населения восточного варианта кобанской культуры. Мостовые - явление местное, порожденное конкретными условиями быта, но возникшее на Северо-Восточном Кавказе, возможно, еще в конце II тысячелетия до н.э.

Приемы домостроительства во всех поселениях восточного варианта кобанской культуры были одинаковыми. Поквартальное разделение поселка, остатки многокомнатных помещений показывают, что основной хозяйственной единицей у восточных кобанцев в начале I тысячелетия до н.э. была большая патриархальная семья.

Кладбища населения восточного варианта кобанской культуры располагались вблизи поселений. Для погребального обряда характерны грунтовые могильники, с захоронениями по обряду ингумации, индивидуальные, изредка парные, в скорченной позе на боку. Особенность некоторых могил: захоронение вместе с покойным взнузданного коня. Особенно выразительны в этом плане погребения у с. Сержень-Юрт.

Основу хозяйства племен восточного варианта кобанской культуры в первой половине I тысячелетия до н.э. составляли скотоводство и земледелие. Скотоводство горной зоны специализировалось на разведении мелкого рогатого скота, в основном овец. В предгорных районах оно носило придомный характер, с преобладанием в стаде свиней. Крупный и мелкий рогатый скот на летний период отгонялся на горные пастбища, а зимой содержался на заготовленных кормах. Заметное место в скотоводстве занимало разведение коней.

Домашние ремесла восточных кобанцев в ряде элементов глубоко традиционны. В гончарстве они сказывались в доживании до эпохи раннего железа орнаментов и форм сосудов, а также в технологии эпохи бронзы. В металлообработке такие методы, как ковка, литье в одностворчатых формах, литье по восковой модели, чеканка пунсонного орнамента, уходят своими корнями во II тысячелетие до н. э., а может, и в более раннее время. В равной степени это относится и к некоторым формам металлических изделий (булавки сволотообразными навершиями, многовитковые браслеты, круглые височные кольца, очковидные привески и т. д.).

Можно говорить о древних основах культурного наследия нахского этноса потому, что археологи располагают тысячами древних изделий художественной выразительности разных этапов развития восточного варианта кобанской культуры. Эта серийность многих категорий вещей позволяет проследить их эволюцию не только в форме, но и во времени.

По совокупности материальных признаков-маркеров, например, таких, как мелкие особенности погребального обряда, не повторяющиеся нигде специфические формы личных

украшений костюма и головного убора, особая манера сочетания разных форм предметов, выявляется в целом своеобразный культурный регион, где на протяжении длительного времени прослеживается уникальное проецирование сходных этнографических (и палеоэтнографических) черт на один и тот же этнос. Изучение всей совокупности данных позволило нащупать основополагающее число археологических критериев, несущих этногенетическую информацию. Главные из них, на мой взгляд, следующие:

1. Общее знание об автохтонности культуры на основе комплексного использования информации смежных дисциплин (этнографии, языкознания, антропологии и т. п.).

2. Выявление устойчиво повторяющегося, специфического для одного или нескольких групп памятников комплекса признаков-маркеров.

3. Обозначенные объективно мельчайшие типологические особенности предметов, указывающие на коренной, а не пришлый характер их появления.

4. Выявленное, ясно улавливаемое на основе количественных данных постоянство массового и компактного распределения форм и явлений древней культуры в определенных пространственных границах.

5. Прослеженное явление фенетического характера, а именно — восприятие и избирательность несколькими поколениями родственной группы к тем или иным формам предметов личного пользования, устойчивость вкусов семьи и рода к форме, цвету, конфигурации и орнаментике бытовых вещей. В обыденном сознании последнее воспринимается как традиция или подсознательное восприятие биологической непрерывности этноса.

Обратимся к примерам материального характера, подтверждающим вышеозначенные тезисы и позволяющим говорить о правомерности ретроспекции некоторых форм материальной культуры вайнахов от современности в глубь веков.

В свое время глубокая традиция живучести компонентов кобанской культуры в культуре ингушей отмечалась глубочайшим знатоком горских древностей профессором Е.И. Крупновым. Так, он указал на то, что могила в форме каменного ящика, типичная для кобанской культуры, дожила в Ингушетии до XVIII в. Как о прототипах металлических блях, украшавших головной убор женщин-ингушек (курс-харе) XVI в., писал исследователь о бляхах из могильника V в. до н. э. Мужичи в Ассинском ущелье. Как показали раскопки Сержень-Юртовского могильника, эта традиция в оформлении женского головного убора прослеживается вглубь даже до конца II — начала I тысячелетия до н. э. То же самое можно сказать о бронзовых серьгах беконической формы, которые появляются в памятниках кобанской культуры в скифский период (Нартан, Но вогрозненский, Пседахе) и доживают до XVII в. (Барзой). Выразительные манжетовидные браслеты - типичное украшение мужчин и женщин в могилах Сержень-Юртовского некрополя еще через 1000 лет встречены в высокогорных могилах IX в. могильника Кенхи. Прижились в местной горской среде также изящные солярные свастикообразные и зооморфные бронзовые бляхи для конской узды, появившиеся в культуре горной Чечни в VI в. до н. э. (могильник Галайты) и бытовавшие у вайнахов еще в VIII-IX вв. (могильник Кенхи).

Особо следует сказать о многочисленных массивных поясных пряжках - принадлежности мужского парадного воинского костюма. По крайней мере две разновидности таких пряжек сохранили достоверные промежуточные модификации формы от середины I тысячелетия до н. э. до развитого средневековья. Излюбленная подпрямоугольная форма особенно характерна для Веденского ущелья Чечни (с. Хатуни, Курен-Беной, Ведено, Элистанжи), Аргунского ущелья (с. Зоны) и бассейна р. Ассы (с. Мужичи) и Джей-раха (с. Ольгеты). Размеры этих поясов, особо пышная орнаментация, нахождение их в определенном строгом комплексе с другими предметами облачения в едином гарнитуре свидетельствуют о том, что они имели не только утилитарное значение, но и предполагали сакральные функции их владельцев как представителей высшего социального ранга, сочетавших военную и духовную власть. Так, великолепная пряжка из Элистанжи была отлита в индивидуальной литейной форме по восковой модели, так как выпуклый тонкий орнамент не имел последующей ювелирной отделки. В целом общий вид предмета размером, вычурным узором и даже массивностью (вес не менее 1 кг) был явно рассчитан на то, чтобы подчеркнуть общественную значимость и величие его владельца.

Не менее древнюю линию развития имели и пояса так называемой бабочкообразной формы. Это литые пластины, покрытые тонким гравированным орнаментом, центральное

место в котором занимали геральдически расположенные два стилизованных волка. Картографирование находок показало, что они характерны только для Аргуно-Сунженского бассейна. Их великолепные образцы найдены в Исти-Су, Ца-Ведено (ранние экземпляры), а поздние доживают до средневековья (Дай, Кенхи). Особенно уникальна пряжка, обнаруженная в Дайском могильнике XII в. М.Х. Багаевым. Эта пряжка не только сохранила древнюю форму, но ее орнамент несет в себе уникальную информацию, подтверждающую сакральность подобных предметов. На поверхности изображены символы плодородия в виде солярных значков-свастик и исполняющий ритуальный танец человек. Предпочтительность бабочковидной формы местным населением наблюдается и в подвесках ожерелья Кенхинского могильника VIII—IX вв.

Генезис некоторых форм и орнаментов можно проследить от периода кобанской культуры и позднее и на многих других категориях изобразительного искусства. Это и стиль изображения человека и животного, и стереотипы узоров в виде солнечного колеса и спиралей, и изображение человеческой "пятерни", известные как в эпоху бронзы, так и на средневековых башнях.

Сказанное выше о некоторых особенностях культурного наследия вайнахских народов ни в коем случае не означает прямую, а точнее, прямолинейную связь культуры этих народов с той, что была на Северном Кавказе, и в данном случае чеченцев и ингушей, 3000 лет назад, но и очевидные точки соприкосновения вряд ли следует игнорировать. По прослеженным вехам можно видеть сложный путь формирования культуры, раскрыть механизм сохранения автохтонности в культуре горцев. Секрет такого сохранения, как представляется, заключается в особом характере поведения субстрата под воздействием внешних факторов на протяжении ряда поколений. Теоретически он может проявляться либо в отторжении, либо в полном усвоении новаций, либо в адаптации к ним с порождением новой модификации предмета или другого признака, придавая тем самым культуре новое дыхание и не позволяя ей исчезнуть окончательно.

Такой подход не оставляет места для спекулятивных псевдотеорий об особой исключительности тех или иных современных народов Кавказа, иногда сознательно подогреваемых по политическому заказу безответственными людьми, обладающими властными рычагами.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.

Багаев М.Х. Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Козенкова В.И. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности. М., 1999.

Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (по материалам кобанской культуры) // Памятники раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

Крупное Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Р.М. Мунчаев

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЧНИ

(из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957-1968 гг.)

В настоящей статье речь пойдет не вообще об истории археологического изучения одной из важных составных областей Северо-Восточного Кавказа - Чечни. Мы ставим целью в краткой форме изложить наиболее существенные результаты деятельности Северокавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, обеспечившей подлинный прорыв в историко-археологическом изучении территории Чечни и позволившей восстановить основные этапы развития древней и средневековой истории и культуры страны вайнахов.

Северокавказских археологических экспедиций в академических рамках было несколько. Еще в начале 1930-х годов такая экспедиция, действовавшая в системе Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), вела успешные исследования в центральной части Северного Кавказа — в Кабардино-Балкарии. Можно сказать, ее преемницей стала во второй половине 1930-х годов экспедиция под руководством директора Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН, бывш. ГАИМК) профессора М.И. Артамонова, сосредоточившая свои изыскания на территории Северо-Восточного Кавказа, в частности Чечни. Широко известны, например, результаты проведенных

в 1937—1938 гг. одним из отрядов этой экспедиции под руководством А.П. Круглова и А.В. Мачинского раскопок могильника эпохи поздней бронзы у с. Харачой в Веденском районе¹. Именно после исследования данного памятника, оказавшегося аналогичным по многим особенностям погребального обряда и характера инвентаря могильнику у станции Каякент в приморском Дагестане, культура Северо-Восточного Кавказа позднебронзового века стала называться каякентско-хоро-чоевской*.

В те же годы другим отрядом Северокавказской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством М.И. Артамонова был исследован еще один интересный могильник у с. Исти-Су в районе Гудермеса. В нем было раскопано 20 погребальных комплексов раннежелезного века - середины I тысячелетия до н. э.² Можно указать и на то, что в предвоенные годы были проведены небольшие по масштабу

* Написание "Харачой" и "хорочоевская" объясняет М.Х. Багаев в своей статье (в сноске). - *Прим. ред.*

раскопки раннесредневекового катакомбного могильника у с. Дуба-Юрт.

К глубокому сожалению, эти успешно начатые работы на территории Чечни были прерваны в связи с начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войной. Когда исход последней уже был ясен, в истории чеченцев и некоторых других народов Северного Кавказа произошла большая, ничем не объяснимая трагедия: они были депортированы за пределы своей земли, в Среднюю Азию. С тех пор о них, живших и творивших на Кавказе свою историю и культуру с глубокой древности, пытались не вспоминать, предать забвению. И до второй половины 1950-х годов, когда была восстановлена ЧИАССР, на территории Чечни фактически не было заметных археологических работ. К таковым нельзя отнести раскопки в начале 1950-х годов нескольких погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа у с. Зандак в Ножай-Юртовском районе, проведенные экспедицией Дагестанского филиала АН СССР под руководством М.И. Пикуль.

В результате Чечня оставалась, по сути дела, белым пятном на археологической карте Кавказа. Именно из этого прежде всего исходил выдающийся советский кавказовед Евгений Игнатьевич Крупное, принявший в середине 1950-х годов решение перебазировать работы возглавляемой им Северокавказской экспедиции ИИМК АН СССР почти целиком на территорию Чечни. Как истинный ученый и человек с высокоразвитым чувством гражданского долга, он понимал, какая жестокая несправедливость была допущена в отношении вайнахов, балкарцев и карачаевцев. Искренне переживал трагедию этих народов, и когда встал вопрос о восстановлении автономии чеченцев и ингушей, счел первостепенной задачей сосредоточить свои работы главным образом на территории собственно Чечни как наиболее слабо изученной в историко-археологическом отношении области не только Кавказа, но, пожалуй, и всего Советского Союза.

До этого организованная Е.И. Крупновым сразу после окончания Отечественной войны Северокавказская экспедиция ИИМК АН СССР, Государственного исторического музея и Грозненского краеведческого музея проводила исследования в Дагестане, Кабар-де, западной части Грозненской области - в Ассинском ущелье и степных и полупустынных районах Северо-Западного Прикаспия. С 1952 г. основным объектом исследований его экспедиции стал могильник раннежелезного века у с. Мужичи (Луговое), на левом берегу р. Ассы в Ингушетии³.

Как известно, изучением истории и археологии Ингушетии Е.И. Крупное начал заниматься⁴ еще со студенческих лет. Его посмертно изданный труд по средневековой Ингушетии⁴ стал настольной книгой не только специалистов-кавказоведов, но и у представителей местной интеллигенции. Я уже не говорю о получившей всемирную известность монографии Е.И. Крупнова "Древняя история Северного Кавказа"⁵, удостоенной Ленинской премии.

Е.И. Крупнов пользовался большим авторитетом на Кавказе и в стране в целом не только как крупный ученый, но и как прекрасный организатор науки. Более 20 лет он являлся заместителем директора ИИМК — Института археологии АН СССР. И сразу после восстановления ЧИАССР он включился в ее культурное строительство и добился того, чтобы историко-археологическое изучение республики и главным образом территории собственно Чечни стало одним из приоритетных направлений в деятельности местных органов власти. Инициатива Е.И. Крупнова организовать крупную объединенную экспедицию с целью изучения археологии, древней и средневековой истории и культуры Чечни нашла полную поддержку в Москве и в Грозном. Такая экспедиция, в создании которой приняли участие, кроме Института археологии АН СССР, Республиканский краеведческий музей и вновь созданный НИИ истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР, начала функционировать с 1957 г. Она официально значилась как Объединенная Северокавказская экспедиция ИА АН СССР, НИИ при Совмине ЧИАССР и Чечено-Ингушского

краеведческого музея (СКАЭ). Благодаря ее беспримерным по масштабам целенаправленным стационарным и разведочным работам был осуществлен резкий перелом в историко-археологическом изучении Чечни, что позволило исследовать важнейшие этапы историко-культурного развития чеченского народа с древнейших времен до позднего средневековья. И в этом первостепенная заслуга принадлежит организатору и бессменному руководителю Северокавказской экспедиции Е.И. Крупнову. Я горжусь тем, что в течение десятилетия — по 1967 г. включительно — был активным участником этой экспедиции (в качестве заместителя начальника СКАЭ и руководителя одного из ее отрядов, сначала разведочного, а затем Бамутского) и совместно с Е.И. Крупновым способствовал всем ее начинаниям. Именно на некоторых основных результатах Северокавказской экспедиции, касающихся открытия и исследования ряда важных памятников древней истории и культуры Чечни, мне хотелось бы здесь специально остановиться.

Е.И. Крупновым была намечена широкая и долговременная программа археологических исследований в Чечне, прежде всего в ее предгорной и горной частях. Для ее выполнения и обеспечения должного масштаба работ необходимо было решить вопрос с кадрами экспедиции, способными квалифицированно провести археологическую разведку и особенно большие стационарные раскопки. С этой целью Е.И. Крупнов привлек к участию в экспедиции не только своих учеников, тогда еще молодых специалистов -Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, В.А. Кузнецова, В.И. Козенкову, но и таких уже признанных ученых, как Н.Я. Мерперт и В.П. Любин. Все они ныне являются крупными российскими учеными, докторами исторических наук.

Институт археологии АН СССР обеспечил экспедицию в должной мере и научно-техническим персоналом — лаборантами, чертежниками, фотографами, картографами, а также всем необходимым инвентарем и оборудованием и автотранспортом. В финансировании экспедиции принимали участие все три организации, но большую часть средств выделял всегда Институт археологии.

Особо следует сказать о том, что неоценимую помощь экспедиции оказали студенты Чечено-Ингушского государственного педагогического института, причем не только историко-филологического, но и других факультетов. Многие из них работали в экспедиции на летних каникулах из года в год, пока учились в институте и даже после его окончания. Уверен, что школа Северокавказской экспедиции оказалась весьма полезной для них во многих отношениях. Чрезвычайно важно подчеркнуть и тот существенный факт, что экспедиция вырастила местные кадры археологов, которые, пройдя школу СКАЭ и аспирантуру в Институте археологии АН СССР под руководством Е.И. Крупнова, стали высококвалифицированными специалистами своего дела. Можно для примера указать, что научную школу Е.И. Крупнова прошли ныне уже профессора М.Б. Му-жухоев, возглавляющий Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук, и М.Х. Багаев, являющийся в последние годы деканом исторического факультета Чеченского государственного университета.

Северокавказской экспедиции необходимо было прежде всего провести на территории Чечни широкую археологическую разведку, направленную на поиск разновременных памятников древности и средневековья: стоянок, поселений, городищ, курганов, грунтовых могильников, культовых объектов и т.д. Разведочными обследованиями экспедиция охватила почти всю восточную часть ЧИАССР — от бассейна р. Ассы до границ с Дагестаном, включая не только степные и предгорные районы, но и горные и даже высокогорные. Результаты не заставили долго себя ждать: здесь было выявлено значительное количество важных и разнообразных историко-археологических объектов. На целом ряде из них были поставлены многолетние полевые исследования, которые привели к весьма существенным открытиям.

В составе Северокавказской экспедиции в разные годы функционировали от трех до пяти отрядов. Палеолитический отряд экспедиции возглавлял известный специалист по древнекаменному веку Кавказа В.П. Любин (Ленинградское отделение ИА АН СССР); горный - В.И. Марковин; предгорный - Сержень-Юртовский - начальник экспедиции Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт, В.И. Козенкова; степной - Ме-кенский - Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт; разведочный и Бамутский -Р.М. Мунчаев (все - сотрудники Института археологии АН СССР).

Хотя работы по выявлению и изучению памятников палеолита Чечено-Ингушетии не были столь значительны по масштабам, тем не менее удалось выявить ряд местонахождений древнекаменного века. Одно из них, открытое близ с. Гамурзиево в Ингушетии, представляло собой остатки стоянки-мастерской. Там было найдено около 30 каменных изделий (преимущественно из андезита), относящихся к мустьерской эпохе палеолита⁶. А кремневые орудия верхнепалеолитического времени обнаружены как в Ингушетии (Экажево), так и в Чечне, в частности у с. Балан-Су, Ведено и Ца-Ведено⁷. Здесь выявлены также местонахождения и отдельные артефакты, относящиеся к сравнительно более поздним периодам каменного века — мезолиту и особенно неолиту⁸. Но, к сожалению, ни на одном из памятников каменного века Чечни стационарные работы провести до сих пор не удалось.

Несмотря на это, совершенно очевидно, исходя из добытых Северокавказской экспедицией подъемных материалов, что территории Чечни и Ингушетии, подобно соседним с ними Дагестану и Северной Осетии, были заселены человеком уже в древнекаменном веке, начиная по крайней мере с мустьерской эпохи. Это касается и горной части Чечни⁹. Доказательство того, что именно с палеолита в Чечне, как и в других сопредельных областях Кавказа, начался культурно-исторический процесс, следует признать одним из крупных достижений Северокавказской экспедиции.

К сожалению, также слабо изучены на территории Чечни памятники эпохи энеолита (медно-каменного века), относящиеся к начальному периоду использования человеком металла. Пока здесь исследованы два погребения (в г. Грозном и у с. Бамут), которые могут быть отнесены к данной эпохе¹⁰. Делать какие-либо широкие обобщения на их основании затруднительно.

Чрезвычайно плодотворными оказались раскопки памятников эпохи бронзы и раннежелезного века, проведенные Северокавказской экспедицией в целом ряде районов степной, предгорной и горной Чечни.

В степной зоне (в 1956 и 1959 гг.) был исследован большой курганный могильник, расположенный на северном берегу Терека у станции Мекенской в Наурском районе¹¹. Здесь было вскрыто шесть курганов, в которых оказалось 48 погребений, относящихся в большинстве случаев к разным периодам эпохи бронзы (III-II тысячелетия до н.э.), а также к скифо-сарматскому времени (IV-II вв. до н.э.)¹². Важное значение имело открытие в Мекенских курганах погребений, связанных не только с северокавказской культурой, но и с известными степными культурами Восточной Европы - ямной, ка-такомбной и срубной, а также - особо отметим - с майкопской культурой. Они засвидетельствовали не просто наличие контактов и культурного взаимодействия в эпоху бронзы племен Северного Причерноморья и Поволжья с Северным Кавказом, но и доказали факт периодического проникновения отдельных групп степного населения в Восточное Предкавказье.

Особый интерес вызвали исследованные здесь комплексы, отнесенные авторами раскопок к майкопской культуре. Представляется важным, что в одном из этих комплексов был небольшой черноло-щенный сосуд с ручкой, аналогичный по форме и цвету лощения горшкам из памятников Закавказья раннебронзового века (III тысячелетие до н.э.), т.е. куро-аракской культуры.

Чрезвычайно важные результаты были достигнуты экспедицией у с. Бамут Ачхой-Мартановского района (1958—1967). Уже в 1958 г. в итоге проведенной здесь разведки было открыто большое количество курганных насыпей (не менее 100), растянувшихся на многие километры от с. Ачхой-Мартан до с. Бамут. В процессе их исследования выяснилось, что здесь находятся, по крайней мере, два крупных разновременных курганных могильника. Один из них относится к позднему средневековью (XIV-XVI вв.) и состоит из двух групп курганов. Первая, включавшая в себя около 50 земляных насыпей, компактно располагалась на северо-западной окраине с. Бамут. Вторая, состоявшая главным образом из каменных насыпей, находилась в 0,5 км северо-восточнее первой, по краю террасы левого берега р. Фортанги. В ней было около 30 курганов. В 1959-1960 гг. на этом могильнике было раскопано 22 кургана, в том числе 16 - в первой группе и 6 - во второй. Они относятся к так называемым кабардинским курганам¹³. Наличие их здесь свидетельствует о проникновении кабардинцев после монголо-татарского нашествия в восточные районы Северного Кавказа. Возле с. Бамут экспедиция исследовала позднесредневековые склеп и четыре могилы, принадлежащие прямым потомкам чеченцев.

Значительно более широким раскопкам подвергся другой курганный могильник, относящийся к бронзовому веку. Он был расположен несколькими группами по левому берегу р. Фортанги, к северу, северо-западу и северо-востоку от с. Бамут и в основном в окрестностях и в самом хуторе Новый Аршти. В течение почти десяти полевых сезонов был исследован почти весь этот обширный могильник — раскопано более 50 курганов, содержащих не менее 250 погребений, большинство из которых относится к северокавказской культуре эпохи бронзы (II тысячелетие до н.э.). В 18 курганах древнейшие погребения принадлежали к известной майкопской культуре Северного Кавказа раннебронзового века¹⁴. Судя по находкам характерной керамики, погребения этой культуры были и в некоторых других курганах, но они полностью разрушились из-за позднейших захоронений. До этого никогда на Северном Кавказе в одном памятнике такого количества комплексов майкопской культуры не было исследовано.

Бамутский курганный могильник - это самый крупный в настоящее время на территории Чечни исследованный памятник бронзового века и один из наиболее изученных на Северном Кавказе в целом. В результате его раскопок, в частности, стал совершенно очевиден факт широкого распространения майкопской культуры на территории Чечни. Это существенно расширило ареал данной культуры от Северо-Западного Кавказа до Дагестана. Кстати,

Северокавказской экспедицией исследован курган майкопской культуры и значительно восточнее, почти у самой границы Чечни с Дагестаном — на левом берегу р. Гонсол, близ с. Бачи-Юрт¹⁵.

Раскопки курганов у с. Бамут заметно изменили и углубили наши представления о культурно-историческом процессе на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы. На основании полученных данных мы впервые узнали о времени появления в Предкавказье гончарного круга¹⁶ и начале использования здесь лошади для верховой езды¹⁷ и т.д. Неудивительно поэтому, что данный памятник в целом и в особенности открытые в нем комплексы раннебронзового века привлекли к себе пристальное внимание широкого круга научной общественности. Погребения майкопской культуры, исследованные в Ба-мутских курганах, стали предметом специального изучения, материалы которого полностью опубликованы¹⁸. Позднее были изданы материалы Бамутского курганного могильника, относящихся к эпохе средней бронзы, а также к последующим периодам.

Следует отметить, что Бамутским отрядом экспедиции был открыт в 1965 г. напротив хутора Новый Аршти, на правом берегу р. Фортанги к югу от с. Ачхой-Мартан могильник, состоящий из кромлехов. В них, как и в ряде курганов у с. Бамут, вскрыты интересные комплексы постмайкопского периода, представляющие особый культурный пласт памятников эпохи бронзы на смежных территориях Чечни, Ингушетии и Северной Осетии¹⁹.

Наконец, укажем на открытое и исследованное нами в 1966—1967 гг. поселение позднебронзового века, расположенное на левом высоком берегу р. Фортанги недалеко от хутора Новый Аршти. Оно дало ценные данные для изучения культуры и хозяйства местных племен в начале I тысячелетия до н.э.²⁰

Другим крупным центром работ Северокавказской экспедиции в предгорной зоне Чечни в конце 1950-х и в 1960-х годах стало с. Сер-жень-Юрт (Шалинский район). Здесь, на западной окраине аула отрядом Северокавказской экспедиции под моим руководством были открыты два поселения и могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа. В течение двух сезонов (1958 и 1959) мы провели там раскопки на одном из этих поселений (Сержень-Юрт-I) и могильнике²¹. В последующие годы Н.Я. Мерпертом, Е.И. Крупновым и В.И. Ко-зенковой были развернуты в Сержень-Юрте широкие полевые работы, увенчавшиеся значительными результатами²².

Установлено, что в Сержень-Юрте находилась группа взаимосвязанных в культурно-хронологическом отношении памятников. В нее входило большое поселение, расположенное на первой надпойменной террасе. Перед ним на двух высоких холмах находились два поселка-убежища. Это — Сержень-Юртовские поселения I и II. Наконец, вблизи них располагался грунтовый могильник, в котором обитатели этих поселений хоронили своих покойников.

Наиболее значительным раскопкам подверглись один из поселков-убежищ (Сержень-Юрт-I, или Сержень-Юртовское-I поселение) и могильник. Оба эти памятника были исследованы практически полностью.

Как выяснено, впервые оба холма были заселены местными племенами еще в эпоху ранней бронзы. Но культурный слой данного периода на этих поселениях оказался сильно разрушенным. Тем не менее на них удалось получить разнообразный материал III тысячелетия до н.э., включающий в себя каменные земледельческие орудия (зернотерки, кремневые серповые вкладыши и т.д.) и оружие (наконечники стрел, булава и др.). Довольно выразительна и обнаруженная здесь ранняя керамика, в том числе комплекс глиняных очажных подставок²³.

Поселок-убежище Сержень-Юрт-I датируется, как и другие отмеченные памятники у западной окраины с. Сержень-Юрт, концом II - первой половиной I тысячелетия до н.э. Это был хорошо спланированный и благоустроенный поселок. Жилые дома в виде турлучных построек и различные производственные сооружения, а также ямы-кладовые располагались вдоль трех улиц, вымощенных галечником и пересекавших поселок в нескольких местах. Обнаруженный здесь разнообразный и многочисленный материал характеризует различные стороны быта и хозяйства его обитателей. Особенно значительна коллекция керамики, включающая в себя и такие предметы, как штампы-пинтадеры, зооморфные статуэтки и т.д. Впечатляют и находки, доказывающие существование местного металлопро-изводства. Это — остатки мастерской литейщика, тигли, формы для отливки украшений, различные бронзовые предметы и др.

В Чечне и, пожалуй, на Северном Кавказе в целом до сих пор нет столь полно исследованного древнего бытового памятника, как с. Сержень-Юрт-I. Его судьба оказалась трагической — оно погибло в результате нашествия скифов.

Значительный интерес представляют также результаты раскопок Сержень-Юртовского могильника. В нем исследовано около 100 погребений с богатыми и нередко оригинальными наборами металлических изделий - предметов вооружения и особенно украшений. Подчеркнем, что это первый на Северном Кавказе хорошо исследованный могильник эпохи

поздней бронзы и раннего железа с захоронениями вооруженных всадников.

Сержень-Юртовскому могильнику посвящено специальное исследование В.И. Козенковой, опубликованное в Германии²⁴.

Необходимо особо отметить, что удалось уже не только изучить и издать почти все категории обнаруженных в Сержень-Юрте огромных по количеству и разнообразию археологических материалов позднебронзового и раннежелезного века, но и подготовить обобщающие исследования, базирующиеся главным образом на этих материалах²⁵. В последнем из них всестороннему изучению подвергнуто Сержень-Юртовское-I поселение²⁶.

Работы в горной зоне Чечено-Ингушетии, проводившиеся отрядом под руководством В.И. Марковина, также оказались чрезвычайно результативными. Разведкой были охвачены почти все районы этой зоны и памятники всех периодов — от каменного века до позднего средневековья. Трудно в одной статье изложить все итоги выполненных в Чечне В.И. Марковиным исследований. Рассмотрим только некоторые из них, связанные с раскопками памятников эпохи бронзы и раннего железа, тем более, что мы уже отметили выше некоторые из открытых им в Чечне и Ингушетии месторождений каменного века, а о результатах изучения средневековых памятников В.И. Марковин сам расскажет в своей статье, помещенной в этом сборнике.

Прежде всего укажем на раскопанный в 1956-1959 гг. могильник среднебронзового века в ущелье р. Чанты-Аргун, в 3 км к северо-западу от с. Гатын-Кале (Асланбек-Шерипово) Шатойского района. Здесь было исследовано 37 погребений в ямах, склепах и каменных ящиках. Открыты также могилы-кенотафы. Получен большой и интересный археологический материал. Это - разнообразные глиняные сосуды и изделия из кости (пряслица, проколки и др.), камня (булавы, топоры, бусы и др.) и металла, особенно украшения. Все эти находки, так же как погребальный обряд и сделанные на могильнике ценные стратиграфические наблюдения, детально проанализированы в специальном монографическом труде²⁷. Отметим здесь же, что изучение краниологического материала из этого могильника показало близость в антропологическом отношении людей, оставивших данный памятник, к современному горскому населению Центрального Кавказа.

Другой могильник бронзового века, раскопанный Горным отрядом экспедиции и близкий в культурно-хронологическом отношении Гатынкалинскому, был исследован у с. Малый Харсеной в лесистой части Чечни. В 1966 г. здесь было вскрыто 18 погребений в ямах, содержащих много характерной керамики (до 20 сосудов) и мало другого инвентаря²⁸.

На основе изучения этих памятников удалось достаточно полно охарактеризовать культуру горной Чечни эпохи средней бронзы²⁹. Большая заслуга В.И. Марковина заключается и в выявлении и изучении на Северо-Восточном Кавказе памятников последующего периода - эпохи поздней бронзы и раннежелезного века, и в частности каякентско-хорочоевской культуры. В настоящее время в предгорных и горных районах Чечни известно не менее 20 памятников этой культуры, получивших обобщение в специальных трудах В.И. Марковина³⁰.

Из исследованных отрядом В.И. Марковина в 1960-х годах в Чечне памятников эпохи поздней бронзы и раннежелезного века следует отметить прежде всего могильник у с. Зандак в Ножай-Юртовском районе. Здесь было раскопано около 60 погребений в ямах и каменных ящиках, включая захоронения лошадей и могилы-кенотафы. Зандакский могильник является достаточно своеобразным памятником в системе древностей Северо-Восточного Кавказа конца II — первой половины I тысячелетия до н.э., сочетающим в себе признаки как кобанской, так преимущественно и каякентско-хорочоевской культур. Данный памятник подготовлен к изданию и в ближайшее время будет опубликован³¹.

Другой же интересный могильник представляют курганы у с. Гойты Урус-Мартановского района. Там раскопаны довольно богатые скифские погребения VI-V вв. до н.э.³²

Таковы основные и далеко не полные результаты полевых и исследовательских работ, осуществленных Северокавказской экспедицией под руководством Е.И. Крупнова в равнинной, предгорной и горной Чечне в конце 1950-х - в 1960-х годах. При этом мы даже не отметили многочисленные средневековые древности, открытые нашей экспедицией, и обследованные нами другие памятники, такие, как могильники каякентско-хорочоевской культуры близ Курчалоя и у с. Яман-Су, погребальные комплексы сарматского периода в с. Бети-Мохк Ножай-Юртовского района и многие другие.

Благодаря исследованиям Северокавказской экспедиции удалось ликвидировать крупное белое пятно на археологической карте Кавказа, изучив все важнейшие этапы культурно-исторического развития вайнахского народа начиная с древнего каменного века³³, ввести в научный оборот огромное количество бесценных археологических комплексов Чечни, определив место последних в общем ряду древностей Кавказа в целом и Северо-Восточного Кавказа в особенности. Мировая наука узнала по многочисленным публикациям сотрудников Северокавказской экспедиции об историко-археологических памятниках Чечни и по достоинству оценила их. Эти памятники свидетельствуют не только о характере и

особенностях развития культуры населения Чечни в различные исторические эпохи, но и о том, насколько сложно и своеобразно протекал культурный процесс в данном регионе Кавказа, начиная, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы. Именно с этого периода представляется возможным в настоящее время проследить этногенез вайнахского народа³⁴.

Особо следует отметить и то, что благодаря работам Северокавказской экспедиции были многократно обогащены ценнейшими коллекциями археологических материалов фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. По не уточненной информации, многие из этих материалов погибли во время бомбардировок Грозного и боев за него. Нам трудно поверить в это. Ведь эти бесценные материалы были добыты главным образом Северокавказской экспедицией в результате многолетних и упорных трудов.

С глубочайшим сожалением приходится констатировать и факт гибели в процессе той же войны в Чечне архива и библиотеки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ЧИНИИ ИЯЛ). Перед смертью Е.И. Крупное завещал свою уникальную библиотеку по кавказоведению и археологии СССР данному институту. После кончины Е.И. Крупнова она была передана туда его вдовой Валентиной Ивановной Подгорно-вой и значительно обогатила библиотеку ЧИНИИ ИЯЛ редкими научными изданиями.

Жизнь и деятельность Е.И. Крупнова — это большой гражданский, научный и человеческий подвиг. И это он блестяще продемонстрировал, посвятив всю свою жизнь изучению археологии, древней и средневековой истории и культуры Кавказа, и в частности Чечни и всего вайнахского народа. Его выдающуюся роль в этом невозможно переоценить³⁵. Всем известно, что после смерти Е.И. Крупнова Северокавказская экспедиция, к глубокому сожалению, фактически перестала функционировать. Возрождение этой экспедиции — одна из важных наших задач в ближайшее время.

¹ *Круглое А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА СССР, № 68. М.; Л. 1958. С. 7-146.

² *Артамонова-Полтавцева О.А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // Сов. археология. М.; Л., 1950, XIV. С. 20-101.

³ *Мунчаев Р.М.* Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 139-211.

⁴ *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.

⁵ *Крупное Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

⁶ *Любин В.П., Бадер Н.О., Морковин В.И.* Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1963. Вып. 92. С. 51-53.

⁷ *Любин В.П.* Первые исследования памятников каменного века в Чечено-Ингушской АССР // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1963. № 28. С. 153-158.

⁸ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. Грозный, 1967; *Морковин В.И., Мунчаев Р.М.* О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1961. Вып. 84. С. 19-29.

⁹ *Морковин В.И.* Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. Т. I. С. 117-120.

¹⁰ *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. № 100; *Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982.

¹¹ *Крупное Е.И.* Мекенские курганы // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Грозный, 1961. С. 53-71.

¹² *Крупное Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 9—48.

¹³ *Крупное Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217-242.

¹⁴ *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. № 100.; *Он же.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // Сов. археология. М., 1962. № 3. С. 176-198; *Он же.* Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. I. Грозный, 1966. С. 9-28; *Он же.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; *Морковин В.И., Мунчаев Р.М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // Краткие сообщения ИА РАН. М., 1965. Вып. 100. С. 40-49.

¹⁵ *Морковин В.И.* Археологические разведки в восточных районах Чечни // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1963. Вып. 93. С. 63-65; *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. 1975. С. 286.

¹⁶ *Бобринская А.А., Мунчаев Р.М.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1966. Вып. 108. С. 14-22.

¹⁷ Мунчаев Р.М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 71-77.

¹⁸ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 286-307.

¹⁹ Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из курганов эпохи бронзы у сел. Бамут // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 27-39.

²⁰ Магомедов А.Р. Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы (на материалах раскопок Бамутского поселения). Автореф. канд. дисс. М., 1974.

²¹ Мунчаев Р.М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1961. Вып. 84. С. 56-62.

²² Мерперт Н.Я. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1962. Вып. 88. С. 33-44; Крупное Е.И., Козенкова В.И. Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1964. Вып. 98. С. 73-80; Они же. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.) // Краткие сообщения ИА АН СССР. М., 1964. Вып. 106. С. 81-87.

²³ Мунчаев Р.М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // Сов. археология. М., 1962. С. 179-190; Он же. Кавказ на заре бронзового века. С. 337-353; Мерперт Н.Я. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. С. 33-44.

²⁴ Kozenkova V.I. Serzen-Jurt. Ein Friedhof der späten Bronze - und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus. Mainz am Rhein, 1992.

²⁵ Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1977. Вып. В2-5; Она же. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1982. Вып. В2-5; Она же. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

²⁶ Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.

²⁷ Маркович В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 48-135.

²⁸ Маркович В.И. Могильник эпохи бронзы у сел. Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995. С. 28-47.

²⁹ Морковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 287-333.

³⁰ Морковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1968. № 122; Он же. Каякентско-хорочовская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа. 1994. С. 334—355.

³¹ Российский гуманитарный научный фонд выделил в 2001 г. средства на его издание, и мы надеемся, что в ближайшее время монография В.И. Марковича, посвященная Зандакскому могильнику, увидит свет.

³² Морковин В.И. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечено-Ингушетия) // Сов. археология. М., 1965. № 2.

³³ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Грозный, 1967. Т. I: С древнейших времен по март 1917 г.

³⁴ Мунчаев Р.М. Раннебронзовый век Северного Кавказа и этногенез вайнахов // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Шатой, 1991. С. 4-7.

³⁵ Мунчаев Р.М. Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток (о роли Е.И. Крупнова в организации археологических исследований на территории Чечни и Месопотамии) // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). М., 1966. С. 3-4.

В.И. Маркович

БАШЕННАЯ АРХИТЕКТУРА И ЕЕ ДЕКОР - НЕОЦЕНИМЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

За последние годы сделано очень мало для научного изучения культуры вайнахов. В этом, конечно, в первую очередь виновата война. Никогда и нигде боевые действия не способствовали развитию духовной культуры, стремлению не торопясь изучать далекое прошлое и его наследие. И однако война и предвоенные тревожные годы, как ни странно, не

помешали возникновению огромного числа газетных статей, в которых заметно желание высоко вознестись над обыденностью жизни. Вот и появились тогда версии, что вайна-хи - это потомки древних египтян (хотя таковыми являются копты), а то и этруски, материальная культура которых никогда не соприкасалась с вайнахской и к тому же далека от италийской. Количество подобных "мнений" можно бы увеличить¹.

Любому народу дана возможность тщательно изучить наследие своих собственных предков в виде археологических материалов, памятников архитектуры и искусства. Это важная и благодарная работа. В связи со сказанным обращу внимание на башенное зодчество и петрографику чеченцев и ингушей. Здесь огромное поле для исследований!

Судя по запискам путешественников, посещавших Чечню и Ингушетию, башенные произведения вайнахских строителей воспринимались ими довольно восторженно, но суть увиденного сводилась к самым общим словам (Н.К. Зейдлиц, В.И. Долбежев, Н.А. Буш, А. Россикова и др.). Не избежал подобной лаконичности и известный исследователь Чечни А.П. Берже, хотя благодаря его запискам мы все же знаем те места, где некогда стояли башни². Почти так же отнесся к башенным постройкам А.П. Ипполитов, если не считать воспроизведенного им рисунка башен у с. Шатой, сделанного Дюсдерди-ком. По его мнению, подобные башни были построены народом, имевшим "известную степень цивилизации", и далее он позволяет себе с "некоторым вероятием заключить, что это были греки"³. Ума-лат Лаудаев, один из первых чеченских историков-этнографов, приписывает башенные сооружения грузинам: "башни эти служили им оплотом против слабого народа", т.е. самих же чеченцев⁴.

Если первое мнение не имеет под собой никакой реальной почвы, то высказывание У. Лаудаева несколько удивляет: он должен был бы знать свой народ, его строительное мастерство и соответствующие предания, ведь он сам собирал фольклорный материал. В связи с этим вспоминается профессор Л.П. Семенов, который приводит записанную им местную поговорку: "Человеку при жизни нужна башня, после смерти — нужен склеп" и так комментирует ее: "Когда в старину выдавали замуж девушку, то ее родители осведомлялись, имеет ли жених башню и родовой склеп; если он их не имел, то считался неподходящим"⁵. Уже данный факт указывает на то, что башенные постройки имели своих конкретных строителей и своим наличием показывали силу и духовную значительность своих владельцев.

В этой связи интересен один архитектурный памятник, стоящий в крепости Ананури в Грузии. Это небольшая башня с пирамидаль-ноступенчатым покрытием, но без машикулей - боевых балкончиков. Ее значение здесь скорее всего декоративное. Историк архитектуры П.П. Закарая датирует ее XVI в. и, конечно, считает грузинской⁶, но Л.П. Семенов выражает по этому поводу сомнения⁷.

В 1960 г. в местечке Эткали (Аргунское ущелье) был обнаружен остов мечети, минарет которой, вплотную встроенный в ее корпус, имел вид типично вайнахской башни с пирамидальным покрытием и, как в Ананури, не имел машикулей. Естественно, мечеть в Эткали не могла быть построена христианином из грузин. Ее стены украшены типично чеченскими петроглифами ("рука мастера", спираль и изображение всадника) и камнем с арабской надписью и датой 1352 г. хиджры, — возможно, это время, когда ее ремонтировали. Думаю, что полемика, поднятая по поводу башни в Ананури, теперь, в связи с находкой в Эткали, может быть завершена в пользу вайнах-ского стиля в создании разнообразных башенных построек⁸.

Если бы любители старины и этнографы XIX в. умели лучше прислушиваться к голосу окружавшего их народа, нам не пришлось бы предпринимать такой обширный экскурс, доказывая то, что не требует особого доказательства. Естественно, что споры в основном идут из-за национальной принадлежности именно боевых, устремленных в небо башен, которые совершенно справедливо сейчас считают "родовыми" постройками, о которых, как теперь пишут, упоминается уже в "нарских сюжетах героического эпоса"⁹.

Научное изучение вайнахских башен связано не только с Л.П. Семеновым. Первый архитектурно выверенный разрез "классической" ингушской башни с сопутствующими зарисовками был опубликован в 1928 г. Он принадлежал этнографу и художнику И.П. Щелькину, затем переиздавался разными авторами¹⁰. После него, кажется, обмерные работы не производились.

Только в 1956 г. по инициативе Евгения Игнатьевича Крупнова, возглавлявшего тогда Северокавказскую археологическую экспедицию, был создан специальный Горный - Аргунский отряд, который должен был восполнить ощутимый пробел в изучении памятников

Рис. 1. Полубоевая башня в с. Верхний Алкун. Ингушетия. Рис. автора. 1962 г.

местной архитектуры, описать соответствующие постройки, обмерить их, зарисовать и сфотографировать. Возглавить эти работы было поручено мне¹¹. Такой чисто практической работе было посвящено 10 лет (1956—1966), далее начался период подведения некоторых итогов.

После исследования нескольких десятков местных жилых и боевых башен и их сопоставления удалось выделить промежуточный вид сооружений, названный нами *полубоевым* (рис. 1). Такие башни имеют плоскую кровлю, напоминая этим жилые постройки, в то же время габариты у них своеобразны - они шире боевых башен, но уже и выше жилых зданий. Их жители могли сдерживать боевую осаду, так как по верху полубоевой башни (обычно над входом в нее) был устроен машикуль в виде балкончика. Вооруженные люди

Рис. 2. Боевая башня в с. Хайбахой. Рис. автора. 1964 г.

вполне могли вести с него прицельный огонь, при необходимости лить кипяток и т.д. Подобного устройства жилые башни никогда не имели. Такие постройки обнаружены нами в селениях Эгикал, Верхний и Нижний Алкун, Эрзи, Бейни и Фалхан¹².

Данному виду башен историк архитектуры А.Ф. Гольдштейн (псевдоним — Ариэль Голан) дал не очень удачное название — "жилые-боевые" башни, соглашаясь при этом с их промежуточным положением в системе архитектурных памятников вайнахов. Ему же принадлежит тщательное описание одной такой башни в с. Хамхи¹³. Однако мне кажется, что термин "полубоевые башни" вернее определяет характер данных построек. К уже упомянутым строениям следует добавить сооружения, обнаруженные у селений Одзик, Кяхк и в местечке Цеча-ахк на р. Фортанге¹⁴.

Сам факт возведения таких своеобразных, промежуточного вида построек — несомненный аргумент, указывающий на местное, вайнахское происхождение боевых башен.

Величественные и стройные боевые башни прекрасно вписаны в окружающий ландшафт. Неудивительно, что такое яркое впечатление они произвели на И.П. Щерблякина — одного из первых исследователей этих построек. "Внешний вид безукоризненно прост и строг. При удивительной стройности, пропорциональности и довольно большой высоте они устойчивы и прочны. Поражаешься мастерству строителей, их вкусу и уменью так великолепно разрешить и воплотить в реальные формы свои замыслы и фантазии"¹⁵.

Боевые башни наиболее полно вобрали в себя все элементы эмоционального воздействия вайнахской архитектуры на путника. Стиль боевых башен можно назвать общевайнахским. Думаю, что определение справедливо. Характерные для него черты являются правилом для построек Ингушетии, где они сохранились относительно хорошо, и более редких, исчезающих на наших глазах башен Чечни. Постройки этого стиля отличаются подчеркнутой устремленностью¹⁶ ввысь, гармоничной стройностью и лаконичной композиционной завершенностью.

Существенными чертами данного стиля являются также симметричность в расположении основных конструктивных деталей (окон, бойниц) и завершение башен пирамидально-ступенчатым покрытием с центральным замковым камнем (цогол). Таковы главные особенности построек, выполненных в данном стиле. Это не означает, что не может быть отклонений от основного канона. Они есть. Так, на границе с Дагестаном (Макажой) известны башни с плоским перекрытием и своеобразными зубцами по углам кровли, но в основных своих элементах общевайнахский стиль башен всегда выдержан. И опять-таки это не

означает, что башни ингушей ничем не отличаются от чеченских построек. Конечно же такие отличия есть. Это разница прежде всего в некоторых конструктивных деталях, в величине башен и в декоре.

По А.И. Робакидзе, отношение высоты башен к их ширине у основания равно 10:1. Это, по его же словам, свидетельствует "в первую очередь о чрезвычайно высоком уровне народных способов строительного искусства"¹⁷. Однако указанные цифры пропорциональных соотношений не абсолютны. Могут быть более приземистые, укороченные постройки наподобие башни в с. Хайбахой (рис. 2). Это только указывает на необходимость дальнейшего изучения пропорциональности местных памятников архитектуры.

Некоторая однотипность боевых башен, стоящих на огромном горном пространстве Чечни и Ингушетии, заставляет думать, прежде всего, о существовании особых канонов в их возведении. Речь идет о мере - *модуле* и вполне определенном, который мог бы использоваться при возведении зданий. При этом народный мастер-строитель, где бы он ни возводил башню, знал, что, отложив столько-то и столько-то мер в основании своей постройки, он должен был выдержать определенное число этих же мер, поднимая ее в высоту.

Применение модуля, соразмерного пропорциям человеческого тела, приводит к созданию построек гармоничных и вписывающихся в национальные представления о красоте¹⁸. Переход к современным метрическим мерам, которые никак не связаны с габаритами самого человека, и привел к ужасающей дисгармоничности в архитектуре, а образцы ее пестрят в наших городах и селах.

Линейными мерами, послужившими основой модуля у вайнахских зодчих, могли стать естественные мерилы в виде "пяди", "стопы", "локтя" и "шага", естественно, в местных способах их отсчета¹⁹. Обычно в народном зодчестве таким модулем могла служить ширина какого-либо проема, хорошо выверенная и измеренная, исходя из местных мер длины (той же "пяди", "стопы" и пр.). Допускаю, что такой мерой могла быть хотя бы ширина небольшого окна, расположенного над входом в башню или сбоку от него. Только применяя подобные "единицы измерения", мастер-строитель мог получить тот эффект, когда каждая из местных башен по своим основным пропорциям всегда подобна другой. Как пишет историк архитектуры И.Ш. Шевелев, "мера - это не только количественная, но и качественная характеристика. Эта та средняя линия, отклонение от которой в ту или иную сторону превращает явление в его противоположность"²⁰. В данном случае под "средней линией" можно подразумевать норму, своеобразный канон гармонии, формируемый при создании архитектурного произведения.

Величие той или иной постройки — это целый комплекс слагаемых: стиль здания, его пропорции, место расположения здания, его связь с окружающей природой (с воздухом далей - полей, гор и лесов), декор и колористическое (цветовое) решение.

Однако, чтобы осмыслить сами понятия "величественности", "гармоничности" той или иной постройки, надо бы изучить чисто местные — вайнахские нормы в понимании красоты, удобства, неряшливости, безвкусицы, связанные с особенностями строительного мастерства. Я работ на подобные темы не знаю.

Выбор места для устройства башни, несомненно, диктовался стратегическими соображениями, но в умении вписать постройку в окружающий ландшафт, придать ей именно ту высоту, которая будет гармонично сочетаться с абрисом гор и скал, всегда проявляется талант не просто каменщика-строителя, но и художника. Он, еще только проектируя здание, вероятно, знал, где надо немного увеличить высоту башни, а где уменьшить ее, чтобы постройка была максимально величественной и стройной, сливаясь с пейзажем, в какой-то мере дополняя его.

Интересно, что башенный декор всегда обращен к зрителю, а не в глухие стороны, замкнутые скальными отвесами или затененные другими постройками. В этом отношении особенно показательны многие башни местных высокогорий (селений Озми, Таргим, Щуан, Верхний Кокадой, на р. Кенохой-Ахк и др.)²¹.

Все конструктивные детали боевых башен построены в соответствии с законами зеркальной симметрии. Тщательная и четкая планировка, вполне ощутимая пропорциональность плюс строгая вертикальная (осевая) симметрия в расположении дверных и оконных проемов, бойниц, машикулей придает творениям местных зодчих вполне законченную стройность, что зрительно еще более увеличивает их высоту.

Изучая декоративные особенности вайнахских боевых башен, невольно обращаешь внимание на те скудные средства, которые без всякого стремления к эффекту использовались мастерами-строителями. Чтобы не быть голословным, повторю здесь лишь некоторые детали из раньше сделанных наблюдений²².

Кладка дверных и оконных проемов обычно отличается большой аккуратностью, но не это придает им декоративность. Главное здесь - арочные завершения. В одном и том же здании можно видеть проемы различных конструкций: в виде каменного монолита с высеченным в нем арочным пролетом; в виде двух сближенных каменных блоков с подобным пролетом; в

виде трех блоков, из которых средний, образующий центральную часть арки, зажат боковыми; из двух сближающихся блоков с арочным выемом и перекрытых плоской плитой и, наконец, арочный пролет, собранный из клинчатых камней с примитивным замковым камнем в центре. При этом разные формы монолитов, блоков, клинчатых и замковых камней создают огромное число вариантов арочных перекрытий. Они очень разнообразят облик башенных стен и прекрасно обыгрываются светотенью. Такой эффект создают также небольшие, довольно симметрично расположенные бойницы и вентиляционные отверстия ("продухи"). При ярком солнце они создают контрастирующие пятна на фоне хорошо освещенных стен.

Башенный декор довольно разнообразен. Это прежде всего несложный углубленный узор. В настоящее время он кажется простым украшательством. Я имею в виду треугольники, ромбы, квадраты и другие фигуры, сделанные методом выборки отдельных камней из плоскости стен (рис. 3). Такой узор оживляет или середину стены, или же повторяется на равном расстоянии справа и слева от центральной оси башни. Можно думать, что в свое время подобный декор был не только украшением, в него вкладывалась определенная смысловая нагрузка.

Далее следуют изображения, несомненно, имевшие определенное значение. Таковы тамгообразные знаки в виде буквы "Т" (башни у с. Гучан-Кале, в ущелье Газбичи и др.; рис. 4). Если бы не дальнейшая трансформация этого знака, о чем можно судить по другим башням, его можно было бы считать весьма примитивной тамгой.

Но тогда странным осталось бы то обстоятельство, что он встречается не на одном узком участке, а разбросан на достаточно широкой площади, занятой башнями. Вполне возможно, что это условное изображение креста, известного под названием "тав" и представляющего собой "руки, распростертыя наподобие креста"²³.

О том, что это своеобразная, стилизованная под крест человеческая фигура, свидетельствует хотя бы тот факт, что на башне с. Хой у креста, изображенного на всех четырех ее сторонах, выступает над горизонтальной перекладиной подобие "головы", а отходящие от нее вниз короткие отрезки — это опущенные "кисти рук"²⁴. И, наконец, совершенно человекообразную форму эта фигура приобретает на склепе из с. Лежг в Ингушетии²⁵. Наряду с указанными крестообразными изображениями на башнях можно видеть обычные перекрестия как равноконечные, так и с удлиненной вертикальной частью.

Так как кресты, о которых идет речь, часто по величине превышают небольшие оконные проемы, то производимое ими зрительное впечатление трудно выразить одним словом. Они приковывают к себе внимание. Но необычайную декоративность башенным постройкам придают не так уж часто встречающиеся крестообразные изображения, которые условно были названы мною "крестом Голгофы" и так вошли в нашу литературу²⁶. Выполнены они выемкой камней из кладки стен и напоминают человеческую фигуру, у которой широко расставлены ноги, распростерты руки. Их можно видеть на башнях селений Эгикал, Верхний Лейми, Карт (Озми)²⁷. Однако наиболее интересное изображение "креста Голгофы" имеется на башне "Кошун бюв" в Цой-Педе (Малхиста). Оно представляет собой мозаику, сложенную из кусков белого камня. Здесь голова Распятого выполнена барельефом²⁸.

Все вариации "креста Голгофы" являются символическим рассказом о последних часах земной жизни Иисуса²⁹. Этим и объясняется популярность данного изобразительного сюжета у многих христианских народов, в том числе у грузин, на храмах которых его можно было видеть уже в IX в. и особенно часто на церковных стенах XIII—XVII вв.³⁰ Возможно, через посредство Грузии данный мотив, как и другие формы крестов, попал к вайнахам³¹. Ими очертания "креста Голгофы" были несколько изменены, и, без сомнения, он получил специфическое национальное осмысление. Но вот какое?

Как замечает Д.Ю. Чахкиев, "кресты Голгофы" можно видеть только на башнях "представителей наиболее сильных" и знатных (эзди) тейпов³². Значит, можно сделать вывод, что такая символика связана со знатностью. Это меняет акценты в смысловом содержании "Голгоф", удаляясь от христианских норм. Видимо, у вайнахов прошлых веков такие изображения должны были подчеркнуть достоинство хозяина конкретной башни и, вполне возможно, служить

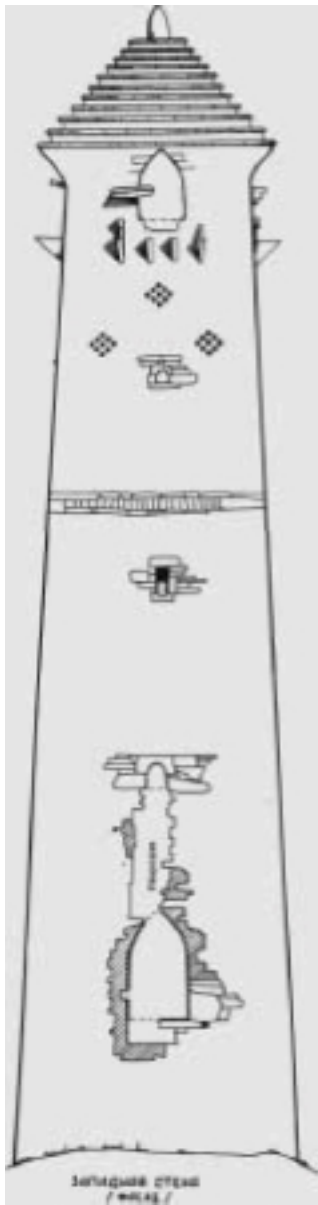

Рис. 3. Боевая башня в с. Гучан-Кале. Аргунское ущелье. Чечня. Обмеры автора. 1958 г.

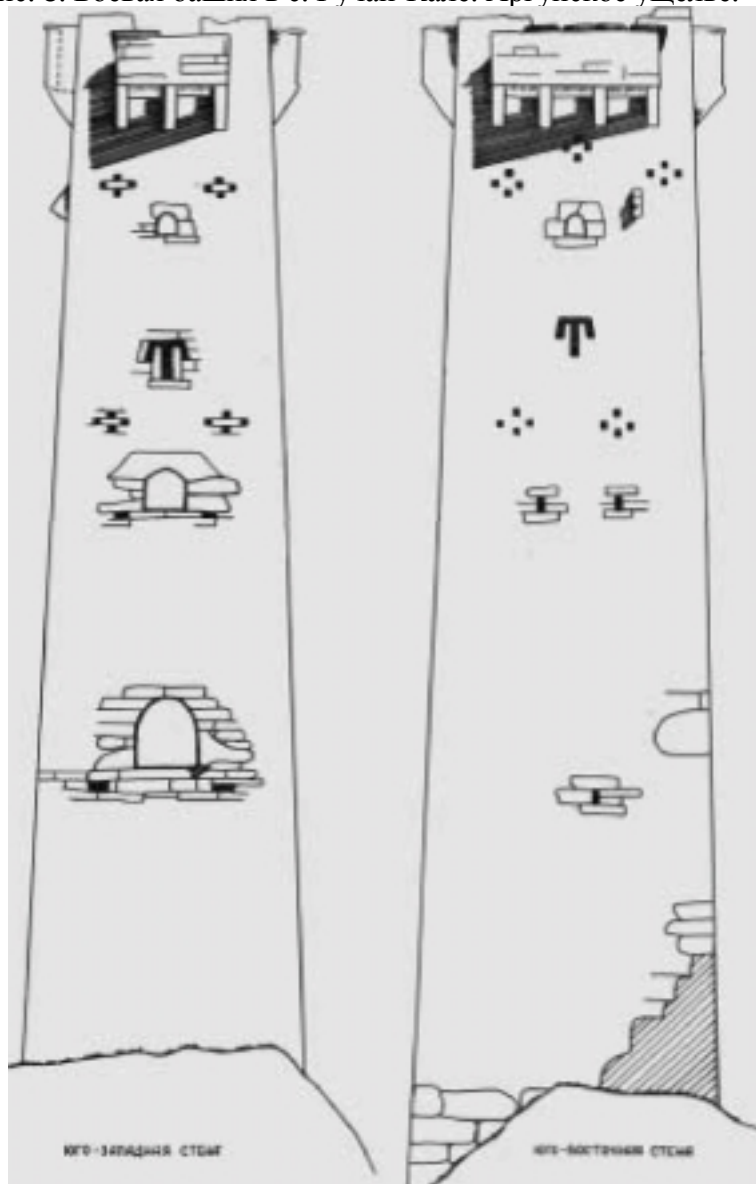

Рис. 4. Боевая башня в с. Дёре-1 (перекрытие снесено). Аргунское ущелье. Принадлежала Яскиевым. Обмеры автора. 1960 г.

универсальным оберегом — мистической защитой. Интересное в связи с этим наблюдение: "Голгофы" на башнях всегда изображены на хорошо освещенных и обозреваемых стенах.

Итак, кресты разнообразных очертаний были одним из любимых декоративных элементов в убранстве башен. На них прежде всего должен был обратить внимание путник и, вступая в пределы тех или иных земель, уже заранее знал, сколь могуществен владелец того или иного строения.

Башни вайнахов сложены из камней разной величины и имеют довольно однообразную окраску. Общий тон башен в основном нарушался только черными сланцевыми плитками, неизменно оттенявшими карнизы и ярусы пирамидально-ступенчатых покрытий, и их белыми навершиями (цюгал)³³.

Стены башен наряду с обычной кладкой сохранили особые вставки, которые должны обращать на себя внимание и свидетельствовать о мастерстве каменщика. Таковы линии поребрика - ряды каменных плит, поставленных на ребро в наклонном или вертикальном положении. Обычно их цвет контрастирует с общим тоном стен. Встречаются также симметрично расположенные декоративные нишки. Кладка башни может быть украшена речной галькой интенсивно темного или светлого цвета. Они образуют небольшие ряды, которые разбивают общую монотонность стен. Другим традиционным элементом декора

являются тяги - выступающие из отвеса стен плиты. Они положены плашмя по всему периметру стен или только с двух-трех сторон. Описанный архитектурный декор довольно красив и обычно украшает верхнюю часть построек.

По-видимому, только для Ингушетии характерны узорчатые росписи охрой, покрывающие башенные фасады и нанесенные прямо на камни (селения Харпе, Таггим, Эгикал и др.)³⁴.

На стенах вайнахских башен довольно часто можно видеть каменные вставки с выбитыми изображениями — петроглифы (рис. 5). Они могут быть нанесены на лицевые стороны арочных камней и блоки, обрамляющие проемы. Иногда такие камни вмонтированы в кладку вне симметрии и ритмики зданий, нарушая их архитектуру³⁵. Очевидно, будучи своеобразно закодированными рассказами и молениями, петроглифы должны были не просто украшать стены зданий, а особым образом привлекать внимание зрителей. В этом и заключена их архитектурная особенность. Созерцая петроглифы, средневековый зритель настраивался на эмоционально более глубокое восприятие данной постройки. Предположительно, петроглифы содержали некоторые данные о хозяевах башни, расшифровка которых сейчас уже почти невозможна³⁶.

Конечно, петроглифы набором составляющих их элементов, композиционным положением этих элементов и часто виртуозностью их исполнения приносят в декоративный облик построек зна-

48

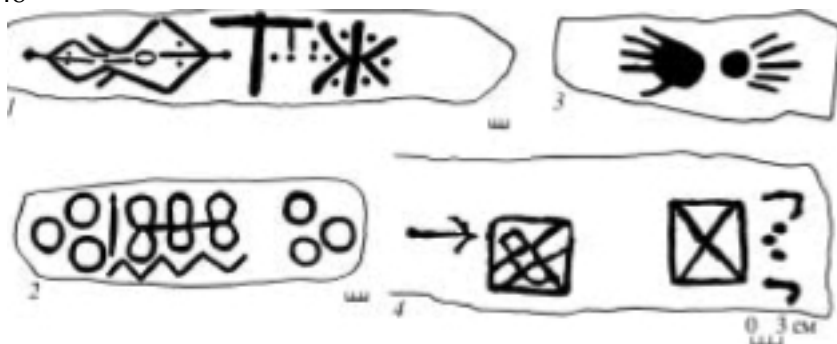

Рис. 5. Образцы петроглифов:

1-2 — Малхиста, боевая башня в Цой-Педе; 3 - е. Верхний Кокадой, жилая башня; 4 — с. Хархарой, боевая башня

чительную долю эмоциональной настроенности, о которой здесь уже говорилось. Однако, не являясь конструктивной частью зданий, они не обязательны для каждого сооружения. Их появление на стенах построек могло быть связано только с индивидуальной (личной), семейной и тейповой (условно-фамильной) историей владельцев башен, вот почему набор петроглифов на постройке имеет свой особый, неповторимый характер.

Среди петроглифов можно выделить "обязательные" камни. Это изображение кисти руки - "пятерни". Наши информаторы называли их "рукой мастера", возводившего здание. Однако не всегда ясен смысл, вкладываемый в такой простой мотив, как "рука мастера": ведь иногда она изображена пальцами вверх, а то вниз, направо или налево. Вот и возникает вопрос: положение руки в ту или иную сторону не меняет ли значения петроглифа? Это требует выяснения.

Довольно ясен смысл спиралевидных и солярных (солнечных) начертаний. Солнце, в воззрениях вайнахов, равно Богу и от петроглифов с подобными изображениями они, видимо, ожидали ниспослания благополучия на жильцов башни.

Разбор отдельных мотивов петроглифического характера не входит в задачу этой статьи. К тому же петроглифы только начали изучать, и вдумчивого исследователя, хорошо владеющего местной фольклористикой, здесь ждут настоящие открытия.

Подобные исследования необходимы и при изучении склепов, святилищ и прочих построек. Каждое из таких сооружений, несомненно, обладает своим специфическим набором декоративных элементов, и их необходимо изучить. Это могло бы помочь при создании полновесной истории архитектуры вайнахов.

Можно надеяться, что со временем в Чечне и Ингушетии будут восстановлены, отреставрированы башенные постройки и к ним будут относиться с той трогательной бережностью, как еще совсем не-

древних преданий — вполне заслужили такое отношение.

¹ *Морковин В.И.* Тенденции последних лет (1991-1997) в историко-археологическом изучении Северного Кавказа // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала, 2000. С. 125-132.

² *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Грозный: Книга, 1991 (перепечатка с издания 1859 г.).

³ *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. Материалы по истории и культуре народов Северного Кавказа. Т. 1: Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста: Санан, 1990. С. 73-74 (перепечатка с издания 1868 г.) Оригинал статьи с иллюстрациями см: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.

⁴ *Лаудаев У.* Чеченское племя: Материалы по истории... С. 95. (перепечатка с издания 1872 г.).

⁵ *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. - С. 75.

⁶ *Закарая П.П.* Фортификационные сооружения Шида-Картли // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. М., 1952. Вып. XVI. С. 127-129; рис. 42.

⁷ *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. - С. 54.

⁸ *Морковин В.И.* Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1962. Вып. 90. С. 51-52; *Он же.* Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С. 220-222, 224-230; рис. 19, 8-10; 20, 7; 24, 1[^]; *Он же.* Каменная летопись страны вайнахов. М.: Русская книга, 1994. С. 110, 128; рис. 121.

⁹ *Долгот У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. С. 47.

¹⁰ *Щеблыкин И.П.* Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 271; *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 71, 76, рис. 26; *Морковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. С. 17; рис. 1.

¹¹ *Крупное Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 33-35.

¹² *Маркович В.И.* Заметки об ингушской архитектуре // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М.: Наука, 1982. Вып. 172. С. 31-38; рис. 1, 2; *Он же.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // Архитектурное наследие. М., 1975. Вып. 23. С. 119-120; рис. 1.

¹³ *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. С. 15-16; рис. 7.

¹⁴ *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977. С. 32-38; *Басилов В.Н., Кобычев В.П.* Галгай - страна башен // Сов. этнография. М., 1971. № 1. С. 124; рис. 2; *Умаров С.Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни XIII-XVII вв. // Автореф. канд. дисс. М., 1970. С. 6-9.

¹⁵ *Щеблыкин И.П.* Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры. С. 271.

¹⁶ *Морковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. С. 12-24; рис. 21-70.

¹⁷ *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 68.

50

¹⁸ *Шевелев И.И.* Принцип пропорции. М.: Стройиздат, 1936. С. 184.

¹⁹ *Хасиев С.А.* К традиционному отсчету времени у вайнахов // Этнография в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 18; *Карасаев А.Т., Мациев А.Г.* Русско-чеченский словарь. М.: Русский язык, 1978. С. 249, 498, 601.

²⁰ *Шевелев И.И.* Принцип пропорции. С. 75.

²¹ *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 59-61, 65, 71-75; *Маркович В.И.* Памятники зодчества в горной Чечне. По материалам исследований... С. 187-237; *Он же.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1965. С. 106. *Он же.* В стране вайнахов. М.: Искусство, 1969. С. 82-89; *Markowin W.I., MuntchaigwRM.* Kunst und Kultur im Nordkauskasus. Leipzig, 1988. S. 139-142.

²² *Маркович В.И.* К изучению эстетических особенностей произведений башенного зодчества вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов: Материалы научной конференции. Шатой, 1991; Махачкала, 1996. С. 115-124.

²³ *Сергиев И.И.* (Св. Иоанн Кронштадтский). О кресте Христовом. СПб., 1896. С. 9, 15.

²⁴ *Маркович В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. С. 103; *Он же.* Памятники зодчества в горной Чечне. С. 195, рис. 6, 5-8.

²⁵ *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 71, 76; рис. 17.

²⁶ *Морковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. С. 109.

²⁷ *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 60, 68; рис. 12, 20; *Марко*

- вич В.И. Каменная летопись страны вайнахов. С. 41, 75-79; рис. 21, 63, 68.
- ²⁸ Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Т. III. Вып. 1: Статьи и материалы по истории народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 141-142; рис. 6; Морковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. С. 236-240, рис. 27, 5-8; 28, 2.
- ²⁹ Сергиев И.И. (Св. Иоанн Кронштадтский). О кресте Христовом. С. 85; Барсов Н.И. Крест Иисуса Христа и его изображения // Христианство: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. 1993. С. 832-835.
- ³⁰ Амирачашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963. С. 273, 330, 301, рис. 55; табл. 149.
- ³¹ Крупное Е.И. Средневековая Ингушетия. С. 74—75, 196; Морковин В.И. Каменная летопись страны вайнахов. С. 24-25.
- ³² Чахкиев Д.Ю. О социальном конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами "Голгофами" // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 18.
- ³³ Умаров С.Ц. Архитектура позднесредневековой горной Чечено-Ингушетии // Памятники Отечества. М.: Современник, 1975. Кн. 2. С. 246.
- ³⁴ Крупное Е.И. Средневековая Ингушетия. С. 191-193; рис. 54; Чахкиев Д.Ю. Мастера-строители вайнахов в XVII - начале XIX в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 104-105; рис. 1.
- ³⁵ Plaetschke B. Die Tschetschnen. Hamburg, 1929. S. 41, 54; Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галгай - страна башен. С. 125; Маркович В.И. Памятники зодчества в горной Чечне. С. 194-211, 239; рис. 5, 10, 14, 24.
- ³⁶ Кобычев В.П. Язык есть нем // Советская этнография. М., 1973. № 4. С. 149-159; Умаров С.Ц. Архитектура поздней средневековой горной Чечено-Ингушетии // Памятники Отечества... С. 246; Морковин В.И. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 108-120; Он же. Петроглифы Чечено-Ингушетии // Природа. 1978. № 2.

М.Х. Багаев

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

Нет необходимости доказывать сегодня, что вайнахи - аборигены Кавказа, ибо вся историография истории чеченцев и ингушей с XVIII в. и по настоящее время посвящена этой непреложной истине. Вместе с тем, хотя о древних вайнахах писали еще античные авторы (Геродот - V в. до н.э., Страбон - I в. до н.э. - I в. н.э.), а также армянские и грузинские источники VII-XII вв., почти до конца XVIII в. в руках ученых и краеведов находились очень скудные данные о древней и средневековой Чечне. Историческая наука, обязанная своим пробуждением Ренессансу, в России стала развиваться только в XVIII в., особенно с открытием Российской академии наук. Царское правительство, преследуя свои политические цели, приступило к ознакомлению с Кавказом, организуя через Академию наук первые кавказские экспедиции [1, с. 25]. В этом Россия не была уникальной. Например, в Западной Европе интерес к истории Египта и его древностям усилился после завоевательной экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет в 1798—1801 гг., в состав которой входили более 200 ученых — представителей разных направлений науки. Они собрали богатейший материал, вошедший затем в 48-томное издание [2, с. 21]. На эти материалы опирались, в частности, колонизаторы при управлении Египтом.

С 1770 по 1794 г. Чечню посетили академики И.А. Гильденштедт и П.С. Паллас, а в начале XIX в. здесь побывал еще один академик - Г.Ю. Клапрот. Однако первые археологические раскопки на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, начались лишь в 1849 г. Их провел А. Фиркович [1, с. 26]. После этого интерес к археологическим памятникам Кавказа резко возрастает, особенно с 1859 г., когда при императорском дворе создается социальная Археологическая комиссия. В 1871 г. известный в то время кавказовед А.П. Берже представил II Всероссийскому археологическому съезду записку об археологии Кавказа. В то время это была сенсация. Но тем не менее, как отмечает Е.И. Крупное, "поворотным моментом в изучении археологии Северного Кавказа явился V Археологический съезд, состоявшийся в 1881 г. в Тифлисе. Его влияние на общее развитие историко-археологического и этнографического изучения всего Кавказа в дореволюционный период России было исключительно велико" [1, с. 27—30]. В частности, начался бурный процесс

накопления археологических материалов благодаря ученым, работникам музеев, краеведам и коллекционером — Г.Д. Филимонову, В.Б. Анто-

55

новичу, А.С. и П.С. Уваровым, А.А. Руссову, Д.Я. Самоквасову, В.Д. Долбежеву и др. Сегодня собранные ими археологические коллекции хранятся в музеях Москвы (Государственный Исторический музей — ГИМ), Петербурга (Эрмитаж и Музей антропологии и этнографии), Тбилиси, Владикавказа, Нальчика, Махачкалы [1, с. 28—31]. Были они и в краеведческом музее г. Грозного, но война их полностью уничтожила.

В 1886 г. в Чечне работала экспедиция Московского археологического общества, организованная В.Ф. Миллером. Она изучала в горах Чечни средневековые архитектурные памятники [3, с. 5].

Спустя два года, в 1888 г., археологические исследования в Чечне провел председатель Археологической экспедиции А.А. Бобринский. Им были обследованы окрестности сел Алхан-Юрт, Алхан-Кала, Урус-Мартан, Кулары и др. [1, с. 35-36].

В то же время археологические раскопки и коллекционирование древних вещей проводит представитель местной военной администрации - помощник начальника Грозненского военного округа Н.С.Семенов [1, с. 36].

В первые годы XX в. раскопки в Чечне проводит секретарь Терского областного статистического комитета Г.А. Вертепов близ селений Урус-Мартан, Ани-Ирзо, Байси-Ирзо. Добытые при этом археологические коллекции ныне хранятся в Эрмитаже. Наиболее интересные материалы из этих комплексов опубликованы в 1950 г. О.А. Артамоновой-Полтавцевой [4; 1, с. 37].

Наконец, в предреволюционные годы (до 1917г.) небольшие археологические раскопки в Чечне проводил старший адъютант Управления Сунженского отдела Терской области подъесаул Ф.С. Панкратов, а результаты своих работ он опубликовал под псевдонимом Ф.С. Гребенец [1, с. 38].

Таков беглый обзор археологического изучения Чечни в досоветский период. Все это время можно охарактеризовать как период накопления разновременных археологических источников по древней и средневековой материальной и духовной культуре вайнахов.

В 1941 г. Е.И. Крупное писал, что до самых последних лет по раскопкам археологических объектов Чечено-Ингушетия занимала одно из последних мест среди других республик Северного Кавказа и представляла собою почти белое пятно на археологической карте Кавказа. Слабая изученность края была очевидна. Можно без всякого преувеличения сказать, отмечал Е.И. Крупное, что до последнего времени мы почти не знали материальных источников по его древнейшей истории. А те немногочисленные историко-археологические экспедиции, которые посетили территорию современной Чечни и Ингушетии в дореволюционный период начиная с XVIII в., задач планового и систематического изучения края не преследовали [5, с. 67; 6, с. 157].

56

Начиная с 1920-х годов в Чечено-Ингушетии разворачиваются широкие археологические разведки и раскопки, в основу которых был положен тщательно разработанный план, составленный на несколько лет [6, с. 158]. В связи с этой ориентацией археологов Е.И. Крупное писал, что без археологии нельзя успешно решать такие сложные исторические проблемы, как:

- 1) развитие древнейших культур и формирование племен и народностей;
- 2) установление времени и условий распада родовых связей и зачатков государственности;
- 3) состояние форм хозяйства, степень и характер развития ремесла, обмена и торговли;
- 4) вопросы религии и т.д. [7, с. 6].

В годы существования СССР началось планомерное и всестороннее осмысление истории вайнахов. В частности, археологическое изучение территории Чечни и Ингушетии, проведенное в то время, можно условно разбить на три этапа [8, с. 181-184]:

1 этап - с 1920 по 1940 г. За это время благодаря усилиям таких ученых и краеведов, как М.И. Артамонов, А.П. Круглов, Л.П. Семенов, Е.И. Крупнов, А.В. Мачинский, Г.В. Подгаецкий, Н.Ф. Яковлева, И.П. Щерблякин, А.А. Захаров, М. Акбулатов, Х.Д. Ошаев, открыто и частично исследовано значительное число памятников. Важнейшим итогом этого периода стало широкомасштабное исследование могильника эпохи бронзы у с. Харачой* А.П. Кругловым. Он назвал его памятником каякентско-харачоевской культуры [9]. По справедливому замечанию В.И. Марковина, каякентско-харачоевская культура всеми своими элементами непосредственно связана с наиболее древними пластами. В то же время локально-

племенные особенности усиливаются. А.П. Круглов вполне закономерно делил памятники культуры на западную и восточную группы, отмечая их специфичность [9, с. 52—59; 10, с. 9]. Эти группы могли быть оставлены протовайнахским и протодагестанским населением [10, с. 9—10].

// этап — с 1946 по 1971 г. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны созданная под руководством Е.И. Крупнова Северокавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) Института археологии АН СССР, ГИМ, местных музеев и научных учреждений развертывает ширококомасштабные стационарные и разведочные работы в Грозненской области до 1957 г., а с 1957 г. - в Чечено-Ингушской АССР [И, с. 13]. В основу всех полевых изысканий СКАЭ была положена разработанная коллективом экспедиции (Е.И. Крупнов, Л.П. Семенов, а позже Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин) осново-

* В археологической историографии Северного Кавказа встречается разночтение названия села - Харачой и Хорочой. Правильно называть Харачой, а следовательно, и археологическую культуру надо называть "кайкентско-харачо-евская".

57

полагающая программа, охватывающая ряд частных вопросов и общих проблем по истории края с древнейших времен до XIX в. Свою работу СКАЭ выполняла силами нескольких отрядов, руководимых Р.М. Мунчаевым, В.И. Марковиным, О.В. Милорадович, Т.М. Минаевой, В.И. Козенковой, В.Б. Виноградовым, С.Ц. Умаровым, М.Х. Ошаевым, М.Б. Мужухоевым и М.Х. Багаевым. Итоги деятельности экспедиции изложены в научных отчетах, в различных монографиях, брошюрах, статьях, публикациях, одно лишь перечисление которых заняло бы десятки страниц.

В библиографии мы называем наиболее важные [12; 13]. Они послужили основой при написании соответствующих глав I тома "Очерков истории Чечено-Ингушской АССР" [14].

Работа экспедиции ознаменовалась открытием новых и исключительно важных памятников погребального и бытового характера, систематическое изучение которых привело к выделению или подтверждению отдельных археологических культур. Более того, наметилась четкая хронологическая шкала и стало возможным соответствующие памятники отнести к эпохам палеолита, мезолита, бронзы (ее ранний период - III тысячелетие до н.э.; развитый период - II тысячелетие до н.э., который вошел в северокавказскую археологическую культуру, и период поздней бронзы - рубеж II-I тысячелетий до н.э., его памятники в свою очередь подтвердили правомерность наличия в Чечне и Дагестане кайкентско-харачо-евской культуры); к эпохе железа (XII—IV вв. до н.э.), представленной кобанской культурой, в восточный вариант которой входит Чечня [15, 16, 17]; к сарматскому периоду (конец IV в. до н.э. — IV в. н.э.); к раннему (V—XII вв.) и позднему (конец XII — первая половина XVIII в.) средневековью [18].

В настоящее время исследованные в республике памятники III—I тысячелетий до н.э. с твердой уверенностью можно поставить в один ряд с крупнейшими синхронными памятниками Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана, Кубани и даже древней Месопотамии [19], например, поселения и могильники у селений Бамут, Сер-жень-Юрт, Мужичи, Курчалой, Харачой, Гатын-Кале, Саади-Котар, Зандак и др. Р.М. Мунчаев установил определенное культурное единство древнейших племен, населявших в III тысячелетии до н.э. Северный Кавказ и Закавказье. Он давно поставил вопрос: не является ли это общекавказское единство энеолитической культуры IV-III тысячелетий до н.э. отражением древнейшего кавказского этнического субстрата, на базе которого впоследствии оформилась иберийско-кавказская языковая семья?

Комплексно изучив памятники Кавказа, в том числе Чечни и Ингушетии, Р.М. Мунчаев доказал наличие тесных связей и взаимоотношений между основными культурами раннебронзового века Кавказа [20, с. 197-414]. Этот тезис получил свою дальнейшую поддержку и разработку в трудах дагестанских ученых [21- 23]. Так, на-

58

пример, М.Г. Гаджиев и А.Г. Магомедов отмечают, что, по данным археологии, северо-восточно-кавказская этнокультурная общность формируется в неолите и энеолите (V—IV тысячелетия до н.э.). В эпоху ранней бронзы (четвертая четверть IV тысячелетия до н.э. — конец третьей четверти III тысячелетия до н.э.) это единство сохраняется [23, с. 45]. Выделение Северо-Восточного Кавказа как особого этнокультурного региона подтверждается и данными нахско-дагестанских языков, как подчеркивают дагестанские ученые [23, с. 46]. М.Г. Гаджиев и А.Г. Магомедов с уверенностью пишут, что тезис о генетическом родстве языков восточно-кавказской (нахско-дагестанской) группы признаётся безоговорочно всеми исследователями [23, с. 46].

Характеризуя второй этап археологического изучения Чечни, следует отметить, что

он был самым плодотворным как в плане открытий и археологических исследований многих памятников Чечни, так и в написании крупных и серьезных научных трудов по ним [10-13].

III этап. 29 сентября 1970 г. скоропостижно скончался неутомимый руководитель СКАЭ профессор Е.И. Крупное. После этой тяжелой утраты СКАЭ работала еще два года (в 1971 и 1975 гг.) под руководством В.И. Козенковой. Таким образом, III этап начинается в 1972 г. и продолжается до 1990 г. В этот период археологическое изучение республики велось силами местных археологов, выросших на базе СКАЭ, — отрядами Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, социологии и филологии и Чечено-Ингушского госуниверситета под руководством М.Б. Мужухоева, В.Б. Виноградова, Р.А. Даутовой, С.Л. Дударева, В.А. Петренко, Х.М. Мамаева, М.Х. Ошаева, С.Н. Савенко, Р.Д. Арсанукаева, М.Х. Багаева и др. Ими открыты и в определенной степени изучены десятки археологических памятников с древнейших времен до XVIII в. Московские ученые (Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.И. Козенкова, М.П. Абрамова) продолжают свои исследования по истории материальной культуры вайнахов. Опубликованные ими монографии и статьи вместе с работами местных ученых позволяют утверждать, что Чечня и Ингушетия перестали быть белым пятном на археологической карте Северного Кавказа [10-24], хотя, как верно замечает В.И. Марковин, сейчас трудно что-либо конкретное сказать об эпохе камня и энеолита на территории Чечено-Ингушетии, ибо памятники их почти не изучены [10, с. 6]. Однако все остальные периоды прекрасно археологически изучены [25, с. 148-155; 26, с. 181-184; 27, с. 184-187]. При этом особо хочу отметить заслуги крупнейших кавказоведов докторов исторических наук Е.И. Крупнова, Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, В.И. Козенковой, М.П. Абрамовой, М.Б. Мужухоева, В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева. Благодаря их усилиям ученому миру достойно представлены древние и средневековые страницы истории вайнахов, определенная

59

непрерывность исторического процесса начиная с VI тысячелетия до н.э. [23, с. 45] по настоящее время [28, с. 50-57; 29, с. 145-156]. Стало очевидным, что древние вайнахи имели свою самобытную культуру и говорили на едином для многих племен Северного Кавказа VII—VI тысячелетий до н.э. прасеверокавказском языке, который на рубеже V—IV тысячелетий до н.э. распался на западно-кавказские (абхазо-адыгская семья) и восточно-кавказский (нахско-дагестанская семья) языки. К последней семье языков принадлежал и хуррито-урартский, отделившийся от своей основы не позже IV тысячелетия до н.э. и переместившийся в Закавказье и Малую Азию вместе со своими носителями — хуррито-урартами [22, с. 40 и ел.]. В III тысячелетии до н.э. распался и прапахско-дагестанский язык [19, с. 409[^]-14], а во II—I тысячелетиях до н.э. происходит его дальнейшая дифференциация [23, с. 44-61]. Естественно, что носителями этих языков были предки сегодняшних народов Дагестана и Чечни. Эти же народы имеют прямое отношение к формированию на Кавказе таких археологических культур, как раннеземледельческая, ку-ро-аракская, майкопская, каякентско-харачоевская, мугерканская, гинчинская, зандакская, кобанская. Следовательно, вайнахи - подлинны аборигены Кавказа, что подтверждается многочисленными памятниками эпохи раннего и позднего средневековья. Например, большое число памятников V-XII вв. открыты и исследованы у селений Алхан-Юрт (городище), Курен-Беной и Ахкинчу-Барзой (поселение), Алхазурво (поселение), Ялхой-Мохк (поселение), а также могильники у селений Рагета, Харачой, Ножай-Юрт, Мартан-Чу, Дай, Ольгиты и т.д.

Все поселения и городища основаны на местах, где окружающие земли удобны для возделывания и находятся на равнинной части республики и расположены в бассейнах рек Терек, Сунжа, Асса, Мартан, Шалажа, Аргун, Басе, Мичик, Аксай и др. (за редким исключением, таких, как Ялхой-Мохкское, Ножай-Юртовское, Дачу-Барзойское, Цеча-Ахкинское и нескольких других). Многие из этих памятников, а их более 150, многослойны. В толщах из культурных слоев имеются материалы VI—IV вв. до н.э.; IV в. до н.э. — IV в. н.э.; V—XII вв.; XII—XVI вв. Все бытовые памятники Чечни и Ингушетии VI в. до н.э. - XII в. н.э. хорошо спланированы. Например, так называемые рядовые городища возникали на месте древних поселений путем возведения на остатках последних искусственных укреплений. Располагались они, как правило, на естественно укрепленных холмах и на высоких речных берегах, валы у них отсутствуют, но хорошо прослеживаются рвы.

Другая группа - городища с цитаделями. Во-первых, они особо примечательны не только наличием цитадели, но и делением всего городища на 2-4 части, которые в единой композиции составляют отлично укрепленный комплекс оборонительных сооружений; во-вторых, они по масштабам намного крупнее; в-третьих, в них соче-

таются рвы и валы; в-четвертых, у въездов в городище сооружены форпосты; в-пятых, к этим городищам примыкают так называемые поселения-посады. Надо полагать, что такие фортификационные сооружения возникают в IV в. Е.И. Крупное пишет, что возникновение фортификационных сооружений на старых неукрепленных поселениях Северного Кавказа с конца IV в. связано с заметно усилившимся процессом социально-экономической дифференциации местного общества, а также с изменением средств войны, обороны и быта. Хорошо известно, что древние вайнахи испытали нашествие скифов (VI—IV вв. до н.э.), аорсов, сираков, сарматов, алан, гунов (IV в. до н.э. — VII в. н.э.), монголо-татар (XIII—XIV вв.). В такой обстановке каждый поселок превращался в укрепленную крепость, имея уже более сложную планировку - детинец, цитадель, посад, селище, подобно древнерусским городищам. Это была последняя и наиболее развитая форма планировки раннесредневековых городищ, иначе - раннефеодальных городов.

Археологические раскопки (хоть и незначительные) некоторых бытовых памятников выявили остатки жилых построек, по которым можно судить о раннесредневековом строительном деле Чечено-Ингушетии. Сохранность жилых домов крайне плохая, но все-таки можно уловить, что по конфигурации дома были четырехугольные, реже - круглые и обмазанные глиной. Стены крепились толстыми столбами, ставившимися по углам помещения и вдоль стен. Пол помещений был глинобитный, а кровля — из турлука и обмазывалась толстым слоем глины.

Названные и другие характерные черты бытовых памятников Чечено-Ингушетии свойственны не только подобным памятникам данной территории. Они типичны и для синхронных поселений и городищ соседних республик Северного Кавказа. Такая закономерность, видимо, связана с общностью происходивших в среде народов Северного Кавказа социально-политических процессов, обусловивших и общность форм планировки, особенности фортификации поселений и городищ на всем Северном Кавказе, их единые функции и назначение. При археологических раскопках бытовых и погребальных памятников найдено огромное количество инвентаря, которым пользовались древние вайнахи, - орудия труда (ножи, пряслица, ножницы, иголки); оружие (наконечники копий, стрел, кинжалы, каменные булавы, железные топоры и т.д.); украшения и принадлежности одежды (серьги, поясные наборы, подвески, браслеты, шейные гривны, диадемы, фибулы, пряжки); предметы туалета (зеркала); керамика. Эти материалы находят яркие аналогии в археологических комплексах горного Дагестана. Вполне вероятно, что в период раннего средневековья горная часть Дагестана и Чечни (от верховьев р. Аварское Койсу до верховьев р. Аргун) входила в единый ареал материальной культуры горских народов Дагестана и Чечни.

61

Густота бытовых и погребальных памятников Чечено-Ингушетии говорит об интенсивной жизни на этой территории на протяжении десятков веков. Благодаря самым тесным связям с народами Кавказа, Востока, античного мира и Юго-Восточной Европы материальная культура древней и средневековой Чечено-Ингушетии стояла на одинаковом уровне с культурами соседних и дальних народов. Высоко было развито земледелие, животноводство, металлообработка.

Вместе с тем крайне удивляют попытки многих вайнахов (А. Измаилов, Р. Плиев, А. Долатов, М. Аушев и др.) найти истоки истории своего Отечества в просторах от Китая до Америки, от Англии до Египта, тогда как корни вайнахской культуры, как показывают археологические источники, - на Кавказе. Следовательно, нет никакой необходимости ни с политических, ни с националистических позиций манипулировать археологическими, лингвистическими, антропологическими, этнографическими (этнологическими) и другими источниками истории своего и соседних народов [28, с. 55-56].

1. *Крупное Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.

2. История Древнего Востока: Учебник // Под ред. В.И. Кузищина. 3-е изд. М., 2001.

3. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

4. *Артамонова-Полтавцева О.А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // Сов. археология. 1950. XIV.

5. *Крупное Е.И.* Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX.

6. *Крупное Е.И.* Археологические памятники Ассинского ущелья // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XXII.

7. *Крупное Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.

8. *Багаев М.Х.* Этапы археологического изучения Чечено-Ингушетии // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980.

Вып. 2.

9. *Круглое А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. - М.; Л., 1958.

10. *Марковин В.И.* Археологический аспект в изучении вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов: Материалы научной конференции. Шатой, 1991; Махачкала, 1996.

11. Сов. археология. 1971. № 1.

12. *Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А.* Чечено-Ингушетия в советской исторической науке: (критико-библиогр. обзор). Грозный, 1963; *Крупнов Е.И.* Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // АЭС, 3. Грозный, 1969. А также см. историографические разделы в работах, указанных под следующим номером.

13. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Он же.* Средневековая Ингушетия. М., 1971; *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.). М., 1960; *Он же.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969; *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура на Северо-Восточного Кавказа. М., 1961; *Он же.* Кавказ на заре бронзового

62

века. М., 1975; Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; *Он же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972; *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977; *Козенкова В.И.* Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореф. канд. дисс. М., 1969; *Она же.* Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н.э. М., 1989; *Умаров С.Ц.* Средневековая материальная культура горной Чечни. XIII—XVII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1970; *Багаев М.Х.* Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф. канд. дисс. М., 1970; *Виноградов В.Б., Маркович В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

14. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен по март 1917 г.). Грозный, 1967.

15. *Козенкова В.И.* Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н.э. М., 1989.

16. *Она же.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. М., 1977. Вып. 2-5.

17. *Она же.* Типология и хронологическая классификация предметов кабанской культуры. Восточный вариант // САИ. Т. 2. М., 1982. Вып. 2-5.

18. *Кузнецов В.А., Виноградов В.Б., Багаев М.Х., Умаров С.Ц., Мужухоев М.Б., Маркович В.И.* Указ, выше работы.

19. *Мунчаев Р.М.* Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): Тезисы докладов. М., 1996.

20. *Он же.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

21. *Гаджиев М.Г.* Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

22. *Гаджиев М.Г.* Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ереван, 1987.

23. *Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г.* Об относительной хронологии этноязыковых процессов восточно-кавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.

24. *Абрамова М.П.* Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.

25. *Багаев М.Х.* История археологического изучения раннесредневековых памятников Чечено-Ингушетии до 1969 г. // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1978.

26. *Багаев М.Х.* Этапы археологического изучения Чечено-Ингушетии // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2.

27. *Мамаев Х.М.* Назревшие вопросы хронологии и этнокультурной характеристики в раннесредневековой археологии Тереке-Сулакского междуречья // Вопр. истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2.

28. *Багаев М.Х.* Место Чечни в древних цивилизациях: 1-я археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998.

Я.З. Ахмадов, А.Д. Осмаев

РУССКО-ЧЕЧЕНСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
ВЗИМОВЛИЯНИЕ НА ТЕРЕКЕ В XVI-XVIII ВВ.

Основой развития хозяйственно-культурного взаимодействия между чеченцами, с одной стороны, и русским населением Терека в лице казачества - с другой была реальная взаимозависимость и взаимозаинтересованность, возникшая в процессе укрепления многовекового соседства. Указанная взаимозависимость подрывалась, правда, политикой российского царизма, направленной на разжигание национальных противоречий. Такая политика превращала русское пограничное население в орудие колониальных захватов. Эту политику разделяла казачья верхушка. В то же время сословные верхи чеченцев, князья и старшины, стремились монополизировать отношения с Россией, воспрепятствовать прямым отношениям своего народа с русским населением Терека.

Политика царизма, а также казачьей и чеченской верхушки придавала взаимоотношениям народов двойственный характер. Вместе с тем известны конкретные факты взаимодействия в области материальной и духовной культуры, сыгравших обоюдную положительную роль.

Прямые контакты русских с чеченцами начались в последней четверти XVI в., когда на Тереке появились первые терско-гребенские казаки. Эти контакты стали стабильными в XVII – начале XVIII в., когда казаки стали оседать здесь на постоянное жительство и обзаводиться хозяйством. Большая их часть жила за счет про изводящего хозяйства, и потому эта часть искала дружбы и добрых отношений с горскими соседями. Да и незнание природных особенностей Кавказа заставляло казаков перенимать материальную культуру горцев, в том числе и чеченцев, что, разумеется, сказывалось положительно на их отношениях друг к другу.

Весьма большую роль в формировании терско-гребенского казачества (гребенского в особенности) и усилении его дружественных связей с чеченцами сыграли многочисленные переселенцы из Чечни. В казачьи городки и крепости бежали десятки семейств из-за кровной мести и по другим причинам. Число таких перебежчиков было очень велико; это придавало различный колорит отдельным станицам в укладе их жизни, в обрядах, песнях и т.п. "Это, наконец, приводило к большому сближению (казаков. — Я.А.) с их инородческими соседями и к переимчивости полезных особенностей у них" — так отмечает один из казачьих историков XIX в. [1].

64

И казаки бежали в горские аулы и оседали там, что привело даже к образованию целых ветвей (габр) русского происхождения в чеченских тейпах.

Чеченцы, переселившиеся в русские станицы, не прерывали связи с родиной. Они ездили туда как с торговыми, так и с дипломатическими целями по заданию царских властей, что, безусловно, способствовало сближению народов.

Важной предпосылкой для взаимопроникновения культур, кроме взаимных переселений, оживленных политических и экономических отношений, являлись и горские обычаи: гостеприимство, куначество, аталычество. Чеченцы строго соблюдали обычаи гостеприимства, включавшие в себя целый комплекс правил. Гостю не только давали кров и пищу, но и помогали в его делах, а в случае необходимости защищали с оружием в руках. Гостеприимством чеченцев мог воспользоваться человек любой расы и вероисповедания, в том числе и русский.

Куначество было прекрасным народным обычаем, способствовавшим безопасности контактов и постоянной дружбе между представителями разных национальностей. По словам Л.Н. Толстого, куначество у чеченцев состояло в следующем: "Чтобы стать кунаком, то есть другом, по обычаю нужно, во-первых, обменяться подарками и затем принять пищу в доме кунака. И тогда по древнему обычаю этого народа (который сохраняется только по традиции), становятся друзьями на живот и на смерть, и о чем бы я ни попросил его — деньги, его оружие, все то, что у него есть самого драгоценного, он должен мне отдать, и, равно, я ни в чем не могу отказать ему" [2]. Для приема гостей чеченцы, как и другие горцы, содержали специальные помещения в доме или отдельные строения — так называемые куначкие. Академик Фальк, путешествовавший по Северному Кавказу в 1773 г., пишет об ауле Брагуны, что дома его жителей "гораздо лучше прочих, а особливо небольшая постройка (конак уи), в которой они принимают гостей..." [3].

Куначеские отношения, широко развитые между рядовыми казаками и чеченцами, нашли отражение в чеченском фольклоре. Так, героико-эпическая поэма-илли "Ахмад Автуринский" рассказывает о том, как чеченский молодец сдружился с терским казаком, который, следуя закону дружбы, помогает Ахмаду вывезти его любимую девушку из Кизляра. А в песне "О Тарковском молодце, сыне вдовы, Жуми Акхтулле и казаке" повествуется о союзе чеченских, кумыкских и казачьих молодцов. Объединенные куначеством, они смело вступают в бой с отрядом царского генерала.

Куначеские отношения существовали и между социальными верхами чеченцев и русского населения по Тереку. Документ 1753 г. сообщает, что чеченский князь Алисултан Казбулатов

имел куначе-ские отношения с казачьим атаманом Лукьяном Борисовым; куна-ческие связи имели кизлярские и чеченские купцы [4].

3. Культура Чечни...

65

Хорошим обычаем, способствовавшим взаимообогащению культур, укреплению дружеских связей горцев и казаков, был обычай аталычества, суть которого состояла в отдаче детей для воспитания в другую семью. Между казаками и чеченцами было принято отдавать детей на воспитание из станиц в аулы и наоборот, что давало им знание чужого языка, грамоты (русской, арабской), обычаев и т.д.

Таким образом, можно утверждать, что для взаимовлияния и взаимообогащения культур чеченского и русского (в данном случае в лице казачества) народов существовали определенные условия и предпосылки. К числу их относились оживленные политические и экономические связи, взаимные переселения, взаимозаинтересованность и взаимозависимость в хозяйственной жизни, гостеприимство, куначество и аталычество.

В ходе длительного исторического развития чеченцы выработали передовые по своему времени приемы ведения хозяйства и относительно совершенные орудия труда. Они были идеально приспособлены к местным природным условиям. Не удивительно потому, что казаки, переселившиеся из России на Кавказ, на земли Чечни, переняли у своих соседей орудия труда и приемы ведения хозяйства. Гребенские казаки стали применять в земледелии плуг кавказского типа, молотильные доски, распространенные у горских соседей. Двухколесную горскую арбу казаки называли "чеченской" - колеса к ней, как правило, в XVIII в. они вывозили из Чечни. Казаки переняли у горцев культуру проса, садоводства, виноградарства, а позже и кукурузы. В области скотоводства гребенские казаки переняли у чеченцев породы овец, крупнорогатого скота и лошадей.

Все исследователи терско-гребенского казачьего быта единодушно отмечают влияние горцев на казачество в строительстве жилищ. Хата, построенная казаком, ничем не отличалась по наружному виду от "туземной" сакли и имела глиняную или камышовую плоскую крышу, глинобитный пол, а стены делались из турлука (плетенный из хвороста каркас), обмазанного глиной. Данное описание казачьей хаты сходно с описанием чеченской сакли XVIII в., сделанным русским агентом в 1758 г.: "сделаны дома из турлуков же, вымазаны глиной и крыты плетнями и камышом, а сверху землю".

Обстановка казачьих жилищ была также перенята у горцев. В 1740 г. анонимный автор "Описания гребенских казаков" указывал, что казаки "чуланов не имеют, и делают широкие лавки, которые по-азиатскому (манеру) обыкновенно в подобие полатей, только весьма низкие, в довольных постелях и подушках" [5].

Влияние чеченцев на своих русских соседей проявилось и в одежде: "в платье обряды их" не были сходны с "великороссийскими", казаки носили костюмы на "татарское (т.е. горское. - Я.А.) обыкновение". Казаки носили черкеску, бешмет, кавказскую меховую шапку, ноговицы; женщины их также "приняли уборы" от горских жен-

66

щин. Все украшения казачек были приобретены у горских мастеров. Элементы чеченской и горской одежды вообще настолько проникли в быт казачества, что даже героев русских песен казаки "одевали" по своему подобию. В песне "Иван Грозный встречается с сыном Курбского" герой этой песни выходит навстречу царю "в коричневой черкеске нараспашечку". Щегольство казаков в одежде состояло в подражании чеченской.

Казаки переняли у своих соседей все виды холодного оружия; особенно они ценили уникальные шашки "терс-маймуны" и "калды-ны", которые были распространены в Чечне. Заслуженной славой пользовались и шашки, изготовленные в ауле Старые Атаги, они воспевались даже в казачьих песнях.

Безусловно, вышесказанное не исчерпывает всей полноты воздействия материальной культуры горцев (в особенности чеченцев) на материальную культуру пограничного русского населения, т.е. терско-гребенского казачества. Многие вопросы из-за отсутствия соответствующих источников остаются вне поля зрения. Воздействие русской материальной культуры на чеченцев прослеживается в тот период слабее; дело в том, что эффективное воздействие ее на горцев началось только во второй половине XIX в., когда на Кавказ стал проникать русский капитализм. Дореволюционные историки отмечали факт более слабого влияния казачества на горцев: "...нельзя не признать громадного значения казачества в деле расширения русских владений вооруженной рукой: терские, гребен-ские, а затем и другие казачьи войска бесспорно сыграли славную роль в территориальном расширении государства и в открытии для его культурных влияний новых мест и народностей; но сами казаки, по крайней мере в древнейших своих представителях (терцах и гре-бенцах), не несли этого культурного влияния, а, напротив... заимствовали во многих случаях культуру покоряемых ими народностей" [6]. Но полностью согласиться с данной точкой зрения нельзя. Так,

чеченские князья XVIII в. неоднократно приглашали к себе русских мастеров — строителей и плотников — для сооружения своих домов. Горцы, как правило, высоко ценили работу русских мастеров по дереву, железу, всячески старались оставлять их у себя. Кроме того, нельзя не учитывать проникновения в быт чеченцев через казаков изделий русских мануфактур и заводов: тканей, посуды, качественного железа, огнестрельного оружия и т.д. [там же].

Появление и рост русского населения на Тереке влекло за собой увеличение в Чечне посевных площадей риса и других зерновых культур, а также сбора марены и разведения шелковичных червей, так как для горцев появился широкий рынок сбыта. Все это, конечно, благотворно сказалось на развитии хозяйства и общей земледельческой культуры всех горцев, в том числе и чеченцев.

Относительно оживленные политические, экономические и культурные взаимоотношения казаков и горцев не могли разви-

3*

67

ваться без взаимного, хотя бы элементарного знания языка. Если в первое время необходимость в переводчиках восполняли выходцы из Кавказских гор, приходившие "на житье в Терский город с женами и детьми", то впоследствии, в XVII—XVIII вв., в связи с расширением контактов взаимное знание языка стало просто необходимым. Казачество рано познакомилось с горскими языками, усваивая названия многих вещей, употребляемых горцами в хозяйстве. Перенимая горские изделия, казаки перенимали вместе с ними и их названия, тем самым пополняя свой словарный запас. В XVIII в. многие гребенские казаки хорошо знали северокавказские языки, в том числе и чеченский. Так, в 1742 г. гребенцы просили увеличить жалованье, мотивируя это тем, что их часто посылают в дальние места и "до Кабарды ж, и до Чечней беспрестанно... понеже у них имеются тамошнего языка знающие и всегда в службу употребляются больше" [7].

Одновременно русское правительство в своих интересах старалось обучить русскому языку горских аманатов (по существу, заложников), содержащихся в Кизляре. В 1763 г. кизлярскому коменданту было дано указание "доводить их (аманатов) к частому обращению с русскими, призывать их в табельные дни к столам и учить грамоте российской и татарской".

Интересно отметить, что и чеченцы стремились обучать своему языку и грамоте малолетних русских пленных. Документ 1757 г. рассказывает, что пленного казачьего мальчика хозяева содержат в хороших условиях и "обучают по-татарски грамоте" [там же].

Таким образом, искреннее стремление широких слоев чеченцев и русских на Кавказе к дружбе и добрососедским отношениям, развитие политических, экономических контактов приводили к обоюдному знанию языка, а значит, и к взаимообогащению их. В чеченском языке был усвоен ряд слов, которые по форме и значению совпадают с русскими.

Влияние местных горских (в особенности чеченского) языков на говор терско-гребенского казачества было весьма значительным. Как мы указывали выше, многие казаки знали чеченский язык, иногда даже употребляли его в домашнем быту.

Исследователи фольклорных связей северокавказских народов с русскими отмечают, что "проникновение устнопоэтических сюжетов, образов и мотивов в своей общей идейно-художественной основе было издавна диалектично-двусторонним и объективно способствовало как взаимному обогащению культур народов Кавказа и России, так и их дальнейшему экономическому и политическому сближению". Эти слова с полным правом можно отнести и к связям чеченцев с терско-гребенскими казаками [8].

Во влиянии чеченского фольклора на казачий и наоборот есть определенная специфика. В частности, чеченский песенный фольклор не отразил типичных русских мотивов, но в нем возник образ благородного русского друга, русского человека, отражающий лучшие черты русского народа.

Ярким произведением указанного плана является чеченская ге-роико-эпическая поэма-илли "Ахмад Автуринский". А в казачьем песенном фольклоре были восприняты некоторые типичные образы чеченских песен, образ волка и даже некоторые характерные припевы. Кроме того, под влиянием чеченского и горского быта в среде казачества появились песни, в основе которых лежали типично горские сюжеты.

И в других областях фольклора сказалось сильное чеченское влияние. Многие легенды, сказки, распространенные среди гребенского казачества, по мнению некоторых исследователей (Б. Путилов, Ю. Агаджанов), первоначально бытовали у чеченцев, а затем отразились в народном эпосе гребенцев. В свою очередь русские пословицы и поговорки распространялись в среде чеченцев благодаря их общению с гребенцами [9].

Гребенские казаки, ближайшими соседями которых были чеченцы, представляли собой своеобразную военную общину, доступ в которую был открыт всем инонациональным элементам. Близкое соседство с горцами, некоторые родственные отношения с ними способствовали перениманию танцев, музыки, а вместе с тем и национальных инструментов.

У чеченцев казаки позаимствовали танцы, музыкальные инструменты и даже мелодии. Казаки переняли все разнообразие горских танцев. Горские танцы прочно вошли в быт гребенских казаков, которые, заимствовав зурну, двухструнную балалайку (дечиг-пондур) и барабан, сделали их своими "национальными" инструментами. Изменился характер казачьих свадеб, они справлялись по-чеченски, народные русские песни, исполняемые во время свадебного торжества, заканчивались лезгинкой.

Русско-чеченские культурные связи и взаимовлияния, рассмотренные здесь, выявлены большей частью на основе поздних источников. Но наиболее интенсивные плодотворные результаты в области культурных связей между терским казачеством и чеченцами были достигнуты в XVII—XVIII вв., когда сохранялись относительно мирные отношения, значительно заторможенные в следующем столетии Кавказской войной.

1. *Максимов Е.* Терское казачье войско // Терский сборник. Владикавказ, 1890. Вып. 1. С. 15.

2. *Толстой Л.Н.* Письмо к Т. Ергольской от 6 января 1852 г. // Собр. соч.: в 20 т. М., 1965. Т. 17. С. 52.

3. *[Фальк]*. Записки путешествия академика Фалька // Поли. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI. С. 70.

4. Государственный архив Республики Дагестан (далее ГАРД), ф. 379, оп. 1, д. 355, л. 15, 78-79 об.

5. ГАРД, ф. 379, оп. 1, д. 425, л. 18; *Косвен М.О.* Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив. 1958. № 5. С. 181-184.

69

6. См.: *Ткачев Г.А.* Станция Червленая // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Владикавказ, 1912. Вып. 1, № 7. С. 22-23; *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Сов. этнография. 1961. № 1. С. 47; *Народы Кавказа.* М., 1960. Т. 1. С. 349.

7. *Ахмадов Я.З.* Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в ХУIII веке. Грозный, 1991. С. 36-37.

8. *Агаджанов Ю.Г.* Песни Терека. Грозный, 1974.

9. *Саламов А.А.* Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - начало XX века) // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1961. Т. III. Вып. 1. С. 143.

РАЗДЕЛ III

Од. Джамбеков

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВРЕМЕНИ В УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЧЕЧЕНЦЕВ

В истории чеченского народа за обозримый период больше трагических страниц, нежели созидательно-благодетельных. Судьбе будто не угодно вывести его, наконец, на спокойную дорогу, чтобы, мысленно обратившись к корням своим, он постарался понять, кто же мы, чеченцы, что для нас свято и от чего мы хотим отказаться. Мы вольно или невольно больше оглядываемся назад — в прошлое, чем думаем о будущем. Впрочем, так, кажется, всегда было в нашей истории. И нам трудно расстаться с прошлым: верованиями, обычаями, духовными ценностями.

Наши наблюдения показали, что в философии чеченцев, основанной на фольклорном сознании, не совсем четко очерчена дефиниция "время будущее". Оно больше принадлежит мистике ("Хин дерг — Далла бен ца хаа", "Хиндолчунна юкьахь Дела бен вац") и т.п. и как будто народным сознанием оставлено в покое как нереальное время. А реальное - это время настоящее, но устремленное в прошлое - корнями, мыслями, философией и неразрывно связанное с ним. В этом смысле чеченцы подобны дереву, которое в настоящем ветвями устремлено к солнцу, а корнями - к прошлому. Настоящее чеченцами воспринималось как "эстафетная палочка" прошлого и как ответственность перед будущим. Вспомним такие колоритные проклятия: "Ворхле а дена наь!алт хийла!" или "Ворхле а т!аьхье декьала ма хийла!". В их зарождении и закреплении в сознании народа нет ничего случайного. Человек, в

миропонимании чеченцев, - это центр мироздания. Он в ответе даже за седьмого потомка, как ответствен был седьмой предок за него. Эта иерархия довлела над мыслями и поступками чеченца, начиная с того самого момента, когда он покидал колыбель, и не давала расслабиться до могильной тишины, означавшей конец его земного пути. Потому мы вправе утверждать, что мир воспринимается чеченцами через призму прошлого. Не случайно ведь в чеченском языке существует разветвленная грамматическая форма прошедшего времени. Это, кро-

71

ме всего прочего, дает возможность в зеркале прошлого увидеть и воспринять цикличное время Востока и линейное время Запада. Древние чеченцы, по утверждению этнолога С.-М. Хасиева, считали, что именно на Кавказе они сошлись — Восток и Запад. Вот почему фразеологизм "хан-зама", трудно воспринимаемый как словосочетание, явно находит здесь свое объяснение. Дефиниция "хан" нашими предками связывалась с конкретным человеком, с его судьбой, земным существованием. Если *хан* — конкретное время, цикличное, ощущаемое, воспринимаемое как, к примеру, кабина, прикрепленная к тросу фуникулера, то *зама* — время космическое, линейное.

Зама не связана с человеком, животным и растительным мирами. Мы знаем, что *зама* есть, мы чувствуем ее. Эта дефиниция активно функционирует в живом разговорном языке: "Зама йоьду...", "Шен заманца веха..." и пр.

Хан, напротив, - остановленное время, оно не движется. Оно, как та блоха из классического примера, сидящая на вертящемся яблоке, подвешенном на нитке. Яблоко вертится, а блоха вроде сидит неподвижно.

Хан - скорее земная женская категория. Это женское время, связанное с землей, а *зама* - мужское время, связанное с небом. Отсюда берут корни древнего поверья чеченцев, будто опасности для женщины идут с неба, и для того, чтобы уберечься от них, женщина-чеченка стала надевать на голову платок. На это же так или иначе указывает и другой обычай — копать могилу покойнице-чеченке на один штык глубже, чем мужчине. Опять же с одной-единственной целью — уберечь ее от напастей, идущих с неба. Мужчине-чеченцу, напротив, опасности следовало ждать от земли. Потому ему не рекомендовалось сидеть на земле, тем более спать на ней. В то же время считалось, что к женщине земля благоволит, питает ее своей энергией. Вот почему мужчины-богатыри в чеченских мифах и героических сказаниях при единоборстве с женщинами-богатырями стараются оторвать своих соперниц от земли, чтобы, лишив их помощи покровительницы-земли, победить. Подобными примерами изобилует и западная, и древнегреческая мифология.

Философское восприятие времени наших предков апеллировало к космическим масштабам, таким, как скорость мысли, скорость солнечного луча, скорость взмаха ресниц и т.п. Например, считалось, что скорость взмаха ресницы всего лишь в 9 раз меньше скорости света, а скорость мысли - в 9 раз резвее скорости солнечного луча. Нашим предкам была доступна философская взаимосвязь пространства и времени, которая четко укладывается также в рамки священных писаний, в которых, как известно, пространство в раю воспринимается как данность, увеличенная неимоверно, до бесконечности, а время остановлено или сведено к абсолютному нулю. Поэтому-то считается, что в раю все будут вечно молодыми...

72

Прошлое чеченцам представлялось не абстрактным, безвозвратно потерянным понятием, а чем-то вполне осязаемым, до чего можно при желании вместе со сказочником добраться, преодолев семь гор, или пожить в нем, отправившись в путешествие с героями эпической песни илли... Потому сказители всегда ставили целью увести слушателя от реальности в мир представляемых им в своем воображении героев с их поступками, поражениями и победами. Конечно, сказитель, создавая эпическую песню, не мог предположить, что она когда-нибудь станет предметом чтения, обсуждения и художественного анализа, ибо илли в своей первооснове ориентированы на потенциального слушателя, на его сиюминутное эмоциональное восприятие.

Время действия чеченской героико-эпической песни илли не только отнесено к прошлому - оно строго локализовано в этом прошлом и в восприятии сказителя, а через него и в восприятии его слушателя, оно, несомненно, представлялось как историческое, действительно существовавшее. Герои илли, их имена, топонимические названия, этнографические детали быта и традиций, отраженные в них, могли быть историческими.

В то же время чеченские эпические песни могли вбирать в себя исторические сюжеты, мотивы, эпизоды разных исторических эпох. Но соединенные сказителем в единый сюжетный клубок, слушателями они воспринимались как реальные события чеченской истории.

Время действия илли совершенно замкнуто, оно начинается в большинстве случаев с зачина, т.е. с «введения слушателя в определенное "песенное время", которое сообразуется с обычным реальным временем»¹. К примеру: "Кхо ког болчу цу гТанта лохо лахвел-ла, Дагца

ен ойланаш ва сица сецаеш, Кхо пха болчу пондарх марГал пТелг ва бетташ, Сахуьлунга вели, тов, дог майра вачТега"². Затем следует подвиг героев этой илли, завершающийся их героической гибелью: "Цул тТаьхьа вахара, тов, и Таймин Биболт байинчу цу кТентийн гергарчу цу нахе, Уьш байар хоуьйтуш, мичахь бу уьш дуйьцуш, Декъий дан хьовсийра цо яхь иолу и кТентий. Цул тТаьхьа ц!а вирзира и Таймин Биболт Вехачу шен юьрта, доьхначу ва даг-ца!"³. "В начале повествования от сказителя требуется только статистическое описание времени и обстоятельств, в которых разворачивается действие; это создает возможность и даже необходимость замедления повествования. В информативном плане здесь не требуется передачи каких-либо особо динамичных ситуаций и событий. Задача сказителя - красочно, увлекательно начать свое повествование, привлечь к нему внимание. Поэтому он выбирает менее тяжеловесную в коммуникативном отношении конструкцию - простое предложение, но обрамляет его оборотами, несущими только дополнительную информацию, и с помощью этой своеобразной ретардации создает впечатление совпадения реального и художественного времени и - параллельно с ним - опозитизированный фон вокруг зачина"⁴.

73

Действие илли, как правило, развивается вокруг главного героя (героев), его (их) судьбы. Потому длительность событий, связанных с его (их) действиями, всегда равна сюжетной длительности песни. И в ней совершенно не упоминаются другие события, выходящие за пределы главной сюжетной линии. Для илли характерна абсолютная завершенность, где "временные и ценностные определения... слиты в одно неразрывное целое"⁵. Однако при всей "завершенности" сюжета эпическое время илли является конкретно-историческим, в той или иной мере отражающим национально-героическое прошлое чеченцев. И оно движется в одном направлении, ему не свойственны как возвращения назад, так и забегания вперед. И это однолинейное течение изображаемого времени илли не нарушается даже тогда, когда сказитель (намеренно или нет) завязывает в одном сюжетном действии героев, возможно, реально живших в разных исторических эпохах, и события, имевшие место в истории чеченцев в разные времена.

При этом однолинейно развивающееся время илли течет прерывисто - то сказочно убыстряясь, то замедляясь. "Неровность в течении художественного времени, частые перерывы в развитии сюжета заполняются различными описаниями (обычно это пейзажные зарисовки, описания душевного состояния героев и т.д.)"⁶, или же, как в "Илли о Жаммирзе Мадиеве из Чечен-Аула", герой сразу догоняет похитителей своей сестры, неизвестно когда тронувшихся в путь. Время от начала погони героя до его вступления в бой с похитителями сказителем намеренно опущено. Здесь действие прерывается на неопределенное время. Этот перерыв во времени допускается с целью достижения максимальной "плотности событий". Бой героя — Жаммирзы Мадиева — с неприятелем скоротечен, победа, отчасти гиперболизированная, достигается быстро. Время поединка спрессовано, сжато: "Кхоьллинчу ва Дала цу Делан достагТийн ТТеман ка йохийна, Кхоьллинчу ва Дала кху дикчу шина кТентан ТТеман ка даьккхина, Вен везарг ва вийна, шийла декъий дехкина, Ва да даьккха дезачун ц!ен цТетга даьккхина..."⁷.

В других эпизодах, когда герой илли одевается или готовит коня для путешествия, время намеренно замедляется: "И дато дурьста шен буйна йоьллина, Божалан берте ма вахара Жерочун жима к!ант, Цу ханнийн божлера са цТена шен гила Ша ара ма баьккхира Жерочун цу к!анта. Уьйт!арчу гьозанах гила дТатесна, Чергазийн юткъа нуьйр цуьнан букъ т!е тиллина, Элаша бина г!ирс цу дина берзина, Ша каде кечбира цо са цДена шен гила"⁸. Или: "...шен вешин йисина зорбанан бедарш Сихонца ерзийра цо шен озьдачу дег!е, Шен вешин дисина чал дера герзаш, Ша юкьах кьуйлуш, дихкира цо, Шен вешин бисина са цТена гала, Дуйгуш нускал санна, хаза кечбира цо. Зорбанан бедарх, дерачу герзех ша цТена кечъелла, Бухь боцчу попа т!е дайн куьйра санна, Гила хьавзаш бина, кхерсташ, т]еелира иза"⁹. Эти растянутые во времени детализации нужны ска-

74

зителю для достижения образительности, посредством чего время исполнения илли и время действия, отображаемого в ней, условно приравниваются или сближаются, иными словами, отождествляются с настоящим временем. Достигается это большей частью с помощью грамматических и лексических форм, непосредственно указывающих на время совершения того или иного действия: "лечкъа ма елира и кТентийн тоба", "элира бах", "ша хитТа ма велира и шовда-нан цу корте", "ворх! дийнахь, ворх! бусий той-ловзар латтийна", "ша йоьлхуш ма хьаьвзира Биболтан и езар", "ладогТа велира бах и Таймин Биболт", "хьаьвзаш тТевеара Жерочун жима кТант", "и кьайла ва валлалц Теркаца охьа яхара ваша воцу Сайлаха", "цхьа тийна синкъерам хюттийра боху", "дуьхьал Теш хиллера юьртара ва кьшлош" и т.п. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в илли доминирует настоящее время, но условно сказителями сближенное с прошедшим.

Настоящее время лежит в основе и многих других жанров чеченского народного устно-поэтического наследия. Наиболее ярко оно выражено в причитаниях, художественное время которых также строго замкнуто. Оно начинается с началом исполнения причитания плакальщицами и заканчивается с его окончанием. По существу, изображая и комментируя настоящее время, причитания отражают настоящее время действительности, ибо изображается то, что происходит в реальной жизни. Или точнее сказать, в причитаниях отражен не столько эмоциональный отклик на происходящее, сколько описано личное горе от разлуки с умершим или погибшим близким человеком.

Изображение художественного времени в чеченских народных лирических песнях имеет, как и в русских песнях, особенность, связанную с тем, "что в них нет ни фактического, ни изображаемого автора"¹⁰. В то же время мы должны признать, что каждая народная лирическая песня когда-то кем-то создавалась и при исполнении отвечала конкретным лирическим настроениям и биографическим обстоятельствам создателя, но со временем, когда песня начинала передаваться из уст в уста, каждая исполнительница вольно или невольно вынуждена была заступать на место фактического автора. Исполнительницы раз за разом пели о себе, о своих переживаниях, а слушатели как бы слушали тоже о себе. Таким образом, индивидуальные в своей первооснове мотивы народных лирических песен со временем подвергались обобщениям, где лирическое "я" песен становилось лирическим "я" исполнительниц. Благодаря именно этому факту в народных лирических песнях достигается полное сближение между изображаемым временем "автора" и временем исполнительниц. Фактически это - настоящее время, т.е. время исполнения песни. И потому не имеет никакого значения, в каком грамматическом времени была сложена песня; главное, что исполнительница поет «о себе, ищет в ней соответствий своему "теперешнему", одновре-

75

менному с исполнением, душевному состоянию»¹¹. Происходит как бы отождествление лирического героя с исполнительницей песни. Потому получается, что в народной лирической песне поется о том, что есть на душе у исполнительницы в момент пения.

Таким образом, каждая народная лирическая песня поется о настоящем. Потому для нее характерно настоящее время. Оно обладает способностью "повторяемости". В каждом исполнении это настоящее время относится к новому времени — ко времени исполнения. «Эта "повторяемость" настоящего времени связана с тем, что время народной лирической песни замкнуто — оно заключено в сюжете (или в сюжетной ситуации. — *О.Д.*) и сюжетом (или сюжетной ситуацией) исчерпывается»¹².

Замкнутость характеризует и время чеченской народной сказки. Сказочное время - время прошедшее. Оно может повествовать о том, что происходило "ворх! ломал диэхва" или "ворх! дуйне а дити-на, барх!алг!ачу дуйненахь"; в отличие от настоящего времени лирической песни оно целиком и полностью замкнуто в сюжете: "его как бы нет до начала сказки и нет по ее окончании"¹³. И еще: время в чеченской народной сказке движется - то замедляясь, то убыстряясь - в одном направлении, эпизоды, действия героев как бы нанизываются во времени один на другой и тем самым "подвигают" время вперед.

Интересна взаимосвязь художественного времени сказки с художественным пространством, которое в сказке может быть развернуто неимоверно, тогда как само время замедлено или остановлено вовсе. Рассмотрение художественного времени в этом аспекте, однако, — тема другого исследования.

Заключая сказанное, можно сделать вывод, что народное сознание испокон века стремилось постичь философию времени и пространства, смысл и законы человеческого бытия, пыталось определить место человека во времени и пространстве. Потому, наверное, почти во всех фольклорных жанрах чеченцев улавливается стремление исполнителей приблизить время событий, описываемых в каждом конкретном сюжете, ко времени исполнения. Другими словами, уводя слушателей в условный мир фольклорных сюжетов, сказители, сказочники, другие исполнители ставят перед собой цель — познакомить их с миром других измерений, где время может быть замедлено, а пространство - безгранично расширено.

¹ Мунаев И.Б. Поэтическая стереотипия и вопросы жанровой разновидности илли // Поэтика чеченских героических песен илли. Грозный, 1983. С. 11.

² Чеченский фольклор / Сост., прим. и комм. О. Джамбеков. Грозный: Книга, 1990. С. 336-346.

³ Там же.

⁴ Халидов А.И. О синтаксическом строе песенного эпоса илли // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988. С. 157-158.

⁵ Бахтин М. Эпос и роман // Вопр. литературы. 1970. № 1. С. 104.

⁶ Халидов А.И. О языке героико-исторических песен // Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Грозный, 1984. С. 39.

⁷ Чеченский фольклор. С. 226.

⁸ Там же. С. 230 ("Пебартойн Курсолтин илли").

⁹ Там же. С. 221 ("Ваша воцчу Сайлахин илли").

¹⁰ Лихачев Д.С. Избранные работы. Т. 1. Л.: Худ. лит., 1987. С. 501.

¹¹ Там же. С. 503.

¹² Там же. С. 506.

« Там же. С. 507.

Х.М. Ахмадов

В ПОИСКАХ ДУХОВНЫХ СОКРОВИЩ

(из истории собирания и издания чечено-ингушского музыкального фольклора)

За 13 лет депортации я не услышал ни одной чеченской песни, хотя очень этого жаждал. И когда восстановилась республика, все равно продолжалось замалчивание чечено-ингушской культуры! Делалось все, чтобы не передавать по радио и по телевидению чечено-ингушские песни. Меня это обижало, как и любого чеченца и ингуша. И в 1958 г., когда проходила конференция работников культуры по этому вопросу, я сказал Председателю радиокomiteта, что репертуар радио можно пополнить за счет записей народных песен, которых было много. Можно, продолжал я, поехать по молочно-товарным фермам, овощеводческим, виноградарским бригадам, где горянки исполняют свои прекрасные песни. Он сказал мне: "Привезешь песни, и я включу их в программу". После этого я стал ездить по селам и записывать народные песни. А потом 2 раза в месяц их включали в программу радио.

Однажды после очередной поездки по республике я встретился с классиками чеченской литературы Халидом Ошаевым и Магомедом Мамакаевым. Прослушав мои записи, они оба прослезились и предложили мне пойти с ними в Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (НИИ ИЯЛ) к директору Абдул-Халиму Саламову и заведующему отделом этого института Хасану Туркаеву. Выслушав нас, они согласились издать сборник под названием "Чечено-ингушский музыкальный фольклор".

Я очень увлекся сбором музыки, сказок, поговорок, преданий и поверий. Мною был собран большой материал, который я клал в материнский сундук. Думал, что когда-нибудь напишу по нему книги. Но в Чечню пришла война, и в наш дом попал снаряд. Полдома и сундук сгорели. Только мы успели частично восстановить потерянную при депортации часть культуры (издали два тома), как вновь пришла беда и уничтожила то, что мы успели отыскать из сохранившегося и включить в третий том. Но наш третий том остался под развалинами здания НИИ ИЯЛ. Я перебрал все кирпичи и пепел разрушенного здания, расспрашивал всех, кто был во время войны в институте, но рукопись бесследно исчезла. Я продолжаю собирать народные песни. Теперь война их жанрово обогатила. В настоящее время у меня уже собран материал на два тома.

Если до войны для записи я разыскивал знатоков и хранителей народных песен по Чечено-Ингушетии, Казахстану, Киргизии, Грузии, Дагестану и по Иордании, то теперь приходится ездить по всем

78

регионам России, по всем странам Европы и Азии: война разбросала мой народ по всему миру. Мало я нахожу веселых песен, в основном — грустные, печальные, где звучит тоска по родине.

Прошло 40 лет, как после возвращения из депортации мы начали собирать народную музыку. Большинство тех, кто помогал мне издать первых два тома, а также хранителей и исполнителей песен уже нет в живых. И мы продолжаем наше дело вместе с Хасаном Туркаевым — доктором, профессором, очень интеллигентным человеком. Мы собираем нашу культуру по зернышку.

В Ножай-Юрте старик лет под 100 рассказал мне, как он вернулся на родину на ишачьей арбе, преодолев 3 тыс. км. Чтобы не умереть с голоду, в степях он охотился на барсуков, а на побережье Аральского моря ловил рыбу, и везде старался не попадаться никому на глаза. Ехал он целых 3 месяца. Его спасением был дечиг-пондар, который не давал ему скучать. Единственное, что он хотел в жизни, - это умереть на родной земле. И старик жаловался, что до

сих пор смерть его не берет. Он мне спел 12 песен, некоторые из них он сочинил в той дороге домой. Это было в 1961 г. Его семья состояла до депортации из 13 человек, а выжил и вернулся домой он один. Таких стариков я видел много. У каждого была трудная судьба, и каждая их песня исходила из души. Они пели о своей и народной жизни. Один старик говорил, что в старину музыкой лечили болезни. Для каждой болезни была своя мелодия. И он мне сыграл 6 песен для лечения разных болезней. Одна из них была для лечения злокачественной опухоли.

В начале 1960-х годов я работал директором Дома культуры в с. Знаменское. Я создал там совет из стариков и женщин, а также из представителей сельской интеллигенции. Я говорил им о необходимости восстановления национальной культуры, которую мы совсем потеряли за 13 лет, проведенных на чужбине. Одни одобряли меня, а другие возражали, что это не для чеченцев. Но я упорно стоял на своем. Когда я убедился, что все три созданные мной при Доме культуры кружка работают хорошо, я выделил из каждого кружка по человеку на усмотрение коллектива и назначил их руководителями этих кружков, а сам занялся сбором и записью чечено-ингушского национального фольклора.

Начав работу директором Дома культуры, я прочитал и изучил много книг о культуре и искусстве чечено-ингушского народа. Я очень благодарен Светлане (работавшей до меня директором Дома культуры), которая оставила мне ту литературу, которую я должен был знать, чтобы заниматься культурно-просветительной работой.

Не знаю почему, но меня потянуло именно на родные мелодии. Мне было интересно, какие мелодии исполняли и пели наши прабабушки и прадедушки в те далекие времена. Из прочитанных книг я уже знал, что собрание и запись чечено-ингушского фольклора

79

начались еще в XIX столетии. Впервые образцы текстов чечено-ингушских песен были напечатаны в русском переводе И. Цискаровым (Пушкинские песни... Кавказ. 1849. № 38). Известны публикации П. Услара, записи некоторых чеченских песен, произведенные Л.Н. Толстым, чеченским этнографом У. Лаудаевым, педагогом Ш. Сугаиповым, ингушом-фольклористом Ч. Ахриевым. Ценным является сборник в русском переводе, составленный А. Шериповым, — "Из чеченских песен" (1918). Однако всё это были записи лишь текстов, а мелодии оставались несобранными и неизученными. В этом отношении большую помощь Чечено-Ингушетии оказали русские композиторы. Первая научно-исследовательская экспедиция по сбору музыкального фольклора была организована в 1929 г. под руководством известного советского композитора Александра Давиденко (1899-1934). В итоге был издан сборник чеченских мелодий и обработок композитора для фортепьяно.

В дальнейшем русские советские композиторы неоднократно возвращались к музыкальным темам чечено-ингушского фольклора, чем внесли вклад в развитие музыкальной культуры республики. А. Давиденко создал чеченскую сюиту для хора а капелла, М. Коваль - "Джигитовку", которая вошла в сюиту "Семья народов". Много лет уделял творческое внимание народной чечено-ингушской музыке заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР И.С. Речменский, создавший "Увертюру на ингушские темы", симфонические сюиты на чеченские темы и ряд произведений для струнного квартета. Одновременно Речменский проводил работу по собиранию и записи чеченских и ингушских народных (песен) мелодий, которые были изданы в 1939 г. Государственным музыкальным издательством в Москве.

С начала 1930-х годов плодотворную работу по собиранию и обработке чечено-ингушской музыки вел один из зачинателей профессионального музыкального искусства в республике Георгий Мепурнов (1900-1938).

Так же занимался сбором музыкального фольклора и создавал новые оригинальные произведения заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР А.М. Халевский.

Успешно работали и молодые композиторы - А. Шахбулатов, Б. Шнапер, Е. Захарович, У. Бексултанов. Все понимали, что для развития чечено-ингушской музыкальной культуры огромное значение имеет собирание и изучение музыкального фольклора. В нем, как в зеркале, можно проследить жизнь, быт, культуру и те социальные условия, в которых развивалась музыкальная культура чеченцев и ингушей во всей истории. Основоположник русской классической музыки М.И. Глинка говорил: "Создаем не мы, создает народ, мы только записываем и аранжируем".

Вот и меня охватило желание собирать и записывать, а с аранжировкой справятся наши прекрасные композиторы.

Я купил катушечный магнитофон, запасную обувь, рюкзак и отправился в дальние горные аулы.

В аулах звучало много прекрасных мелодий, посвященных жизни нашего народа. Жители аулов встречали меня очень доброжелательно. В каждом доме могли накормить, напоить и дать ночлег.

Можно написать целую книгу о приключениях, об интересных людях, обо всем, с чем я столкнулся, занимаясь этим полезным и интересным делом, которому посвятил часть своей жизни. Хочу рассказать несколько интересных историй.

Поехал я на запись в Бено-Юрт. Был это 1960 год. Там жила старая гармонистка, ей было 70 лет. В молодости она очень хорошо играла на гармонике и пела. Но с возрастом братья запретили ей играть. Она жила с братьями, так как своей семьи у нее не было. Это была семья Мухаджиевых.

Было раннее утро. Я вошел во двор и увидел старушку, которая была занята работой по дому. Она спросила меня, кто я и зачем пожаловал?

Я представился и объяснил, что являюсь работником культуры. Приехал из соседнего села Знаменское. Сказал, что слышал о ее прекрасном исполнении чеченских народных мелодий, и так как я собираю материал для выпуска книги и пластинок с чеченскими песнями, то хотел бы, чтобы она мне их сыграла и спела. Я сказал ей, что они должны сохраниться и исполняться нашим будущим поколением.

Руидат, так звали старушку, сказала, что она давно не брала в руки гармонь и не играла, но раз очень надо, то она уважит гостя и попробует.

Только она взяла в руки гармонь, как заходит в дом высокий, статный, подтянутый, как отставной генерал, старичок. Он с удивлением посмотрел на меня и со всей строгостью спросил, кто мне позволил войти в дом и любезничать с его незамужней сестрой. Оказывается, Руидат никогда не была замужем. Он стал стыдить меня: мол, настоящий горец не должен забывать обычаев. А затем выставил меня из дому. Я извинился и объяснил, что пришел с добрыми намерениями и не хотел оскорбить его дом и честь Руидат. Тогда старик смягчился, сказал, что его зовут Ахъяд, и пригласил в дом. Затем послал Руидат за племянницей, которая жила по соседству. Оказалось, что та играет на барабанах. И вот пошло веселье. Руидат играла на гармошке, племянница - на барабанах, а сам Ахъяд танцевал лезгинку. Потом старик помог сестре вспомнить 17 старинных мелодий, которые я записал.

В 1959 г. я строил дом в с. Знаменском, где жили мои предки. Там я познакомился со старой Хазант, которая прекрасно играла на национальной гармонике. Она сыграла мне несколько песен: "Танцуй, танцуй!", "Надтеречная танцевальная", "Ой мама, люблю его!", "Чеченская шуточная песня", "Я по-прежнему люблю".

81

В с. Хой жила старая женщина Сапият, которая знала старинные песни доисламского периода. Эти песни — проклятия злодею, который совершил преступление против человечества. Чтобы наказать такого злодея, приглашалась женщина-певица, которая выпевала проклятия, посылая ему несчастье на этом и том свете. Сапият была бойкой старушкой, она говорила, что ей за 100 лет. Я предложил ей сыграть песни-проклятия, но она сказала, что не поет их уже 70 лет, потому что ислам запрещает петь эти песни и она поклялась на Коране не петь их. Как я ее ни уговаривал, доказывая, что они нужны для науки, она стояла на своем. Я очень расстроился: приехал издалека, и с таким трудом. Да, может быть, она одна осталась, кто знает такие песни-проклятия. И тут мне пришла в голову

дурная мысль: я взял с земли горсть пыли и всыпал ее в маслобойку, с которой работала Сапият. Старуха выпучила на меня глаза, тут же забыла о своей клятве и начала меня нараспев проклинать, да так сильно, что я испугался. Однако сообразил включить магнитофон и записал ее песню-проклятие. Сапият, задыхаясь от злости, выпалила все, что знала. Я заплатил ей за испорченную сметану и попросил, чтобы она сняла с меня проклятия. Сапият сказала: "Пусть Аллах тебя простит."

Еще один исполнитель чеченских народных песен жил в Веденском районе. Он говорил, что ему было 115 лет. Звали его Турпал-Али. Играл он виртуозно на дечиг-пондаре. Я всегда брал с собой водку. Мужчины помоложе обычно от нее не отказывались и после выпитого стакана лучше вспоминали старые песни. Но Турпал-Али меня удивил: выпив пол-литра водки, он чувствовал себя прекрасно, исполнил с десятков песен, станцевал лезгинку. И это в 115 лет! "Что только чеченцы не сделают, чтобы угодить гостю?" — подумал я. У Турпал-Али я записал несколько замечательных фольклорных песен: "Песня о мужестве", "Песня дечиг-пондариста", "Песня Гази-Магомы", "Чеченская горская" и др.

Чеченские народные песни учат сохранять стойкость, честь, достоинство, верность в дружбе и особенно беззаветную преданность родине. Чеченские фольклорные песни воспевают прекрасных женщин как лучших матерей, сестер и жен — как лучших дочерей своего отечества. Песни учат любить землю, вскормившую их, беречь природу, ибо человек — тоже дитя природы.

Чеченцы говорят:

Чтоб забыть невзгоды и печали,
Мы - чеченцы - пляшем и поем.
Сколько бы мы горя ни встречали,
Всё равно без песен не живем.
(...)
Пели предки - подпоют и внуки.
Всё равно без песен не живем...

Более 40 лет своей жизни я собирал чечено-ингушский фольклор. В поисках хранителей фольклорной музыки я встречаюсь с интересными людьми — знатоками не только музыки, но и старинных обычаев, поговорок, сказок. Многие сказители — люди необыкновенной судьбы. Я записал около тысячи чеченских народных песен. Когда возродится республиканская библиотека им. А.П. Чехова, я подарю ей всё мною записанное.

Пора спокойно разобраться, Как нам войну остановить,
Кто ее начал, докопаться И счет подонкам предъявить.

Всех, кто развязывает войны, В атаку, в первый эшелон!
Пускай побудут в этой бойне, Пока их дух не выйдет
вон...

Но трусы прячутся за нами С ухмылкой сытых богачей. А
нам приходится сынами Платить за этих палачей.

Люблю я старинные песни, Фольклорным напевам рад.
Понятен душе веселой Их добрый и звучный лад, И
звоны трубы и струн, И барабанный бой. Луны
одинокий бубен Горит над моей Чечней.

Обычаю много лет, -Поведал мне старый дед. -Пускай
на земле война -Нам песня всегда нужна!

О песни родные чеченские! Без слез вас и слушать нельзя.
Гортанные звуки льются, Их чувствую сердцем я.

Ашуга Аллах вдохновляет, И сердцем тот песнь поет. О
родине он распекает, Любой его в мире поймет.

В них всё: и любовь, и страдания, И нежность души, и суровость, В них - верная дружба и мщение Врагу за его преступление.

О песни, что любит народ мой! Я тоже люблю вас навечно. И слушаю то со слезами, А то и с восторгом сердечным.

РАЗДЕЛ IV

И.Ю. Алироев

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НАРОДОВ КАВКАЗА И РОССИИ

«Он начал урок с рассказа о значимости нашего родного языка и закончил культурой поведения, — вспоминает один из героев чеченского рассказа.

— "Еще при женщине — царице Екатерине II — начинает возникать у русских интерес к нашему языку, а это было 150 лет назад, в XVII в., — сказал он (учитель). — Она посылает к нам больших ученых, которые, собрав слова на вайнахских языках и даже на бацбийском, составили в Петербурге большой многоязычный словарь.

Большие ученые, как русские, так и иностранные, как до революции, так и после нее, показали, что наш язык родствен языкам американских индейцев, басков Пиренейского полуострова, тирренцев или этрусков Апеннинского полуострова, вымерших народов Двуречья: шумеров, протохеттов, ургаритов, урар-тов, - говорил учитель. - Никогда и нигде вы не встретите язык, более способный выразить любую мысль, назвать именем любой предмет и вещь, выразить любое понятие. Например: русские говорят "черепаша", а мы - "кедар пхьид", т.е. "лягушка с крышкой на спине", русские говорят "мочка", а мы - "лергандум" - "ушной курдюк", русские говорят "доносить" (неизвестно куда и что доносить), а чеченцы прямо: "мтт бетта" - "бить языком"; "мтт тоха" — "ударить языком", русские говорят "ягодицы", а ингуши — "к!аглергаш" — "ягодичные уши", а название полыни и тюльпана ингуши связывают с усами и трубкой нартовско-го героя Солсы, т.е. "Солсамекхаш" и "СолсагIели" — буквально "усы Солсы", "папироса Солсы". Язык вайнахский гибок и мелодичен, его красивые выражения ласкают слух, — продолжал он. — В этом языке находят свое великолепное сказочное выражение звуки природы, шелест ветра, грохот и журчанье наших рек и ручейков, горе и радость, гнев и счастье нашего многострадального народа".

85

И он зачитал нам стихи о горских языках Северного Кавказа, имея, конечно, в виду и чеченский, и ингушские языки:

В заповедной чаще леса
Взял он древний шепот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады - стрекотанье,
У ручья _ певучий лепет.
Ими речь свою украсил
И гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалека» [1].

Менее древние связи вайнахских языков прослеживаются с албанским языком. Произведения античных писателей и географов, древние армянские рукописи, а также средневековые арабские источники сообщают много интересного и загадочного о некогда существовавшем в Закавказье Албанском государстве. Оно занимало территорию Азербайджана, Дагестана и Чечено-Ингушетии, охватывая северо-восточную часть современной Грузии, в основном Ка-хетию.

Данные древних греческих, римских, византийских, армянских, грузинских и арабских источников, посвященных истории и культуре Албании, относят ее существование к VI в. до н.э. — VII в. н.э., вплоть до завоевания Закавказья арабами.

Довольно ценные источники античных авторов (Плиния, Пто-ломея, Плутарха, Страбона)

дают определенное представление о государственности албанцев. О культурно-экономическом положении и могуществе этого государства говорят археологические памятники и сообщения о войнах против римских консулов Лукулла, Помпея, Антония. Так, например, в период первого похода Помпея в Закавказье в 65 г. до н.э., когда он, преследуя понтийского царя Митридата, столкнулся с албанцами, албанский царь Оройс выставил против римлян войско в 40 тыс. человек.

Переписка албанского царя Оройса с Гнеем Помпеем, о которой говорят римские источники, подтверждает мнение ученых о наличии у албанцев письменности.

С проникновением христианства в Албанию армянским просветителем Месропом Маштоцом был составлен алфавит на основе наречия гаргарейского.

По мнению известного советского историка Е.И. Крупнова, гар-гары Албании - предки ингушей, ибо слово "гаргар" (чеченское "гергара") на ингушском означает "соседний, близкий, родственник". Известный нахский исследователь профессор Ю.Д. Дешериев название страны Албания связывает с современным названием сел в Ахметовском районе Грузии - Верхние и Нижние Алвани. Они располагаются на Алванском поле, приблизительно на том месте, где встречались войска Помпея и Оройса. "По преданию бацбийцев, —

86

пишет Ю.Д. Дешериев, — рассматриваемое поле получило свое название в связи с тем, что там была резиденция какого-то царя, феодала или князя: от бацбийского слова — "ал" (бац, ала, чеч, эла, инг. — аьла — князь, феодал и "в-а" — есть).

Таким образом, слово "ал-в-а-н" означает князь (феодал). Существует мнение, что древние греки "слово албан произносили как ал-ван" [2]. Большой слой грузинской лексики (в вайнахском языке до 500 слов) говорит о тесной нахско-картвельской связи, далеко уходящей в глубь истории. Согласно сборнику исторических сочинений грузинского народа "Картли Цховреба" и сведениям грузинского летописца IX в. Леонти Мровели, эти взаимосвязи начались с конца I тысячелетия до н.э. В этих исторических документах нахи именуется дзурдзуками, страна которых локализуется на территории Ингушетии, - Дзурдзукетия. По этим же источникам, первый грузинский царь Фарнаваз (III в. до н.э.) был женат на дочери дзурдзукско-го властелина. Впоследствии его сын Саурмаг использовал в борьбе с восставшими против него эриставами (князьями. - *И.А.*) отряды дзурдзуков (вайнахов. - *И.А.*) и, разгромив их, при их помощи утвердился на престоле. В I в. до н.э. дзурдзуки принимают участие в войне с политическими противниками Иберии, в конце VI в. правитель Картли (часть Восточной Грузии) Гурам нанимал дзурдзуков и вел военные операции против персов в районе Адарбагадана.

"Между народами Северного Кавказа и Закавказья с древнейших времен существовали тесные взаимоотношения, — пишет академик Н. Бердзенишвили. — Они продолжали быть и тогда, когда политически и экономически могущественная феодальная Грузия в одинаковой степени стремилась укрепить существующие взаимоотношения с северными соседями... дзурдзуки и глигвы все больше и больше принимают участие в создании одной феодальной монархии, так как народы Северного Кавказа не могли оставаться в стороне от исторического процесса. Последний период царствования царицы Тамары характерен тем, что все племена Северного Кавказа и Закавказья становятся вассалами Грузии и находятся под ее сильным культурным влиянием" [3].

Замечательны храмы, некогда построенные грузинскими христианскими миссионерами. Среди них выделяется своей оригинальностью храм Тхаба-ерды (VII в.), находящийся в Ингушетии. Здесь в конце XIX в. еще хранилась рукопись - Псалтырь на грузинском языке, которая в 1927 г. была передана на хранение в Ленинград. Более древнее влияние испытывают, по мнению академика Н.Я. Марра, "грузинированные племена чеченского народа" [4], т.е. пшавы, хевсуры, тушины. Об этом говорит и лингвистический анализ этнонимов "пшавы" и "хевсуры", где пша - по-бацбийски "лед" (ср. ингуш, ша), пшавы - буквально "ледовики", т.е. племя, проживающее у ледников, хевсуры - войско, стражники ущелья (ср. ингуш, хе, хев - ущелье, сур - войско; ср. также ингуш, сурхо - воин).

87

С ингушским языком увязывается и этноним "сваны" (ср. ингуш. — шой, кист, шуоно), где "шу", "шоб" означает "холм, возвышенность, обрыв" (ср. шуйто, "шатоевец", т.е. шу т!е — на возвышенности).

В Ингушетии было и с. Шоана на правом берегу р. Арамхи. Из Шоана на равнину переселились представители фамилии Шанхоевых.

В Южной Грузии, в частности в Кахетии, а также в Казбегском районе и сегодня встречаются пшавы, хевсуры, тушины и грузины, которые признают себя потомками горных вайнахов. В Казбеги — это Мальсагошвили, в Хорбало — Дашашвили, Маргошвили, в Тионетском районе — Ковтарошвили, в Кварельском районе — Гарашвили и Таазашвили, в с.

Чабано-Ганишвили, Кистаури, а также Кистишвили, Албуташвили, Туагаувири из с. Кимхи, Ликолели и Хевсурети.

Сами тушины, говоря о Перекитальской Тушетии, отмечают, что значительная часть ее населения - по происхождению кистины. Отдельные же вайнахские тейпы и сегодня не забывают о своем грузинском происхождении. Например, представители тейпов Чартой в Чечне, Картой (Кхартой) в Ингушетии (ср. груз, картвелы - "грузины") признают свое начало от пришлых в горы грузин.

Целый слой топонимов и гидронимов на территории горной Грузии также говорит о тесных связях вайнахов с Грузией: села -Хисо, Дикло, Чюнтийо, Пхьар-сма, Джоколо, Дув-Юрт, Хорджание, Хорбало, Бларашчу, Коыпке, Или-Юрт, горы - Сакисто, Торхнаж-дар, Бабей-Наджар, Махвалхи, Щипцанхи, Тюлашанхи, Хайрихи, Аргохи, БТадархи.

По-видимому, переселение вайнахов в Кахетию в различные эпохи носило постоянный характер.

Не исключено, что предки вайнахов часто в мирное время устремлялись в плодородные долины — как Терека на севере, так и Ала-зани на юге, обосновывались, обзаводились хозяйством, но опять-таки, теснимые более могущественными соседями и ордами пришельцев, вынуждены были уходить в тесные ущелья, где их не мог настичь и истребить безжалостный враг.

В грузино-вайнахских параллелях прослеживается три основных слоя лексики:

1. Заимствование из собственного лексического фонда грузинского языка. Например:

вайнахский язык	грузинский язык	русский язык
херх	херхи	пила
вир	вири	осел
джоьжахати	джджохети	ад
хара	хари	кадка, дупло
дзисбар	дзабри	лейка
куй	куди	шапка
котам	катами	кураца

2. Заимствования из других языков (в основном из восточных чезгов и персидского). Например:

шиша — бутылка, флакон, пузырек, ламповое стекло;
ингуш. — шуша, груз., арм. — шиши, перс. — шише;
чарх - механизм, швейная машина, точильный станок, туша; груз. - чархи - станок, арм. - чахр-туша;
чаьрпаз-нагрудная застежка на платье горянки; груз. - ч!абра-сти, перс. -чапраст;
кир - известь, к!ир - белая глина; груз. - к!ири; арм. - кир;
чеч. - бад - утка, ингуш. - боабашк; груз. бТати - гусь; арм. -бат!ум - утка; турк. - бабуш (бабши);
дум - курдюк; груз. - дума; перс. - дом - хвост; арм. - дмак -хвост;
киса - карман; груз. - киса - кошелек; араб. - кис; перс. - кисе -кошелек, карман, мошня, мешок, перчатка.

3. Слой, по-видимому, генетически общий для нахско-грузинской лексики. Например:

са "душа" - груз. - сули; адыг. - псы;
цег "зуб" - груз. - цали; адыг. - ца;
дог "сердце" - груз. - гули;
нус "сноха" — груз. — нус, нусадиа — жена дяди; адыг. — ныся;
нана "мать" — мегр. — нана — мать, арм. — нан;
пха "жила" — груз. — пха — хрящ; сван. — пха — кость рыбы;
малх "солнце" — груз. — мезе — солнце; каб. — мазэ — луна;
мух "ячмень" — ингуш. — мякх — хлеб; к!а — пшеница; груз. — дТика — пшеница яровая;
ц!е "огонь, костер" — ингуш. — ц!и; груз. — цштели; арм. — цшрани;
гар "род", ветвь, тайпа - груз. - гвар - род, вид;
ка "баран-производитель" - груз. - батк!ан.

Вайнахские языки с древнейших времен находились в контакте с так называемой кыпчакской группой тюркских языков (в которую входят кыпчакско-огузская подгруппа, включающая в себя кыпчакский, полонецкий, кумыкский, ногайский языки), а также с огузской группой (куда входят староазербайджанский, азербайджанский и турецкий языки). По нашим данным, в вайнахских языках насчитывается до 600 тюркских слов, обозначающих названия продуктов питания, овощей и домашней утвари, а также названия животных и птиц, одежды и множество других понятий.

Значительное влияние на ингушский язык оказал и арабско-персидский слой лексики,

насчитывающий вместе с онамастиконем около 300 лексем.

В современных вайнахских языках, как и в других кавказских языках, выделить арабско-персидский слой заимствованной лексики — довольно трудная задача, так как арабские, персидские и тюркские заимствования здесь сложно переплетаются. В вайнахские язы-

89

ки проникла в основном арабская религиозная лексика, а также торговая персидская лексика.

Хотелось бы подробнее остановиться на вайнахско-осетинских языковых встречах как результате древнейших исторических связей вайнахов с осетинами.

Характеристике нахско-осетинских языковых параллелей посвящено довольно ограниченное количество исследований, отражающих в основном их лексическое сходжение. Например, в одном из фундаментальных трудов по лексике нахских языков профессором А.Н. Генко представлена тесная и разнообразная связь ингушского словаря с осетинскими, а также грузинскими, арабскими, персидскими, кумыкскими и русскими словами.

К помощи лексического материала вайнахских языков прибегают в своих работах дореволюционные исследователи истории Осетии и осетинского языка А.М. Шегрен и В.Ф. Миллер, а также Г.Ю. Клапрот, А. Шифнер, Гюбшман и др.

Вайнахско-осетинские лексические параллели из области топонимики и древней религиозной терминологии приводятся в ценных исследованиях профессора Б.А. Алборова. Особого внимания заслуживает обстоятельная работа профессора В.И. Абаева "Осетино-вайнахские лексические параллели".

Как известно, на формирование осетинского языка на протяжении более 2000 лет влияли кавказские языки, и поэтому кавказский субстрат вошел в осетинский язык органически, найдя свое отражение не только в его грамматике и фонетическом строе, но и в основном словарном фонде. "Не менее 2000 лет, — пишет В.И. Абаев, — осетины являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного Кавказского этнического круга. Такие продолжительные связи не могли не оставить следа в языке и во всей этнической культуре Осетии. И действительно... в осетинском языке кавказский элемент занимает особое место..."

Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркским, арабскому, а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа!

По-моему, ведущее место в этногенезе осетин следует отнести кавказской аборигенной общественной среде, — говорит профессор. — Именно поэтому современные осетины и являются истинными кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре... и иранцами по языку" [5].

Рассматривая исторические связи и языковые контакты между осетинами и ингушами, нельзя не упомянуть о наличии между ними общности в культуре, быте и т.д.

Параллели в нартском эпосе, легендах, древнейшей языческой религии (обряд вызывания дождя, скачки в память о покойнике), в ряде культовых традиций, в деталях одежды, пище, быте, хо-

90

зяйстве и отражение этих параллелей в исторической лексике, обслуживающей духовную и материальную культуру этих народов, свидетельствуют о тесной связи между осетинами и вайнахами.

К осетинским заимствованиям в вайнахских языках, на наш взгляд, относятся названия из области флоры и фауны:

осет. - нау - просо; ингуш. - йий - пиво;
осет. - мат!алда - куколь; ингуш. - мерг!алди;
осет. - уасе - теленок; ингуш. - аса;
осет. - макъил (микаил) - коршун; ингуш. - мекхал;
осет. - ардонг - стадо свиней; ингуш. - ординг.

А также гидронимы:

осет. - фурд (форд) - море; ингуш. - форд; осет. — сауадон — родник;
ингуш. — шовда.

Слова, означающие название предметов и понятий материальной культуры:

осет. — цаг — кольцо; ингуш. — чега — замок;
осет. — дагал — ключ; ингуш. — дога — ключ, замок;
осет. — маскъ — ступица; ингуш. — моска;
осет. - карт - двор; ингуш. - карт двор;

осет. — фысым — фусьем; ингуш. — фусам — квартира.

Значительный слой вайнахской лексики фиксируется и в осетинском языке:

осетинский язык	вайнахский язык
сиск - горный ячмень	сое - рожь, сискал - чурек
гада-хъад — стебель, ствол	гад — стебель
тар-итар - женская грудь	т!ар - грудь, сосок
арц - копье	урс - нож
барам - мера	барам - то же

Верховный бог осетин Хуцау близок вайнахскому языческому богу Ц!у, Ц!иу, Щиво, Щуув.

Убедительные примеры параллелизма названных божеств приводит профессор Б.А. Алборов. Сравните: Галйерда, покровитель деторождения; Далимон - подземный дух; Деладяла-дейла - главный вайнахский бог и др.

Переселившиеся в Осетию ингуши, по мнению Б.А. Алборова, принесли с собою и часть топонимики. Поэтому в зависимости от того, откуда переселились эти беженцы, они называли себя "ломар", или "ламуар", или "ламур" - "горец" [6].

Русско-вайнахские языковые связи, установившиеся до вхождения Чечни и Ингушетии в состав России, обладают своей спецификой, отличной от общих закономерностей.

91

Взаимодействие языков народов Северного Кавказа с русским языком ограничивается лексическим уровнем. Однако связи вайнахов с Русью уходят в глубь истории. Так, ко второй половине XII в. относятся отдельные факты, свидетельствующие о некотором знакомстве населения Чечено-Ингушетии с представителями Северо-Восточной Руси — о пребывании будущего мужа грузинской царицы Тамары русского князя Юрия (сына Андрея Боголюбского) на Сунже.

Не исключено, что вайнахи участвовали в знаменитом походе Святослава в 965 г., когда последний "по Каспийскому морю добрался до Семендера (Хазарское царство. — *И.А.*) и, опустошив его, двинулся вдоль Кавказа на Запад" [7].

Не случайно поэтому, что в отличие от адыгских и осетинских языков лексические свидетельства древнерусско-вайнахских языковых контактов показывают, что они носили опосредованный (через посредство соседних языков) характер, что видно из древнерусских по происхождению лексических элементов вайнахских языков: ис-тинг - ковер - др.-русс. - стяг - стяг - снятая с животного шкура; бурам - паром - герка; др.-русс. - герванка.

Судьба малых народов Северного Кавказа позже волновала А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Полежаева, А.А. Бестужева и других русских писателей. Не случайно вспоминаются слова аварского поэта Расула Гамзатова:

Нет, не смирились и негнули спины И в те года, и через
сотни лет Ни горские сыны, ни их вершины при виде
генеральских эполет. Ни хитроумье бранное, ни слово Здесь
ни при чем: Я утверждать берусь Не Русь Ермолова нас
покорила -Кавказ пленила пушкинская Русь.

В заключение хотелось бы отметить роль вайнахских языков в доказательстве автохонности вайнахских народов. О древности заселения нынешней территории вайнахов говорят собственно нахские названия местной флоры и фауны, ландшафта, топонимы и гидронимы. По мнению ученых, вайнахи локализируются на нынешней территории с IX в. до н.э.

Известно, что империя Урарту просуществовала с IX в. по VI в. до н.э. А предки нахов, безусловно, входили в состав этой империи, территория которой простиралась от Армянского нагорья до Северного Кавказа. Нахские языки, как известно, проявляют сходство с урартскими языками.

Наука не знает других народов, обитавших на данной территории до нахов.

92

1. *Алироев И.Ю.* Купленная Фатима. Грозный, 1992. С. 122.

2. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-исследовательская грамматика нахских языков и происхождение нахских народов. Грозный, 1963. С. 124.

3. *Бердзенишвили Н.* История Грузии. Тбилиси, 1959. С. 240.

4. *Март Н.Я.* К истории передвижения яфитических народов с Юга и с Севера Кавказа. СПб., 1912. № 11. С. 52.

5. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 124.
6. *Алборов Б.А.* Осетинские названия местностей "Востоку от Осетии". Владикавказ, 1929; *Он же.* Ингушское "Гальерды" и "осетинское Аларды" ЧИНИИ краеведения. Владикавказ, 1930. Т. 2-3.
7. *Крупное Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 336.

А.И. Халидов КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Вероятно, концепция взаимоотношения языка и культуры, исходящая от В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, которая, как известно, отводит ведущую роль языку, не бесспорна, однако у М. Блэка были основания считать так, как он заявил об этом под впечатлением "ошибок" Б. Уорфа: "Как это часто бывает в истории мысли, самые спорные взгляды оказываются самыми благотворными. Сами ошибки Уорфа гораздо интереснее избитых банальностей более осторожных ученых" [1]. Критики гумбольдтовских и неогумбольдтовских идей скорее всего правы, не находя убедительными некоторые из этих идей. Но ни у кого не найдется сколько-нибудь аргументированных возражений, скажем, основным мыслям, изложенным у В. фон Гумбольдта в его короткой работе "Об изучении языков, или План систематической энциклопедии всех языков". Совершенно неоспоримо, например, что:

1. "Язык, и не только язык вообще, но каждый язык в отдельности, даже самый бедный и грубый, сам по себе и для себя есть предмет, заслуживающий самого пристального внимания".
2. "Язык - это объединенная духовная энергия народа..."
3. "Разные языки - это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый (говорящий) по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, что бы охватить и принять в себя чужую мысль".
4. "Языки - это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; притом, что мир и воображение, постоянно создающие картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются".
5. "Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем".
6. "Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изошренности, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными" [2].

Из приведенных нами тезисов чаще всего оспаривались или ревизовались 2-й (особенно марксистами в языкознании), 3-й, а часто и 4-й. Принимать ли и эти тезисы как соответствующие реальному месту языков в жизни народа и его культуры (в самом широком смысле слова) — это вопрос, ответ на который зависит от наших лингвистических знаний, опыта и взглядов. Видимо, для утверждения мысли, что "язык - это объединенная духовная энергия народа", на-

94

до столкнуться с тем горьким опытом, которым "обогадилась" история чеченского народа в последние 10 лет.

Гумбольдтовский круг, который каждый описывает вокруг своего обладателя и носителя — народа и "из пределов которого можно выйти только в том случае, когда вступаешь в другой круг" [3, р. XXIV—XXV], чеченцы за сравнительно короткое время прорвали по всей его окружности. При этом не вошли ни в какой другой круг такие факты: уровень свободного владения арабским языком значительно ниже числа религиозных деятелей, при этом большая часть последних владеет лишь "кораническим" арабским; степень владения русским в последние годы стремительно падает, не в последнюю очередь из-за энергичных попыток вытеснить его из сфер образования, науки и т.д. (при этом не находя ему альтернативы); каких-либо мер к созданию благоприятных условий для изучения европейских или иных иностранных языков предпринято не было. Параллельно с этим буквально за несколько лет родной чеченский язык оказался поставлен в такие условия, в которых он вряд ли сможет выжить, если эта тенденция не будет преодолена в самое ближайшее время. Нам, конечно, известно, что "язык играет огромную роль в нашей жизни", но, "вероятно, потому, что мы так с ним свыклись, мы редко обращаем на него внимание, принимая его, подобно дыханию или ходьбе, за нечто само собой разумеющееся" [4]. Боюсь, что мои соотечественники-чеченцы пошли еще дальше,

вообразив, что язык может развиваться сам по себе, без их помощи и без их заботы о нем, даже без их регулярного общения на этом языке. Если эти опасения кому-то кажутся преувеличением, рекомендую изучить материалы недавно защищенной докторской диссертации М.Р. Овхадова [5], основное содержание которой изложено в его монографии [6]. Эти материалы свидетельствуют о том, что культурно-языковая деградация чеченцев — реальная угроза, а не плод воображения моего и немногих единомышленников.

Отсылая читателя к работам М.Р. Овхадова в части характеристики языковой ситуации в Чеченской Республике в постсоветский период, отметим, что вряд ли мы будем объективны, возлагая вину за сложившуюся ситуацию только на две воюющие стороны, не очень, мягко говоря, заботившиеся о том, чтобы по возможности щадить памятники культуры, архивы, библиотеки и т.д. Не будет полной объективности и в упреках руководству Чечни в том, что они не взяли или не захотели взять ситуацию в свои руки и не способствовали реализации декларируемых ими идей и лозунгов возрождения и дальнейшего расцвета национального языка и культуры. Хотя, действительно, все эти сложные и по большей части деструктивные процессы, которыми была богата жизнь Чечни за истекшее десятилетие, в наибольшей степени обусловили то, что "во второй раз в течение XX столетия чеченский народ оказался у черты физического исчезновения в результате неопределенной национальной

95

политики" и "новый период — период 1991—1999 гг. — по своим культурно-историческим, образовательным последствиям намного трагичнее периода депортации..."

Декларируя на митингах, собраниях, совещаниях, конференциях, съездах, конгрессах, которых за эти годы было много, свою приверженность идее полной "чеченизации" всех сфер, обслуживаемых языком, чеченцы на самом деле пришли к тому, что их язык, несмотря на известное постановление парламента, не только не стал государственным, но и теряет одну за другой позиции, которые он уверенно занимал до провозглашения этого статуса. Все это десятилетие наши языковеды были заняты апологетикой или оппонированием составленной на скорую руку латиницы, буквально навязываемой известными нам всем языковедами, полагавшими, что языковая реформа - это реформа графическая, а последняя состоит в том, чтобы изготовить новые штампы, печати, вывески на учреждениях. За этот период наши "реформаторы" успели многое: перестали выходить книги, газеты и журналы на чеченском языке, фактически приостановлена работа по исследованию и описанию литературного чеченского языка и диалектов, свернута работа культурно-просветительных учреждений, уменьшился объем и снизился уровень преподавания чеченского языка (литературы, культуры тоже) в средней и высшей школе, сферы функционирования чеченского языка сузились до таких пределов, до которых их не решились ограничить сталинисты в период депортации. Не в последнюю очередь в этом повинны и некоторые наши коллеги, только словом, но не делом пытавшиеся реформировать эти сферы.

К сожалению, нет никаких признаков того, что заботу о сохранении чеченского языка и культуры проявляют новые власти Чечни. Не предпринимаются даже популистские шаги, чтобы зародить хотя бы надежду на то, что возрождение и развитие культуры и языка чеченского народа будет приоритетным направлением в деятельности органов государственной власти. Видимо, наши госчиновники не осознали еще, что с нами произошло. В высшей степени прагматичные и в массе своей далекие от этой сферы, они вряд ли задумывались над тем, что самое ценное и невозполнимое, что потеряли чеченцы в двух войнах, — это даже не разрушенная до основания экономика, превращенные в руины города и села. Самое страшное - это уничтожение культурных ценностей, выветривание из самих чеченцев их национальной культуры, национального самосознания, непонимание ценности того, что они теряют. В сознании людей, и не только обывателей, но и творческой и научной интеллигенции, произошел надлом, который необходимо преодолеть, но вряд ли абсолютная бездеятельность и равнодушие федеральной власти к нуждам культуры, образования и науки этому способствуют: пока есть только разговоры о некоторых частных проблемах, но далеко не обо всех насущных и обычно не о самых важных. Ес-

96

ли мы думаем (а такие теоретики и идеологи тоже есть), что все наши беды от малочисленности чеченского народа, ставшего еще более малочисленным после двух войн, или от его слабости, мы заблуждаемся.

Наша сила не в цифрах, отражающих численность населения или состояние экономики, а в духовной сфере, что и имел в виду Д.С. Лихачев, когда писал: "Не обязательно сильный народ многочислен, а слабый малочислен. Дело не в числе людей, принадлежащих к данному

народу, а в уверенности и стойкости его национальных традиций". К сожалению, довольно значительной части чеченского народа, истерзанного нескончаемой войной, сейчас недостает этой стойкости, а нынешние события отнюдь не способствуют укреплению в сознании чеченцев уверенности в завтрашнем дне. К тому же свою лепту в ускорение национально-культурной деградации чеченцев внесли те идеологи, которые вбили в головы многих людей идеи национальной исключительности и ненависти к другим народам, которая "рано или поздно переходит и на часть своего народа - хотя бы на тех, кто не признает национализма" [7, с. 467].

Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы освободить самих себя и свой народ от предубеждений в отношении других народов, в том числе в отношении их культур и языков, помочь своему народу осознать, что без этого невозможен коренной перелом в сознании людей, которым необходимо спасти свой язык, свою культуру и себя как этнос, нацию. Проблема эта сложная, многоаспектная, требует тщательного изучения и длительной работы, но эту работу нужно начать уже сейчас, сегодня... В полном объеме поднять эту проблему и предложить свои решения я не в состоянии, поэтому ограничусь тем, что мне ближе всего как языковеду.

Наши коллеги, а также общественные и политические деятели, которые ставят и обсуждают проблемы культуры вне контекста языка или не связывая их напрямую с языковыми проблемами, наверное, не вдумывались или не придавали значения умозаключениям, подобным цитируемому: "Национальное самосознание неотделимо от национального языка. Смерть какого-либо языка означает смерть народа (как особого этноса)" [8, с. 295]. Не хотелось бы отнести вторую часть этого высказывания к тому, что происходит сейчас: я вижу мало гарантий того, что чеченский язык не постигнет участь тех языков, которые мы называем мертвыми, или тех, о которых мало что знают даже языковеды. В нашем случае лучше сейчас преувеличить, чем недооценить опасность стремительно набирающего обороты процесса, который, даже если темп не будет убыстряться, а сохранит свою динамику, очень скоро приведет к тому, что из самобытного народа со своим языком, культурой, уходящими своими корнями в глубь веков, мы превратимся в безликое население Чеченской Республики. Еще одного-двух десятков лет такого равнодушного (и даже пренебрежительного со стороны некоторых

4. Культура Чечни...

97

наших соотечественников) отношения к судьбе родного языка может оказаться достаточно, чтобы окончательно погубить его. Вряд ли мы так наивны, чтобы полагать, что можно сохраниться и развиваться как нация, похоронив свой собственный язык, а значит — лишившись главного, без чего действительно наивно строить прогнозы на немрачное будущее, — духовности, культуры. Если добавить к этому негативные языковые процессы, связанные с внутренней миграцией населения (притоком населения горных районов — носителей диалектов — на равнинную территорию, в основном в Грозный, и одновременным оттоком носителей чеченского литературного языка из Грозного и республики), то можно говорить о ярко выраженной тенденции вытеснения литературного чеченского языка даже из бытовых сфер общения и лишения его статуса общенационального. Складывается не внушающая оптимизма картина. Чтобы не случилось того, чего мы опасаемся, необходимо принять конкретные и решительные меры сейчас.

Большинство памятников культуры, то небольшое из материальных культурных памятников, которыми мы располагали еще лет 10 назад, мы, скорее всего, безвозвратно потеряли. Есть еще надежда, что часть будет возвращена когда-нибудь, но это будет, пожалуй, очень незначительная часть, несопоставимая с тем, что сгорело или украдено. А ведь даже в условиях, далеких от наших экстремальных, "их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами" [7, с. 493]. У Д.С. Лихачева речь идет о сокращении "запаса" памятников культуры, культурной среды под давлением техники, "которая сама является продуктом культуры", но тем не менее "служит иногда в большой мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни" [там же]. Памятники нашей культуры уничтожила не та техника, которую имел в виду Д.С. Лихачев, а техника военная, а то, что не успела или не смогла сделать война, сделали расхитители и мародеры, и не только из обывательской среды. Возможно, что некоторую часть этих памятников со временем удастся вернуть, но есть проблема: куда, кому и для чего, если не будет самой "культурной среды", с которой чеченцы — одни неосознанно, другие, может быть, даже осознанно - сегодня расстаются. Столпом, основным компонентом этой культурной среды является язык. С помощью русского языка мы общаемся и будем общаться с представителями других народов и стран, будем и дальше оставаться участниками научно-технического прогресса, на этом языке мы можем продолжать вести делопроизводство, писать и издавать научные работы.

Арабский язык позволит нам укреплять традиции ислама, изучать философию и культуру исламского мира. Но развивать культуру собственную, создавать национальные культурные ценности, воспитывать поколения людей, которые не просто будут называть себя чеченцами, а таковыми будут, мы сможем только с помощью чечен-

98

ского языка, который в этой роли не сможет заменить никакой другой "богатый" и "более развитый" язык в мире. Наш язык, в том виде, в каком мы сумели его сохранить, у нас еще есть, и это та база, которая позволит возродить культуру народа в целом.

Возможность переломить ход событий, попытаться спасти свой язык и культуру еще есть. Для этого в первую очередь необходимо перейти от слов к делу. «Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для "нравственной оседлости" людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной» [7, с. 494]. Рискую быть неправильно понятым, даже, может быть, навлечь гнев многих, кто потерял кров, имущество, родных и близких, тем не менее не могу не высказать мысль, в правильности которой убежден абсолютно: федеральная власть и администрация самой Чечни совершают большую ошибку, выдвигая на первый план восстановление социально-экономической сферы республики и не придавая должного значения возрождению и развитию сферы духовной, культурной, не пытаясь даже в пределах возможного решить проблемы образования, науки, культуры системно и комплексно. Те полумеры, которые без энтузиазма принимаются под давлением общественного мнения (как-то: возобновление работы театра, ансамбля танца, кстати, почему-то за пределами республики), не решают проблемы, это всего лишь попытка решения частных вопросов воссоздания театра и ансамбля. Необходима комплексная, назовем ее условно, "Программа возрождения и развития культуры, образования и науки в Чеченской Республике". Это должна быть не просто программа, а программа приоритетная, государственная, на которую материальные и финансовые ресурсы будут отпускаться не по привычному остаточному принципу, а в первую очередь и в большем объеме, чем на другие проекты, тоже важные, но в значительно меньшей мере.

Перечислим первоочередные шаги, которые должны быть сделаны. Это: восстановление национальной библиотеки и ее фондов, всей библиотечной сети в республике и особенно в г. Грозном; возобновление работы архивов и хранилищ; восстановление музеев и наполнение их соответствующими их профилю единицами хранения; воссоздание республиканского книжного издательства (издательств); развертывание полиграфических предприятий; восстановление Института языка, литературы и истории или открытие научного учреждения того же профиля в структуре Чеченского научного центра РАН, который, полагаю, будет непременно открыт в республике; учреждение и обеспечение регулярного выхода не менее одной республиканской и соответствующего количества районных газет на чеченском языке; создание всех необходимых условий для продолжения исследований в области чеченского языка, истории Чечни, археологии, этнографии, литературы, фольклора; оказание адресной помощи авторам учебников, монографий и т.д.; упорядоче-

4*

99

ние функционирования языков (чеченского и русского) в Чеченской Республике специальным законодательным актом и т.д.

Составлять и проваливать многолетние планы и программы, как в недавнем прошлом, сейчас мы не можем, поскольку у нас нет на это ни времени, ни права. К сожалению, занятая нашими руководителями в этом вопросе позиция не позволяет быть особо оптимистичными в ожидании немедленной конкретной помощи для реализации подобной программы. Но у каждого, кто имеет к этому профессиональное отношение, есть и право и долг перед народом использовать свой интеллект и свои возможности для того, чтобы хотя бы сдержать прогрессирующую культурно-языковую деградацию нашего народа и создать условия для его возрождения в будущем.

1. *Блэк М.* Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Бенджамена Ли Уорфа) // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
2. *Вильгельм фон Гумбольдт.* Язык и философия культуры. М., 1985.
3. *Humboldt W.* Uber die Kavi-sprache auf der Unter Uava, nebst eibst einer Einleitung uber dei Verschiedenheit des menschlichen Sprachbauees und ihrem Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. I. Berlin, 1836.
4. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
5. *Овхадов М.Р.* Социально-лингвистический анализ развития чеченского двуязычия. Дисс. ... д-ра филол. наук. Грозный, 2001.
6. *Овхадов М.Р.* Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. М., 2000.
7. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 2.
8. *Абаев В.И.* За родную речь // Абаев В.И. Избр. труды. Вып. II. Общее и

У.Б. Далгат

ВКЛАД УЧЕНОГО В ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ ДРЕВНЕЙ ОБРЯДОВО-ВЕРБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВАЙНАХОВ (к 130-летию Б.К. Далгата)

Башир Керимович Далгат был выдающимся просветителем, видным ученым в области этнографии, этнологии, антропологии, фольклора народов Кавказа, известным правоведом и общественным деятелем.

Башир Далгат родился 5 ноября 1870 г. в с. Урахи Даргинского округа в семье ученого-арабиста (алима), убитого кровниками, когда Баширу было 2—3 года. 8—9-летнего мальчика из горного аула Дагестана в г. Владикавказ взял его родной дядя Магомет (он же молла Магомет) Далгат. Магомет Далгат первым из даргинцев получил в XIX в. высшее медицинское образование в России, а затем в Германии, а после окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге.

Доктор медицины Магомет Далгат был дважды на арабском Востоке: был в Хадже, в Мекке, а также боролся с чумой в районах Красного моря, был награжден высокими орденами, дослужился до чина статского советника (впоследствии член IV Государственной думы от Дагестана и Закатальского округа).

Магомет Далгат определил своего родного племянника Башира в Ставропольскую классическую гимназию на казенный счет. Эта гимназия, созданная российским правительством для горцев Кавказа, стала прогрессивным центром культуры и просвещения. Из нее вышли многие образованные горцы, которые потом поступили в различные российские высшие учебные заведения.

Б. Далгат был незаурядно одаренным и очень трудолюбивым человеком. Уже в годы учебы проявились его выдающиеся способности: он выделялся как филолог и математик. Так, он принимает активное участие в семинаре замечательного учителя Ставропольской гимназии Николая Лопатинского. На своем семинаре он обучал горцев, среди которых, помимо Башира и других, в 80-90 годах

101

XIX в. были и чеченцы (Ахрыгов из с. Гойты и Хантыгов из Басуно-евского), не только новому усларовскому письму. Он приучал своих учеников записывать на родных языках народные обычаи, сказания, песни, пословицы, сказки, т.е. материалы, весьма ценные для изучения культуры горцев Кавказа, их истории, литературы, языка, фольклора и филологии вообще. Лопатинский был последователем крупного русского ученого барона П.К. Услара. Для многих горцев Кавказа он разработал передовую по тому времени письменность. Она была создана на основе русской графики с применением особых диакритических знаков: лингвофонетических и морфологических, передающих особенность национальных горских языков Кавказа. Уел ар создал ряд грамматик с текстовыми приложениями. Это, например, даргинская (хюркилинская), аварская, кюринская, табасаранская, чеченская и др.

Башир Далгат в 1886-1887 гг. впервые применил алфавит П.К. Услара к текстовой фиксации. Он записывает в ауле Ураха даргинский фольклор, в том числе и песни прославленного певца, поэта-лирика Омарла Батырая, брата своего деда, ученого-арабиста Сулейман-Кады оглы. В то же время Б. Далгат собирает и записывает обычаи даргинцев. Свою работу "Обычное право даргинцев в прошлом" он посылает в отдел этнографии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и получает сообщение: "Ваша работа по этнографии Кавказа... найдена весьма обстоятельной и интересною, вследствие чего Отдел просит Вас продолжить исследования". В 1888 г. Б. Далгат записывает 12 цудахарских песен у знаменитого даргинского певца и поэта Хаджи. Записи (с помощью усларовского письма) великолепных образцов дагестанского народного творчества были опубликованы Б. Далгатом (национальный текст и литературно-адекватный перевод на русский язык) в "Сборнике описания местностей и племен Кавказа" (вып. XIV). В переводе даргинской песенной поэзии Б. Далгат проявил свои замечательные поэтические способности. Благодаря высоким филологическим

достоинствам эта публикация (более 100 страниц) получила заслуженное признание в науке как классическая (на нее ссылался академик А.Н. Веселовский, она есть в списке кавказоведческой литературы, подготовленном для Л.Н. Толстого. Не раз упоминается в лингвистических трудах, в том числе у знаменитого лингвиста Н. Трубецкого и др.).

По окончании Ставропольской гимназии в 1889 г. Б. Далгат поступил сначала на физико-математический факультет СПб. университета, где учился весьма успешно, но затем по гуманитарным соображениям (быть ближе к народу) перешел на юридический факультет. В университете Б. Далгат получил широкое образование, он, помимо юридической специальности, прослушал курсы на вечернем факультете по химии у выдающегося русского ученого Д.И. Менделеева, по физике у профессора Хвольсона, по математическому ана-

102

лизу у знаменитого Маркова, по астрономии у профессора Глазенапа. Б. Далгат слушал курсы на факультетах историко-филологическом, географии, антропологии (у профессора Э. Петри и др.), этнографии, общей истории, логики и истории философии, изучал труды Куно Фишера, Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля и др. Б. Далгат в совершенстве знал латынь, греческий и французский языки, читал и выступал на этих языках. Он знал, помимо родного даргинского, и другие кавказские языки, изучив, когда это ему понадобилось, и вай-нахский. Именно в университете Б. Далгат сформировался под влиянием выдающихся русских ученых как кавказовед. Важно сказать, что кавказоведение русской академической науки имело огромное значение в области изучения культуры так называемых "инородцев".

Знакомству с этнографией, религиозными верованиями, народной словесностью горцев Кавказа представители русской академической науки придавали не только научное, но и государственное значение.

Б. Далгат посвятил себя изучению жизни, быта и фольклора кавказских горцев под непосредственным влиянием таких светил русской науки, как Э. Петри, В. Миллер, М. Ковалевский, Д. Ану-чин, Н. Харузин, и лучших западных ученых.

Будучи еще студентом университета, но уже имея определенный опыт в собирательской работе в области фольклора и этнографии, Башир Далгат проявляет особый интерес к изучению древней духовной и материальной культуры чеченцев и ингушей. Он не только досконально изучает всю имеющуюся кавказоведческую литературу о вайнахах, но, не довольствуясь этим, в 1891—1892 гг. предпринимает продолжительные экспедиции в горную Чечню и Ингушетию.

Во время своих экспедиций Б. Далгат приобрел, помимо общих научно-теоретических знаний о чеченцах и ингушах, и знания об их внутренней, духовной жизни. Он изучал их жизнь, быт и права, ходил по аулам, беседовал с природными горцами, присутствовал на языческом празднике ингушей на горе Мятцели (т.е. Столовой горе) с обрядами жертвоприношений, молитвами жрецов. Ему посчастливилось войти в особое доверие (если не сказать дружбу) с такими большими знатоками и носителями древней религии, обычаев и народной поэзии, как столетний старик-ингуш Казбык Казиевич Ха-биев-Буржаев из с. Эрзи и старик-жрец Мятцели, 60-летний Ганыж Абиевич Колигов-Фалханов из с. Фалхан. Все свои наблюдения и знания о чеченцах и ингушах Б. Далгат доводил до высокой научной аудитории, делая доклады и читая рефераты (например, он прочитал 28 февраля 1894 г. реферат на заседании Русского антропологического общества при СПб. университете на тему "Происхождение, организация и разложение агнатического рода у чеченцев и ингушей" (рукопись хранится в моем архиве. - У.Д.). Этот реферат получил высокую оценку русских маститых ученых. Он не только вни-

103

кал, но с абсолютной точностью и достоверностью фиксировал весь полевой материал, воспринимал и чувствовал его сердцем природного горца, восхищаясь всем, с чем ему приходилось знакомиться. В своем труде о первобытной религии чеченцев, который был представлен студентом-выпускником в Испытательную комиссию на юридическом факультете СПб. университета в 1895 г., Б. Далгат получил самый высокий балл ("весьма удовлетворительно") со стороны крупных русских ученых — антропологов, правоведов, историков религии, знатоков устной народной словесности, таких, как Э. Петри, С.А. Бершадский, И. Дювернуа, Д. Анучин. За этот труд Далга-ту присудили диплом высшей категории и ученую степень кандидата прав, что было редким исключением для дипломников. Эта работа только частично (одна треть общего объема) была опубликована в 1893 г. в г. Владикавказе в "Терском сборнике" (вып. III, кн. 2). Целиком работа нигде не публиковалась, хотя из "Терского сборника" немецким ученым А. Дирром она была переведена на немецкий язык и издана за рубежом (Antropos Band III. 1908. Heft 4. A. Dirr. Die alte Religion der Tschetschen).

В настоящее время мною подготовлена к печати вся рукопись этого исследования Башира

Далгата. Здесь я остановлюсь на его труде, преимущественно основываясь на рукописном варианте "Первобытной религии чеченцев и ингушей".

Прежде всего важно отметить, что народная первобытная религия в русской и западно-европейской этнографической и исторической науке всегда рассматривалась как часть национальной культуры того или другого народа.

В Предисловии к своему труду о "Первобытной религии чеченцев и ингушей" Б. Далгат писал: "Хотя большинство данных относится к ингушской ветке чеченского племени, тем не менее я называю свою работу первой религией чеченцев, а не только ингушей; это я делаю потому, во-первых, что ингуши — те же чеченцы (в смысле этнографическом). Непроходимые леса и горы отделили ингушей от участия в общем течении жизни остальных чеченцев. Во-вторых, я старался собрать сведения не только об ингушах, но и о чеченцах в полном смысле этого слова, и если не мог собрать больше, то это лишь потому, что чеченцы давно приняли магометанство" (раньше ингушей).

Что увидел, чем проникся, чем восхитился Б. Далгат в первобытной религии чеченцев и ингушей? И что было столь высоко оценено и академическим кавказоведением?

Б. Далгат пишет о "проникающей насквозь все верования чеченцев неподдельной поэзии". Что касается представлений чеченцев и ингушей о загробной жизни, то Б. Далгат отметил, что религиозное верование в загробный мир и продолжение существования предков на том свете играет руководящую роль в урегулировании отношений людей друг с другом. Он убедился, что почитание умерших род-

104

ных было связано с высокой нравственностью народа, поэтому и в таком случае нравственное значение религии очень велико.

Со стороны религиозно-нравственной значимости для народа была важна вера чеченцев в Тарама-гения, хранителя человека. Тарам был не злым, а добрым духом. Тарамамы, однако, пишет Б. Далгат, "осуждают поступки своих хозяев, одобряют их за все хорошие или осуждают за дурные". Тогда Тарам наказывает своего хозяина и предостерегает человека от их совершения. Тарам — могущественный блюститель интересов дома, семьи, рода. Этот домашний дух — покровитель человека, по утверждению Б. Далгата, как и почитаемый предок.

У чеченцев и ингушей велико было значение — общественное и нравственное — культа домашнего очага, который сосредоточивал вокруг себя членов семьи. Он имел организующее значение. Культ очага освящал власть главы семьи. Влиянием этого культа объясняются многие институты наследственного права, например исключение женщин из наследования. С ним связаны институты усыновления, святость и неприкосновенность гостя как временного члена семьи.

Даже дух пещеры, в которого верили чеченцы, свято соблюдает обычай гостеприимства, и по народным мифам и легендам, духи пещер не дадут никому обидеть гостя!

Культ домашнего очага делает невозможной месть за смерть родственника родственнику и налагает священную обязанность мести инородцу за каждую каплю крови члена семьи и рода. Хотя надо сказать, что в чеченском народе (и не только) были выработаны и действовали средства избавления от кровной мести (например, если убийца прикасался губами к груди матери им убитого, он тогда становился молочным братом). Убийца освобождался от кровомщения и так: схватившись за надочажную цепь, он становился под защиту святого очага. Еще был способ избежать мести кровнику: убийца приходил на могилу им убитого с повинной головою, в полном отчаянии вымаливал у Бога прощение. С кающимся были и его старики, родственники, и они убеждали родственников убитого простить убийцу.

Любопытны и формы присяги, например, при взыскании долга с должника (так на могиле предков виновника убивали собаку, которая, по народному верованию, шла в пищу предков. Этого страшно боялась виновная сторона и полностью признавалась в совершённом дурном проступке).

Б. Далгат не только пишет, но и восхищается живой картиной одухотворенной природы у чеченцев и ингушей: Водяной дух, или Мать Вод - Хинана, живущая в горных ручьях, сочувствует людям и предупреждает их о бедствиях. Но этот же дух мстит за неблагоприятные поступки людей. По легенде, были превращены в камни мать и дочь, которые стирали грязные пеленки в хрустальном оз. Галан-чож.

105

А Мать вьюг, богиня Дадза-нянильг, сидящая на вершине Казбека, охраняет свое обиталище. Она не любит, когда человек нарушает тишину гор, шумит, курит трубку и т.п. Тогда она мстит ему, посылая горы снега и льда, или сбрасывает его с кручи.

Наконец, Б. Далгат уделял особое внимание так называемым патронам-богам более мелкого и всенародного значения. Эти патроны-боги играли огромную руководящую роль как в личной, так и в общественной жизни ингушей и чеченцев. Перед этими святыми-патронами

— все они братья, и все равны. Таковы Кумир Галь-ерда, покровитель детей и плодородия скота; он не имеет олицетворения и считается духом. Или Мель-ерда, покровитель плодородия хлебов. А Молдзы-ерда подобен Аресу: на войне он идет впереди войска и несет победу людям. А еще божество-святой Тушоль, признаваемый всеми чеченцами. Женщины вымаливают у него сыновей, ему как и другим богам, приносили жертву. Он - дух, помогающий тем, кто его почитает, кто страдает в жизни и бедствует, однако он и наказывает за непослушание. А бог Елта (хлебное зерно) - покровитель охоты, урожая. Он тоже наказывает за непослушание (например, если охотник убивает больше дичи, чем ему разрешено).

А вот и три родных брата-божества: Амгали-ерда, Тамыж-ерда и Мятцели. Тамыж-ерда считался высоким святым, объявлявшим иногда судьбу целого народа. Он человек маленького роста, сидит на коне не более козленка. Тамыж-ерда тоже создан по типу обоготворенных предков, также руководит нравственностью и поступками людей. А когда гневается, рост его увеличивается в 15 раз, а его маленький конь становится выше горной башни. Мятцели, один из высших богов у чеченцев, тоже является одухотворенным предком и старшим среди трех братьев. Мятцели — почтенный старец с седой бородой. Ему приносили жертвы на горе Мятцели (Столовой). Он покровитель по преимуществу женщин и деторождения. Мятцели вообще защитник слабых, это бог, принимающий участие в жизни людей. Несправедливости он не терпит, уличает злодеев и воров, являясь в образе почтенного старца, и исчезает, исполнив свое предназначение народного патрона.

Молитва, которую произносил жрец Мятцели, была записана Б. Далгатом и опубликована на ингушском языке и в русском переводе. Молитва эта имеет высокое нравственное значение, в ней отражены многие нравственные и общечеловеческие понятия чеченского народа: гостеприимство, порицание неблагодарности, непочитание умерших предков. В последнем случае Мятцели был не милостивым, а гневным.

Зикристы - мусульмане-фанатики, пишет Б. Далгат в своем труде, убеждали Ганыжа, что Мятцели и другие святые (ццу) - это не кто иные, как джинны. Однако с тех пор, говорил жрец Ганыж Ба-ширу, как зикристы начали разорять святые эльгыцы, у нас стали чаще грозы и меньше урожай.

106

Кроме богов-патронов у чеченцев есть и боги природы. Например, бог в царстве мертвых Эштр. А Сели — бог-громовержец. Га-ныж говорил Баширу, что чеченцы и ингуши считают убийство девушки большим грехом, позором для мужчины, и бог Сели обязательно наказывал такого человека, насмерть поражал его огненными стрелами и громом.

Наконец, есть еще и верховный бог Дяла — глава всех богов и творец мира.

Нарисованная картина духовного мира чеченцев и ингушей, как об этом писал Б. Далгат в заключение своей работы, должна внести множество существенных поправок в установившиеся взгляды на этот во многих отношениях интересный народ. Прежде всего, этот народ обладает богатой творческой фантазией, которую (на что надо обратить особое внимание исследователя) отрицали в этом народе многие писатели, легкомысленно высказывающиеся только по личным, большей частью случайным и ошибочным впечатлениям, а не на основании близкого знакомства с его жизнью и духовным миром.

"Теперь проникая в глубь внутренней, духовной жизни чеченца, мы не можем считать его неспособным к культуре, не имеющим богатой устной словесности и т.п., не признающим каких бы то ни было нравственных правил и будто бы руководствующимся одними хищническими чувствами. Напротив, содержание религиозного мировоззрения, строгая мораль, построенная на той религии, которую мы старались воспроизвести, и многое другое говорят в пользу способности этого народа к культурной жизни..."

«В настоящее время чеченский народ, — писал Б. Далгат более 100 лет назад, — переживает тяжелую и во всех отношениях внешней и внутренней духовной жизни переходную эпоху. Помочь ему выйти из этого тяжелого состояния могут не одни полицейские меры: народу нужно побольше школ и образования, побольше просвещенных деятелей в его среде и более внимательное отношение к его нуждам, для чего главным условием должно служить всестороннее изучение духовной и материальной культуры и жизни этого народа.

Такое благоприятное время для чеченцев, по-видимому, наступит уже в наши дни. Такой момент является чрезвычайно благоприятным для проведения в его жизнь принципов высшей культуры путем внимательного и разумного отношения к нему, основанного на глубоком знании его духовных и материальных потребностей в образовании, в хороших руководителях его духовными и материальными интересами.

Но если теперь, - продолжал Б. Далгат, - легко направить чеченцев на цивилизованный, культурный путь, то, конечно, еще проще погубить его, предоставив внешнему пагубному воздействию ложной "цивилизации"!

Народная религия имела огромное нравственное значение в личной и общественной жизни чеченцев. Она руководила их поступками, удовлетворяя запросы их души и умственную пытливость. Наконец, прибавлю, что народная религия чеченцев, подвергшись сильному воздействию христианства и в особенности мусульманства, в настоящее время уже уступает последней (т.е. мусульманской) религии...

Следы народной религии можно теперь найти только в сказаниях старшего поколения нынешних чеченцев; молодое поколение уже пренебрежительно относится к прежним верованиям», — отмечал Б. Далгат.

Сам материал о первобытной религии чеченцев и ингушей, собранный и обобщенный Б. Далгатом, его научная точность и историческая достоверность, анализ и авторская позиция в его подаче и освещении народной культуры вайнахов - все это обеспечивает труду Б. Далгата значительное место и высокую оценку в общем академическом кавказоведении.

Помимо сокращенного издания упомянутого труда Б. Далгата в "Терском сборнике" в 1893 г., им были изданы и следующие работы: в академическом журнале "Этнографическое обозрение" (М., 1901, № 1) была опубликована большая статья "Страничка из Северокавказского богатырского эпоса" - сказания и легенды чеченцев и ингушей. Работа по своему текстовому наполнению и концептуальным позициям автора по поводу вайнахского фольклора получила высокую оценку в науке. Она была издана при непосредственном участии академика В.Ф. Миллера и посвящена ему автором. У меня есть два письма: одно Б. Далгата — В. Миллеру о намерении издать фольклорный материал, другое письмо — от В. Миллера, поддерживающего и одобряющего работу Б. Далгата.

В 1929 г. Б. Далгат издал "Материалы по обычному праву ингушей" ("Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения". Вып. 2. Владикавказ).

В 1934 г. (посмертно) был опубликован труд Б. Далгата "Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом" ("Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения". Вып. 2. Т. IV). Это было тоже значительно сокращенное издание, в плохом полиграфическом исполнении, с большими редакционными правками классово-политического (отнюдь не научного) характера. Полная рукопись этого труда Б. Далгата, к сожалению, не издана до сих пор, хотя содержит ценнейшие материалы по истории, этнографии и фольклору чеченцев и ингушей.

Все кавказоведческие труды Б. Далгата, в том числе посвященные вайнахам, получили высокую научную оценку, внесли большой вклад в историю и культуру народов Кавказа.

З.И. Хасбулатова

ВАЙНАХСКИЙ ЭТИКЕТ

(традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX - начале XX в.)

Одним из основных компонентов духовной культуры любого народа в науке принято считать этнические традиции, в число которых входит и этноэтикет, или этика поведения, т.е. исторически сложившаяся система традиционных норм и стереотипов того или иного народа. "Этноэтикет, — писал один из первых исследователей этого явления у горских народов Кавказа Б.Х. Бгажников, — это система характерных для данного этноса норм и моральных предписаний ритуализированного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия"¹.

Как принято считать в этнографической науке, этноэтикет, по-иному "традиционные стереотипы поведения", - один из важнейших показателей, который постоянно находится в поле зрения исследователей. В нормах этикета, или "правилах хорошего тона", т.е. повседневного поведения людей в быту, отражаются особенности бытовой культуры каждого конкретного народа, его обыденное сознание, конфессиональные и этнопсихологические установки, сложившиеся порой еще в далекой древности и в своей основе сохраняющиеся до сих пор.

В отечественной литературе разработкой вопроса о национальных аспектах или традиционных нормах стереотипов поведения того или иного народа в последние годы занимался ряд исследователей, давших несколько определений этого понятия. В первую очередь следует назвать А.И. Першица, в значительной степени обобщившего литературные источники по данной проблематике, причем обзор и анализ этих источников позволили ему выделить ключевые определения этноэтикета. Значительный вклад в изучение вопросов этноэтикета внесли такие ученые-кавказоведы, как Б.Х. Бгажников, А.И. Мусукаев, Ш.Д. Инал-Ипа, А.К. Байбурун, Е.А. Резван, С.А. Арутюнов, А.М. Решетов, М.Н. Серебрякова и др.²

Здесь мы попытаемся показать морально-нравственные основы вайнахского этикета, формы традиционного бытования в прошлом, его особенности в настоящем и т.д. Передаваясь из поколения в поколение, традиционные нормы народного поведения практически имели отношение ко всем сторонам социальной жизни общества: рождение и свадьба, трудовая деятельность, повседневное общение в семейном быту и труде, общественное поведение, формы досуга и др. Как правило, базируясь в своей основе на общественной морали и общественном мнении, они не регулировались конкретными

109

юридическими установлениями, но были порой более прочными, чем последние.

Вся совокупность этикетных норм поведения у любого народа строится на представлениях этого народа о некоем положительном образе "идеального члена" своего общества в определенное время, в определенной обстановке и в определенной роли. И этот собирательный, исторически сложившийся образ идеального "мифиологи-зированного человека" того или иного этнического сообщества как бы навсегда запечатлился в сознании каждого члена данного общества. Таким образом, речь идет о том, что у каждого народа исторически складывается и существует свой эталон поведения, а нормы национального этикета предписывают члену общества следовать заданному эталону в каждой конкретной ситуации. Все это в совокупности называют "правилами хорошего тона".

Естественно, у разных народов, как и у вайнахов в том числе, этот эталон различен, проистекая из образа жизни, господствующего уклада, моральных и этических представлений данного этноса об отношении к противоположному полу, старшим и младшим, друг к другу, понятий о добре и зле, хорошем и плохом, мужестве, героизме, честности, их антиподах и т.д. У любого народа, как известно, исторически складываются как бы писанные (юридически кодифицированные) и неписанные нормы "достойного поведения", несоблюдение которых встречает неодобрение и осуждение со стороны других членов общества. Несмотря на то, что нарушение норм такого "идеального поведения" или "идеальной модели" поведения впрямую юридически не наказывается, они тем не менее устойчиво существовали и существуют на протяжении длительных периодов времени в той или иной этнической общности, будучи взаимообусловленными некоторыми элементами социального, этнического и конфессионального сознания.

Этноэтикет — понятие не только социальное, но и историческое, т.е. меняющееся во времени и в разные исторические эпохи, связанное в первую очередь с тем или иным типом общества (последний определяется рядом факторов, среди которых культурно-хозяйственный тип, конфессиональная принадлежность и многое другое). Изучение этнических традиций того или иного типа общества во времени и в пространстве как особого объекта исследования дает возможность понять некоторые стороны общественного сознания, социальной и этнической психологии, а также позволяет рассмотреть в новом аспекте уже достаточно известные явления, включив их в систему нравственно-этических представлений и норм повседневного поведения.

В частности, точное соблюдение требований этноэтикета зависит от того, насколько жестко поведение каждого члена общества регламентировано традицией. Исследования этнографов показывают, что "этикет" жестче соблюдался в докапиталистических обще-

110

ствах или обществах с некоторыми пережитками патриархальных и феодальных норм и институтов, тогда как в Новое и Новейшее время "этикетизированность" поведения отдельного индивида постепенно снижается. Так, например, прослеживается тенденция к уменьшению регламентирующей роли этикета по мере интернационализации экономики, культуры, всего уклада жизни. В целом же все это ведет к стиранию граней между чисто национальными формами традиционного поведения, вплоть до выработки интернациональных стереотипов (моделей) поведения, особенно у отдельных групп населения (молодежи, горожан и др.) в силу их мобильности, типов и форм расселения и т.п.

В системе обычного и семейного права чеченцев этикет занимал важное место, причем особый интерес для исследования представляют нормы поведения, связанные с взаимоотношениями членов семьи и общества в различных жизненных ситуациях. К сожалению, в этнографии вайнахов исследование традиционных норм поведения (морали) и форм общения на конкретном этнографическом материале до сих пор не получило должного освещения в этнографической литературе, хотя ряд дореволюционных авторов так или иначе затрагивали вопросы, связанные с вайнахским "горским этикетом" как в семейном, так и в общественном быту (С.М. Броневский, Л.Я. Люлье, И.О. Карлгоф, Ф.И. Ленетович, К.Ф. Сталь и др.).

Здесь мы попытаемся описать и проанализировать некоторые традиционные формы общения у вайнахов в XIX — начале XX в. Работа написана на базе полевых этнографических

материалов, собранных автором на протяжении ряда лет в различных районах Чечни и Ингушетии, а также на основе литературных и других материалов. Статья, конечно, не исчерпывает всех вопросов, связанных с традиционным этноэтикетом вайнахов, а скорее определяет круг проблем, которые следует решить в будущем.

Изучение вайнахского этноэтикета в некоторой степени можно условно разделить на такие проблемы:

— этика труда, где рассматриваются нормы поведения и особенности межличностных отношений в период сельскохозяйственных работ;

- некоторые особенности распределения трудовых обязанностей в вайнахской семье в период сельскохозяйственных работ;

- формы и виды общественной взаимопомощи ("белхи") и т.п.;

- этика проведения досуга, будней и разного рода праздников у вайнахов ("синкъярам" - вечеринка, "хийист" - свидание у родника и др.), куда, естественно, входят и нормы поведения молодежи разных полов; здесь же следует обратить внимание на соотношение обрядов в этноэтикете, на вопросы гостеприимства, этики застолья и т.п.;

111

—этика взаимоотношении представителей разных поколений (авторитет стариков в семье и в обществе, дифференциация форм приветствий и прочих форм традиционного поведения);

—этика внутрисемейных отношений (разных половозрастных групп и др.).

Термин "формы общения" в данной статье означает различные формы и способы коллективных контактов, которые имеют традиционные повторяющиеся признаки, т.е. сопровождающие исторически сложившиеся формы групповых встреч.

Нормы поведения и формы общения входят как непременная часть в предмет этнографии общения. Как принято у других народов, в повседневной жизни вайнахов между ними существуют сложные взаимоотношения, которые, как правило, в первую очередь возникали на основе хозяйственных, родственных, соседских и прочих связей и взаимоотношений. Следует отметить, что эти и другие связи и отношения достаточно сложно переплетались, пересекались и даже в некоторых случаях вступали в противоречия. Одни виды отношений могли стать основой для вступления в другие виды взаимоотношений и развиваться, сохраняя при этом особенности сторонних линий связей. Однако вайнахи обычно четко понимали, каким видам отношений соответствуют те или иные нормы поведения. Для того чтобы выявить основу этических представлений и нормы поведения вайнахского населения в конце XIX - начале XX в., необходимо провести дифференциацию типов и видов отношений.

Внутрисемейные связи между отдельными семьями ближнего и дальнего родства следует отнести к родственным отношениям; также следует отнести к ним и отношения свойства — "захал". Другая группа — это соседские взаимоотношения, включающие в основном всех жителей данного селения, близких соседей — "уллер лулахой", общесельские.

Следует различать группы, которые связаны определенными производственными задачами (например, формы взаимопомощи — "белхи"), членов долевых объединений ("цхъана тьохна бахам — тай-пана бахам") по совместному владению недвижимостью (землей, мельницей и др.), а также движимым имуществом (упряжкой быков и др.). Можно также указать и на внутриобщинные отношения, складывавшиеся в среде молодежи, посещавшей вечеринки "синкъярам", родники "хийист", свадьбы "ловзар" и т.д. Следует указать и на отношения между мужчинами и женщинами разных возрастов -по отношению друг к другу, в степени родства и соседства и т.д.

В этике труда непосредственно соприкасаются этнические и социальные основы вайнахских норм поведения. Известно, что вайнахские крестьяне повседневно решали трудовые и хозяйственные задачи и что данный фактор прослеживается в той или иной мере во всех этнических традициях вайнахов. Когда мы говорим о нормах поведения при выполнении тех или иных хозяйственных работ,

112

то имеем в виду не производственные действия и приемы, а традиционные формы личных контактов и отношений вайнахских крестьян при выполнении этих работ (сюда входят внутрисемейная трудовая этика, традиционные нормы поведения в поле, на сенокосе и т.д.).

В конце XIX — начале XX в. принципы распределения трудовых обязанностей в вайнахских семьях были в целом традиционными, хотя в силу хозяйственных и социальных особенностей структуры семьи и связанных с ними норм поведения старших ("цТенда" —

хозяин дома, "хусум нана" — хозяйка дома) и прочих членов этой семьи при распределении трудовых обязанностей, их выполнении и оценке результатов они тем не менее оказывали определенное влияние на те или иные технические новшества и социальные изменения.

Сложившиеся нормы, закрепленные в течение длительного времени, определяли поведение вайнахских крестьян в начале пахоты, сева, жатвы, сенокоса и других сельскохозяйственных работ. Трудовая традиция закрепляла устойчивый ритм сельскохозяйственного производства, находивший идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении и регулировавшийся семьей (в этом отношении она выступала как первичный трудовой коллектив). Внутрисемейные и общинные этические представления и нормы вайнахов, которые были устойчиво связаны с взаимоотношением и поведением в сфере хозяйственной деятельности, во многом были подчинены этому ритму, задаче его соблюдения, сохранения и подключения к нему новых подрастающих поколений.

Руководством по своеобразному "горскому этикету" у вайнахов были фольклорные и многие бытовые поверья, так как мораль почти любого из них подразумевала определенные поведенческие рекомендации. Известно, что регламентированное поведение в любом традиционном обществе, где "все и вся на виду", всегда более или менее этикетно, "идеальный субъект" вайнахской этикетной культуры даже наедине с самим собой всегда соотносит свои действия с мнением "его общества" — с тем, "что скажут люди", если вдруг увидят, узнают и т.д. В целом же этикетные правила основаны на традиционных моральных ценностях, они предусматривают высокую степень этикетности поведения во всех сферах личной жизни, причем в своем доме эта степень лишь немного ниже, чем в гостях или в общественном месте. Когда же правила этикета нарушались достаточно серьезно, в действие приходил механизм посредничества, в какой-то степени снимавший напряженность и нормализовавший ситуацию.

Таким образом, подводя итог выше сказанному, следует отметить, что в настоящей статье рассматриваются три комплекса вопросов вайнахской этики внутриобщинных неродственных отношений: вопросы взаимопомощи; роль в системе традиционных норм

ИЗ

поведения и формы общения молодежи у вайнахов. В последнем случае мы рассмотрим три типа контактов молодежи: свадьба ("лов-зар"), вечеринки ("синкьерам"), сборы у родника ("хийист").

Как известно, община и ее традиционные нормы поведения у вайнахов в рассматриваемое время были действенным и важным институтом повседневной жизни. С одной стороны, бытовали и ею осуществлялись фискальные и административные государственные функции, с другой — она защищала хозяйственные и социальные интересы вайнахов. На развитие традиционных норм поведения и форм общения у вайнахов оказывали влияние социально-экономические процессы; в их обществе в исследуемое время с этими же проблемами был тесно связан вопрос о соотношении традиций и новаций. Безусловно, мы отдавали себе отчет в том, что традиции при всей их кажущейся устойчивости, несомненно, подвергались и подвергаются определенным изменениям и что каждая из них некогда была новацией. Таким образом, мы рассматриваем те нормы поведения и формы общения, которые самими крестьянами (а с их слов -наблюдателями) определялись на конкретном этапе изучения как привычные, издавна бытовавшие.

Одной из форм контактов молодежи у вайнахов являлся традиционный институт взаимопомощи ("белхи") - сложный по своей структуре обычай, в центре которого находился совместный неоплачиваемый труд. На "белхи" приглашались девушки, молодые замужние и незамужние женщины, холостые и женатые парни для того, чтобы подрастающее поколение знакомилось и общалось между собой, определяло свое "общественное лицо" в процессе не только общения, но и трудовой деятельности. Организовывала "белхи" обычно женщина, при этом мужчины не всегда принимали в нем участие или же принимали в определенной форме, например, помогали женщинам при лущении кукурузы ("хъачТкъаш ц!ан еш болу белхи"), подносили вязанки урожая, убирали отходы, т.е. выполняли самую тяжелую работу³.

Обычно "белхи" в прошлом мог устраиваться в любой день недели, в условиях же современности — лишь в выходные дни. Говоря о "белхи", следует отметить, что в состав обычая входило несколько взаимосвязанных вариантов. Обычай включал разнородные элементы: хозяйственно-трудового, бытового, праздничного и другого характера. "Белхи" начинался с общинного решения на сельском сходе помочь вдове или другой нуждающейся семье, например вспахать поле или убрать урожай и др. По крайней мере, многие наши информаторы подтверждают это. Впрочем, в большинстве случаев "белхи" по решению сельского схода созывался достаточно редко -обычно при строительстве после пожара ("ц!е ялча") или в случае внезапной смерти кормильца и т.п.

Продолжительность труда на "белхи", как отмечают многие информаторы, в некоторой степени была определена обычаем (от вос-

хода до захода солнца), но приглашение на полный день не исключало и более раннего завершения работы. Если "белхи" продолжался с утра до вечера, то обед доставлялся к месту работы, причем хозяин старался угостить собравшихся лучшей пищей. Безусловно, хозяин дома должен быть любезен и приветлив со всеми, кто пришел помочь ему; он не мог принуждать, указывать, сколько кто должен работать, и т.п. Вайнахская этика исключала также замечание хозяина, если чья-то работа ему не нравилась.

По сведениям многих наших информаторов, во время некоторых видов "белхи" (например, при обмазке дома, лущении кукурузы, обработке шерсти — "т!арг!а къажбеш болу белхи" и т.д.) звучали песни, шутки, устраивались во время отдыха танцы и т.д. Вайнахско-му бычаю "белхи" мы находим соответствие в аналогичных обычаях других народов Кавказа¹.

Примечательно, что целый комплекс этических представлений и норм сложился в крестьянской среде в отношении вопроса и об участии в "белхи". Отметим, что принятие приглашения не было обязательным правилом, хотя тем не менее вайнахи считали: даже в случае крайней невозможности прийти и поработать некоторое время необходимо было явиться к хозяину и объяснить ему уважительную причину неявки. Таким образом, сильна нравственная обязательность "белхи", которая и до настоящего времени осознаётся вайнахами.

Интересно, что представление о моральной ответственности перед участием в "белхи" было особенно выражено в том случае, когда помощь организовывалась общиной для нуждавшейся в поддержке семьи, потерявшей кормильца, или семье крестьянина при стихийных бедствиях, падеже скота и т.п. О таких общественных мероприятиях люди старшего поколения помнят до настоящего времени. Поэтому в конце XIX — начале XX в. и даже позже среди вайнахского сельского населения никогда не встречались люди, просящие милостыню, ибо здесь семьи, нуждающиеся в помощи, не просили об этом сами, а ждали и были уверены, что каждый из сельчан по мере возможности придет к ним на помощь, например в случае пожара, постигшего домохозяина, и т.д. Община выделяла лес для постройки, если заболел кормилец, то бесплатно исправляла его постройку, и выполняла другие работы.

Вайнахи считали и считают до сих пор своей нравственной обязанностью обработать поле и убрать его у одинокого и больного соседа, а также привезти лес на строительство и т.д., причем если кто-либо и не являлся на "белхи", его не наказывали, но его осуждало общественное мнение. В этом случае этические нормы вайнахов исходили из нравственных принципов помощи пострадавшему или бедствующему; в других случаях оценка поведения опиралась на принцип общинной, соседской взаимопомощи. Как известно, у чеченцев бытовал тип "белхи" как взаимной, так и односторонней выгоды, но

и здесь существенную роль в реализации сложившихся этических норм играло общественное мнение.

Таким образом, в жизни вайнахского крестьянства, как и других горских народов Кавказа, взаимопомощь была одной из характерных черт хозяйственного и семейного быта. Она играла существенную роль, облегчая и ускоряя труд при строительстве, проведении тех или иных сельскохозяйственных работ и других трудовых занятий. В определенной степени институт взаимопомощи отражал уровень жизни вайнахского народа, особенности социально-классовых отношений, специфику семейно-бытового уклада, характеризуя мораль и этику общества на определенном этапе его исторического развития.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что обычаи взаимопомощи вайнахов - явление сложное не только по своей структуре, но и по многослойности сохранившихся в нем разновременных социально-этнических образований. При этом некоторые виды "белхи" органично срастались с обрядами завершения тех или иных сельскохозяйственных работ, включая в свою структуру и многие ритуальные элементы. В целом же для "белхи" характерно типичное сочетание коллективных принципов работы и праздников - взаимное переплетение и взаимное проникновение трудовых и праздничных элементов.

Нравственные принципы помощи бедствующему и нуждающемуся в соседской помощи, а также соответствующие этические нормы у вайнахов формировались общественным мнением. Значительную хозяйственную и нравственную роль при этом играл институт "белхи" как одна из форм коллективных работ, где вырабатывались, укреплялись и передавались в межпоколенной трансмиссии трудовой и социальный опыт, знания и наблюдения. На "белхи" же организовывались состязания по тем или иным видам труда; общественным мнением определялись наиболее опытные и знающие — образец для всех остальных. Как место проведения коллективных работ "белхи" же играли значительную роль в формировании репутации в сельских трудовых коллективах, в частности молодежи (репутация невесты, жениха).

Именно в рамках общины в первую очередь происходило становление и формирование

общественного мнения о том или ином человеке, оно же регулировало отбор, сохранение и закрепление тех или иных этнических воззрений и соблюдение этических норм, причем первую роль в этом играло мнение семьи и родственников, за ее пределами - ближайших соседей, затем - селение и т.д. В повседневном быту вайнахов, в постоянном общении во время коллективных работ, праздников (свадеб, вечеринок, уразы и др.) естественно проступали и демонстрировались черты характера, соблюдение общепринятых норм поведения, а также осуждались или подвергались критической корректировке отклонения от них. Так сельская общи-

116

на, как основная ячейка, утверждала становление общественного лица человека, которое должно было соответствовать устоявшимся этническим традициям вайнахов.

Значительную роль в воспитании молодежи у вайнахов играли сельские сходы ("гулам"), а также своеобразные народные сборы на сельской площади или в мечети ("пьюгТанаш"), где происходил устный обмен информацией, новостями и т.п. Поведение вайнахов в таких местах, как правило, не имело четко определенной регламентации, а зависело от той или иной социально-психологической ситуации и характера обсуждаемых вопросов, будучи относительно произвольным для отдельного человека и многообразным по стилю в целом. На подобных сборах, кроме хозяйственных вопросов и проблем общественной жизни, немалое внимание отводилось анализу поведения молодежи, как бы ее обучению. Иначе говоря, такие сборы взрослого населения общины, где главную роль играло мнение уважаемых сельских авторитетов (стариков в первую очередь), были своеобразной "школой поведения". Впрочем, обсуждались здесь и конфликты (между разными тейпами, тарами и т.д.; внутрисемейные, частные конфликты, как правило, редко выносились на общественное мнение села, что считалось неприличным, на уровне сплетен "чюра дов ара ца докхара" - "не выносить сор из избы"). Однако на сельском сходе могли поднять вопросы чужого семейного раздела и выдела, мелкие преступления, т.е. те вопросы, которые в той или иной степени касались интересов всей общины.

По сведению многих наших информаторов, на сельских сходах присутствующие держали себя достаточно свободно, каждый говорил о чем думал, но и здесь сохранялась определенная возрастная иерархия: "бакхий нах охья ховшара, кегийнаш лаьттара, баккий на-хана юкъя ца лелхара, цера сии дора", т.е. люди старшего возраста сидели, молодые стояли, не перебивали их, считались с ними и т.д. Обычно многие вопросы на сходах или в местах сбора ("пхьюьгТа") решались спокойно и мирно, но иногда — с шумом и криком; в целом же, по нашим полевым материалам, поведение собравшихся сохраняло "рамки приличия" и обычно до крупных скандалов не доходило, словесные оскорбления считались позорящими человека. Обычно напряженность, конфликтные ситуации и т.п. "снижались" авторитетными людьми и все теми же стариками. На сходах или в советах на местах сборов предпринимались меры, чтобы предостеречь то или иное селение (улицу, квартал и т.д.) от запятнания своей репутации какими-нибудь мелкими кражами на дорогах, буйствами, непристойным поведением с девушками, а в наше время - пьянством. Обычно в таких случаях обвинялись не дети, а их родители, которые не сумели достойно воспитать своих детей. Именно тогда старики прибегали к публичным призывам на сходе или у мечети и т.д., придавая проступку широкую общественную огласку, позорящую ту или иную семью.

117

Мнение о человеке проявлялось открыто и определенно как на сходе, так и в других местах. Жизнь чеченца, проходившая на виду у всех, давала основание для формирования точки зрения о том или ином человеке, его "общественном лице". В прошлом вайнахами это четко осознавалось, впрочем, до некоторой степени это сохраняет свое значение и в настоящее время. Однако любые сборы у родника, вечеринки, "белхи" и другое могло служить своеобразной ареной для апелляций к общественному мнению. Наши материалы наглядно подтверждают это.

Для выражения своих претензий к общественному мнению вай-нахи широко использовали художественные формы, которыми в массе своей они владели достаточно свободно, умея импровизировать в рамках любого жанра: в пословицах, поговорках, притчах и т.д. И там, где невозможен был прямой выпад "на людях", претензии выражались в традиционной фольклорной форме. Хорошим источником в этом смысле являются материалы вайнахов по похоронной обрядности - особенно причитания ("товжар"), которые считались своеобразным отношением к умершему и в некоторой степени определяли мнение при жизни соседей, родственников и других жителей селения (естественно, выражаемое на похоронах родственниками и односельчанами в иносказательной форме). По сведениям информаторов, бывали случаи, когда о покойном не услышишь ни одного доброго слова и плача, то, что говорилось, звучало как-то неискренне, не от чистого сердца. Однако в большинстве случаев

все селение плакало об умершем, стараясь говорить только о его хороших человеческих качествах.

Говоря об этнических традициях вайнахов, следует отметить, что в формировании репутации человека здесь существенную роль играло мастерство, его трудовые навыки, умение наглядно и убедительно продемонстрировать их. Как мы уже отмечали, на "белхи", на сенокосах и других видах коллективных работ проявлялись индивидуальные возможности человека: сообразительность, сила, ловкость, навыки и т.п. Мнение об отдельном участнике трудового процесса в сельскохозяйственных работах в целом или в том или в ином виде занятий складывалось и в зависимости от результатов труда и умения вести себя ("лела хаар"), которому чеченцы придавали большое значение. Так, например, вайнахи считались с мнением сельчан о девушке как о хорошей хозяйке в будущем. Это мнение особо принималось во внимание при выборе невесты. Оно складывалось в процессе наблюдения за ней в ходе работы, а также опосредствованно, по качеству результатов труда: на виду у всех была ее одежда, которую в прошлом в большинстве случаев она изготавливала сама. "Лела хууш ю, г!улкхана кади ю, бедар оьзда ю, г!иллакх долуш ю" - говорили о понравившейся девушке. Или же наоборот: "Лела хууш яц иза; д]а-са идар бен г!ул]кх дир долуш яц, я и да хууш яц" - "Не умеет вести себя, только суетится".

118

Как мы уже не раз отмечали, большое значение придавалось отношению к труду. Вайнахи приучали подростков к различным видам деятельности с раннего детства, а над теми, кто не владел соответствующими возрасту мастерством и навыками, смеялись. О постоянном воздействии общественного мнения на формирование личности свидетельствуют насмешливые прозвища, прочно вошедшие в речевой оборот чеченцев: например, "х]инц вича санна ву (ю) иза" — будто сейчас родился (родилась) он (она) или "лам тГера х]инц охьа веа-ча сана ву (ю)" — словно только что с гор спустился (спустилась) и др. В то же время, требуя от каждого определенных нравственных и деловых качеств, общественное мнение вайнахов возвышало тех людей, которые по своим качествам соответствовали идеалу юноши или девушки. Часто в том или ином селении за авторитетными молодыми людьми закреплялось выполнение функций свахи для жениха или невесты, впоследствии они могли играть и другие функции в свадебной обрядности вайнахов.

Материалы о народном календаре дают основание отнести ряд поверий об антропоморфности космоса: о возрасте небесных светил, о принадлежности их к тому или к иному полу, взаимообусловленности их подобными же явлениями в жизненном цикле человека. Последнее касалось всех календарных единиц, начиная от суток и кончая годом; отсюда "половозрастной" характер времени был одним из самых важных признаков измерения. По сведениям наших информаторов, женщина или девушка, встающая с постели к обеду, никогда не будет хорошей хозяйкой. Об этом же говорят многие пословицы и поговорки. "Туьранна г!атинч]на жи шалха бехкина" — "У того, кто рано встал, овца двойню принесла", или "Уьюринна вижна Тьиначу-на ирс тьех дьялла" — "Кто долго спит, тот свое счастье проспиг". Одним из достоинств молодой женщины-невестки считалась ее привычка вставать раньше всех, причем имела значение первая часть суток — в том числе и для отправления женских религиозно-магических действий и обрядов (это общая вайнахская традиция), обслуживание старших членов семьи, например, помощь при совершении утреннего намаза ("тас-г!умаг!а хотта дар а и д!а дакхар").

Следует отметить, что женским временем суток, помимо утра, у вайнахов считалось и вечернее время (например, обычай проводить вечеринки - "синкьерам", встречи у родника - "хийист" тоже во второй половине дня или же вечером. Зато более противоречивы и неопределенны представления вайнахов о мужском времени, но, как правило, с ним соприкасалась часть суток от восхода до заката солнца. В целом конечно же не было какого-то "полового" деления времени года и тем более суток. Возможно, бытовало представление о наиболее предпочтительном (удачном или необходимом) времени для активизации как мужской, так и женской деятельности и его постоянном чередовании. Думается, что в основе всех этих представлений лежал реальный опыт наблюдения за космическими явле-

119

ниями и их мифологическая интерпретация в народном сознании, связывающая светила — солнце и луну, а также планеты и созвездия, которые оказывают влияние на жизнь людей. Половозрастные соотношения времени и человека у вайнахов в большей степени имели отношение применительно к будням, что носило глубокий сакральный смысл: нормы поведения и "мир вещей" — как понятие рабочего времени и как времени вообще.

Стереотипы будничного или каждодневного поведения взрослых рассматриваются нами на семейном уровне, на котором были представлены все половозрастные слои. Вместе с репутацией отдельного лица в вайнахском обществе продолжала достаточно устойчиво

сохраняться та или иная репутация семей, очень часто переходившая из поколения в поколение. Так, например, при выборе невесты вместе с другими ее положительными качествами во внимание принималось в немалой степени и то, что она происходит из хорошей семьи ("обзда нах"). При этом следует отметить, что в прошлом чеченцы придавали большое значение генетике: "Х1у бех да ца деза, цТена, обзда неха ялу еза зуда" - говорилось в народе. Известно и такое выражение: "Къантана х1у лаха деза, йоТана цу лаха беза" - "Для юноши следует искать род, а для девушки - благосостояние".

Наши полевые материалы показывают, что значительная роль сельской общины в сохранении традиционных форм общения четко проступает и в общественных трапезах (во время свадьбы, уразы, календарных праздников и др.). Суть таких общественных трапез состояла в том, что этот обычай складывался из нескольких элементов, часть из которых были основными. В первую очередь это общественный молебен ("дели дехар") в связи с общим желанием или хорошего урожая, или приплода (первого), или выгона скота на пастбища. Важными отличительными чертами таких мероприятий были половозрастная основа и специфический состав собравшихся: чаще это были мужчины средних лет, а иногда отдельно от мужчин собирались и женщины. Но общественные молебны ("дели дехар" или "мел бехар") могли проходить и без коллективной трапезы собравшихся семей. Иногда же подобное угощение было не в складчину, как мы отмечали, а за счет одного или нескольких наиболее состоятельных лиц селения.

Вайнахская этика рекомендовала (в некоторой степени это сохраняется и до настоящего времени) возрастной принцип в формировании состава многих сельских сборищ. Так, например, информатор из с. Бачи-Юрт сказал, что в их местности, как и по всей Чечне и Ингушетии, после пятничной обеденной молитвы ("делкба ламаз дин чул т!аьхьа") в мечети проводились поучения, советы - "хьеха-маш бура". После этого собравшиеся делились по группам: старшие, молодежь, подростки. На подобное деление мужской части населения аула для проведения свободного времени указывают и многие информаторы из других селений.

120

Семейным же праздникам в основном был присущ смешанный половозрастной состав участвующих (например, в свадебной обрядности), что характерно и для других форм общения, связанных с коллективными работами. Сюда относятся почти все виды взаимопомощи ("белхи"), сложная структура календарных праздников, включавших элементы как смешанного, так и дифференцированного по возрасту состава участников, и т.д. В частности, у вайнахов были специальные места, где собирались люди разных возрастов: "бакхий нах гулло пьюгТа" — место, где собираются люди старшего возраста, и "кегий нах гулло меттиг" — место, где собираются люди молодого возраста.

Из всех видов общения по половозрастным группам наиболее массовыми, частыми и многообразными по форме были сборы молодежи. Сельская молодежь активно общалась и во время некоторых видов полевых и домашних работ. Здесь хочется обратить внимание на общение молодежи в свободное от основной работы время. Этика поведения молодежи определялась в рамках этнической (вайнахской) и социальной (крестьянство) общностей в целом, но возрастная специфика вносила свои особенности в общую систему нравственно-этических воззрений и соответствующих им норм поведения. Значительное место в этике молодежи, безусловно, занимали традиционные нормы, которые регулировали отношения полов в предбрачном возрасте.

Поскольку мы говорим о проведении досуга, то, как правило, в силу вступали поочередно или в сочетании такие системы, как структура и семантика ритуала, или ритуализированность поведения, специфика художественного жанра — песни, танцы, устный фольклор и т.д. Естественно, что все это определяло поведение отдельного лица и целых возрастных групп. Проанализировать взаимодействие этих факторов в единой системе можно лишь рассматривая конкретные формы общения молодежи. В частности, обратим внимание на популярные у вайнахской молодежи традиционные вечеринки ("синкьерам") или встречи у родника ("хийист").

По свидетельствам наших информаторов, девушки и парни в свободное от работы время встречались на вечеринках, проходивших весело и торжественно. Часто такие встречи устраивались в честь приезда гостей или по поводу какого-либо другого события. Девушки из состоятельных семей одевались в самые лучшие свои наряды, причем меняли их два-три раза за вечер. Праздничные костюмы надевали и юноши. Принято было, что девушки никогда ни на какие вечеринки без приглашения не ходили, кроме как к близким родственникам, девушек всегда обязательно сопровождали снохи, родственницы и т.п. На подобных молодежных вечерах у чеченцев считалось неприличным присутствие девушки с матерью. Информаторы отмечают, что бытовал определенный круг традиционных норм и представлений, кто из девушек может посещать и принимать

участие во встречах молодежи. Например, в присутствии близких родственников по мужской линии девушка не могла принимать ухаживания молодых людей, ибо "бехкий нах бу сан кхузахъа" — "здесь находятся те, при которых нельзя ухаживать". Впрочем, молодежь это знала сама согласно неписанным правилам.

На вечеринки начинали ходить с 12—13 лет, но полноправными участниками "синкъярам" становились лица, достигшие 16—17 лет. Для вайнахской девушки вопрос о посещении "синкъярам" решался не всегда однозначно. Так, в семьях, где росло двое или больше сестер, при решении о выходе на "синкъярам" вступали в силу представления о преимуществах старшей дочери в выборе жениха и выходе замуж, что оборачивалось рядом ограничений для младших сестер. Поэтому старшая сестра на выходах постоянно одевалась в лучшие наряды, а младшая сестра носила ее обноски, она меньше работала, меньше следила за своей внешностью и т.д. По свидетельству информаторов, это не всегда определялось материальными причинами. В большинстве случаев до выхода замуж старшей дочери семья сознательно держала младшую дочь (или младших дочерей) в "черном теле". Если же приходили смотреть старшую, нельзя было показываться младшей, это считалось неприличным (вдруг понравится младшая, как и случалось иногда). Впрочем, как отмечают наши информаторы, встречались семьи, в которых родители, имея нескольких девушек, выдают и одобряют выход любой из них - без установления очередности по возрасту. После того как первая дочь выходила замуж, начинали одевать и наряжать следующую, предоставляя ей определенную свободу.

В этот комплекс представлений органично входили и нормы поведения, связанные с положением сестер на вечеринках. Обычно туда приглашали старшую сестру, но вместе с ней могли посещать вечеринку и младшие сестры или только одна следующая по возрасту сестра. Если старшая приходила туда нарядной, то младшая — в обычной будничной одежде, чтобы не привлекать к себе особого внимания, поскольку это считалось неприличным. Она не садилась в ряд со взрослыми девушками, а стояла где-то сбоку с подростками, не принимала ухаживаний от молодых людей, не танцевала. На подобных встречах молодежи она только училась правилам этикета (поведения), т.е. была лишь зрителем. Таким образом, этническая модель поведения на "синкъярам" была неодинаковой для всех девушек даже в пределах одной и той же семьи. В значительной степени она зависела от возраста и статуса девушки - на выданье она или нет.

Вайнахские девушки в быту стремились вести себя скромно, а на "синкъярам" - веселее, но так, чтобы это не выходило за пределы приличий и представлений о правилах хорошего тона, поскольку о ней могли сказать: "И сов дукха юйюьлу, ларт!ехъ яц и" - "Она слишком много смеется, слишком веселая". У чеченцев счита-

лось неприличным, если девушка открыто отдавала предпочтение одному парню.

У девушек, как и у юношей, были свои ведущие ("тхьямда-наш") — обычно по возрасту это более старшие, опытные, умеющие вести себя, остроумные, которые могли в любой ситуации владеть обстановкой. Они же несли ответственность за присутствующих на вечеринке. Молодежный "синкъярам" жил своей сложной внутренней жизнью, в которой, безусловно, проявляли себя взаимоотношения, выходившие далеко за пределы простого проведения досуга. В осенне-зимний период основным местом общения молодежи были какой-либо двор или дом селения. Собравшиеся делились на две основные группы: с исполнением какой-либо работы, например лущение кукурузы, обработка шерсти и т.п., или без нее ("синкъярам", "ирах лар"). Определенной дифференциации собраний молодежи (с работой или без нее) не было, как и регламента; собирались по мере необходимости.

Возрастной состав подобных посиделок не определялся, а варьировался в зависимости от местной традиции. У вайнахов не было специальных подростковых встреч. Определенный возрастной рубеж, который признавался как достаточный для вступления в брак, давал возможность и подросткам посещать такие места, не будучи женихами и невестами. По сведениям информаторов из Шато-евского и Ножай-Юртовского районов, во встречах принимала участие молодежь обоего пола 10-11 лет, в с. Толстой-Юрт - с 12—13 лет.

Достаточно широко распространены у вайнахов ограничения, связанные с нравственной репутацией. Очень высоко ценились честь и достоинство: "Эхъ а, има а долуш хила езо йо!" — говорили и говорят до настоящего времени. На таких встречах выбирались будущие невестки, когда женщины "смотрели девушек", их умение общаться, работать, прилично вести себя: "Пиллакх, оздангала къор-та хума ду" — "Нравственность — это главное" — говорили вайнахи.

Замужние женщины у вайнахов принимали самое активное участие во всех подобных собраниях: следили за порядком, определяли отношения между молодыми людьми — "т!е хабар хура". На такие встречи родители охотно отпускали своих дочерей, зная, что ничего

плохого с ними не случится. "Синкьерам", "ирах Ёар" и другие собрания молодежи продолжались до позднего вечера и сопровождались песнями, танцами и шутками.

Как отмечают информаторы, которые принимали участие в таких мероприятиях, девушки приходили раньше ребят и садились на лавочки - "менга" "деревянная тахта", где-нибудь в дальней части комнаты ("барчи"). Если это были "белхи", то начинали работу (теребить шерсть, лущить кукурузу и т.д.). Затем подходили парни - группами и поодиночке. Девушки здоровались первыми. Парни садились напротив девушек, в противоположной стороне, но не рядом,

123

поскольку могли нечаянно дотронуться до девушки или толкнуть ее, что считалось неприличным. Нескромные остроты и шутки осуждались, и обычно их не было. Нравственные начала стояли на высоком уровне, поскольку религия и опыт жизни выработали для вай-нахов самые строгие отношения между полами. Безусловно, эти правила поддерживались не одними лишь стариками, а строго соблюдались и молодым поколением, сдерживались личной совестью каждого: "Девушку даже под семью замками не сбережешь, если она сама этого не захочет" — говорили вайнахи.

Во взаимоотношениях молодежи разных селений также соблюдалась определенная этика. Так, например, девушка селения, которое принимало гостей, несмотря на то, что ее парень тоже присутствовал на этой встрече молодежи, должна была оказывать внимание гостю. Однако в их взаимоотношениях была определенная граница согласно неписаному правилу: "Хьаша хьешана ца кхочу" - "Гостя не достается гостю".

Встречи вайнахской молодежи находились под постоянным контролем старших - можно сказать, практически на виду у всех жителей селения. Часто это выражалось в непосредственном наблюдении со стороны близких родственников или родственниц. Известно, что вайнахские девушки на молодежные посиделки приходили не одни, но в сопровождении кого-либо из родных. Большое влияние на поведение оказывало общественное мнение, которое осознавалось каждым молодым человеком. При постоянстве определенных этнических традиций и норм морали, связанных с религиозно-нравственными представлениями вайнахов, более поверхностный слой этики, охватывающий внешние формы поведения молодежи, значительно менялся в конкретных условиях. Традиция определяла различия в системах поведения на молодежных встречах в зависимости от состава участников. Так, дифференцировано было поведение девушек одного и того же возраста в зависимости от очередности сестер "на выданье": что-то разрешалось из дозволенного на вечеринках "синкьерам" и "белхи" в своем и чужом доме; различались между собой взаимоотношения внутрисельской молодежи и молодежи из других селений — гостей. Этика в отношении чужой молодежи зависела от характера и обстоятельств пребывания.

Также следует отметить, что значительное место в общественном быту вайнахов занимали мероприятия, связанные с трудовой деятельностью. На таких встречах формировались и развивались навыки труда, шел постоянный процесс передачи коллективного трудового опыта. Одновременно совершался обмен фольклорными ценностями - песнями, сказками, пословицами, поговорками; подрастающее поколение приобщалось к устному народному творчеству. Беседы на встречах давали определенный круг информации, очень часто выходившей за пределы внутриобщинных интересов, - так формировалось коллективное мнение вайнахской молодежи.

124

Подводя итог сказанному, следует отметить, что система норм морали регулировала индивидуальные взаимоотношения вайнахской молодежи, которые развивались в значительной степени в рамках традиционного коллективного общения. В их основе лежал практический крестьянский взгляд на семью как на важнейшее условие жизни каждого человека.

1. *Бгажников Б.Х.* Адыгейский этикет. Нальчик, 1978. С. 10.

2. Напр.: Этнические стереотипы поведения // Под ред. А.К. Баибурина. Л., 1985; Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988; и др.

3. Полевые материалы автора, собранные в разных селениях Чечено-Ингушетии в 1979-1990 гг. в полевых экспедициях Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы, а также совместно с кафедрой этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

4. *Асланов М.М.* Обычай взаимопомощи у лезгин-переселенцев // Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев. Махачкала, 1975.

Б.Б. Абдулвахабова

ТРАДИЦИОННАЯ МУЖСКАЯ ОДЕЖДА ВАЙНАХОВ В XVI-НАЧАЛЕ XIX в.

Археологические и этнографические сведения, данные изобразительного искусства и другие источники свидетельствуют о том, что основной тип вайнахского костюма сложился в общем процессе развития мужского костюма других народов Кавказа уже в XVII в. Несмотря на этническую пестроту, к этому периоду у всех кавказских народов в мужской одежде заметны сходные черты, т.е. сформировалась так называемая мужская одежда кавказского типа. На фоне общих черт в вайнахской мужской одежде обозначенного периода, как показывают сохранившиеся при археологических раскопках реалии, четко выделяются отличительные признаки, выражающиеся в комплексе одежды, в форме головных уборов, в манере ношения, в способе украшения и отделки костюма и т.д. Особая роль мужчины в вайнахском обществе — воина-всадника, землепашца, скотовода — обусловила то, что для его одежды характерны простота конструкции, строгий силуэт, сдержанный колорит. Одежда надежно защищала его при любых погодных условиях, была удобна при верховой езде, на крутых горных тропах, подчеркивала мужественность, ловкость и романтичность горца.

Традиционно принято подразделять одежду на верхнюю и нижнюю (по способам ношения различается шитая и нешитая, плечевая и поясная), а по назначению — на праздничную, будничную и обрядовую. Имеющиеся в наличии образцы и фрагменты мужской одежды из склеповых погребений позволяют рассмотреть ее именно по принятому принципу. Мы стремились в большей степени опираться на подлинный материал, который собирался при непосредственном участии автора данной статьи. Мы не взяли на себя решение вопроса специального рассмотрения обрядовой одежды, так как эта сторона недостаточно обеспечена источниками, анализ которых позволил бы показать ее в хронологических рамках XVI - начала XIX в. Но в перспективе такая работа необходима.

Основными элементами натальной одежды чеченцев и ингушей были туникообразного покроя рубаха и длинные штаны с широким шагом¹ (рис. 1). Их нередко фиксировали в средневековых склеповых погребениях кавказоведы Л.П. Семенов, Е.И. Крупное и некоторые другие². В ходе археологических раскопок за период 1980-1990 гг. нами также были извлечены целые образцы и фрагменты мужских натальных рубах и штанов³.

Мужские натальные рубахи шились до начала XIX в. из тканей домашнего производства: холщовой ткани, крашенины, полотна и

126

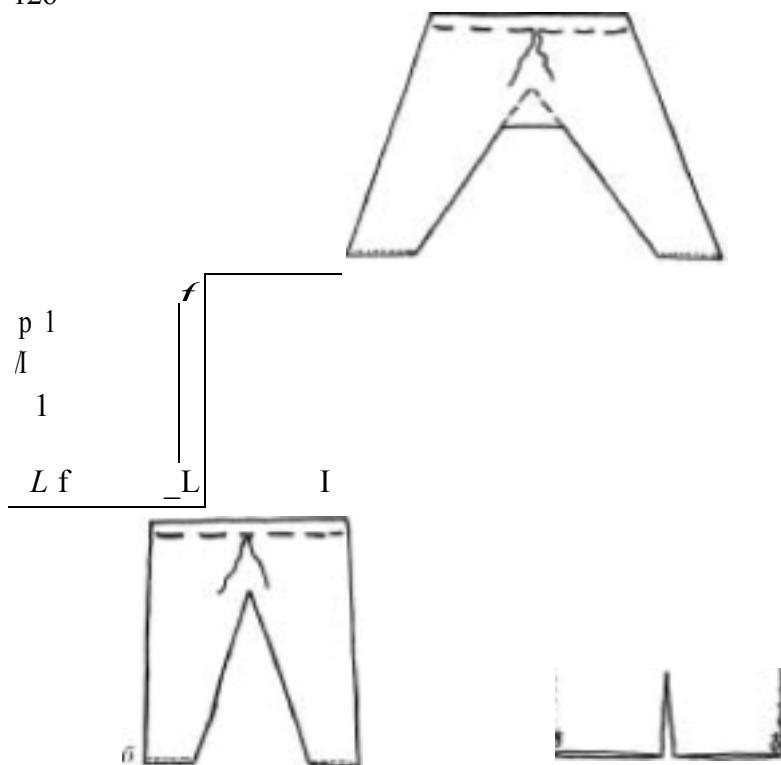

Рис. 1. Мужская натальная одежда:

a — туникообразная рубаха (Чечня); *б* — штаны с узким шагом (Чечня); - штаны с широким шагом (Ингушетия); *с* — короткие штаны из войлока (Чечня)

некоторых других. Правда, зажиточные семьи использовали и покупные материалы.

Нательные рубахи мужчин были двух типов:

1) туникообразного покроя с перекидным плечом, прямыми рукавами с ромбовидными или треугольными ластовицами под мышками и боковыми клиньями. Ворот был горизонтальный, с центральным пазушным разрезом и завязывался шнурками — завязками под головой;

2) туникообразная рубаха с выкройной проймой и вшивными длинными рукавами, зауженными книзу, с центральным или боковым (на левой стороне) пазушным разрезом.

До конца XVII в. воротник не был характерен для нательной рубахи, ее шили наподобие древнерусских "голошеек". Подол подшивался. Ворот нередко застегивался на пуговицы из крученых ниток на воздушные петли. Использовались и пуговицы из бронзы, меди, серебра, причем самых разных форм. Многочисленные находки в средневековых погребальных сооружениях свидетельствуют о широком бытовании пуговиц в одежде вайнахов с древности⁴. Описанный тип рубахи наиболее древний в традиционной одежде не только вайнахов, но и многих народов мира⁵. Вайнахские нательные рубахи мало отличались по покрою и материалу, но локальные особенности проявлялись в форме ворота и способах его застегивания. Для че-

127

ченцев были характерны в основном рубахи с пазушным разрезом сбоку, для ингушей - рубахи с осевым разрезом посередине ворота. В отличие от нательных рубах соседних народов, в частности дагестанских, вайнахи никогда не заправляли их в штаны, а носили на выпуск. И только в конце XIX в., когда нательные рубахи намного укоротились, мужчины начали носить их поверх нижнего белья, заправляя в брюки.

Традиционные мужские штаны чеченцев и ингушей можно отнести к общекавказскому варианту. Как и рубахи, их шили вручную из местных и привозных тканей, а также из шкур животных. В покрое мужских штанов можно проследить половозрастную специфику: пожилые носили штаны с широким шагом. В горной Чечне поверх нательных длинных штанов в холодную пору носили укороченные (типа шортов) войлочные штаны (рис. 1,г). По бокам на каждую штанину пришивались в виде воздушных петель застежки из кожаных ремешков для закрепления на них войлочных или суконных ноговиц. Образцы таких штанов были нами обнаружены в башнеобразном склепе Коротха (горная Чечня). Аналогии этим штанам встречаются только у некоторых народов Дальнего Востока⁶.

Для молодежи были характерны штаны, более зауженные в шагу. Описание данного вида одежды, выделяя его во второй тип, дает Е.Н. Студенецкая⁷. Археологические источники подтверждают широкое бытование в эпоху позднего средневековья у вайнахов описанного типа штанов.

В отдельный тип, на наш взгляд, можно выделить кожаные штаны, которые носила военная прослойка. Их образец можно увидеть на воине, изображенном на рисунке Я. Потоцкого (рис. 2,б). В исследуемый период кожаные, а точнее, овчинные штаны были распространены среди пастухов, покроем их не отличался от обычных традиционных штанов. Они были характерны для многих народов мира.

Археологические и этнографические материалы дают очень интересные образцы мужской одежды вайнахов XVI — начала XIX в.: платье, рубаха, черкеска, суконная накидка, бурка, шуба, тулуп, шелковый халат. Некоторые из названных видов одежды сегодня совершенно забыты. К таковым относится мужская нераспашная верхняя одежда туникообразного покроя, платья-рубахи. Фрагменты таких рубах были обнаружены нами в ходе археолого-этно-графических исследований в горной Чечне. Часть этих материалов сильно фрагментированы, не поддаются полной реконструкции, но сохранились относительно хорошо рубахи, по которым можно судить об этом типе одежды.

На основе анализа 16 фрагментов и относительно целых образцов мужских рубах по покрою, форме ворота и декоративной отделке выделяются несколько типов таких рубах с внутренней вариацией.

Рис. 2. Военная одежда кавказских горцев конца ХУШв.:

a — ингуши (по Я. Потоцкому);
b — чеченцы (по Я. Потоцкому);
в — ингуши (по Х. Гейслеру)

5. Культура Чечни...

129

Первый тип представлен несколькими вариантами:

1. Рубаха туникообразного покроя, рукава длинные, прямые, шов идет от подмышек до кисти руки. Ворот круглый, с пазушным разрезом сбоку. Края ворота отделаны шелком коричневого цвета, ворот застегивается (завязывается) шнурочками из крученых комбинированных (красно-зеленых) хлопчатобумажных ниток.

Рубахи с пазушным разрезом сбоку встречаются у многих народов, но вряд ли вайнахами такая форма заимствована: встречаются самые разные варианты бокового ворота, что, видимо, свидетельствует о древней традиции его бытования в вайнахской одежде.

2. Этот вариант, как и первый, представлен фрагментом из материалов Коротха. Покрой рубахи, по всей вероятности, туникообразный. Ворот с пазушным разрезом сбоку. К рубахе пришит простеганный воротник-стойка, застегивающийся у горловины с помощью тканых шнурков. Края осевого разреза отделаны вертикальной строчкой (в три ряда) красными шелковыми нитями. По обеим сторонам бокового разреза горизонтально пришиты застёжки из широкой тесьмы: с одной стороны - пуговицы, с другой - петельки.

3. Фрагмент рубахи из наземного склепа Цой-Педе (горная Чечня). Рубаха была сшита из синей крашенины. Ворот боковой, с острым "язычком", от которого до пояса идет вертикальный разрез. Края разреза отделаны желтым шелком. Застегивался ворот коричневыми застёжками, расположенными горизонтальными парами (5 пар — 10 штук) на определенном расстоянии. На правой стороне ворота вдет иголка (оберег). Видимо, в прошлом это имело какой-то магический смысл. До настоящего времени в народе сохранилось поверье, будто бы иголка может оберегать человека от злого духа, болезней и сглаза.

4. Рубаха из материалов Цой-Педе была сшита из синей крашенины с подкладкой из домотканой холстины без окраски. На манжетах сделаны разрезы, вышитые по краям в несколько рядов линейным орнаментом. У кисти руки рукава завязывались на завязки из крученых ниток. Ворот имел круглую форму с пазушным разрезом сбоку. Края разреза также отделаны строчкой из красных ниток в два ряда. Как отмечают некоторые исследователи, "расположение вышивки не случайно, так как, по древним поверьям, вышивка была магическим оберегом от зла, болезней и располагалась в одежде там, где открывался доступ к телу"⁸. Ворот у горловины застегивался воздушной петлей на пуговицу из крученых ниток. На передце нашиты горизонтальные застёжки (58 парных штук). А на фрагменте рубахи такого же типа насчитывалось около 70 горизонтальных застёжек. Эти нашивки выполняли роль условных застёжек. Застегнутые пуговицы оказывались внутри вдоль разреза, образуя тем самым изящный рельефный контур. Иногда пуговиц вообще не пришивали, а с обеих сторон нашивали тонкую тесьму, сложенную вдвое, петли обращали к разрезу рубах. Между этими петельками приши-

130

вали тесемочки, которые завязывались вдоль разреза ворота. Нужно отметить, что подобные застёжки-украшения свидетельствуют о довольно старинном типе одежды, восходящем к раннему средневековью. Наряду с металлическими нагрудными украшениями они бытовали в вайнахской традиционной одежде до конца XIX в., дольше, чем у других народов Северного Кавказа. Подобными условными застёжками в XVI—XVII вв. на Руси украшали царскую одежду. По всей видимости, горизонтальные нашивки были характерной особенностью одежды состоятельных людей. Как мы уже отмечали, на Руси ими украшались царская, боярская и княжеская одежда, а вайнахские платья-рубахи с соответствующей отделкой носили мужчины, достигшие определенного возраста и имевшие влияние среди сородичей,

возможно старейшины.

5. Вариант данного типа также представлен фрагментом рубах из склепов Цой-Педе. Рубахи шились из крашенины, имели круглый ворот, отделанный красной тесьмой, сбоку переходящей в застежку. Вдоль разреза на груди пришиты застежки из красного сутажа. По анализу общего погребального комплекса, где обнаружены данные рубахи, их можно датировать XVI-XVII вв.

У второго типа мужских рубах есть также несколько вариантов. Основным отличительным признаком рубах второго типа - необычная форма ворота.

Первый вариант этого типа представляет собой длиннополую рубаху со стоячим воротником. Образец взят из наземного склепа Цой-Педе. Рубаха сшита из белого холста. Круглый ворот имеет разрез сбоку. Около ворота рубаха присборивалась мелкими сборками, закрепленными обшивкой горловины. Воротник, отделанный шелком, был простеган горизонтальной строчкой. На воротнике-стойке сбоку пришиты застежки, такие же и по краям пазушного разреза. Рукава длинные, вшитые в пройму с большой ромбовидной ластовицей под мышкой. В центре ромбической ластовицы пришита (поменьше такой же формы) ластовица из другой ткани. Таким образом, рукав в области плеча расширялся, а к запястью сужался. Края рукавов были окаймлены коричневым шелком. Строчки на плечах подчеркнуты полоской из синей хлопчатобумажной ткани (рис. 3,а).

Образец второго варианта данного типа взят из склеповых материалов Коротха. Рубаха туникообразного покроя сшита из белого холста. Воротник-стойка из синей крашенины, пришивной и простеган горизонтально. Пазушный разрез сбоку неглубокий. Воротник завязывался шнурочками из хлопчатобумажных ниток. Для прочности в верхней части спинки с изнанки нашита треугольником подкладка.

Следующий фрагмент рубахи из материалов Цой-Педе выделен нами в третий вариант. Рубаха сшита из белого холста, ворот присборенный, воротник-стойка. Сбоку с левой стороны от воротника

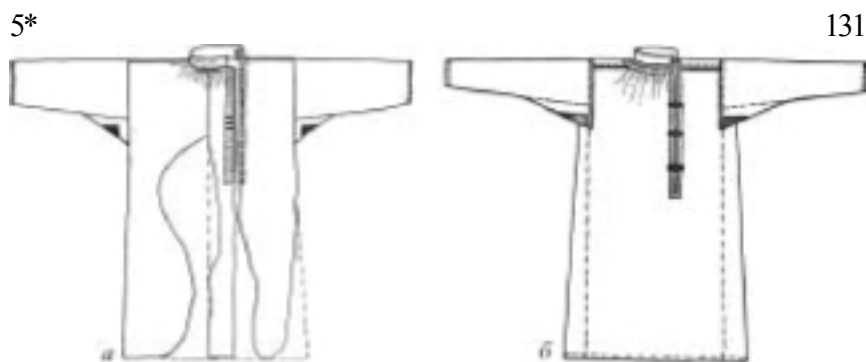

Рис. 3. Мужская рубаха - тип 2:

а — вариант 1 (из Цой-Педе); б — вариант 3 (горная Чечня)

идет глубокий разрез на груди до пояса. Края разреза и воротника на подкладке из домотканого полотна. От ворота вниз по краям разреза пришиты горизонтальные застежки из тканого шнура. Рукава длинные и заужены к кисти руки, с ромбовидной ластовицей под мышкой.

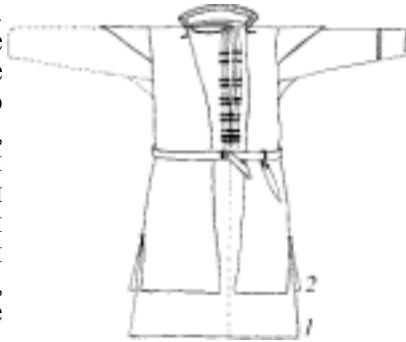
Несомненно, описанная выше вайнахская одежда - это наиболее древняя форма рубахи. Судя по покрою и декоративному оформлению такие рубахи имели свои ареалы и среду бытования: они были характерны для населения горной Чечни. По-видимому, их носили служители культа, старики, старейшины, т. е. люди, имеющие особый статус в семье, роде и вообще в этнической общности вайнахов. Данную одежду шили в основном из белого холста (белый цвет почитался средневековыми вайнахами как цвет благородства, языческие жрецы выходили на культовые праздники в белом одеянии). Но встречаются рубахи и из окрашенных в другие цвета тканей.

Так, в склепах горной Чечни была обнаружена мужская двухслойная одежда, типичная только для чеченцев. Нижний слой ее состоял из рубахи, сшитой из синей крашенины и на подкладке. Покрой ее идентичен пятому варианту первого типа мужских верхних рубах: туникообразных, с круглым воротом и глубоким пазушным разрезом. Все горизонтальные застежки сохранились: их 11 (три нижние застегнуты). Петли — на левой, пуговицы — на правой стороне, сделаны они из тканого шнура. Разрез на груди подчеркнут узорной строчкой. Рукав длинный, обшлаг отделан узорной строчкой в три ряда. Застегивался рукав точно такими же застежками, что и на вороте.

Второй, верхний слой одежды состоял из накидки типа халата с отложным воротником; украшена вышивкой и тесьмой. Покрой прямой, спереди - сплошной разрез. Вместо рукавов - короткие треугольные "крылышки". Чуть ниже воротника пришита одна гори-

132

зонтальная застежка с пуговкой. По бокам до подола глубокие разрезы. Длина накидки короче нижнего слоя одежды. Хорошо сохранился ременной пояс, изготовленный из сыромятной кожи, с железной рымчатой пряжкой. На поясе висели ножны из той же сыромятины (рис. 4). Другая накидка, обнаруженная в том же

погребальном комплексе, Рис. 4. Двухслойная мужская верхняя одежда из наземного склепа Цой-Пе- отличается от первой только тем, что на груди от ворота до пояса нашиты 7 пар горизонтальных застежек.

Отмечалась такая же накидка и в детской одежде. Пока не ясны истоки

подобного одеяния в вайнахской мужской одежде. На территории Ингушетии мужские накидки не встречаются.

Традиционным для вайнахов в исследуемый период был тип распашной одежды - бешмет ("г'овтал"), часто фиксируемый в погребальном комплексе склепов. Бешмет - одна из древнейших форм верхней одежды не только у чеченцев и ингушей, но и у многих народов мира. Он был как повседневной, так и праздничной одеждой мужчин, женщин и детей. Исследуя склеповые погребения в горных районах Чечни и Ингушетии, известный археолог Е.И. Крупнов отмечал, что "мужчины были одеты в длинные до колен кафтаны или халаты, в большинстве случаев также из шерстяной ткани. Обычно на мужчинах две одежды..."¹⁰. Кафтаны или халаты, упоминаемые исследователями, по всей вероятности, бешметы. Последующие изыскания ученых подтверждают это. Знаток традиционной одежды северокавказских народов Е.Н. Студенецкая отмечала, имея в виду вайнахов: "Мужская одежда, обычно именуемая бешметом, надевалась под черкеску"¹¹. Однако необходимо отметить, что до широкого распространения на Кавказе (вторая половина XVII в.) да и после почти у всех живущих здесь народов бешмет представлял собой самостоятельный тип одежды. Но манера ношения была у каждого народа своя. Чеченцы и ингуши носили бешмет отдельно, поверх нательной рубахи, без черкески, как повседневную или праздничную одежду. Судя по археологическим источникам бешмет носили с самого раннего возраста и до глубокой старости.

"По покрою бешметы одинаковы у всех народов Северного Кавказа", - писала Е.Н. Студенецкая¹². Но именно покроем выделяет вайнахские мужские бешметы от аналогичных типов одежды других народов данного региона. Видимо, из-за недоступности археологи-

133

ческих источников исследовательница сделала вывод об однотипности покроя бешметов для всех народов Северного Кавказа.

Образцы бешметов и их фрагментов, найденные в позднесредневековых склеповых погребениях (Оздик, Цори, Коротх, Цой-Пе-де и др.) свидетельствуют о наличии у вайнахов в рассматриваемый период бешметов двух типов:

Первый тип — цельнокроеный, с круглым воротом, т.е. туникообразного покроя, и второй тип — с отрезной талией, со скошенным к груди воротом (типа черкески). Первый тип бешмета, во многом повторяющий покрой туникообразной рубахи и отличающийся от нее спереди сплошным разрезом от ворота до подола, несомненно, наиболее древняя форма распашной одежды местного населения. Второй же тип бешмета, по-видимому, возник в процессе эволюции и совершенствования покроя, а также под влиянием костюмов соседних народов.

Как мы уже отмечали, первый тип бешмета был туникообразным: спинка и перед состояли из целого полотнища, спереди делали сплошной разрез. Бешмет имел удвоенную полу. Такие бешметы были свободные и длинные. От ворота до пояса застегивались на пуговицы из крученых ниток. Рукава длинные, прямые, вшитые в пройму. Края ворота и рукавов обшивались полоской из другой ткани или широкой тесьмой. Образцы таких бешметов нередко

фиксируются исследователями в наземных склепах Чечни и Ингушетии¹³. Некоторые исследователи, в частности Б.А. Калоев, утверждают, что "мужская одежда вайнахов не отличалась от осетинской"¹⁴. Подобного мнения и грузинский автор Л.Ю. Маргошвили¹⁵. Мы имели возможность подвергнуть сравнительной характеристике одежду вайнахов и соседних народов на основе собственных материалов и образцов осетинских бешметов, извлеченных исследователем Т.Б. Мамуковым из наземных склепов Осетии¹⁶. Графическая реконструкция осетинского бешмета показывает локальное своеобразие данного типа одежды у осетин и вайнахов: по покрою рукавов, форме ворота, способу застегивания они в корне отличаются друг от друга.

Неверно также и утверждение, что "чеченская мужская одежда не характеризуется локальным своеобразием, она общекавказского типа"¹⁷. Действительно, в мужской одежде наблюдается много признаков общекавказского костюма. Но ведь традиционная одежда не представляет собой что-то застывшее: в процессе многовекового развития, помимо прочего, в ней отражались взаимосвязи и взаимовлияния соседних и дальних народов. Разнообразные культурно-экономические связи, уходящие корнями в далекое прошлое, издавна способствовали налаживанию тесных контактов вайнахских обществ с соседними народами и появлению общих форм во многих областях материальной культуры, в том числе и в одежде.

Рис. 5. Мужской бешмет типа черкески (горная Ингушетия)

Возвращаясь к характеристике верхней мужской одежды, остановимся на втором типе вайнахского бешмета (рис. 5). Данный тип

134

бешмета сильно отличался от „— первого по покрою: свидетельство того, что на смену более древним конструктивным формам приходит одежда выкройная. Его шили сильно приталенным, с отрезными бочками, состоящими из треугольных и трапециевидных клиньев, которые расширялись книзу. Нижняя часть бешмета расклешена за счет девяти и более клиньев: трех цельнокроеных (два передний, один задний), двух-трех трапециевидных с каждого бока и двух треугольных по одному на каждую полу, что создавало определенный силуэт одежды, затянутой в талии и свободной внизу. Н. Данилевский писал: "Так как у всех горцев общая идея о красоте состоит в том, чтобы иметь широкие плечи, полную грудь и тонкий стан, то мужчины, несмотря на то, что носят несколько кафтанов один на другом, туго перетягиваются, чтобы в поясице не оставалось ни малейшего знака толщины"¹⁸. Действительно, эволюция одежды у горцев была связана с определенными, присущими и другим народам эстетическими взглядами. И не случайно до сих пор у вайнахов бытует понятие "оьзда г!одаюкъ июлу стаг" (букв. - мужчина с благородной талией).

Рукав бешмета был вшивной, суженный книзу, наполовину закрывавший кисть руки, на конце — овальной формы с разрезом 5—8 см. Пришивался невысокий стоячий воротник, стеганный на подкладке из плотной ткани. Застегивался бешмет на пуговицы из крученых ниток на воздушные петельки от ворота до талии. Ворот сильно скашивался к груди: застежек до талии было пять штук. Видимо, в прошлом застежкам на бешметах, помимо утилитарного, придавалось особое значение. Об этом, в частности, свидетельствует вайнахский фольклор. Приведем лишь несколько примеров. Так, в одном из преданий говорится, что некто Алу Усман имел сильную власть над людьми и заставлял их подчиняться себе. Этому не снесли три гордых брата предков чеченцев. Они ушли от него и дошли до местечка Нохчхаз, что находится на границе Чечни и Кумыкии. Там они обосновались жить. Однажды некто из жителей Нохчхаза пренебрежительно дернул за ворот бешмета младшего из братьев. От рывка отлетело две застежки. Оскорбленный младший брат тут же убил обидчика. Не вынеся такого позора, братья ушли в горы.

А в другом предании рассказывается, как на сына чеченца бросился лев и ударом лапы сорвал с ворота его бешмета три петли. Сын чеченца заколол льва и без трех петель предстал перед отцом. За то, что сын позволил льву сорвать с бешмета три петли, отец хо-

тел убить единственного своего сына¹⁹. Возможно, застежки на одежде средневековых вайнахов несли какую-то магическо-религиозную символику, иначе дергание за ворот бешмета или срыв хотя бы одной застежки не воспринимались бы как тяжчайшее оскорбление.

Карманы на бешметах не делались вообще: они появляются позже (в XIX в.) под влиянием европейской одежды. Роль карманов выполняли мужские сумочки и кисеты, сшитые из различных тканей или кожи. Они были самых разных форм, о чем свидетельствуют многочисленные археологические материалы. Большой интерес представляет древневайнахский орнамент, которым украшались кисеты и сумочки (завитые рога, концентрические круги, ромбы и др.). Все это в мировоззрении средневековых вайнахов символизировало изобилие, богатство и солнце.

Бешметы перепоясывались широким матерчатым кушаком или же кожаным ремнем, на котором, кроме всего прочего, висели сумочка или кисет.

Первый тип бешметов был наиболее характерен для старых и пожилых мужчин. Молодые носили в основном бешметы типа черкески. Возрастная особенность подчеркивалась и длиной бешмета. Длинные бешметы носили пожилые вайнахи, а более укороченные - молодые.

Бешмет сочетал в себе функции летней и зимней одежды. Летние изготавливались на одной подкладке, а зимние утеплялись шерстью или ватой, о чем свидетельствуют археологические источники. Бешмет, найденный в одном из наземных склепов, был утеплен ватой с подкладкой из холщовой ткани. Верх бешмета был из красной крашенины. Покрой — по типу черкески: с отрезной талией, подол расширялся с помощью треугольных клиньев. Ворот скошен к груди. Воротник пришивной, стоячий. Застегивался на пуговицы из крученых ниток на воздушные петли. К бортам от ворота до подола пришиты клинья, с помощью которых запах углублялся. Рукава заужены книзу, с разрезами на концах. На бешмете сохранился пояс-кушак из домотканой ткани без окраски. На поясе висели мужская сумочка типа маленького мешочка и ножны для ножа.

Бешметы были распространены на всей территории вайнахов как повседневная и праздничная одежда, бытовавшая одновременно с верхними мужскими платьями-рубашками. Совершенно неверно трактует роль этого одеяния в комплексе вайнахской одежды грузинская исследовательница Л.Ю. Маргошвили. "Часто мужчина-вайнах, - пишет она, - одевал архалук (т.е. бешмет. - Б.А.) и брюки на голое тело, без рубахи. Эти два элемента были повседневной одеждой горца... С течением времени появилась верхняя рубаха, занявшая место архалука. Архалук превратился в домашнюю и верхнюю одежду молодых и пожилых мужчин"²⁰. Ношение бешмета на голом теле, как об этом пишет Л.Ю. Маргошвили, не было в традиции вайнахов, хотя могли быть отдельные исключения: возможно, в силу

136

жизненных обстоятельств горец вынужден был надеть бешмет без нижней рубахи, но это не означало отсутствия натальной одежды у вайнахов в этот период. Обязательной натальной одеждой, по крайней мере со средневекового периода, для вайнахских мужчин были рубахи, как и у всех народов. Платья-рубашки и бешметы бытовали у них как самостоятельные типы верхней одежды, о чем мы выше писали.

Несмотря на общие черты в покрое бешмета, характерные для многих народов Кавказа, Средней Азии и др., они подчеркивали вайнахскую специфику, локальные черты данного типа одежды у чеченцев и ингушей. Близкие аналоги второму типу вайнахского бешмета имеются в одежде кумыков²¹. Это относится к общему конструктивному исполнению. Однако для дагестанских (в том числе и кумыкских) бешметов характерны широкие рукава, застежка встык и глухой ворот, что и отличает их от вайнахских.

Вайнахские бешметы шили из различных по цвету и фактуре тканей: для повседневных бешметов использовались в основном домотканые материалы, для празднично-выходных, в зависимости от экономической возможности семьи, - дорогие привозные ткани. Наиболее популярные цвета, принятые для бешметов взрослых, были белый - для парадно-выходного бешмета и красный, синий, коричневый - для повседневных.

Нет сомнений, что у вайнахов этот тип одежды существовал с глубокой древности. Бытуют различные мнения по поводу происхождения бешмета. Некоторые исследователи связывают его со скифской одеждой, другие — с одеждой ираноязычных предков осетин²². Но права, на наш взгляд, Е.Н. Студенецкая, которая отмечала, что тип одежды определялся в древности не столько этнической спецификой, сколько образом жизни. Народы, быт которых был связан с верховой ездой, охотой и скотоводством, могли выработать в одежде общие черты, стремясь сделать ее более удобной²³.

В ношении бешмета вайнахи были менее консервативны, чем соседние народы. Чеченцы и ингуши, правда пожилые, имели право носить его нараспашку, тогда как некоторые народы Северного Кавказа — только застегнутым. Иногда бешмет надевали и под черкеску.

Судя по данным археологических источников, на рубеже XVII-XVIII вв. в вайнахской среде широко распространяется еще один тип верхней распашной одежды - черкеска ("чоа" - чечен., "чохи" - ингуш.), ставшая не только для вайнахов, но и для всех кавказских народов праздничной общенациональной одеждой (рис. 6). В отличие от бешмета она не была повседневной: черкеска относилась в основном к выходной, праздничной одежде. Иметь черкеску считалось очень престижным, она была символом гордости и достатка. Черкеску обычно шили из сукна домашнего производства черной, серой или коричневой окраски. Представители при-

137

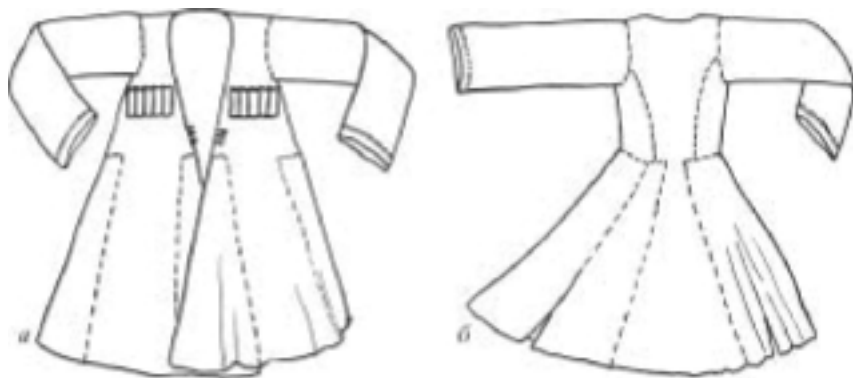

Рис. 6. Черкеска (реконструкция) из наземного склепа аула Эрзи: *а* — вид спереди; *б* — вид сзади

вилегированных сословий носили белую черкеску. Ее шили на подкладке из хлопчатобумажной (без окраски) ткани, но некоторые могли обходиться и без подкладочного материала. По покрою черкеска была сходна с бешметом, но имела более широкие полы, она была сильно приталенная и не утеплялась. Черкеску шили по бокам - отрезной по талии, но с цельнокроеной основой. Нижняя часть делалась чуть выше пояса и до самого низа кроилась в виде треугольников. В боковых швах у подола черкеска имела небольшие разрезы, рукава ее были длинные и широкие. В более ранний период черкеску, видимо, носили поверх бешмета. Возможно, с этим связана ширина рукавов черкески; они не отворачивались. На рисунке Х. Гейслера, где изображены ингуши конца XVIII в. (см. рис. 2, в), черкеска показана более свободного покроя, нежели черкеска XIX в., которая шилась сильно приталенной. Газырницы нашиты на грудную часть черкески. Первоначально газыри носили в кожаных сумках, укрепленных на ремне через плечо или на поясе. Но на поясе крепилось и без того немало предметов, например шашка, ружье. Поэтому газырницы стали нашивать на груди черкески по обеим сторонам²⁴. Отдельные фрагменты деталей черкески, газырниц неоднократно присутствовали среди склеповых материалов XVI—XVIII вв.²⁵ При раскопках наземного склепа с поминальной камерой в ауле Эрзи (Ингушетия) нами были обнаружены кожаные газырницы в виде кармана, вертикально простроченные. В образовавшиеся пазы вставлялись газыри для хранения пороха и пуль. Все это подтверждается наблюдениями исследователей, которые отмечали, что в склеповых погребениях края нередко встречаются газыри (деревянные или костяные трубочки для хранения пороха и свинцовых шаровидных пуль)²⁶. Со временем газыри утратили свое значение и стали выполнять роль декоративного элемента черкески. По талии черкеска перетягивалась ремненным поясом с металличе-

138

ским набором (у более зажиточных — серебряным или позолоченным). Такие ремненные пояса носили вайнахские мужчины вплоть до середины XX в. Да и сейчас их можно встретить в костюме мужчин преклонного возраста, придерживающихся традиционной одежды. Необходимым элементом пояса был кинжал, так как оружие это служит украшением мужского костюма.

Черкески были разной длины: в разные периоды длина их варьировалась. Характерный для черкески ворот имел треугольную форму. В исследуемый период иногда черкески шились со стоячим воротником. На рисунках Я. Потоцкого и Х. Гейслера горцы изображены именно в такой черкеске.

Видимо, к типу черкески можно отнести и мужскую одежду из шелковой или шерстяной ткани, которую обнаружил Л.П. Семенов в ходе исследований средневековых склепов вайнахов. К сожалению, раскопанные материалы Л.П. Семенова не сохранились, но остались описания большинства материалов, в том числе и одежды, дающие возможность составить

представление о соответствующем типе одежды. Е.Н. Студенецкая отмечала, что верхняя одежда XVIII в. настолько отличается от более поздних форм, что "возникает вопрос о закономерности названия этой одежды черкеской"²⁷. Следует отметить, что археологические источники позволяют утверждать о бытовании черкесок с нашитыми газырницами уже с XVIII в. Несомненно, черкеска этого периода не была "классического типа". Ведь с самого возникновения любой элемент подвержен изменению, идет постепенная эволюция в сторону улучшения, приобретения более удобных форм. Вместе с тем возникновение этого типа одежды можно отнести к более раннему периоду, хотя генезис его не до конца ясен.

Черкеска до настоящего периода сохранилась как традиционная праздничная мужская одежда, хотя она была не единственной празднично-выходной одеждой горцев. Несмотря на общий для всех народов Кавказа процесс формирования этого типа верхней распашной одежды, покрой вайнахской черкески отличается от других типов (различия в основном касаются покроя спинки с цельнокроеной основой и элементов отделки и украшений). По этим же признакам чеченская "чоа" отличается, в частности, от "чохи" грузинской, но ближе стоит к кумыкской черкеске.

Помимо вышеописанной верхней одежды для местного населения были характерны различного покроя овчинные шубы. Одежда из овчины является одним из древнейших типов одеяний, во всяком случае у тех народов, основная трудовая деятельность которых связана со скотоводством и охотой. Ведь именно из шкур животных и зверей люди стали впервые делать одежду.

Названия этого типа верхней теплой одежды у вайнахов свидетельствуют о бытовании нескольких видов шуб, среди них: кетар -шуба, тулуп; бекх - тулуп; керча - дагестанский тулуп²⁸. Они были нагольные и крытые, цельнокроеные и покроя черкески.

139

Наиболее распространенными были шубы с цельнокроеной основой, свободного покроя. Длина их была различной: пастухи носили длинные шубы (иногда с капюшоном). Более укороченные шубы носили мужчины всех возрастов. Шубу могли надевать как поверх бешмета и черкески, так и прямо на рубаху²⁹. Шуба была без застежек, правая пола запахивалась на левую и подпоясывалась ремнем³⁰. Аналогичные шубы, относящиеся к рубежу XVIII—XIX вв., бытовали и у дагестанских народов³⁰.

В исследуемый период для вайнахов были характерны и шубы-керча, скорее всего заимствованные у дагестанцев, с длинными ложными рукавами; носили их в основном пастухи.

Более зажиточные слои населения носили крытые шубы типа черкески, отрезные по талии, которые появились в XIX в., а у простого народа в обиходе были нагольные шубы. Информаторы свидетельствуют, что во время дождя, чтобы не испортить верх шубы, ее выворачивали наизнанку и носили таким образом. А в современный период среди местного населения распространены самые разные формы и типы шуб и тулупов.

По этнографическим данным, у чеченцев и ингушей имелись и другие типы верхней одежды. Весной и осенью носили безрукавки, сшитые из овечьих шкур мехом внутрь. Их делали нагольными и крытыми. Название "силг", которое использовали в прошлом для этой одежды чеченцы, в настоящее время практически не употребляется, а именуется она "пхьуыпашдоцург" (букв. - безрукавка). Помимо овечьих и козьих шкур для шитья безрукавок использовали и различные ткани, утепляя ватой и вертикально простегивая.

В качестве верхней плечевой одежды, как и многие другие народы Кавказа, чеченцы и ингуши носили бурки, так называемые безрукавные плащи ("верта" — чечен., "ферта" — ингуш.). Бурочный промысел был хорошо развит у вайнахов в XIX в. Нельзя согласиться с мнением тех, кто утверждает, что "бурки местной работы использовались главным образом пастухами"³¹. В начале XIX в. на Северо-Восточном Кавказе хорошо были известны центры по производству бурок: Чечен-Аул, Старый-Юрт, Харачой, Белгатой и др. О высоком качестве вайнахских бурок писали и некоторые исследователи³². Чечня славилась также изготовлением ольховой краски для окраски бурок. Ее покупали и андийцы для окраски своих знаменитых бурок.

Изготовление бурок - эта тяжелая и трудоемкая работа была обязанностью женщин. В зависимости от качества и типа бурок, а также и мастерства тех, кто занимался этим промыслом, на изготовление одной бурки уходило 10-30 дней. На бурки шла высококачественная белая или черная шерсть. Белая бурка надевалась в особых случаях и ценилась дороже черной. У вайнахов можно выделить бурки двух типов: первый - с узкими плечами, без ворса, ниже ко-

140

лен. Такую бурку в основном предпочитали пастухи-табунщики, так как она хорошо защищала их от дождя, снега и ветра. Второй тип соответствовал трапециевидной форме, с широкими плечами. Спереди у ворота пришивали застежки: петли из сыромятной кожи, шнурки-завязки

и т.д. Ворот и края бортов обшивали галуном.

Практические качества бурки (надетая на всадника, она покрывала и его, и коня, подчеркивая мужественность седока и его органическое единство с конем) способствовали ее популярности у казаков. Она была незаменима в походных условиях.

Первый тип бурки — более древнего происхождения; по способу ношения и покрою пастушья накидка ("жаТьна маша" — пастушье сукно) и бурка имеют определенную связь, хотя они бытовали у вайнахов как отдельные, самостоятельные виды пастушьей одежды. Пастушья накидка - это домотканое сукно, сложенное вдвое в виде прямоугольника (сшитое из двух кусков сукна). Носили ее накинув на плечи, закрепляя у ворота с помощью различных завязок. Длинная накидка - одна из древнейших форм вайнаховской одежды, на что указывают и некоторые исследователи³³. Среди многочисленных находок эпохи бронзы, раннего железа и позднее встречаются фибулы, булавки, с помощью которых древние вайнахи скрепляли одежду, возможно и накидку, о которой мы выше упоминали. О бытовании у народов данного региона шерстяной одежды типа накидки писали в свое время А. Олеарий и Л.Я. Стрейс³⁴. Суконная накидка бытовала у вайнахов до начала XX в., о чем свидетельствуют этнографические материалы. Такая накидка хранится в настоящее время в Российском государственном музее этнографии (С.-Петербург).

Вайнахи носили не только шерстяные накидки; в материалах археологических раскопок была обнаружена шелковая накидка, богато орнаментированная золотым шитьем³⁵. Датированная XVI—XVII вв. накидка, по оценкам специалистов, имеет иранское происхождение. Любопытно отметить, что в эпоху средневековья на территории Средней Азии (откуда поступало много шелковых тканей к вайнахам, возможно, и готовые изделия) широко была распространена одежда типа накидки, причем как принадлежность знати³⁶. По всей вероятности, этот вид одежды был широко распространен территориально и имел большой хронологический диапазон. Явно восточное происхождение вайнаховской накидки - свидетельство тому.

Разумеется, показать весь комплекс мужского традиционного костюма в одной статье нет ни возможности, ни необходимости, поэтому автор ограничился лишь анализом источников по нижней и верхней одежде горцев XVI-XIX вв.

Отсутствие соответствующих работ по традиционной одежде вайнахов, известные события 1994—2000 гг. (имеются в виду две последние русско-чеченские войны), которые уничтожили и без того немногочисленные этнографические реалии, в настоящий период

141

еще более обострили проблему национального костюма вайнахов, точнее чеченцев. В связи с изменениями в общественно-политической жизни республики предпринимаются попытки внедрить одежду народов Западной Азии в быт вайнахов, преподнося ее как национальную.

Костюм каждого народа связан с традиционным прошлым, он несет черты этнической принадлежности, сложившиеся в процессе исторического развития того или иного народа.

Подлинный традиционный костюм является богатейшим достоянием материальной культуры вайнахов, поэтому необходимо использовать многовековые традиции вайнаховского костюма в проектировании современной одежды, отдельных ее деталей, орнамента, украшений и т.д., возрождая прогрессивные традиции предков.

¹ Материальная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. С. 103.

² Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1960; Крупное Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 93-95.

³ Чахкиев Д.Ю. Исследования в горной Ингушетии // АО-1960. М., 1981. С. 119-120; Даутова Р.А. Отчет о результатах полевых исследований 2-го археологического отряда ЧИИ СФ за 1985 г. Архив ЧИ НИИИ. № 440.

⁴ Даутова Р.А. и др. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИ НИИИ ЭСФ, 1989. С. 15-17.

⁵ Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной "туникообразной" среднеазиатской одежды в плане их эволюции и истории // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 77-103; Она же. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.). М., 1982. С. 144.

⁶ История и культура удэгейцев. Л., 1989. С. 45.

⁷ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989. С. 18.

⁸ Одежда народов СССР. М., 1990. С. 182.

⁹ Котлякова Т.Н. Мужские рубахи конца XVI - начала XVII в. из погребений царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя М.В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе Московского Кремля // Древняя одежда на родах Восточной Европы. М., 1986. С. 248-257.

- ¹⁰ *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 94—95.
- ¹¹ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. С. 30.
- ¹² Там же. С. 73.
- ¹³ *Чахкиев Д.Ю.* Отчет о полевых работах 3-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции ЧИГУ в горной Ингушетии в 1980 г. Архив ЧИИИ СФ. № 559.
- ¹⁴ *Калоев Б.А.* Чеченцы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 362.
- ¹⁵ *Маргошвили Л.Ю.* Мужская одежда вайнахов конца XIX - начала XX в. // КЭС. VI. Тбилиси, 1986. С. 27.
- ¹⁶ *Мамукаев Т.Е.* К этнографии и антропологии "Города мертвых" // Вопр. осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980. С. 106.
- ¹⁷ *Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам ГИМа) // КЭС. М., 1976. Вып. 6. С. 187.
- 142
- ¹⁸ *Данилевский Н.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 156.
- ¹⁹ Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986. С. 396.
- ²⁰ *Маргошвили Л.Ю.* Мужская одежда вайнахов... С. 29.
- ²¹ *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981. С. 38.
- ²² *Калоев Б.А.* Чеченцы. С. 150; *Яценко С.Е.* О древних прототипах одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 25-36.
- ²³ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. С. 77.
- ²⁴ Там же. С. 17-29.
- ²⁵ См., напр.: *Крупное Е.И.* Средневековая Ингушетия. С. 95-96; *Чахкиев Д.Ю.* Огнестрельное оружие поздневековых вайнахов // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1989. С. 74-75; *Даутова Р.А.* Раскопки в горной Ингушетии // АО-1982. М., 1983. С. 117-118.
- ²⁶ *Чахкиев Д.Ю.* Огнестрельное оружие поздневековых вайнахов. С. 75.
- ²⁷ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. С. 30.
- ²⁸ *Алироев И.Ю.* Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. С. 247.
- ²⁹ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. С. 29.
- ³⁰ *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана. С. 42-43.
- ³¹ *Студенецкая Е.Н.* Одежда чеченцев и ингушей в XIX-XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 67.
- ³² *Маргграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 23.
- ³³ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. С. 82-83.
- ³⁴ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. Рис. XVIII; *Стрейс Л.Я.* Три путешествия. М., 1936. С. 215.
- ³⁵ *Даутова Р.А., Чахкиев Д.Ю.* Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 61.
- ³⁶ *Лобачева Н.П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенописей) // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 38.
- М.С. Арсанукаева*

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО У ЧЕЧЕНЦЕВ В XIX-НАЧАЛЕ XX в.

Брачно-семейные отношения у чеченцев регулировались как нормами шариата, так и местными адатами. Шариат рассматривает брак и рождение детей как религиозную обязанность, а безбрачие признаёт прискорбным состоянием.

Брак по шариату является договором и имеет некоторое сходство с торговой сделкой. Заключение брака предполагало отчуждение предмета сделки (женщины) и приобретение его в собственность. Шариат и адаты не предусматривают обязательного письменного оформления брачного договора. Для действительности брака требовалось прежде всего согласие сторон, включая и согласие невесты (за исключением шифиитов²). У чеченцев волю невесты обычно выражали родители (главным образом, отец), которые непосредственно решали вопрос о выкупе (размере, подарках и т.д.), превращая тем самым брачный договор в продажу дочери, хотя и обставленный обрядами, ритуалами, традициями.

Одним из важнейших препятствий к заключению брака шариат и адаты признают наличие кровного родства до четвертого колена и молочного родства до второго колена включительно. Шариат запрещает также браки между представителями разных социальных групп, в частности, нельзя жениться на родной сестре одной из своих жен, на падчерице, бывшей жене родного сына и др. (Коран, Сура 4, аят 20). Не допускается брак с женщиной, у

которой не закончился испытательный срок "идда" и "истибра" (Коран, Сура 2, аят 228)³. Не разрешается вступать в брак с женщиной, на которой ранее выразил желание жениться другой претендент. Препятствием к браку мог служить также тот факт, что будущий супруг подвергается смертельной опасности (например, кровник). Кроме того, были недопустимы браки мусульман с идолопоклонниками и вероотступниками. Мусульманин мог жениться на еврейке или христианке, так как предполагалось, что под влиянием мужа супруга примет ислам (Коран, Сура 2, аят 221). Однако для мусульманки был возможен брак только с единоверцем⁴.

Вместе с тем у чеченцев не поощрялись, а зачастую и исключались браки между членами одного и того же рода, между членами сильных и малочисленных родов, между равнинными и горными чеченцами, членами чеченской общины и рабами (лаями), представителями других этнических групп (в том числе мусульман) с чеченскими девушками. Главное внимание при выборе невесты или жениха уделялось тому, из какой семьи ("узденей", т.е. "благородных",

144

"достойных" или нет) они происходили, а богатство или бедность в расчет не принимались.

И шариат, и адаты признавали, кроме того, принудительные браки (по шариату — "джебр"). Сыновья и дочери принуждались вступать в брак, так как в связи с постоянными войнами, кровной мстью и другими причинами смертность (инвалидность) мужчин была довольно высока и стояла необходимость обеспечения рождаемости. Одновременно решались и проблемы преодоления численной диспропорции между мужским и женским населением, а потому старые девы были редчайшим явлением.

Обязательным требованием и шариата, и местных адатов было достижение согласия сторон по поводу выкупа за невесту и соблюдение определенных формальностей. У чеченцев в рассматриваемый период для сватовства обычно отправлялись в дом невесты 5-8 родственников жениха. По достижении соглашения с родителями невесты жених объявлял о своем желании вступить в брак с данной девушкой или вдовой старшине села, сельскому мулле и родственникам невесты⁵. В данном случае речь идет не о чисто концессуальном контракте, так как брак заключался в присутствии двух свидетелей - мусульман мужского пола, обладающих правоспособностью, - а также муллы. Невеста давала свое согласие на брак, хотя часто оно имело формальный характер. Согласие невесты требовалось в тех случаях, когда она являлась вдовой, разведенной или сиротой. Кроме того, оно было обязательным, если брак заключался с сумасшедшим, эпилептиком, инвалидом, а также в случаях насильственного умыкания, изнасилования и др.⁶

В мусульманском браке обязателен выкуп за невесту со стороны жениха — "садак" или "махр"⁷, который по Корану определяется как "предбрачный дар" будущей жене (Коран, Сура 3, аят 4). У чеченцев выкуп за невесту делился на три части: "там" — выплачивался родителям; "урдо" — выплачивался невесте для обеспечения в случае развода или вдовства; "мах" - для совершения обряда бракосочетания⁸. Чаще всего отец невесты брал себе большую часть выкупа или даже весь выкуп в зависимости от благосостояния семьи. Только у богатых чеченцев калым полностью уходил на покупку приданого. Плата за невесту должна была вноситься до бракосочетания. У чеченцев после получения согласия отца и самой невесты одним из родственников жениха передавался задаток, обычно 25 руб. (здесь и далее в денежном эквиваленте последней четверти XIX в.)⁹. С этого момента брак считался заключенным и принималось соглашение о том, когда девушку можно увозить в дом жениха. До полной уплаты выкупа невеста была вправе отказаться от заключения брака.

Из всех условий, определяющих действительность брака, согласно шариату, чеченцами прежде всего строго соблюдались "законные формальности". Они сводились преимущественно к обяза-

145

тельному ритуалу, частично описанному выше. В соответствии с ним по достижении согласия сторон мулла при свидетелях объявлял брачующихся мужем и женой.

Размер выкупа за невесту у чеченцев определялся не столько шариатом, сколько адатами. До 1863 г. чеченцы платили выкуп не деньгами, а коровами (18 коров). Позже жених стал выплачивать родителям невесты 105 руб., а наиболее богатые — 300—500 руб.¹⁰ Часть выкупа, как уже указывалось, уплачивалась при сговоре, другая — при увозе невесты. Кроме приданого, невеста готовила подарки отцу жениха (две черкески), младшему брату (черкеску, ноговицы и башлык с серебряной тесьмой), матери (шелковую рубаху), а также его сестрам. Если жених был одиноким человеком, то невеста приносила все предметы домашнего обихода. Для него готовился полный национальный костюм. Жених преподносил официальные подарки матери невесты (через два месяца) и ее сестрам.

По обычному праву брачный возраст у чеченцев наступал для мужчин в 17-20 лет, а для женщин - в 15-16 лет. Однако чаще всего мужчины вступали в брак позже - в 23-25 лет и

старше, так как не у всех было достаточно средств, чтобы заплатить установленный выкуп за невесту. Ранние браки были редким исключением, хотя и отмечались случаи выдачи девушек в 14—15 лет¹¹. Однако разнице в возрасте не придавалось значения. Иногда молодой человек женился на девушке гораздо старше себя, что чаще всего объяснялось желанием приобрести для семьи опытную работницу.

У чеченцев существовал институт сватовства. Так, например, кунаки просватывали малолетних и даже еще не рожденных детей. Однако по достижении совершеннолетия (15 лет) жених, если по каким-либо причинам невеста ему не нравилась, мог от нее отказаться. Засватанная девушка, напротив, не могла выйти замуж за другого без согласия жениха и его родственников. В случае достижения такого согласия возвращались предоставленный невесте залог и подарки жениха. Те же правила существовали, когда сватовство молодых людей происходило в более позднем возрасте. Залог (чаще кольца) рассматривался как обещание на будущее.

Между сговором и женитьбой могло пройти несколько лет, что нередко объяснялось бедностью жениха и отсутствием у него средств для уплаты калыма. Несмотря на кажущуюся свободу оставления невесты женихом, подобный поступок без обоснованной причины мог послужить поводом для мести со стороны семьи девушки за моральный (а зачастую и материальный) ущерб. Кроме того, не допускалось любое посягательство на чужую невесту (ухаживание или тем более умыкание), так как это означало прямой вызов жениху, его семье и роду в целом, что нередко приводило к столкновениям, часто переходившим в кровную месть¹².

146

Редким явлением среди чеченцев было многоженство. Как известно, ислам разрешает иметь до четырех жен одновременно (Коран, Сура 4, аят 3). Однако при этом мусульманин обязан обеспечить каждую из своих жен имуществом, жилищем и одеждой соответственно своему положению. Лишь только богатые и знатные чеченцы имели возможность содержать по две жены и более, что характерно вообще для всех кавказских горцев. В крестьянской же среде подобные случаи были возможны лишь в конкретных случаях: бездетность первой жены, рождение только дочерей, тяжелая болезнь супруги и др.

Вступивший в брак сын, как правило, отделялся от родительской семьи, строил свой дом, но землей владел сообща с отцом. Однако сыновья все чаще требовали раздела или происходило их полное выделение из семьи. Это было к тому же и выгодно, так как каждый вновь образовавшийся двор получал наследственный земельный надел от местного сообщества. В итоге происходило дробление большой патриархальной семьи.

В соответствии с мусульманским правом "мужья стоят выше жен потому, что первым бог дал преимущество над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают траты на них" (Коран, Сура 3, аят 34). Однако оно не определяет режима брачного имущества. Замужние мусульманки обладают дееспособностью, что дает им возможность самостоятельно совершать сделки и предъявлять иск в суде. Даже общность имущества не влечет за собой ограничения или утраты основных гражданских прав жены. В соответствии с местными адатами чеченки либо сами распоряжались своей долей привнесенной собственности, либо добровольно допускали распоряжение ею мужем для пользы всей семьи. В случае смерти женщины, не оставившей детей, родственники могли востребовать часть ее имущества, привнесенного в семью мужа и имеющего родовое значение (недвижимость, скот и т.д.).

Мусульманское право разрешает развод и выделяет следующие основания для расторжения брака: смерть или вероотступничество (от ислама) одного из супругов; отсутствие мужа в течение двух лет; порочность брака вследствие его недействительности или неправильности заключения; покупка женой права на расторжение брака; решение суда по жалобе жены на невыполнение мужем своих обязанностей; взаимное заклятие, когда муж дает клятву в измене жены, а она в свою очередь клятвой это обвинение отвергает, и др.¹³

Разводы у чеченцев чаще происходили по причине смерти одного из супругов, по инициативе мужа - трехкратном произнесении "талак" ("отпущение"), а также по требованию жены в определенных случаях. Первый вариант предусматривал процедуру освобождения вдовы от утративших силу семейно-брачных обязательств и выдачи ей законной доли имущества умершего супруга. Коран устанавливает две стадии развода (Коран, Сура 2, аят 229). В соответст-

147

вии с ним при варианте талак после истечения первого срока супруг мог вторично произнести формулу, открывая тем самым второй испытательный срок для жены. Если муж так не поступает, то брак признается расторгнутым без соблюдения дополнительных формальностей со всеми вытекающими последствиями. В этом случае жена имеет право на повторный брак, иногда и за своего мужа, без соблюдения нового срока воздержания,

установленного для нее нормами шариата. При троекратном произнесении формулы брак считается расторгнутым безвозвратно, и тогда бывшие супруги могли возобновить брачные отношения только после промежуточного брака (Коран, Сура 2, аят 230). Женщина, разведенная после трехкратного произнесения формулы развода, имела право на свою долю выкупа, ставшую ее собственностью в результате брака.

Положение женщины в чеченских семьях, как и у всех горцев, было довольно тяжелым. На нее возлагались основные домашние и полевые работы, она не участвовала в семейных советах, вынуждена была терпеть налагаемые на нее наказания, несправедливость со стороны мужа и его родственников. Грубое обращение мужа нередко приводило к тому, что жена убегала к родителям. Если жена неоднократно повторяла побег без достаточных оснований, то должна была возратить калым и оставить все вещи, которые она принесла в дом мужа. Муж мог даже потребовать уплаты двойного калыма.

По шариату женщина вправе требовать развода через суд только лишь в строго определенных случаях: при тяжких физических недостатках мужа, невыполнении им своих супружеских обязанностей, жестоком обращении, невыделении достаточных средств на содержание, длительном отсутствии супруга, нанесении тяжких оскорблений, несходстве характеров и др. Для чеченцев наиболее типичной причиной развода являлось грубое обращение мужа. В то же время женщина у чеченцев, в отличие от остальных кавказских горцев, имела право на развод. Хотя для этого и требовалось согласие мужа, но в исключительных случаях она могла обратиться в горский словесный суд, являвшийся основным звеном судебной системы того времени, и отстаивать свои интересы через поверенного, чаще всего наиболее уважаемого представителя семьи или рода. Суд определял из наиболее уважаемых и почитаемых людей посредника, который наблюдал отношения супругов, пытался их примирить и выражал свое мнение в суде. Если данное лицо и два соприяжника подтверждали обоснованность жалобы, то суд давал развод, и жена получала свободу. При таком разводе она забирала все свое имущество¹⁴.

После развода женщина становилась свободной, но не могла вступить в повторный брак в течение полугода, так как несоблюдение срока воздержания расценивалось как оскорбление первого мужа. В противном случае ее второй муж обязывался заплатить в пользу первого пеню в размере двойного выкупа, 300 руб. - за бесчестье и особый штраф - 50 руб.¹⁵

148

Муж в большинстве случаев мог развестись, как только пожелал. До 1863 г. ему возвращался выкуп, все расходы на свадьбу, подарки и расходы на родственников жены. До их уплаты разведенная женщина не могла повторно выйти замуж. Родственники, будучи не в состоянии сразу заплатить недостающую сумму, отдавали бывшему зятю корову с телкой, которые не возвращались даже после полной уплаты выкупа. Позже (после 1863 г.) муж ничего не получал — ни выкупа, ни подарков и др.¹⁶ Более того, он обязывался доплатить выкуп, если не выплатил его полностью. Но в том случае, когда мужу удавалось доказать, что причиной развода послужило развратное поведение жены, он получал право на возвращение выкупа. Вместе с тем безосновательное оставление (развод) жены могло вызвать недовольство ее родственников, и потому мужчина должен был мотивировать свое решение, особенно если жена происходила из сильного рода.

Разводы могли происходить и по истечении нескольких дней после свадьбы, если обнаруживалось, что девушка не девственница. Не желая огласки и держать такую жену, муж, прожив с ней неделю, давал развод. В том случае, когда развод происходил по требованию мужа, но женщина была беременной, она могла находиться в доме мужа до рождения ребенка, который затем оставлялся в семье отца. То же происходило, когда беременность возникала при насильственном умыкании или нежелании девушки, а также ее родственников сохранить брачные отношения.

Шариат и адаты не содержат норм, касающихся узаконения внебрачных детей, не устанавливают порядок усыновления или удочерения, не допускают узаконения родственных связей.

Женщина у чеченцев, хотя полностью и подчинялась своему мужу, обладала все же большей независимостью, чем у других горцев (осетин, хевсуров, тушин и др.). У кавказских горцев, как известно, жена не могла сидеть при муже, вмешиваться в разговор, кушать вместе с ним при посторонних и т.д. В чеченских же семьях отношения между супругами были более свободными. Хотя женщина и не участвовала в семейных советах, но к ее мнению прислушивались. Это объяснялось, видимо, той важной ролью, которую чеченская женщина играла в семье в условиях частого и длительного отсутствия мужчин, в особенности в период военных событий, в случаях кровной мести, абречества, отходничества и др.

Несмотря на общее приниженное положение чеченской женщины, местные адаты защищали ее честь и достоинство гораздо строже, чем этого требовал шариат. Так, даже случайное прикосновение чужого мужчины к платью и тем более к лицу и телу женщины

(девушки) означало для нее бесчестье и вызывало кровную месть. Известно, что чеченская женщина должна была вставать, когда входил мужчина, уступать ему место, дорогу, что объясняет-

149

ся не столько ее приниженным положением, сколько уважением в его лице защитника, добытчика, хозяина дома. Однако в данном случае не допускалось не только телесного прикосновения, но даже оружие мужчины (ружье, кинжал и т.д.) не могло быть обращено в сторону женщины.

Честь и достоинство замужней женщины и чужой невесты оберегались в ряде случаев местными адатами в большей степени, чем незамужней девушки. Так, за нарушение чести девушки виновный должен был заплатить 18 коров, а чужой невесты или замужней женщины — 80 голов рогатого скота. Если же родственники оскорбленной не желали принять выкуп, то виновный должен был предоставить им свою жену, сестру или мать (в редчайших случаях)¹⁷. При попытке вырвать или схватить косы замужней женщины виновный платил 5 коров, а девушки - 10 коров¹⁸. Нередко подобные ситуации разрешались только кровью обидчика.

Нанесение побоев, тем более убийство жены у чеченцев в отличие от других кавказских горцев считалось величайшим позором. В последнем случае виновный подвергался мести со стороны ее родственников или же платил выкуп как за мужчину (иногда половину). Отягчающим обстоятельством могла послужить беременность жены. Однако возможно было и примирение.

Дети (дочери и сыновья) при разводе оставались с отцом. На него возлагались все обязанности, связанные с их воспитанием, женитьбой, выдачей замуж и т.д. Мать, повторно вышедшая замуж, полностью теряла свои права на детей и не могла их требовать ни к себе в новый дом, ни к собственным родителям. Если же в силу каких-либо обстоятельств отец передавал детей своей разведенной жене (малолетний возраст, неприязнь второй жены и др.), то обязывался платить ей по 12 руб. за каждого в год¹⁹.

Обычное право чеченцев сохранило в рассматриваемый период такой архаический обычай, как левират. Левират как обязанность деверя (ближайшего родственника) жениться на жене своего умершего брата (родственника), видимо, был перенесен на чеченскую почву еще в глубокой древности переселенцами из восточных стран. Вдова умершего могла выйти замуж после окончания траура по своему усмотрению, но при этом нужно было удостовериться, не желает ли кто-либо из ближайших родственников мужа (в первую очередь деверь) жениться на ней. Могла возникнуть и такая ситуация, когда родственник покойного мужа и жениться не хотел, и согласия на ее уход в родительскую семью не давал, что лишало женщину возможности повторного вступления в брак. В данном случае она либо оставалась в доме родственников мужа, либо уходила к своим, но лишалась при этом права на имущество мужа, которое полностью переходило к его правопреемникам.

В малых чеченских семьях мужчина имел огромную власть не только над женой, но и над детьми, вплоть до принуждения к тяже-

150

лему физическому труду, наложения наказания. Так же, как и у других горцев Кавказа, в чеченских семьях сыновья были обязаны полностью подчиняться отцу, со смирением и почтением принимать всякое приказание и безропотно выполнять его. Малейшее сопротивление и непослушание считалось величайшим стыдом по адату и грехом по шариату. Однако у чеченцев отец имел полную власть над сыновьями только в малолетнем возрасте. Как только мальчик достигал такого возраста, когда был в состоянии держать оружие, родительская власть теряла над ним свою силу и возникало фактическое равенство между отцом и сыновьями²⁰. Последние могли играть определяющую роль в решении наиболее важных общесемейных вопросов. Отец (ценда) — глава большой семьи управлял всеми работами мужчин (подвластных), распоряжался семейным имуществом (продажа, сдача в аренду, предоставление под залог и т.д.), средствами, полученными членами семьи на заработках. Полностью во власти отца находились незамужние дочери, а при его отсутствии - старшего брата.

Постепенно, как и у всех горцев, власть отца в семье ослабевает. Женатые сыновья чаще изъявляли желание освободиться из-под отцовской опеки, требовали раздела имущества, образуя собственный двор и хозяйство. Эмансипированные сыновья отстаивали право на свою долю наследства, если не получили ее при выходе из родительской семьи. Как правило, все сделки с недвижимостью и другие наиболее важные вопросы общесемейного характера решались на семейных советах с участием всех совершеннолетних мужчин (достигших 15-летнего возраста). При несогласии хотя бы одного из них глава семьи должен был изменить свое решение или допустить раздел, если это касалось общего имущества.

Когда ценда достигал старческого возраста или становился недееспособным, то

главенство в семье переходило к старшему сыну. Если сын был еще несовершеннолетним, управление хозяйством брала в свои руки мать (ценнана). Произвольная смена главы семьи не допускалась.

У чеченцев, в отличие от остальных горцев, отец не мог безнаказанно убить сына. Если он убивал сына, то он должен был добиться прощения у ближайших родственников жены и в знак примирения устраивал для них угощение. Кроме того, оставшиеся братья могли отомстить своему отцу²¹.

Родители (как правило, отец) сами выбирали невесту для сына. При повторных браках инициатива в этом вопросе принадлежала в большей степени уже самому сыну.

У всех горцев, в том числе и чеченцев, права родителей над дочерьми были одинаковыми. До замужества, как уже указывалось, дочь полностью подчинялась отцу и находилась на попечении родителей. Вместе с тем мать имела больше власти над дочерьми, чем над сыновьями. Это касалось прежде всего воспитания, подготовки

151

приданого, выделения наследственной доли и т.д. Хотя при выдаче дочери замуж требовалось согласие отца, однако на его решение в известной степени могла повлиять и мать. Характерно, что, вступив в брак, девушка становилась родственницей всей семье мужа, продолжая принадлежать своему роду.

При отказе отца выдать дочь замуж случалось умыкание девушки. Жених со своими приятелями увозил девушку, несмотря на сопротивление ее родственников. Уже в доме похитителя девушка в присутствии своей родственницы, муллы или других почитаемых людей должна была объявить, хочет ли она остаться или желает вернуться в дом отца. Чаще всего она была вынуждена остаться. При упорном нежелании девушки вступить в брак с похитителем тот обязывался возратить ее в родительский дом и заплатить 100 руб. за бесчестье. Если же умыкание происходило с согласия девушки, то родителям трудно было помешать такому браку. Однако они имели право на выкуп, размер которого при этом мог быть завышен как возмещение за нанесенное оскорбление²².

Согласие на брак сестры иногда давал и ее брат. Так, если во время пирушки он выпивал за здоровье сестры с кем-либо из присутствующих и принимал от него подарок, то это обязывало его принудить отца выдать сестру именно за данного приятеля. В противном же случае брат преследовался как нанесший кровную обиду.

Царская администрация предпринимала попытки урегулировать брачно-семейные отношения чеченцев. В крепости Грозной были созданы судебные органы, которые в своей деятельности руководствовались специальными "Правилами для управления чеченским народом", изменившими многие адаты сообразно с "новым положением" чеченцев после окончания Кавказской войны и интересами власти. В частности, отменялся левират, женщина получала право самой распоряжаться своей судьбой и калымом в случае смерти мужа. Отменялся брачный договор, заключенный отцом невесты в состоянии опьянения и на явно унижительных или ничтожных условиях (поднесение незначительных подарков и т.д.). Однако многие запреты существовали только на бумаге.

Очередная попытка преодоления "вредных обычаев" у чеченцев в области семейно-брачных отношений была предпринята в середине 60-х годов XIX в. Так, был ограничен размер калыма за невесту. По новому обычаю за невесту выплачивался задаток 25 руб. серебром и 80 руб. в качестве обеспечения в случае смерти мужа или его развода с женой. Вся эта сумма поступала в распоряжение женщины²³.

В 1863 г. представители горских народов приняли решение об отмене многих обычаев. Было признано, что грубое обращение мужа с женой может служить законным основанием для развода без его согласия. В подобных случаях женщина могла обратиться в гор-

152

ский словесный суд. Подтверждалось принятое ранее решение о недопустимости насильственной выдачи замуж девушек-горянок, которые также могли обратиться в горские словесные суды²⁴.

Однако, несмотря на всю свою прогрессивность, эти немногочисленные новшества существенного влияния на семейно-брачные отношения чеченцев не оказали.

¹ Шарль К. Мусульманское право. М., 1959. С. 48.

² Шиизм - религиозно-сектантское движение в исламе, отстаивающее новую порядок передачи власти над правоверными по наследству исключительно потомкам пророка.

³ "Идда" и "истибра" - сроки воздержания, установленные в шариате, в течение которых женщина не могла вступить в повторный брак.

⁴ Шарль К. Мусульманское право. С. 51-52.

⁵ Свадебные обряды чеченцев и ингушей, записанные В.Н. Абрамовым //

Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М. 1888. С. 53.

⁶ Шарль К. Мусульманское право. С. 53.

⁷ Там же.

⁸ Хасбулатова З.И. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX - начале XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982. С. 22.

⁹ Семейные обряды чеченцев и ингушей, записанные В.Н. Абрамовым. С. 146.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX - начало XX в.). Грозный. С. 69.

¹² Свадебные обряды чеченцев и ингушей, записанные В.Н. Абрамовым. С. 143.

¹³ Шарль К. Мусульманское право. С. 59-60.

¹⁴ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. С. 127.

¹⁵ Грабовский И. Ингуши // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 51.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859. С. 106.

¹⁸ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1 // Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. СПб., 1871. С. 477.

¹⁹ Там же. С. 436.

²⁰ Об адате и о нравах и обычаях племен, обитающих на северной покатости Кавказского хребта // Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Майкоп: Майоты, 1977. С. 96.

²¹ Берже А.П. Чечня и чеченцы. С. 96.

²² Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 142.

²³ Мужухоева Э.Д. Некоторые изменения в семейно-бытовых отношениях вайнахов во второй половине XIX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. С. 79.

²⁴ Там же. С. 80.

Я.В. Чеснов

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В МЕНТАЛИТЕТЕ ЧЕЧЕНЦЕВ (на основании полевых этнографических материалов, собранных в Чечне и Грузии в 1980-1990-е годы)

В чеченском менталитете прослеживается четкая связь нравственного или безнравственного поведения с генетической линией человека. Считается, что при плохом поступке человека семь умерших поколений его предков падают на том свете вниз лицом от позора. Эта связь с предками различается по линии отца и матери.

Какова же роль родителей с точки зрения вайнахской народной генетики? Ее принцип вырисовывается в довольно распространенной у чеченцев притче, связанной с вопросом: "Кого выбрать — плохого сына, у которого хороший отец, или же хорошего сына, у которого плохой отец?" Оказывается, надо отдать предпочтение плохому сыну, ибо от хорошего отца к нему перейдет хотя бы одна черта. Плохой отец ничего хорошего своему сыну передать не сумеет. В народе считается, что достоинства хорошего сына рано или поздно исчезнут и проявится дурная наследственность.

Согласно принципам мужской доминантности от отца наследуется окраска волос и кожи: темные волосы и смуглая кожа или, наоборот, светлые волосы и светлая кожа. Правда, существует мнение, что низкорослые мужчины стремятся найти рослых женщин и тогда дети будут высокими. В низкорослости вайнахская традиция видит скорее признак тяжелого характера, чем черту эстетическую. Говорят, что "у низкорослых сердце большое и выпирает", поэтому они склонны к скандалам. Есть и такая шутка: будто раньше низкорослых пускали на базар только после обеда, так как они якобы могут в самое неподходящее время учинить какой-нибудь дебош.

Если отцовская линия в культуре вайнахов однозначно признаётся ведущей, то с материнской стороны дело обстоит сложнее. Нравственная роль матери ставится чрезвычайно высоко. Так, бытующее выражение "материнский язык" означает наличие у человека хорошего этического воспитания, полученного от матери. В то же время иногда старики, обсуждая неблаговидный поступок какого-то человека, обвиняют линию матери ("материнское молоко"), а если человек проявил себя выдающимся положительным деянием, говорят, что сказалась роль предков его по отцовской линии.

Отмеченное отношение к материнскому молоку как к субстанции, способной испортить хорошую нравственность, встречается в разных местах Чечни. Нам рассказывали такую историю: один всадник приобрел коня, жеребенком вскормленного на буйволином мо-

154

локе. Во время скачек именно этот конь, увидев лужу, кинулся в ней поваляться. В этой притче проблема генетико-поведенческой преемственности снижена. Такое настороженное отношение к молоку странно, если учитывать высокий статус материнства в вайнахской культуре. Так, по этому статусу мужу запрещено было касаться левой груди жены, можно касаться только правой — она "мужская", а левая — "божеская" и предназначена ребенку. Вайнахи и другие народы Кавказа знают, что усыновленный ребенок должен прильнуть к груди женщины. Такой ритуал служил для примирения кровников. Даже если мужчина, объект мщения, совершал такой ритуал хитростью и насилием, он все равно приобретал право на жизнь. С высоким статусом материнской груди и материнского молока связан и высокий ранг родственников по материнской линии: они окружены особым почтительным этикетом, мужчины должны подчиняться им беспрекословно, почитать больше, чем родственников по отцовской линии. Современный мужчина с юмором говорит, что родственники матери для него самые "страшные".

Наши опросы в Чечне по проблемам наследования здоровья показали, что в большинстве случаев отмечается роль материнского фактора: дети получают здоровье, которым обладает мать. Немногочисленные противоположные указания на отца, как правило, объяснялись или теологически ("Бог первым создал мужчину, и он крепче"), или бытовыми условиями: "у мужчин здоровья больше, ибо он меньше работает и не знает родовых мук". Бытовое суждение высказывали женщины, теологическое — мужчины. Наиболее же древняя традиция, отмеченная нами как в равнинных, так и в горных районах, указывает на фактор наследования здоровья от матери.

Многочисленная поговорка о парне, ищущем породу (семя — хly) и девушке, ищущей пропитание (толокно — цу), вскрывает именно этот важнейший принцип — ориентацию вайнахов на генетически здоровую наследственность, которая связывается с материнской линией.

Методы реализации этой ориентации на материнский принцип здоровья имеют огромное значение. Конечно, выбор невесты для сына — центральный в такой системе. Эта система представлена двумя основными блоками, учитывающими: 1) черты самого человека (в конкретной социальной среде вайнахской культуры речь идет о девушке на выданье); 2) особенности ее генеалогического древа.

В первом блоке системы отметим:

- идеал физической красоты, анатомические и физиологические показатели, известные так называемым "знающим людям";
- психические показатели, определяемые на молодежной вечеринке (синкьярам) и по изделям, сделанным девушкой.

Не рассматривая подробно физический идеал, отметим, что он не существует вне нравственных критериев человека. У девушки -это разумная речь, трудолюбие, обходительность. Эстетические

155

стороны физического идеала (белизна кожи, красивые зубы и т.д.) включают требование "утиной" походки, предсказывающей в вай-нахской традиции будущую плодовитость женщины.

"Знающие люди" при знакомстве с девушкой могли, глядя на ее пальцы, определить состояние ее детородных органов, число ее будущих беременностей.

В старину чеченцы еще и таким способом определяли физиологические и психические качества девушки: к своему выданью она должна была изготовить войлочный ковер, от начала до конца не принимая помощи со стороны ни в изготовлении материала, ни в подборе цвета и рисунка орнамента. Этот "ковровый тест" зафиксировал в Восточной Чечне этнограф Саид-Магомед Хасиев.

Во втором, генеалогическом блоке выделяется следующее:

- девушка обязана знать 8 предков; у них должна быть хорошая репутация в округе;
- принцип "прежде, чем посмотреть на невесту, надо посмотреть на ее мать";
- этот же принцип относится и к братьям девушки.

Наиболее сложен и интересен вопрос о 8 предках. Обычно имеются в виду мужские предки. Но удалось зафиксировать также вариант о "8 матерях", т.е. женских предках. Следует отметить, что мужчина (в данном случае жених) обязан был знать 7 мужских предков.

Итак, генеалогическая линия женщины должна быть на одно поколение длиннее мужской. Ясно, что значимость генеалогического древа у женщины в вайнахской традиции большая, чем у мужчин. Есть чеченская поговорка, отмечающая первенство женского принципа: "Портится мужчина — портится семья. Если это случилось с женщиной, то портится народ".

В вайнахской культуре есть и другие традиции, связанные с цифрами 8 и 7. Семерка в некоторых ситуациях ассоциируется с женщиной. Так, по древнему закону (народному адату) за убийство одной беременной женщины мстили 7 мужчинам. Требование же знания мужчиной как минимум 7 предков, а женщиной — 8 объясняется и тем, что мужчина "сильнее", поэтому ему достаточно 7 предков для гарантии его достоинств.

В разных областях народной культуры вайнахов цифра 8 указывает на брачные отношения и на проблемы воспроизводства человека. Так, в одной из чеченских сказок, опубликованной в 1870 г., говорится о герое Султане, ухаживавшем 8 лет за девушкой. Грудному ребенку до 8-месячного возраста нельзя показывать зеркало.

В вайнахской культуре цифра 8 связана не только с женщиной, но и с пространством. В вайнахском изложении мифа об Адаме и Еве, которые решили разойтись в разные стороны, чтобы найти себе пару, Ева перешла 8 хребтов и села, не желая больше идти. Когда Адам нашел ее, то Ева схитрила и сказала, что нигде не была и все время находилась здесь. Этим она как бы отдавала инициативу

156

мужчине. Из этого мифа вытекает, что пространственная стабильность обозначается цифрой 8. Действительно, традиционная вайнахская ориентировка по частям света указывает именно на 8 направлений. На отношение восьмерки к земле как к пространству говорит и известная в старину клятва "восемью землями и девятью небесами".

Очевидно в символике восьмерки соединились генеративно-порождающий и пространственный принципы, потому что восьмерка состоит из двоек — $2+2+2+2$ (тогда как семерка из единиц: $3+3+1$, где 3 тоже сводится к единице).

В парности отражен генеративный принцип порождения себе подобного. Но парным является и пространство, распадающееся на "впереди" и "сзади", "слева" и "справа", "вверху" и "внизу". Можно сказать, что своей парностью пространство становится генеративным и получает материнскую символику. Поэтому вайнахи, как и все народы, относятся к земле как к матери. Пожалуй, у них эта символика более многозначна. Есть не только материнское, но и дочерние поселения. (Например, в ауле Макажой в Чеберлое есть выселки, поэтому сам этот аул называют Нана Макаж, т.е. Мать Макаж). Считается, что у земли такая же утроба, как у женщины.

Поэтому чеченцы и ингуши так требовательны к брачному и вообще к социальному поведению женщины. Отклонения в поведении женщины воспринимаются ими как катастрофа, нарушающая основу существования этноса и, более того, - всего мироустройства. Действительно, преемственность поколений, стабильность территории составляют основу существования этноса, которая воплощена в женщине-матери. Эта глубокая этическая мысль о женщине-матери вырисовывается и при более пристальном рассмотрении проблемы здоровья.

Чтобы оценить материалы по проблеме этического здоровья чеченцев, нам придется рассмотреть сопоставительные данные по ближним соседям чеченцев, а также привлечь и другие факты.

Хевсуры — горная грузинская этнографическая группа, сохранившая культурную близость с чеченцами и ингушами. Они образовались путем миграции в горы картвельского населения и поглотили несомненный вайнахский субстрат. Хевсуры остались горцами, которые сберегли многие черты изначального центрально-кавказского фонда культуры. Это относится также и к культуре выживания, включающей в себя проблему здоровья. С целью разработки такой проблематики в декабре 1985 г. мною была предпринята экспедиция к хевсурам. Зимний сезон, свободный от полевых работ, давал возможность не спеша провести исследование довольно интимных сторон человеческой жизни. Основные результаты проделанной работы таковы.

У хевсуров сохранено четкое представление о породистости (джиши) человека. Джиши - это отсутствие физических и духовных болезней, выносливость и красота человека. Джиши определяет

157

нормальную продолжительность жизни, которая в принципе должна равняться 100-120 годам. Одни фамилии считаются более породистыми, другие — менее. Однако джиши у человека непостоянна в течение его жизни: джиши может ослабеть или совсем исчезнуть, если человек провинился перед святыней (джвари). И переходит джиши по наследию тоже неравномерно:

джиши деда может оказаться у внука и отсутствовать у отца этого ребенка.

Хевсуры считают, что этнические группы Грузии различаются по выраженности у них джиши. Так, максимально джиши выражена у хевсур, представлена она у тушин, гудамарцев, мтиулетцев, слабее выражена у пшавов.

Хевсуры уверены, что у женщин джиши сильнее, чем у мужчин. Они отмечают, что женщины болеют гораздо реже мужчин. "Кровь женщины сильнее" - так объясняют хевсуры. Если женщина с сильной джиши выходит замуж за мужчину со слабой джиши (например, у мужа большие почки), то супружество, полагают, приводит к тому, что женщина вылечивает мужа.

Своих женщин хевсуры считают носительницами джиши и очень осуждают того, кто приведет домой женщину, взятую вне Хевсуретии. Тогда говорят, что такой-то "привел плохую джиши".

Условия жизни в с. Гудани в декабре 1985 г. были суровы. Мороз достигал - 15 градусов, правда, днем солнце очень сильно грело. В молодой семье, гостеприимством которой я был окружен, был ребенок, учившийся ходить. Легко одетый, он выбирался за дверь дома на солнце. И это особых беспокойств у матери не вызывало. Первый ребенок в этой семье умер давно в возрасте 3 лет. Нужно сказать, что в самих жилищах условия были довольно спартанские. Помещения отапливались дровяными плитами, дрова плохо горели и дымили. Двери на улицу закрывались не плотно. Такое равнодушие к комфорту у хевсур традиционно: в старину на первом этаже около очага могли находиться только женщины. Мужчинам положено было спать на втором этаже на сеновале, где никакого очага не было. (Как нет и в настоящее время, в чем я убедился, находясь в неотапливаемой комнате нового кирпичного дома на втором этаже.)

У хевсуров культура четко ориентирована на выживание через генетический отбор по принципу породистости (джиши). Хевсурам было известно искусственное ограничение рождаемости. Считалось неприличным в первые же три года брака молодым родить ребенка. Хевсурские ущелья никогда не могли прокормить более 5 тыс. жителей. В этих условиях экологические требования вели к отбору, что и породило концепцию джиши.

В этой связи примечательна развитость у хевсур женских культов. Они концентрируются вокруг трех сестер-богинь (Самзимади, Ашекали и Мдзевари). В их честь женщины совершают тайные обряды. Всякие способы лечения, за исключением психических болезней, сосредоточены в руках женщин. Но женщины практически уст-

158

ранены от мужского культа джавари, приближаться к которому девушки с наступлением зрелости не имеют права. Нечто аналогичное бытует у пшавов, исследованных в том же году: в иерархии их божеств после верховного бога стоит Тамара акимдедупали (Тамара - царица врачевания).

Сопоставим хевсурские данные о преобладании породистости у женщины с традициями других народов мира. В культуре анатолийских туток считается, что их женщины выносливее мужчин, потому что "их кровь гуще и сильнее". У африканских туарегов есть пословица, гласящая: "От чрева матери зависят цвет ее ребенка". Имеется в виду вид и здоровье потомства. Такое же воззрение известно на Мадагаскаре. У бирманских качинов внешность и репутация зависят от предков с материнской стороны (кости человек получает по отцовской линии). Представление о женском начале как наделенном особой силой, дающей здоровье, известно народам с архаической культурой. Так, например, эскимосы, фиджийцы и австралийские аборигены обменивались женами. У последних окропление женской мочой известно как универсальное лечебное средство. В этой связи нельзя не вспомнить библейского царя Давида, спасавшегося от старческой дряхлости тем, что он спал между молоденькими девушками.

Наследование этнической принадлежности по матери - древняя еврейская традиция, закрепленная в Талмуде. Этот принцип был известен в средневековой Европе в виде правила наследования аристократического статуса. Так, в XII в. во французских областях Шампани и Бри существовало правило: "Материнское чрево дает свободу и знатность". У римлян мы находим то же в законе "Ребенок следует за матерью". Геродот (V в. до н.э.) сообщал о ликийцах: "Дети, происходящие от связи гражданки с рабом, считаются знатного рождения. Дети гражданина, хотя и знатнейшего, от чужестранки или наложницы считаются неблагородного происхождения".

Подобных примеров множество. Нужно сказать, что многие из них попали в теоретические сочинения советских авторов, сторонников теории матриархата. В мире это социологическое учение особой популярностью не пользовалось. В нем не было четкого понимания институтов, показывающих приоритет женской линии. Причина в том, что этим фактором интересовались историки, пытавшиеся найти ему оправдание исходя из принципов социально-экономических или политических. На деле, как показывает наш краткий обзор,

речь идет об изначальных биологических представлениях. В ходе тысячелетий доказана ведущая роль для здоровья потомков именно материнской линии. Но не только для здоровья, а и для психической конституции, определявшей благородство или неблагородство поведения потомков женщины.

Рассмотренные сквозь призму вайнахской культуры традиции хевсуров и других народов позволяют сделать заключение: уваже-

159

ние женщины, доходящее в вайнахской традиции до настоящего культа материнства, имеет своей основой выработанные культурой механизмы поддержания здоровой генетики этноса. Поэтому чеченскую поговорку "Ищи молодцу семья, а девушке толочно" следует понимать как четкое указание на поиск мужской стороной достойной породистости и видеть адресат ее поиска в женской популяции.

Вайнахская традиция отношения к женщине принадлежит, с мировой точки зрения, к тем культурам, которые выработали высокие принципы человеческой генетики. Охарактеризуем эту традицию.

Первейшая ее черта — почитание женщины во всех ее состояниях. Речь идет не только о матери. Перед беременной женщиной вставали даже старики. Объяснение этого обычая такое: может быть, она родит ребенка, который станет самым достойным мужем и прославит страну.

Вайнахский культ материнства распространяется на интимную сферу жизни мужчины и женщины. Поэтому разрешение или запреты близости диктовались интересами рождения здорового потомства. Культура половой жизни легко восприняла вклад ислама, также уделяющего этой проблеме огромное внимание. Иногда трудно различить в культуре традиционно вайнахский компонент и принесенный исламом.

Считалось, что зачатие должно происходить под утро, с восходом Венеры, так как свет этой звезды через семя отца попадет в утробу матери. Тогда ребенок родится умственно полноценным, с хорошими нравственными задатками.

Уже в девушке видели будущую мать и относились к ней соответственно. Вайнахский культ женщин и материнства оказал свое воздействие на идеал мужчины. В этом идеале на первое место выдвинуты черты отца, кормильца семьи. Многодетный мужчина, хороший семьянин также был окружен почетом. Ему первому доверялось проложить борозду в поле; поручали просеивать зерно, т.е. считалось, что его качества сообщаются зерну или, во всяком случае, не вредят потенциально растительной силе. В старину в Восточной Чечне были известны случаи, когда дочерей выдавали замуж за наемных рабочих из кумыков или ногайцев, если они отличались мужской статью и благородством привычек. Хорошей фамилией считалась только такая, где было много мужчин.

Теперь мы обращаемся к самому, пожалуй, главному вопросу -положению детей в генетических представлениях вайнахов. Вайнахской традиции присущ настоящий культ достойного потомства. В древности у орстхойцев, судя по нартскому эпосу, существовал обычай, известный еще у спартанцев: после проверки вялых, с какими-то пороками новорожденных бросали со скалы.

В истории вайнахской культуры есть поразительный факт, характеризующий общественный контроль за здоровьем новорожден-

160

ных и матерей. Этот факт нам стал известен благодаря материалам ингушского этнографа Албаста Тутаева (1871—1941), с которым меня любезно познакомил Салман Озиев. Тутаев установил, что в одном из галгаевских (ингушских) сел — Таргиме в древности существовал общественный родильный дом. Он находился у реки. Его помещения состояли из часовни, кухни, родильной комнаты, туалета. Там было организовано дежурство постоянной акушерки. Всего в родильном доме помещалось до 8 рожениц. (Опять мы встречаем "женскую" восьмерку.) Ночью комнаты освещались свечами, воск для которых женщины должны были приносить с собой. После родов женщины находились там в течение трех дней. Все основные расходы по их содержанию несло общество. Новорожденного осматривал жрец, который после этого благословлял ребенка.

Рожать дома у себя запрещалось под угрозой штрафа. Однажды была организована комиссия, которая изучала проблему родов в своем и в родильном доме. Дети, одновременно родившиеся у двух женщин в своем доме и у двух - в роддоме, были рассмотрены комиссией через три месяца после рождения. Дети, родившиеся дома, были нездоровы: девочка косила обеими глазами, из уха шел гной, у мальчика были на теле прыщи. Оба ребенка много плакали. Дети из роддома были полными, красивыми и смеялись. О проверке было объявлено по всем горным аулам.

Предание связывает существование таргимского родильного дома с эпохой христианского

храма Тхаба-ерды (XII в.), в котором комиссия проверяла детей. Несомненно, что в таком выдающемся явлении, каким был таргимский родильный дом, слились воедино два исторических потока: христианство с его идеей рождения Спасителя вне дома и самые глубокие структуры вайнахской культуры выживания и биоэтики.

До сих пор у чеченцев и ингушей носители наиболее прочной народной традиции, отвечая на вопросы этнографа о смысле жизни, говорят: "Живем ради достойного потомства". Причем понятие "жизнь для будущего" у вайнахов буквально означает "жизнь для потомства".

Русской путешественнице А.И. Росиковой, побывавшей в конце прошлого века в Чеберлое, удалось записать такую историю. В какой-то ситуации родоначальник, пользовавшийся почетом, велит везти себя ночевать куда угодно, но только туда, где не будет людей сильнее его. Его привезли в дом, где были только дети. Он сказал: "Просил же я не везти меня сюда". И объяснил: "Дети сильнее меня, я не могу отдавать им приказания".

Институт родства для вайнахов - это не только один из видов социальной связи. Это целое мировоззрение, отправной момент человеческого бытия. Конечно, это не исключительное явление и нечто похожее существует и у других народов Кавказа. Но только в полевой экспедиционной работе среди чеченцев удалось записать

6. Культура Чечни...

161

пословицу "Без детей родства не бывает". Здесь родство — уже не социальная связь, а средство продолжения человеческого рода.

С точки зрения изучаемой нами чеченской культуры, на детях сосредоточены все усилия взрослого человека — и женщины, и мужчины. Для многих стариков, носителей исконной чеченской традиции, волк — символ не хищности и агрессии, а преданности потомству: уходящий далеко от своего жилья, измученный в поиске добычи, этот зверь живет для своего потомства. Установка культуры на поддержание детской жизни сказалась особенно показательным в начале 1930-х годов во время голода на Украине. Тогда в благодатную Чечню хлынул поток беженцев. Среди них оказалось много детей-беспризорников. Эти дети были распределены в чеченские семьи, усыновлены и удочерены, получили чеченские имена. Так, отец чеченского писателя Ахмада Сулейманова привез в свое село Алхазурово семерых беспризорных из Грозного. К высылке 1944 г. русские и украинские дети-приемыши выросли и разделили судьбу народа, ставшего для них родным. Многие из них образовали совместные семьи с чеченцами.

После возвращения из высылки в Чечено-Ингушетии явно проводилась политика поощрения интернациональных браков. В них самих не было ничего экстраординарного, если бы этот интимный институт не был поставлен на службу интересам партийной номенклатуры. Десятилетия советского строя затушевывали, но не ликвидировали тенденции среди верующих мусульман Чечено-Ингушетии брать жен из мест более раннего распространения ислама: у ингушей — среди чеченцев, а у них — среди кумыков, аварцев и других народов Дагестана.

Но все эти тенденции не смогли окончательно ликвидировать у чеченцев исконно горскую (центрально-кавказскую) модель тендерной культуры.

Обобщим основные черты.

1. В вайнахской традиции человеческая жизнь осмысливается как усилия по рождению и воспитанию потомства. Этому пониманию подчинена вся этика человеческих отношений. Этика жизни в данной культуре выступает в качестве основы других сторон этики.

2. Увеличенное на одно поколение число женских предков и наделение детей особым нравственно-целевым смыслом (они "сильнее" родоначальника) создают генеративное линейное время этноса, естественно, важнее циклических видов времени (периодического, женского, циклического, хозяйственного, космического, годового).

3. Генеративное время этноса позволяет рассмотреть жившие ранее поколения, ныне живущих и будущих потомков как звенья одной цепи, а точнее - как родовое тело этноса.

4. Это генеративное выпрямленное время этноса надо принять во внимание, говоря о личном (витальном) времени человека, которое находится под воздействием нормирующего выпрямленно-

162

го времени этноса. Личное время, окрашенное физиологически, представляет собой здоровье. В вайнахской традиции (как и в хев-сурской) здоровье воспринимается как наследуемое скорее по материнской линии.

5. Критерии мужского здоровья, воспринятого по материнской линии, также определяют способность дать полноценное и много

численное потомство. И не только его породить, но и воспитать. Как у некоторых других горцев Кавказа, у чеченцев часто можно слышать пожелание: "Чтобы дети были лучше родителей". Такое пожелание всегда воспринимается с благодарностью.

6. Рассмотренные материалы показывают, что для генетики этноса гораздо важнее преемственность женской наследственности, чем мужской. Чеченский этнос в своей истории включил в себя много иноплеменников, но стабильно сохранял свою женскую часть. И до сих пор действует правило, по которому чеченец вправе привести себе жену из другого этноса, но выход чеченки за иноплеменника осуждается.

7. Развитие чеченской нации в современных условиях требует четкого осознания генетических проблем. Их насущная актуальность состоит в том, что под влиянием разнообразных факторов утрачивается генетическая культура. Положение осложняется еще крайне неблагоприятными экологическими, социальными и медицинскими условиями в Чечне. Из числа вызывающих особую тревогу следует назвать изменение статуса женщины, которая зачастую становится кормильцем семьи, теряя при этом свои биологическую и культурную роли. Это грозит деградацией всей нации, живущей в условиях практически непрерывного этноцида.

РАЗДЕЛ VI

Х.В. Туркаев

РОССИЯ И ЧЕЧНЯ: АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ДО 1917г.

В настоящее время, к сожалению, темпы изоляции чеченцев от сообщества российских народов нарастают: интенсивно нивелируется их история, духовно-нравственное достояние. Изъятие культуры чеченского народа из контекста национальных культур России говорит об ускорении центробежных тенденций, наметившихся в нашей духовной жизни. А ведь общее духовное достояние России формировалось на эстетическом опыте многих народов. Оно сближало всех. Убежден, что настала пора переосмысления проблемы взаимообогащения национальных культур. Сегодня особенно актуально выдвигается проблема историко-культурных русско-чеченских связей. Примеры приязни, дружеского участия русских и инонациональных писателей и ученых в формировании чеченской культуры, несомненно, улучшат российско-чеченские взаимоотношения.

Чечня, расположенная на перекрестке политических, экономических и стратегических интересов Запада и Востока на Центральном Кавказе, не раз после трагических поворотов в ее судьбе переживала периоды возрождения, духовного подъема. При этом неизменно срабатывала закономерность, когда потенциал художественного сознания народа, соприкоснувшись с окружающими эстетическими системами, начинал реализовываться в совершенно новых для него формах и направлениях.

Благотворное воздействие гуманистической и демократической мысли русского народа, его языковых и культурных богатств на умы и образ жизни чеченцев и ингушей тянется вглубь веков. Так, лингвистические данные свидетельствуют о культурно-экономических контактах чечено-ингушских племен с Древней Русью. Ряд слов чечено-ингушского языка по форме совпадает с русскими или близок к ним. По мнению известных исследователей¹, Овлур, герой "Слова о полку Игореве", — прообраз нынешних вайнахов. Начиная со "Слова о полку Игореве" складывалась система взаимоотноше-

ний двух культур. В середине XVI в., во время царствования Ивана IV, начинаются мирные контакты чечено-ингушских племен с русскими людьми. В дальнейшем эти контакты укрепляются. М.О. Косвен на множестве примеров доказал, что "беглые российские люди нашли на Тереке приют и дружбу у чечено-ингушских и других горских племен"². Из письменных источников известна, например, челобитная Ших-Мурзы Окуцкого, посланная царю Федору Иоанновичу, в которой Ших-Мурза говорит, что и он, и отец его "верою и правдой служили" и сейчас, если "велишь где идти на свою службу, — и яз с теми своими слугами готов"³.

Знакомство чеченцев с русской культурой происходило и по-другому. До начала кавказской колонизации и даже в период активных военных действий по разным причинам (кровная месть или нежелание принять мусульманство) чеченцы уходили к своим соседям русским и с течением времени становились казаками. Было и наоборот: к чеченцам бежали крепостные крестьяне, солдаты и казаки во время Кавказской войны. Живя во многих чеченских аулах, "солдаты большей частью женаты были на чеченках, но есть (там) и русские женщины"⁴. О складывавшихся тогда между чеченцами и русским народом отношениях писал и Л.Н. Толстой в своей повести "Казаки": "Очень, очень давно предки их... бежали из России и поселились за Терекком между чеченцами на Гребне... Живя между чеченцами, казаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там... русский язык... Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими..."⁵.

Начавшееся тесное взаимодействие чеченцев с русским народом в конце XVIII в. дало своеобразный толчок для возникновения нового витка в развитии художественной культуры чеченского народа.

Русская литература этого времени редко писала о теме Кавказа. Кавказ для русских писателей оставался "далекой страной", непонятной и загадочной. Только отдельные штрихи к образу Кавказа и его жителей, набросанные в произведениях Ломоносова, Хераскова, свидетельствовали о возрастающем интересе русского общества к этому краю.

Но уже тогда началось активное воздействие научного и художественного потенциала России на национальное сознание чеченцев. Начавшиеся при Петре I и приобретшие особый размах при Екатерине II российско-европейские научные и культурные взаимосвязи привнесли в общественную и литературную мысль России европейские критерии оценки и осмысления действительности. Так, западные идеи Просвещения, преломляясь через российскую действительность, общественную мысль России, предопределили впоследствии идейно-эстетические поиски у творческой интеллигенции народов России. Эта своеобразная состыковка общественной и культурной мысли Запада и, к примеру, Северного Кавказа произошла благодаря русской культуре. Такова была первоначальная

165

роль России в зарождении новых форм национальных письменных культур. В этом ее историческая роль.

Мифы и нартский эпос, волшебные и героические сказки, малые формы исторического эпоса, выдающаяся архитектура башен средневековья, наскальные рисунки и надписи на башнях и склепах, а также новая форма осмысления действительности, сформировавшаяся в эпоху Ренессанса, героико-эпические и исторические песни илли, арабоязычная литература — вот художественно-эстетическое наследие чеченского народа, накопленное им на протяжении более 3 тыс. лет до начала его тесного соприкосновения с художественной культурой русского народа. Это особая и неповторимая система художественности, в каждом пласте которой трансформировалась история народа, его философия прошедших эпох, взаимосвязи с мировыми художественными системами.

К ее активному познанию и изучению в последней трети XVIII в. обратились русские ученые - академики И.А. Гюльденштедт и П.С. Паллас, а в начале XIX в. - академик Г.Ю. Клапрот. Затем в изучении истории Чечни учеными Российской академии наук наступила пауза длиной около полувека: она объяснялась затянувшейся войной на Северном Кавказе. Только в 1859 г., после ее окончания, Чечня стала объектом пристального внимания историков, этнографов и путешественников, и прежде всего специальной комиссии, созданной при императорском дворе. Разумеется, в основе исследовательской работы, проводимой этими учеными в Чечне, лежали политические интересы царского правительства, и все же ее значение трудно переоценить, ибо она объективно способствовала началу процесса перелома сознания российской общественности в отношении северокавказских горцев, открытия ею древнейшей истории и культуры народа, не поддающегося царской экспансии.

Начало национально-культурного возрождения народов Северного Кавказа относится к первой четверти XIX в. Именно в эти годы немногие образованные представители горцев впервые знакомятся с идеями русского Просвещения, зарождается их новая художественно-эстетическая мысль.

Идеи русского Просвещения до образованных горцев Северного Кавказа впервые дошли

через опальных декабристов. Идеи гражданского служения, активной борьбы за свободу угнетенных, присущие мировоззрению декабристов, были созвучны мыслям и чувствам народов, отстаивающих в борьбе с царизмом свою национальную независимость. Декабристы впервые в русской литературе обратились к теме горца, его быта и психологии и дали русскому обществу верное представление о патриархальном мире народов, которых еще не коснулась волна надвигающейся буржуазной цивилизации, разлагающей нравственную сущность человеческой личности. Они нарисовали образ человека, устремленного к добру и миру и потому достойного лучшей доли (например, повести "Амма-

166

лат-Бек", "Мулла-Нур" и кавказские очерки А.А. Бестужева-Марлинского).

Гуманистическое направление в русской литературе начало набирать все убыстряющиеся темпы только после победоносного завершения Отечественной войны 1812г. Если в конце XVIII — начале XIX в. в русской литературе, изредка обращавшейся к теме северокавказских горцев, главным было утверждение имперского величия России, то поворот этой литературы к личности горца, его внутреннему миру напрямую зависел от меняющегося мировоззрения русского общества. Его элитарное сословие, разгромившее Наполеона, а затем попытавшееся произвести реформы в общественной и политической жизни России, осознано, во имя каких ценностей сражаются горцы. Они увидели, что такая нравственная категория, как свобода, за которую они вчера воевали, присуща и горцам. Завоевав свободу для своей Родины и народа, они стали ценить стремление к ней и горцев. Не случайно, что первыми это осознали декабристы. В их произведениях впервые появилось уважение к противостоящим империи северокавказским народам.

Сосланный на Кавказ, в Чечню, участвовавший в боевых действиях А.А. Бестужев-Марлинский проникся уважением к нравственному миру чеченцев ("Письмо к доктору Эрману").

Гуманистический и демократический характер воззрений декабристов на горцев серьезно пошатнул навязывавшееся официозной пропагандой мнение о них как о народах, живущих только разбоем и войнами, не способных к мирной и культурной жизни. Декабристы нанесли первый удар по антинародной политике царизма, развеяли мрак ложных представлений, который окружал горцев, бросили первые семена в почву, на которой начался подъем их национального самосознания.

Русская литература первой половины XIX в., как известно, развивалась под влиянием декабристских идей. Поднимавшая в ней критика патриархально-феодального быта, эволюция взглядов многих писателей, освободившихся от иллюзии "просвещенного абсолютизма" ("Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева и др.), обращение русской литературы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов) к кавказской тематике с ее социально-психологическим анализом, реалистическим изображением нового героя русской художественной мысли - горца - все это исподволь формировало немногих образованных представителей северокавказских народов для восприятия и развития в своей среде идей Просвещения.

Русско-чеченские литературные связи XIX - начала XX в. прошли исторический путь зарождения, становления и развития. Анализ общеисторических фактов и духовно-идеологических предпосылок этих связей позволяет выделить три этапа их развития: первый - 20-50-е годы XIX в.; второй - 60-80-е годы XIX в.; третий - 90-е годы XIX - начало XX в. (до 1917 г.). Каждый этап обусловлен кон-

167

кретной исторической обстановкой, имеет свою специфику, и вместе с тем все они отмечены единством, преемственностью развития — углублением реалистических начал зарождающейся на русском языке литературы чеченцев и ингушей.

Что же касается духовных взаимоотношений между Россией и Северным Кавказом, то здесь тоже своя специфика, обусловленная историей и особенностями развития художественного сознания горских народов. Поэтому применительно к первому этапу этого процесса (20-50-е годы) правомерно говорить не столько о литературных взаимосвязях, сколько о широких историко-культурных, идейных и интеллектуальных контактах, тяготении горцев к русской культуре и литературе, взаимном узнавании Россией и народами Северного Кавказа духовного мира друг друга. Первый этап характеризуется прежде всего "открытием Кавказа" (В.Г. Белинский) передовой русской литературой, обогащением ее новым идейно-эстетическим содержанием за счет осмысления кавказской действительности и духовного наследия кавказских народов. Это было время распространения в России идей декабристов, а затем революционных демократов. "Для передовой русской культуры встреча с народами Кавказа отнюдь не исчерпалась впечатлениями этнографического, экзотического или романтического характера, - писал Ю.А. Жданов. - Напротив, эта встреча оказала глубокое, неизгладимое и плодотворное влияние на передовую общественную мысль России,

содействовала постановке крупных теоретических проблем, стимулировала освободительное движение, обогащала интернациональные связи"⁶.

Вслед за декабристами на Кавказ пришли А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой. Осмысление ими кавказской действительности привнесло в их творчество новую для русской литературы философию человека-горца, непривычного для сознания русского общества.

Пушкин, Лермонтов, Л.Н. Толстой глубоко вникли в самую суть характера, мыслей и чувств горцев, изобразили их человеческие, демократические помыслы. Изображение в произведениях русских классиков горцев людьми, обладающими гордостью, достоинством, придавало начинающим горским просветителям уверенность в собственных силах, помогало осознать права своих народов на лучшую долю в жизни.

До появления поэмы А.С. Пушкина "Кавказский пленник" Кавказ был для русской литературы "далекой страной", ибо кавказская действительность еще не получила в ней реалистического осмысления. В поэме "Кавказский пленник" Пушкин впервые в русской литературе показал социально-нравственные процессы, происходящие в чеченском обществе. Пушкин первым отобразил отношения доверия и уважения, начавшие возникать между Кавказом и Россией. Им найдена глубинная суть нравственного мира горцев, непривыч-

168

ного для русского восприятия того времени. "...С легкой руки Пушкина, — писал Виссарион Белинский, — Кавказ сделался для русских заветной страной. Не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни, смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем... И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова..."⁷.

В драматической поэме "Галуб" Пушкин показал начавшийся процесс гуманизации горского общества, перестройки вековых традиций, освященных суровой бранной жизнью, разрушение адатских понятий о чести и достоинстве личности, рост прогрессивных взглядов чеченского общества. «В "Галубе" глубоко гуманная мысль выражена в образах столько же отчетливо верных, сколько и поэтических»⁸. Продолжая свою мысль, Белинский писал, что в "Галубе" показано, что и "там (на Кавказе) есть человеческое достоинство, осужденное на трагическое страдание"⁹.

Идеи кавказских произведений Пушкина гениально продолжил М.Ю. Лермонтов. Тему надежды, веры в светлое будущее, характерную для кавказского цикла Пушкина, он облек в новую форму, развил на новых художественных образах горцев (поэмы "Измаил-Бей", "Мцыри", роман "Герой нашего времени" и др.). Прототипами героев названных поэм, по мнению некоторых лермонтоведов, были исторические лица из чеченцев. Эта версия правомерна, ибо сам Лермонтов, например в поэме "Измаил-Бей", говорил о своих тесных связях с чеченцами:

... Старик-чеченец, Хребтов Казбека бедный уроженец, Когда
меня чрез горы провожал, Про старину мне повесть рассказал.

О вдохновляющем воздействии Кавказа Михаил Лермонтов так писал Сергею Раевскому: "Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом"¹⁰.

Уяснить характер лермонтовского видения Кавказа и причину его сыновней любви к этому краю, его людям в какой-то мере помогает характеристика внутреннего мира горцев, составленная анонимным автором сразу же после окончания Кавказской войны. В статье "Покорение Кавказа" он писал: "В натуре горцев много ума и чувства, много мужества и силы характера; при известных условиях качества эти должны были, конечно, образовать того хищного, смелого и ловкого горца, каким мы видим и знаем его давно.

Но оторванный от своего мира и воспитанный в мире европейском горец представляет нам человека способного, энергичного, с умом и чувством... Почему так долго держались против нас чеченцы, терпели и голод, и крайнюю нужду, умирали и посылали детей

169

на смерть? Нам кажется, не из одной покорности Шамилю и его проповедникам, не из слепой ненависти к гяурам, не из жажды грабежа, как думают многие, — нет, из желания независимости, по естественному убеждению народа, отстаивающего свою свободу, из чести и славы"¹¹. Такие качества горцев были понятны и близки М.Ю. Лермонтову — человеку безграничной отваги, поборнику свободы, гордому и непреклонному.

Сам Лермонтов так говорил об установившихся между ним и горцами отношениях: "Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского

миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений"¹².

Обращение Пушкина и Лермонтова к жизни и быту горцев, постановка ими вопроса об их праве на свободу и равноправие, о человеческом достоинстве, восхищение их мужеством и духовной культурой - все это было естественным проявлением мировоззрения русских классиков, своеобразным отзвуком их гражданской позиции в крестьянском вопросе в России. В этом они стояли на позициях просветителей.

В некоторых ранних кавказских произведениях Пушкина и Лермонтова ("Кавказский пленник", "Измаил-Бей") мы встречаем яркое описание нравов горцев. В последующих произведениях ("Та-зит" Пушкина, "Беглец", "Валерик", "Кавказец" Лермонтова), написанных ими по мере углубления в горскую психику, действительность, наблюдается осмысление реальной жизни героев.

Непреходящее значение кавказских произведений Пушкина и Лермонтова В.Г. Белинский видел, в частности, в объективном изображении горцев людьми "раздольной воли... кипучей жизни и смелых мечтаний..."¹³. Черты такого характера народа импонировали Белинскому, способствовали углублению его размышлений о судьбах России в его знаменитом Письме к Н.В. Гоголю: "... России... нужны не проповеди... а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства"¹⁴, — писал он. По убеждению Белинского, это необходимое условие для быстреего достижения народом успехов "в цивилизации, просвещении, гуманности". Кавказские произведения Пушкина и Лермонтова служили Белинскому новым импульсом для дальнейшего развития этой темы в его литературно-философских работах.

Пушкин, Лермонтов, Белинский всколыхнули умы. Любовь к Кавказу, глубокий интерес к особенностям жизни горцев нашли свое новое отражение в творчестве Л.Н. Толстого. После гибели Лермонтова и до приезда Л.Н. Толстого в Чечню прошло 10 лет. Это были 1840-е годы, годы нового подъема русской демократической мысли, годы борьбы революционных демократов за освобождение крестьян. Борис Эйхенбаум писал: «Толстой при всем своеобразии своего умственного развития, своих традиций, навыков и по-

170

ложения — все же человек, прошедший через идейную школу 40-х годов и впитавший "дух" этого времени, "сознание этой эпохи"...»¹⁵.

На Кавказ Толстой отправился в поисках смысла жизни, положительного идеала. В Чечню он приехал 30 мая 1851 г. и практически сразу окунулся в самую гущу жизни чеченцев и казаков, завел среди них друзей. Анализ дневника и писем этого периода его жизни (он прожил в Чечне до января 1854 г.) убеждает нас в том, что Толстой постоянно стремился "понять духовный строй местных народов", их нравы и обычаи, вынести собственные впечатления о них.

"Приехал Садо, я ему очень обрадовался"¹⁶, — записывает он в своем дневнике 25 августа 1851 г., т. е. на третий месяц по приезде в Чечню. "Часто он доказывал мне свою преданность, — писал Толстой об этом человеке с Кавказа, — подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто - это стало привычкой и удовольствием"¹⁷.

Однажды молодой граф проиграл в карты своему сослуживцу 500 руб. серебром и вынужден был обратиться к родственникам в Россию за поддержкой. Но не прошло и нескольких дней, как Садо Мисирбиев отыграл эти деньги и вернул их Толстому.

Лев Толстой и Садо Мисирбиев, охотясь, наткнулись на группу всадников, и они попытались пленить Толстого. Мисирбиев, сообразуясь с кодексом чести чеченцев, когда хозяин даже ценой своей жизни обязан обеспечить неприкосновенность гостя, отстоял Толстого.

Дневниковая запись от 4 сентября того же года гласит: "Ко мне приехал брат с Балтою"¹⁸. И там же: "Завтра — в Хамамат-Юрт: постараюсь внушить им уважение"¹⁹. И новая запись, от 20 марта 1852 г.: "После обеда писал, пришел Дурда..."²⁰. По убеждению Толстого, именно в уважении была заложена возможность лучше познать друг друга. Эта дружба, постоянные поездки по Чечне, Дагестану и в Тифлис, записи устного народного творчества горцев во многом прояснили ему особенности кавказского уклада жизни, позволили проникнуть в мечты и идейные поиски народов, отстаивавших свою свободу и независимость.

Размышления Льва Николаевича Толстого о судьбе горцев и вообще о человеке, занятом "несправедливым и дурным делом — войной", легли в основу кавказского цикла его творчества ("Набег. Рассказ волонтера", "Рубка леса. Рассказ юнкера", "Из кавказских воспоминаний. Разжалованный", "Записки маркера", "Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт").

Пушкин и Лермонтов раскрыли дух горцев как неукротимый, свободолюбивый ("Тазит", "Мцыри"). Толстой привнес в русскую литературу образы военных, на которых отрезвляюще подействовала новая общественно-политическая среда. Если раньше в Кавказской войне они видели романтику, возможность отличиться, сделать быструю карьеру, то теперь, находясь много лет подряд в военных

походах, они увидели ее будничную сторону, жестокость и никчемность. Таково же было и настроение рядовых русских солдат.

Старик-чеченец, оставшийся в ауле, уверен, что с ним ничего плохого не случится. "Что мне русские сделают? Я старик", — говорил он русским солдатам ("Набер"). Отношение старика-чеченца к жизни, к людям удивительно схоже с принципом жизни рядового Веленчука. "Он жил слишком честно и просто", — говорит о нем Толстой в рассказе "Рубка леса". В чувствах и настроении рядовых горцев и рядовых солдат он уловил отвращение к войне, стремление жить мирной жизнью.

"Что за вздор и путаница? — думал он (Оленин.) ...Человек убил другого и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости..."²¹ ("Казаки").

Большую ценность имеют работы Толстого по сбору устного народного творчества народов Северного Кавказа. В 1852 г. со слов Садо Мисирбиева и Балты Исаева он записал русскими буквами две чеченские народные песни. Несомненно, это не единственные песни, которые записал от своих друзей-чеченцев Лев Толстой. Можно предполагать, что писатель просил их в ходе переписки, после своего отъезда из Чечни, сообщить ему новые данные по фольклору и этнографии чеченцев. "Ваше сиятельство Лев Николаевич, — пишет Балта Исаев через три года после отъезда Толстого в Крым, — поздравляю Вас с полученными чинами и орденами, которые Вы заслужили в такое короткое время. Желал бы от души когда-нибудь еще с Вами встретиться. Я в Севастополь к Вам написал 4 письма, но не знаю, получили ли Вы хотя одно..."²². Судя по содержанию письма, в котором упоминается и Садо, между Толстым, Садо и Балтой были непринужденные, дружеские отношения.

Письма друзей, сослуживцев, знакомых постоянно обновляли в памяти Толстого величественный образ Кавказа, воспоминания о его мужественных и благородных людях. Он постепенно накапливал свои знания о нем, изучал историческую и художественную литературу. Прочитав поэму Лермонтова "Измаил-Бей", Толстой записал 9 июля 1854 г. в свой дневник: «Я нашел начало "Измаил-Бея" весьма хорошим. Может быть, это показало мне более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильно любовью. Действительно, хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи - война и свобода»²³.

Много лет спустя Толстой еще раз подтвердил свое отношение к фольклору чеченцев. В 1875 г. он пишет А.А. Фету: "Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о кавказских горах, изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные... Нет, нет и перечитываю..."²⁴.

"Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой" и "Высохнет земля на могиле моей" — две чеченские песни, которые позднее Толстой включил в повесть "Хаджи-Мурат" (1896—1904). Вспомним: по просьбе Бутлера переводчик пересказывает ему содержание песни, исполненной Ханефи, названным братом Хаджи-Мурата. Вот этот текст: "Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастет кладбище могильной травой, заглушит трава твое горе, мой старый отец. Слезы высохнут на глазах сестры моей, улетит и горе сердца ее. Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня, и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной..." Хаджи-Мурат всегда слушал эти строки с закрытыми глазами и, когда мелодия кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорил: "Хорош песня, умный песня"²⁵.

Интерес Толстого к горской песне был глубок и постоянен. Он восхищался силой чувств, заключенных в горском фольклоре. «Особенно трогательна была для него (Брошки из "Казаков". - Х.Т.) одна тавлинская песня. Слов в ней было мало, но вся прелесть заключалась в печальном припеве: "Аи! Дай! Да-ла-лай!" Брошка перевел слова песни: "Молодец погнал баранту из аула в горы, русские пришли, зажгли аул, всех мужчин перебили. Всех баб в плен побрали. Молодец пришел из гор: где был аул, там пустое место. Матери нет, братьев нет, дома нет, одно дерево осталось. Молодец сел под дерево и заплакал. Один, как ты, один остался, и затем запел молодец: "Аи! Дай! Далалай!" И этот завывающий, за душу хватающий припев старик повторил несколько раз»²⁶.

Толстой использовал народные песни для передачи психологического состояния героев в трагические минуты их жизни. "Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздались странные звуки заунывной песни... Аи! Дай! Да-ла-лай... Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтоб избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колена с коленом, приготовили ружья и запели предсмертную песню..."²⁷. Так органически вплелись в ткань произведения мастера национальный мотив и народная сила.

Кавказ сильно повлиял на жизнь Льва Толстого. "Я стал думать так, как только раз в

жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда... Это было и мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, как в это время... И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением" ("Дневник" 1859 г.)²⁸.

Дружба Л.Н. Толстого с чеченцами осталась в их благодарной памяти как момент исторической истины, когда русский граф искренне понял и оценил их дух и национальную открытость. Особое благоговейное отношение к Толстому сохранилось у чеченского на-

173

рода и по сей день. Многие поколения чеченцев, осмысливая наследие Толстого, впитали в себя всю мощь неизбывной духовно-нравственной энергии его произведений, прочитанных ими не только на русском, но и на родном языке еще в 1930-е годы. И кавказский цикл писателя, и его детские рассказы стали для чеченцев хрестоматийными.

И сегодня наш народ гордится тем, что именно Л.Н. Толстой заложил основы русско-чеченских историко-культурных связей. С его легкой руки эти связи в последующую эпоху приобрели системный характер: две культуры взаимообогатились. Именем Льва Толстого в Чечне названы улицы, скверы и села. Ему воздвигнуты памятники, открыты музеи. Его именем был назван Чеченский государственный университет, и в сквере университета был поставлен памятник Толстому. Он, к сожалению, как и университет, разрушен военными действиями в Грозном.

В станице Старогладковской в Чечне уцелел Дом-музей Льва Толстого благодаря мужеству его директора Хусейна Загибова, который неоднократно вступал в перестрелку с теми, кто хотел уничтожить этот святой для чеченцев приют.

Многое разрушено... Но не в сердце чеченцев. Они убеждены, что придет время, когда народ сегодняшней России пробудится и осознает, так же, как его великий сын, что "война такое несправедливое и дурное дело, что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести...".

Так способствовал Л.Н. Толстой тому, что культура чеченцев включалась в русскую культуру, их взаимообогащению. В дальнейшем благодаря усилиям русских ученых культура горских народов приобрела просветительное направление. Они в своих трудах, посвященных Чечне и Ингушетии, стремились провести в жизнь гуманистические просветительские идеи, остро звучавшие в это время и в самой русской культуре. Их устремления совпали с началом процесса зарождения совершенно новой духовно-нравственной атмосферы в горском обществе.

После окончания Кавказской войны (1859) началась переориентация идейно-эстетических взглядов так называемых малых народов окраин царской России на русскую культуру. Этому сдвигу в их художественном сознании способствовало прежде всего то, что за разомкнутым национально-ограниченным кругом своего старого миропонимания они увидели достижения окружающих народов.

В начале 1860-х годов, после присоединения Чечено-Ингушетии к России, для трудового чеченца наступил период, когда он стал мучительно искать ответы на множество острых социальных вопросов, которые ставила перед ним послевоенная действительность. Резкое обострение социальных противоречий внутри чеченского общества, поражение в национально-освободительном движении и последовавшие за этим безуспешные антицаристские и антифео-

174

дальные восстания — все это привело к тому, что горец по-новому и пристально взглянул на свой социальный и бытовой уклад, на различные стороны жизни русского народа, на характер своих с ним взаимоотношений. Критическое осмысление своей прошлой жизни привело горцев к тому, что они начали подумывать о новых радикальных путях к свету и прогрессу, которые могли бы оказаться действеннее, чем предыдущие. Растущее национальное самосознание передовых представителей горцев, давно соприкоснувшихся с русской жизнью, подсказало им, что в конечном итоге осуществить вековую мечту горцев о свободе и равноправии можно лишь опираясь на идейные достижения общественной мысли, науки и художественной культуры России. Потому горская интеллигенция приняла деятельное участие в культурно-просветительной работе, проводимой русскими учеными на Северном Кавказе.

Первым человеком, написавшим о Чечне и чеченцах серьезную работу в год окончания Кавказской войны, был А.П. Берже. В предисловии к своему исследованию "Чечня и чеченцы" он изложил свои мысли, связанные с настоящим и будущим чеченцев: "Где мир вступает в свои права, там неизбежно, в силу исторических законов, наука должна приняться за свои права во имя просвещения, гражданственности, дабы подготовить ту будущность

одаренного естественными богатствами края, которая составляет задачу нашего времени"».

Новое осмысление образа жизни и нравов чеченцев в трудах историков, этнографов, языковедов, отличавшееся от официальной точки зрения царской военной администрации, подвигло прогрессивное русское общество по-новому взглянуть на судьбу чеченцев, вызвало желание просветить "туземный" народ. Русские ученые, внимательно следившие за событиями в Чечне, поняли, что культура народа и приобщение его к мировой цивилизации теснейшим образом связаны с тем, как быстро этот народ сумеет расстаться со своим патриархальным прошлым. А.П. Берже писал, что чеченцы хотят "приобщиться к России и со временем занять место в ряду образованных народов. Замкнутые до того в неприступных горах и мрачных ущельях, куда к ним не может проникнуть благотворный луч европейской цивилизации, они начали целыми аулами выселяться на плоскость, где они скорее поймут выгоды мирной оседлой жизни, составляющей первую степень к гражданственности"³⁰ - так характеризует А.П. Берже начавшийся процесс поиска народом своего места в открывшейся для него новой истории.

А.П. Берже относился сочувственно к прошлому чеченского народа, желал, чтобы его будущее было прекрасным. Вскрывая объективные причины его отсталости, он писал: "Большая же часть его (чеченского населения), занятая в продолжение почти двадцати лет войною с нами, естественно, не имела возможности развить свои производительные силы, но ныне... не замедлит наступить для че-

175

ченцев новая эра жизни, которым суждена самая светлая будущность..."³¹. Эти слова полностью раскрывают концепцию А.П. Берже в вопросе о будущем чеченцев.

Основная цель труда А.П. Берже, как и Н.И. Дубровина³², А. Зиссермана³³, В. Потто³⁴, Н.С. Семенова³⁵ и некоторых других историков о Чечне и чеченцах, заключалась в том, чтобы пропагандировать идею "цивилизаторской" роли царизма. Критически оценивая труд А.П. Берже, нельзя все же не отдать ему должное за то, что он первым, исходя из уровня своего мировоззрения, дал о чеченцах ценный историко-культурный материал, который значительно расширил знания о них.

Исследуя различные стороны духовной жизни чеченцев, А.П. Берже обратил особое внимание на их предания. Вникнув в глубину идейно-художественного содержания, он понял, что предания "составляют хотя еще не початый, но тем более драгоценный исторический материал для основательного изучения их (чеченцев) быта и нравственных особенностей. Можно сказать без преувеличения, что предания эти, приведенные в строгую научную систему и сличенные между собой, представили бы довольно полную картину здешних народностей, точную обрисовку их умственного склада и тех элементов, какие каждый из них включает в себе для будущего развития".

Закономерным продолжением начинаний А.П. Берже стала просветительская деятельность П.К. Услара в Чечне. Находясь долгое время на службе на Кавказе, он хорошо изучил психологию горцев, их историю, понял жизненную важность и необходимость их просвещения. Гуманные помыслы Услара в какой-то мере осуществились благодаря тому, что он обязан был по "высочайшему повелению" составить историю Кавказа. Приступить сразу к выполнению этой работы Услар не мог, так как понимал, что "дельное изучение какого-либо народа без знаний языка его немыслимо". Поэтому он начал изучать кавказские языки. Так в начале 1860-х годов появляются его замечательные труды по иберийско-кавказским языкам. По признанию авторитетных современных исследователей, его труды не утратили своего научного значения и сегодня.

П.К. Услар в своих кавказоведческих и лингвистических изысканиях постоянно обращался к двум важнейшим для тех времен проблемам. Во-первых, к проблеме духовного и гражданского сближения горцев с русским народом; во-вторых, к проблеме сохранения горцами своей индивидуальности. "Утрата индивидуальности как для отдельного человека, так и для целого народа равномерна смерти"³⁶, - говорил он. Ученый понимал: чем скорее будут решены эти проблемы, тем быстрее пойдет процесс приобщения горцев к русской и мировой цивилизации.

"Нынешнее поколение горцев может учиться русскому языку не иначе как в русских школах, которые устраиваются исключительно

176

там, где живут русские люди; живут же они более или менее особняком от туземцев. Уже одно это условие поставляет в необходимость устраивать школы закрытые, принимать учащихся на полное содержание правительства"³⁷, — столь откровенное заявление о необходимости обратить особое внимание на просвещение горских народов тогда прозвучало впервые. Он понимал значение русского языка в культурном развитии горцев. "Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное, бесконечно важны для

будущности Кавказа: подчиняясь таковым условиям, сделаем, что можно, а сделать можем мы весьма много"³⁸, — отмечал он.

Гуманные устремления П.К. Услара не встретили поддержки со стороны царского правительства, так как оно не было заинтересовано в просвещении горских народов. Внешне поощряя работу и замыслы ученых, царская администрация была далека от мысли претворить их в жизнь. Тем не менее А.П. Берже, П.К. Услар и другие ученые усердно разьясняли читающей и мыслящей России, что просвещение горских народов имеет важное общественное значение для духовного сближения русского и горских народов. П.К. Услар писал тогда, что "мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы. К чести горцев должно сказать, что они не лишены любознательности. Учиться даже в зрелых летах не считается предосудительным"³⁹.

Одновременно с П.К. Усларом о просвещении чеченского народа заботился и другой русский ученый - Иван Алексеевич Бартоломей. Его заслуга в том, что он был первым русским ученым, составившим "чеченский букварь" при "содействии природных чеченцев юнкера Джемал-Эддина Мустафина, Эдыка Бочарова и Ахматхана Трамова". Труд ученого увидел свет в 1866 г. Чеченская азбука Бартоломея, составленная на основе русской графики, не претерпев существенных изменений, явилась после Октября основой чеченской письменности.

Чрезвычайно ценные наблюдения над фольклором чеченцев содержатся также в работах и этнографических очерках Е.З. Баранова, Г.А. Вертепова, А.П. Берже, П.И. Головинского, И.Ф. Грабовского, А.П. Ипполитова, Б.К. Далгата, В.Ф. Миллера, Л.П. Семенова и других ученых. Они установили, в частности, что в фольклоре чеченцев прослеживаются историко-культурные связи с другими народами мира. Таким образом, духовное наследие чеченцев уже во второй половине XIX в. становилось частью общероссийской культуры.

Просветительская деятельность А.П. Берже, П.К. Услара и И.А. Бартоломея способствовала, в частности, зарождению в Чечне и Ингушетии просветительского движения, выдвижению из народа представителей, глубоко заинтересованных в создании родной письменности, изучении чеченцами и ингушами русского языка и русской культуры.

177

В возникновении художественной мысли на русском языке основополагающую роль сыграла и русская периодическая печать Кавказа, в особенности начавшийся в конце 1860-х годов выпуск "Сборника сведений о кавказских горцах" — этого уникального издания, в котором сосредоточены ценнейшие сведения об историко-этно-графическом и культурном прошлом, мировоззрении народов Кавказа. "Сборник сведений о кавказских горцах" отличался от других изданий тех лет подчеркнутым демократизмом в освещении истории и быта горцев. Это не было случайным явлением: редактор и издатель газеты "Кавказ" и "Сборника сведений о кавказских горцах" Н.И. Воронов был соратником и сподвижником А.И. Герцена и Н.П. Огарева.

В предисловии к первому выпуску "Сборника..." редколлегия четко определила свои позиции в горском вопросе, познакомила с программой "Сборника...". Она писала, в частности: "Для горцев открывается новый строй - понятий и житейских отношений, для них наступила пора знакомства со светлым и широким миром европейской жизни; но вместе с этим и для нас открылся замкнутый в себе своеобразный мир с особым складом общественных отношений, который так или иначе мы должны приблизить к общественному складу нашей жизни, чтобы между ними и нами не осталось разлада..."⁴⁰.

"Сборник сведений о кавказских горцах", газета "Кавказ" и другие периодические издания Закавказья буржуазно-демократического периода освободительной борьбы, которые в основном трезво и правдиво изображали жизнь и быт кавказских народов, способствовали в известной мере формированию социальных понятий у грамотной прослойки горцев. Многие просветители северокавказских народов, в том числе ингуш Чах Ахриев, чеченец Умалат Лаудаев, во второй половине XIX в. печатались на страницах закавказских периодических изданий, которые сыграли немалую роль в формировании их общественных взглядов.

Становление горской просветительской мысли происходило своеобразным путем. Царская Россия, ведя долготную колониальную войну на Кавказе, в конце концов убедилась в том, что одной военной силой поставленной цели ей не добиться. В период подъема национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа в 1820-1850-х годах она пришла к выводу о необходимости воспитания из горцев офицеров, которые затем, хорошо зная местные обычаи и нравы, могли бы продолжить экспансионистскую политику самодержавия. Процессу появления офицерской верхушки способствовало также горское феодально-помещичье сословие, ориентировавшееся в основном на политику царизма в местном крае.

Выпускники военных и других учебных заведений возвращались в родные края, получив хорошее образование в России, приобщившись к русской культуре. Это был неизбежный и

крайне необходи-

178

мый для горцев путь: в тех условиях иных возможностей для культурного развития у горцев не было. Царизм возлагал на офицеров-горцев большие надежды, но они оправдались не полностью. Ведь именно из их среды вышли первые просветители, которые начали активную деятельность среди своего народа.

Просветительская мысль Чечни и Ингушетии возникла в идейной атмосфере 1850 — начала 1860-х годов — революционной ситуации, сложившейся в России, и того большого внимания и пристального интереса, какие проявляли русские общественные деятели и ученые к изучению языка, истории, быта и нравов чеченцев и ингушей. Языковедческие, историко-этнографические очерки о чеченцах и ингушах стали для национальных просветителей той первой школой, которая научила их, как надо ставить и решать вопросы просвещения своих народов.

Чах Ахриев и Умалат Лаудаев - выдающиеся деятели северокавказского просветительства 1860-1870-х годов. Расцвет их творческой деятельности относится ко второму этапу историко-культурных русско-чеченских связей (1860-1880-е годы). Этот этап характеризуется интенсивным освоением национальными просветителями идейно-эстетического опыта русской литературы, идейным сближением представителей передовой общественной мысли русского и горского народов.

Идейно-художественное своеобразие творчества Чаха Ахриева во многом обусловлено традициями северокавказского и закавказского просветительства 1860-1870-х годов. Он получил образование в России — в 1874 г. окончил Нежинский лицей. Находясь в 1870-х годах на службе в Тифлисе, Ахриев, несомненно, испытал на себе влияние передовой общественной мысли Грузии, развивавшейся в русле идейных поисков грузинских шестидесятников — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Георгия Церетели и Нико Николадзе — этих "знаменосцев национально-освободительного движения". В первой половине 1870-х годов он опубликовал в различных изданиях Закавказья и Северного Кавказа статьи со всесторонним анализом общественного уклада ингушей, их мировоззрения. Вся его деятельность была подчинена одной цели — убедительно показать широкой общественности необходимость осуществления среди них срочных культурно-просветительских мер.

Выход из замкнутого, национально-ограниченного быта народа, средство борьбы против его устаревших, веками устоявшихся норм и привычек автор видит в скорейшем внедрении в национальную среду новых форм суда- и делопроизводства, которые, несомненно, окажут благотворное влияние на формирование новых прогрессивных взаимоотношений между горцами ("Присяга у ингушей", "Нравственное значение присяги у ингушей", "Об ингушских женщинах" и др.).

Обращение Ахриева-просветителя к острым вопросам национальной жизни - явление закономерное. Это был объективный про-

179

цесс формирования его просветительских взглядов, обусловленный анализом общественно-политической жизни горцев Северного Кавказа в свете идейно-эстетических поисков демократической мысли России.

Передовые прогрессивные взгляды Ахриева особенно четко прослеживаются в его публикациях 1870-х годов. Процесс его эволюции нагляден, например, в очерке "Об ингушских женщинах". Одним из существенных достижений Ахриева в то время является то, что в его произведениях нашли свой отзвук идейные искания русских народников 1860-1870-х годов. Прежде всего он ратовал за то, чтобы горцы быстрее отрешились от устаревших понятий и привычек, изолировавших их от передовых веяний времени. Вместе с тем Ахриев был подлинным новатором, став у истоков зарождающейся ингушской русскоязычной литературы, впервые правдиво изобразил мирозерцание народа, его быт. Опираясь на традиции русского социально-бытового очерка, он показывает судьбы крестьянства, исследует структуру ингушского общества.

Именно характером общественного развития горцев обусловлено появление в творчестве горских литераторов 1860-1880-х годов двух форм выражения просветительских идей. Первая - это стремление разомкнуть круг национальной замкнутости, покончить с национальной ограниченностью, дать народам школьное образование, приобщить их к русской культуре.

Вместе с тем просветители большое внимание уделяли собиранию и публикациям фольклора. И эта сторона их деятельности была подчинена немаловажной цели — познакомить широкие читательские круги с духовным наследием своих народов, показать их извечное стремление к миру и добрососедству, гуманизм и демократизм их мыслей и чувств. В условиях, когда царская администрация и феодально-религиозная местная верхушка создавали искусственные помехи в отношениях между народами, когда наступила пора нового

общественного развития горцев, когда психологические барьеры недоверия и вражды между народами постепенно разрушались, когда наступил период взаимного углубленного изучения истории и духовной культуры друг друга, фольклорные публикации горской творческой интеллигенции носили просветительский характер. Такова была вторая форма выражения их просветительских взглядов. Ахриев, в отличие от своих современников-просветителей, смотрел на историко-духовную культуру своего народа с разных точек зрения. Поэтому в его мировоззрении наиболее полно выражена сущность горского просветительства, его сильные и слабые стороны.

Особенно примечателен в этом отношении цикл его очерков, опубликованный в 1872-1873 гг. в "Терских ведомостях" под общим названием "Этнографический очерк ингушского народа. С приложением его сказок и преданий". В очерке впервые поставлена проблема реалистического социально-психологического изображения и

180

жизни народа, и судьбы отдельного человека на переломном рубеже его бытия. Эта проблема решается внимательным, детальным анализом многообразного уклада жизни народа с точки зрения благотворного воздействия "русского цивилизующего элемента на характер и мировоззрение ингушей"⁴¹. Это влияние "сгладило шероховатости и неровности ингушского характера, а многим из них придало совершенно иную форму, иное направление", — писал Ахриев. По его мнению, "необходимы учебные заведения со строго реальным, практическим направлением". Он также отмечал, что в крае начальные школы существенно необходимы еще и потому, что они "помимо сообщения научных знаний школьникам, вносят русский элемент в ингушский народ".

Такова вкратце позиция Чаха Ахриева - патриота и просветителя. Его заслуга в том, что он стал родоначальником нового этапа в культурном развитии ингушского народа - в появлении национальной русскоязычной литературы, новых для этой литературы жанров - историко-этнографического очерка и публицистической статьи, в которых показан социальный и эмоциональный мир народа. Особенно примечательна в этом смысле работа "Ингуши (их предания, верования и поверья)", написанная им на заключительном этапе своего творчества.

Чеченский просветитель Умалат Лаудаев был современником Чаха Ахриева. Учился в 1840-х годах в Петербургском кадетском корпусе и сформировался как общественный деятель в годы активного становления русской революционно-демократической мысли.

У. Лаудаев оставил после себя только одну крупную историко-этнографическую работу — "Чеченское племя", в которой проявились его мировоззрение, взгляды на историю, этнографию и фольклор чеченского народа.

Не вдаваясь в подробности его исторической концепции, отметим, что в истории просветительской мысли Чечни У. Лаудаев сыграл большую роль. То, что он, говоря его словами, "из чеченцев первым написал на русском языке о своей родине, еще так мало известной", дало широкому читателю представление об укладе жизни чеченцев. В работе "Чеченское племя" видна озабоченность автора судьбой своего народа, он предоставил читателям возможность познакомиться с лучшими сторонами его характера, историческим прошлым и таким образом в какой-то мере рассеял бытующее в официальных кругах неверное мнение о нем.

Творчество Ахриева и Лаудаева ознаменовало начало научно-просветительской мысли вайнахов. Эти просветители в трудных условиях культурной отсталости своих народов закладывали основы их будущей национальной художественной культуры. Их творчество занимает особое место в культурном развитии чеченцев и ингушей, так как является скачком от фольклорного мышления горцев к письменной литературе, от арабоязычной литературы, с ее идеями

181

служения Богу, к литературе просветительной, поднимающей вопросы социального переустройства жизни.

Возникновение русскоязычных форм художественного мышления чеченцев произошло лишь путем скачка, обусловленного антифеодальной и антиколониальной борьбой, началом смены патриархально-феодальных отношений буржуазными, знакомством с передовой русской общественной мыслью, которая давала северокавказским просветителям ответы на волнующие их вопросы о судьбах своих народов.

Собственно, это был путь, характерный для всей русскоязычной литературы народов Северного Кавказа, predetermined общностью их социально-экономических, культурно-исторических условий, взаимными культурными контактами. Уже тогда, в период зарождения, русскоязычные литературы начали свой путь, подчиняясь исторически обусловленным закономерностям общерегионального литературного развития. И.Г.

Неупокоева писала: «Каждая национальная литература внутри этой группы связана с другими многими "валентностями" - этническими, географическими, языковыми, общностью фольклорного развития... Основой таких связей является близость или общность исторических судеб народов»⁴². «Исторически обусловленное сходство литературного процесса (сходство фольклорной эстетики, почти равномерный процесс разрушения феодально-родовых устоев горской среды, формирование в ней буржуазных отношений, "европеизация" экономической и культурной жизни), активное вовлечение горцев, начиная с 60-х годов XIX в., в орбиту русского социально-экономического развития — вот та почва, на которой возникла просветительская мысль народов Северного Кавказа», те условия, которые обуславливают типологическую общность просветительских литератур северокавказского региона.

На рубеже XIX—XX вв. в реалистических произведениях русской литературы "интенсивно утверждался пафос активной индивидуальности", призванной "разорвать разнообразные пути социального угнетения и создать справедливый общественный строй". Н.С. Надъ-ярных пишет о значимости этой общественной и культурной ситуации, сложившейся в России на рубеже двух веков, для судеб национальных художественных культур: "Под влиянием революции, резкого взлета общественного содержания реалистическая литература многих народов России вступила с 90-х годов в новую полосу исканий, которые сопровождались и большими подъемами и имели свои сложности"⁴³.

В этих условиях из чеченцев и ингушей выдвинулась целая плеяда публицистов, стоявших на демократических позициях. С начала XX в. и до Октября в периодической печати России опубликовано множество статей таких публицистов, как Т. Эльдарханов, А. Мутушев, И. Мутушев, И.-Б. Саракаев, Д. Шерипов. Пришедший им на

182

смену герой Гражданской войны А. Шерипов существенно обогатил форму и содержание жанра революционной публицистики.

В самом начале революционного подъема в России в периодической печати Северного Кавказа и Центра России стали появляться насыщенные взволнованной мыслью, гражданской обеспокоенностью социально-экономическим положением, политическим бесправием своего народа статьи братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых. Во многих публикациях они говорили не только о чеченцах и ингушах, но и обо всех народах Северного Кавказа, находившихся в тисках административного и духовного гнета. Чеченские и ингушские публицисты, восприняв идеи русских демократов, сделали шаг вперед в понимании сущности и целей политической борьбы, которую вела передовая общественность России за демократический выбор развития страны.

Первые статьи А. Мутушева, чья публицистическая деятельность началась в конце XIX - начале XX в., отличались широтой взгляда на жизнь, интернациональным пафосом. В этом смысле показательна одна из его первых публикаций в газете "Новая Русь", издававшейся в Петербурге. Ставя читателя газеты в известность об открытии в ней "мусульманского отдела", А. Мутушев говорил, что эта "первая попытка солидной газеты послужить культурно-экономическим интересам мусульман России" является в то же время "верным средством испытания нашей гражданской зрелости". Автор статьи признаёт, что "каждая мусульманская народность бедна грамотой в процентном отношении" и все же "насчитывает отдельных представителей как со средним, так и с высшим образованием". К этим представителям и обращается А. Мутушев: «Пусть мы плохие литераторы, пусть наши статьи не блещут красотой художественного слова. Но мы должны твердо запомнить Некрасова: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан" и, помня эти великие слова, сказанные в горячие дни шестидесятых годов... мы не должны быть "инертны, эгоистичны", думать только о своих личных, будничных интересах»⁴⁴.

"Интеллигентные мусульмане! — писал А. Мутушев. — К вам обращаюсь я с призывом. Помните, что народности, из которых вы вышли, имеют право рассчитывать на ваше культурно-экономическое служение их священным интересам".

Сам А. Мутушев старался не на словах, а на деле служить "священным интересам народности". В своих статьях он ставил актуальные проблемы общественно-политического положения горцев, резко критиковал, в частности, принципы царской администрации по наведению "порядка в Терской области". Так, в статье "Устройство" А. Мутушев писал, что "горцы Терской области, жаждущие больше, чем кто-либо, и действительного порядка, и спокойствия", «затравлены и деморализованы длинным рядом более или менее неудачных "устроителей" их общественной и экономической жизни».

183

Необыкновенной остротой, глубоким анализом жизни чеченских крестьян, находившихся в жесточайших условиях социального и духовного гнета, отличаются и статьи брата А.

Мутушева — Исма-ила Мутушева.

Впервые его статьи появляются в конце XIX в. на страницах "Терских ведомостей". И. Мутушев, как и просветители предыдущего поколения, литературную деятельность начал с публикации родного фольклора (например, чеченская сказка "Лиса и журавль"). Однако начавшиеся в России революционные события заставили И. Мутушева взяться за боевой и действенный жанр публицистики. Он был горяч, убедителен, решителен в постановке самых актуальных, жизненно важных для горцев вопросов. Гражданская позиция И. Мутушева с самого начала четко определилась: он знал, кому и какой цели служить. И с этого пути он не сошел до конца своей короткой жизни.

Предметом особой заботы И. Мутушева, постоянной и главной темой в его публицистике была тема просвещения народа, приобщения его к передовой русской культуре. В этом вопросе, как и во всех других, он не знал компромиссов со своей совестью, жил постоянными поисками путей, которые способствовали бы распространению среди горцев современных знаний. Так, с одной стороны, он смело разоблачал ложную информацию, которую давали честолюбивые люди в газету о якобы открытой им в слободе Воздвиженской народной школе. С другой — И. Мутушев был инициатором и автором "Проекта устава общества распространения образования и технических сведений среди чеченцев Терской области". Он не просто опубликовал устав: печатая его в газете, он обращался к чеченской интеллигенции. Обращение было настолько убедительным, взволнованным, страстным, что в таком виде его не смог бы написать человек, рассчитывающий только на общественный резонанс, но не беспokoящийся за судьбы своего народа.

"Несмотря на полувековое пребывание наше в школе европейской цивилизации и культуры, — говорил И. Мутушев чеченским интеллигентам, — мы продолжаем прозябать в грубом невежестве благодаря лишь собственной инертности... И вся беда лишь в том, что наши передовые люди, окунувшись в море собственных интересов, никогда не выглядывают из него и не видят света божьего. Вот этот-то эгоизм и тормозит дело нашего просвещения. Пора же наконец и нам проснуться от столь долгой и губительной спячки и встать на путь прогресса и цивилизации".

И. Мутушев надеялся, что и соседние народы "нам помогут словом и делом в этой святой миссии", и "в скором будущем у нас будут свои адвокаты, доктора, инженеры, агрономы, офицеры, учителя и т.п. - люди разных специальностей, в которых мы так сильно нуждаемся. А то при теперешнем порядке вещей жизнь наша становится не только невозможной, но прямо-таки невыносимой".

184

Публицисты Северного Кавказа дореволюционного периода вопросы прав и свободы трудящихся горцев рассматривали, таким образом, не с узких, национально ограниченных позиций, а в широком плане, в масштабе всего региона. Такая широта взгляда на проблему, а главное — принципы ее художественно-публицистического решения свидетельствуют о том, что они стояли на позициях русских социал-демократов, учились у русских писателей умению пробуждать народное самосознание художественным словом.

Широкое распространение идей русских социал-демократов среди трудящихся, начавшийся процесс взаимодействия творчества передовых русских и горских литераторов — вот тот уровень развития культуры и социального самосознания чеченцев, ингушей и всех горцев, та художественно-идеологическая основа, на которой начала развиваться блестящая публицистическая и переводческая деятельность героя Гражданской войны Асланбека Шерипова.

Подводя итоги, можно сказать, что чечено-ингушская публицистика, зародившаяся в 1890-х годах, окрепшая в период нового революционного подъема, расцвела за время, прошедшее между двумя революциями (Февральской и Октябрьской), и в годы Гражданской войны.

Публицистика стала вершиной русскоязычного творчества чеченцев и ингушей конца XIX в. и первой четверти XX в. Но путь к этой вершине был нелегким. От первых шагов просветителей Ч. Ахриева, У. Лаудаева и др., заботившихся об историко-культурном развитии своих народов, от их историко-этнографических очерков, в которых показывалось своеобразие национального уклада, характер этических и эстетических представлений, до произведений А. Мутушева, И. Мутушева, А. Шерипова Т. Эльдарханова, И.-Б. Саракоева и др., пронизанных заботой о судьбе народа, - таков вкратце путь эволюции художественной и общественной мысли чеченцев и ингушей дооктябрьской поры.

Начиная с 1860-х годов и до 1917 г. в Чечне происходили сложнейшие процессы ломки и обновления общественных отношений. Однако процессы эти происходили не сами по себе в замкнутых национальных рамках, а в тесном сопряжении с прогрессивными, революционными событиями в России, опираясь на которые, трудовые массы горцев не без противоречий, не без потерь привычных для них морально-нравственных ценностей неизменно шли вперед, к прогрессу, к просвещению.

В произведениях и статьях чеченских и ингушских просветителей прослеживается умение видеть социальные причины и следствие бесправного положения трудящихся масс, осознанный подход к народным судьбам, в них утверждались совершенно новые принципы постижения и объяснения действительности, отрабатывались идейно-эстетические основы реалистического искусства, искусства слова действенного, социального, хотя далеко не всегда последова-

185

тельного в своих выводах. Публицисты начала XX в. развивали традиции просветителей 1860-1870-х годов, но, в отличие от них, видели перспективу обновления жизни трудящихся горцев, заложили прочный идейный фундамент будущей национальной культуры. Их творчество сформировало объективные культурно-исторические и духовно-интеллектуальные предпосылки письменных литератур.

Таков вкратце анализ духовно-интеллектуального подъема народа, обусловленного русско-чеченскими историко-культурными связями дооктябрьской поры. Эти традиции продолжали развиваться и после Октября, но уже на новой идейной основе.

¹ Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в "Слове о полку Игореве" // Известия ЧИ НИИ ИЯЛ // Литературоведение. Т. I. Вып. III. Грозный, 1959.

² Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 246.

³ Потто В.А. Два века терского казачества. Т. I. Владикавказ, 1912. С. 37.

⁴ Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 498.

⁵ Толстой Л.Н. Поли. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., Госиздат, 1929. Т. 6. С. 15-16.

⁶ Жданов Ю.А. Кавказ и передовая русская культура // Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. Грозный, 1982. С. 5-13.

⁷ Белинский В.Г. Избранное: В 2 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. С. 634.

⁸ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. С. 465.

⁹ Белинский В.Г. Там же. С. 469.

¹⁰ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 4. С. 606.

¹¹ Русский Вестник. 1860. Июнь. Кн. 1. С. 366-367.

¹² Герштейн Эмма Судьба Лермонтова. М.: Сов. писатель, 1964. С. 364.

¹³ Белинский В.Г. Избранное: В 2 т. Т. 2. С. 634.

¹⁴ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 8. С. 282.

¹⁵ Эйхенбаум Б.Л. Толстой на Кавказе // Рус. литература. 1962. № 4. С. 61

¹⁶ Толстой Л.Н. Поли. собр. соч.: Юбилейное. М.: ГИХЛ, 1937. Т. 46. С. 87.

¹⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 59. С. 150.

¹⁸ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 46. С. 87.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 96.

²¹ Там же. Т. 6. С. 82.

²² См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1929. Т. 46. С. 9-10.

²³ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 47. С. 10.

²⁴ Там же. Т. 62. С. 209.

²⁵ Там же. Т. 6. С. 108.

²⁶ Там же. С. 144.

²⁷ Там же. Т. 6. С. 144.

²⁸ Там же. Т. 60. С. 293.

²⁹ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1859. С. 4.

³⁰ Там же. С. 116.

³¹ Там же. С. 89-90.

186

³² Дубровин Н.И. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб. (изд. с 1871 г.).

³³ Этсерман А. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Ч. 1. СПб. 1879.

³⁴ Потто В.А. Два века терского казачества. Т. I. Владикавказ, 1912. С. 37.

³⁵ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

³⁶ Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 2.

³⁷ Там же. С. 8.

³⁸ Там же. С. 34.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 1-2.

⁴¹ Терские ведомости. 1872. № 39.

⁴² Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного

и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. С. 216.

³Надьярных Н.С. Типологические особенности реализма. Годы первой русской революции. М.: Наука, 1972. С. 22.

⁴Новая Русь, 1910. 19 февраля.

Х.Р. Абдулаева

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА У ЧЕЧЕНЦЕВ

Эстетические представления предков чеченцев и ингушей, как и других народов, формировались на протяжении их тысячелетней истории. Фольклор - особая художественная форма народного эстетического познания мира, основной носитель и хранитель всех ценностей в духовной жизни народа. Существуют различные виды, жанры и роды фольклора. Восхищаясь фантастическим, таинственным, героическим в окружающем мире, народ создал сказки. В легендах, сказаниях, преданиях, героических и исторических песнях народ осмысливает знаменательные события своей жизни, трудовые и культурные достижения и победы как проявления прекрасного, героического. Накопленный духовный, в том числе и эстетический, опыт, свои наблюдения, размышления над окружающей жизнью, природой народ передает в кратких, но удивительно емких художественных формах — в пословицах, поговорках, благопожеланиях, загадках. Все эти примеры свидетельствуют о широком диапазоне эстетических функций фольклора и его жанров.

Одно из главных мест в фольклоре чеченцев и ингушей занимают нарт-орстхойские сказания, свидетельствующие о многовековой народной традиции. Они представляют собой самобытную версию общекавказского нартского эпоса, известного адыгам, осетинам, абхазам, карачаевцам, балкарцам. Исследователь нартского эпоса А. Мальсагов выделяет три пласта в эпосе чеченцев и ингушей:

1. Общекавказский пласт в характерном для него традиционно кавказском оформлении — рождение и смерть главного героя Сеска Солсы (осет.- Сослан, каб.- Сосруко, абх.- Сасрыква); рождение Се ла Саты (осет. - Сатана, абх., адыг. - Сатаней-гуаша); встречи и борьба нарт-орстхойцев с вампалами*.

2. Общекавказский пласт в специфическом вайнахском оформлении.

3. Пласт сказаний, где нарт-орстхойцам противопоставлены по ложительные местные герои, на стороне которых - симпатии скази телей и народа¹.

Для чеченцев, как для других народов, чья летописная история в силу различных причин не сохранилась, нартский эпос является ис-

* Вампал - сказочный герой-великан. 192

точником и памятью его истории, мудрости, веровании и чаянии, художественным отражением его быта и нравов.

Впервые интерес к фольклору чеченцев был проявлен в ту пору, когда началось интенсивное изучение истории, этнографии и устной словесности кавказских горцев. Его собранием и изучением занимались не только образованные чеченцы, но и представители русской интеллигенции, а образцы публиковались в таких дореволюционных изданиях, как "Сборник сведений о кавказских горцах", "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", журнал "Этнографическое обозрение", газеты "Кавказ" и "Терские ведомости". Первая публикация некоторых текстов эпоса содержится в статье И. Цискарова "Картина Тушетии"². Здесь помещен отрывок об узнике Амирани, прикованном к горе за дерзость против Творца вселенной. Через несколько лет И. Цискаров опубликовал три песни на бацбийском языке, одна из них написана русским алфавитом, две другие - грузинским.

Ранние записи лирических песен на чеченском языке принадлежат Л.Н. Толстому, который зафиксировал их в 1852 г. со слов чеченцев Садо Мисирбиева и Балты Исаева³. Тексты этих песен были в 1927 г. расшифрованы профессором Н.Ф. Яковлевым, который отметил "удивительную в тогдашних условиях точность записи и передачи непосредственного акустического впечатления" и "зафиксированную Толстым подлинную устную передачу" чеченской речи⁴.

В автографе Л.Н. Толстого "Материалы Хаджи-Мурата" две заметки имеют прямое

отношение к нарт-орстхойским сказаниям. Прочитав в "Сборнике сведений о кавказских горах" эпические сказания чеченцев и ингушей, он записал: «"Голубь" — народная сказка», и еще: "Сказка прекрасная". В первом случае речь идет о сказании, повествующем о гибели нарт-орстхойцев и их предводителе Сеска Солее. Нарт-орстхойцы вели постоянную борьбу против языческих богов. Но борьба была неравной, и они решились на отчаянную смерть. Голодные и непреклонные нарт-орстхойцы выпили расплавленную медь, чтобы никто не подумал, что они умерли голодной смертью. Мучимому жаждой Сеска Солее "голубь приносит в красных чувяках воды. Солса утоляет жажду и, погладив голубя по шейке, умирает. Оттого у голубя шея золотистая..."

Возможно, Толстой, будучи на Кавказе, слышал о нартском эпосе, а сказание о гибели нарт-орстхойцев и голубе, принесшем воду их предводителю, - один из распространенных у многих народов Кавказа сюжетов. Во втором сказании, на которое обратил внимание Толстой, говорится о том, как Сеска Солса коварным образом угнал у пастуха Колой Канта отару овец... Колой Кант обладал непомерной силой - никто не мог одолеть его. Вход в пещеру он прикрывал огромным камнем, сдвинуть с места который было не под силу и 60 нарт-орстхойцам. Сеска Солса решил взять его хитростью и подослал свою сестру. Колой Кант принял ее с большим

7. Культура Чечни...

193

уважением и почетом. В течение трех дней он отвергал ее любовные притязания, но на четвертые сутки покорился ей. С каждым днем он терял свою исполинскую силу и уже не мог плотно прикрывать каменной плитой вход. Сеска Солса пробрался в пещеру, связал спящего Колой Канта и угнал его отару овец. Пастух заиграл на зурне грустную мелодию, которую слышали его братья. Они примчались, развязали его и бросились в погоню за нарт-орстхойцами. Когда нарт-орстхойцы были почти настигнуты, бог, видя, что прольется человеческая кровь, создал для предотвращения кровопролития бурную реку Терек. На правом берегу остался Колой Кант с сестрой Сеска Солсы и с половиной отары овец, а на левом - Сеска Солса с другой половиной отары: это был калым за его сестру.

Значительное место в изучении и публикации фольклора чеченцев и ингушей принадлежит первому ингушскому просветителю и этнографу Чаху Ахриеву, опубликовавшему на русском языке 12 нарт-орстхойских сказаний и больше 10 героических сказок. Первая публикация под названием "Из чеченских сказаний" состояла из нескольких сказаний: "О Колой Канте", "Лял-Султа", "Черкес Иса и чеченец Иса", "Орстхойцы и Ботоко Ширтга", "Шестьдесят орст-хойцев и Цазик" и др. Ахриеву принадлежит и первая статья о нарт-орстхойском эпосе ингушей⁵. Сравнение текстов, опубликованных Ахриевым, с более поздними записями нарт-орстхойских сказаний на ингушском языке позволяет специалистам утверждать, что переводы эпических текстов на русский язык выполнены Ахриевым весьма осторожно и тщательно, они хорошо передают содержание и стиль подлинника.

Это с наглядностью подтверждают и записи Б.К. Далгата, сделанные 20 лет спустя по следам Ахриева^{6,7}. Некоторые из них — варианты записей Ахриева.

Значительный интерес представляют и новые тексты, собранные Б.К. Далгатом: "Рождение Сеска Солсы", "Сеска Солса и Охкар Кант". В 1901 г. в журнале "Этнографическое обозрение" вышла его статья "Страничка из северокавказского богатырского эпоса", в которой анализируются нарт-орстхойские сказания, где основные герои сравниваются с героями нартских сказаний других народов Кавказа. Баширу Далгату принадлежит важная роль в изучении духовной культуры чеченцев и ингушей. Он одним из первых выступил против великодержавного отношения к кавказским племенам. "Чеченский народ, - писал он, - обладает богатою самобытною творческою фантазиею..." "Заглянув в глубь духовной жизни чеченцев, мы уже не можем считать его народом неподвижным, не способным к культуре, не имеющим народной словесности, поэтических произведений, сказаний и т.д."

В те же годы чеченский этнограф Умалат Лаудаев в работе "Чеченское племя" опубликовал два нарт-орстхойских сказания. В рус-

194

ском переводе это была первая фиксация сказаний о нартах на территории Чечни. Лаудаев окончил Петербургский кадетский корпус и был направлен в действующую армию на Кавказ. "Из чеченцев я первый пишу на русском языке о моей родине, еще так мало известной", — замечает он в предисловии к рукописи, представленной в "Сборник сведений о кавказских горах"⁸. Редактор же сборника пишет, что "предлагаемая статья заключает в себе несколько отрывков из доставленной в редакцию рукописи, составленной природным чеченцем У. Лаудаевым". Значит, в сборнике опубликована не вся рукопись. Но, несмотря на все попытки, предпринятые чеченскими учеными, найти в тбилисских издательствах рукопись Лаудаева не удалось.

Очерк "Чеченское племя" написан по собственным наблюдениям и полевым материалам, собранным автором. Он имеет широкие хронологические рамки - от первых сведений о чеченцах до 1870-х годов. У. Лаудаев на хорошем русском языке (он прекрасно владел и родным языком) излагает историю чеченского народа. И несмотря на отдельные досадные, а порою и некомпетентные выводы (например, он пишет, что "чеченцы весьма бедны преданиями, да и те сбивчивы..."), повествование о чеченцах в очерке выглядит представительно и объемно.

Известный чеченский просветитель Т. Эльдарханов опубликовал на чеченском языке несколько сказаний и сказок, сопроводив их русским подстрочным и литературным переводом⁹. Переводы выполнены на высоком научном уровне.

В 1930-е годы работа по сбору и изданию чеченского и ингушского фольклора особенно активизировалась. В 1937 г. был издан сборник "Чечено-ингушский фольклор", в который наряду с произведениями других жанров было включено 7 нартских сказаний. Нарт-орстхойские сказания чеченцев, ингушей изданы также в сборнике "Чудесные родники" (1963), составленном чеченским писателем С. Арсановым.

В 1950-1960-е годы из печати вышло свыше 10 сборников произведений чеченского и ингушского фольклора, в которых представлены образцы почти всех его жанров. Собранный эпический материал позволяет говорить о богатстве и своеобразии нарт-орстхойского эпоса.

Неутомимо изучал народную словесность чеченцев и ингушей известный археолог-кавказовед профессор Л.П. Семенов: "В каждом горном селении, - писал он, - можно услышать сказания о нартах"¹⁰.

В героических сказаниях о нарт-орстхойцах в поэтической форме отражены мировоззрение, нравы, обычаи, быт чеченцев и ингушей в прошлом, их взаимоотношения с пришлыми кочевыми племенами и соседними народностями. Центральное место занимает борьба, но и трудовой деятельности отведена существенная роль. Воспеваются мирный труд пастуха, приручение животных, изобретение

7*

195

железа, а также подвиги, совершаемые отдельными героями; когда же появляется опасность порабощения народа, то героическая тематика выступает на первый план. Ведущие мотивы — чувство патриотизма, отсутствие племенной ограниченности, воинская доблесть и героизм.

Поэтическая картина одухотворенной природы, представления о богах и духах, олицетворяющих силы и явления природы, запечатлены во многих народных мифах. Для традиционного мировоззрения чеченцев не существовала живая и неживая природа, первостепенное и второстепенное в ней. Согласно их мировосприятию всё взаимосвязано. Микро- и макрокосмос, рациональное и иррациональное, где связующим звеном является человек, было включено в единую, доступную и понятную каждому горцу систему мировоззрения. В природе нет и не может быть ничего такого, на что индивидуум мог бы смотреть свысока, все существующее в данное время необходимо и полезно, и если в сию минуту оно показалось ничтожным и бесполезным, то в будущем оно может оказаться необходимым. Того, кто срубил грушевое дерево, ждет всеобщее проклятие, так как это считалось равносильным убийству гостя; большое неудовольствие вызывает еще и до сих пор отстрел голубей; чеченцы задолго до европейцев перешли к медосбору, не уничтожая пчел; овец доили, обязательно поддерживая вымя одной рукой; ударить безгласное животное считалось недостойным человека. Все сущее возводится в ранг божества и требует к себе бережного, уважительного отношения.

Говоря об особенностях первобытного мышления, К. Леви-Строс подчеркивал: "Горы, ручьи, источники и пруды являются для него (туземца) не только красивыми и достойными внимания чертами ландшафта... Каждая из них была творением предков, от которых он происходит. В окружающем его ландшафте он прочитывает историю жизни и деяний почитаемых им бессмертных существ, многие из которых известны ему из его непосредственного опыта. Таких, как отцы, деды, братья, матери и сестры. Вся земля для него — как древнее и всегда живое генеалогическое древо. Каждый туземец воспринимает историю своего тотемического предка в отношении его действий к началу времен и особенно к расцвету жизни, когда мир - такой, каким мы видим его сегодня, был еще в могучих руках, моделировавших и формировавших его..."¹¹.

Древние чеченцы и ингуши верили, что в каждой пещере существует хозяин (в смысле - дух), и если человек приходил ночевать в пещеру, ему казалось, что он приходит к хозяину в гости. Духи пещеры свято соблюдают обычай гостеприимства и не дают никому обидеть гостя, он может спокойно отдыхать. В журчащих горных реках обитает Хинанана, т.е. Мать вод. О существовании верования в Хинанану впервые написал П. Головинский. Этот водяной дух, говорил он, сочувствует людям и предупреждает их о бедствии. Явля-

ясь в место, которое должно постигнуть несчастье, Хинанана горько плачет и поет тоскливые песни, похожие на причитания над умершими. Существует легенда о том, что за четыре месяца до взятия русскими войсками аула Цюрик-Юрт в 1851 г. Хинанана явилась в этот аул и предсказала его падение.

В высокогорной части Чечни, у с. Галанчожд, находится небольшое озеро, способствовавшее возникновению представления о духе озера, которого чеченцы высоко чтили. Поэтический миф о возникновении озера был записан В. Миллером. В нем говорится, что близ аула Ялхорой раньше было озеро. Однажды мать с дочерью отправились на берег озера и стали стирать грязное белье в его хрустально чистой воде. Дух озера за осквернение воды обратил женщин в камни, которые до сих пор там и стоят. Но и озеро не хотело оставаться в оскверненном ложе. Оно обратилось в рослого быка, который прошел скалистый кряж, оставив след в виде громадной выемки, и спустился вниз почти с отвесной скалы. Затем бык подошел к тому месту, где сейчас находится озеро, а прежде там были пахотные земли. Одни жители хотели впрячь быка для работы, другие говорили, что это божий бык, и противились этому, но в конце концов его впрягли. Когда он проводил первую борозду, в ней выступила грязь; при второй стало еще мокрее; при третьей из земли выступила вода; при четвертой борозде вода хлынула мощным потоком и затопила поле и всех людей. Бык исчез в волнах озера. С тех пор внезапно появившееся озеро долго внушало людям суеверный страх; многие считали его бездонным и не пили воду. Миф этот не только объясняет происхождение озера, но и содержит определенные нравственные понятия, которых люди должны придерживаться, иначе их ждет тяжелая кара. "Все, что этнография открывает нам, — отмечает Э.Б. Тейлор, — относительно такого значительного элемента в религиях человеческого рода, каким является поклонение колодцам и озерам, ручьям и рекам, сводится к следующему. Поэтические образы нашего времени были мировоззрением первобытного человека. По его мнению, вода управлялась не законами природы, а волей духа. Водяные духи первобытной мифологии были душами, заставляющими воду течь быстро или медленно. Они дружески или враждебно относились к человеку. Наконец, человек видел в существах, которые были способны приносить ему удовольствие или несчастье, влиять на его жизнь, божества, которым нужно молиться, которых нужно бояться и любить, восхвалять и задабривать жертвами"¹².

По поверьям людей, в прошлом в лесах обитали лесные люди -хьюн-нах и алмаасы. Они были мужского и женского рода, страшного вида, огромного роста, свирепы и коварны. По сведениям У. Лау-даева, равнинные чеченцы рассказывали, что алмас - это существо женского рода, являющееся людям в человеческом образе на кладбищах, по вечерам в глухих местах аула, в лесу, на дорогах. Алмаасы

197

предвещают смерть человека заунывным пением, произнося часто имя жертвы и издавая при этом стоны. В чеченском фольклоре немало рассказов об алмасах ("Алмас и Чопа Борган", "Алмас и охотник по имени Я-сам-себя", "Алмас" и др.)- Кроме алмасов и хьюн-нахов чеченцы и ингуши знают еще Убара — это злой дух, вошедший в какое-либо животное.

Большим уважением пользовался в прошлом у чеченцев и ингушей бог Елта — покровитель охотников, царь диких зверей. Удача на охоте зависела только от него, поэтому каждый охотник обращался к нему с мольбой о помощи, просил его, чтобы он не отгонял диких зверей, а после охоты приносил ему в жертву рога убитого зверя. Елта считался доброжелательным божеством, он помогал честным людям в охоте и покровительствовал нуждающимся.

Из других богов, связанных с природой, можно выделить Мать ветров. Она была способна по велению бога поднимать страшную бурю и разносить ветром добро согрешивших смертных. Существовал день, посвященный ветрам, в который прекращали всякую работу; считалось, что все зерно или стога сена разнесутся ветром.

Наиболее почитаемым был бог неба, или грома и молнии, - Стела. Самое страшное явление в горах - это гроза с громом и молнией. "Стела, - писал Б. Далгат, - представляется человекоподобным богом, отделенным от самого явления природы. Это самый страшный бог, но в то же время он справедлив и карает лишь тех, кто заслуживает этого. Это самый справедливый судья земной, принимающий близкое участие в жизни людей; ему приписывалась заслуга в руководстве народной нравственностью". Стелу одинаково почитали чеченцы, ингуши и вообще многие жители Кавказа. Стела как бог огня передавал свое имя радуге, которая называется Стелалад, т.е. "лук Стелы", и молнии — Стелашаштак ("головешка Стелы"). Сорока и иволга тоже связаны с этим божеством и именуется Стела кьиг, Стела сат — "птицы бога грома и молнии". Бог Стела фигурирует во многих сказаниях о нарт-орстхойцах.

Богом подземного царства, властелином над мертвыми в загробном мире считался Этер. Ему поклонялись и приносили жертвы, для каждого человека было важно его расположение.

Грешника Этер заставлял долго мучиться в предсмертной агонии.

Чеченцы и ингуши верили в загробное существование, и представление об этом прочно вошло в эпические сказания. Нарт-орст-хойцы часто фигурируют в загробном мире. Считалось, что для них на том свете приготовлено особое местопребывание. Представление о загробном мире сопряжено с идеей загробного возмездия. Понятие о божьем суде и возмездии за грешные людские дела запечатлено и в некоторых народных преданиях ("Как из человека сделались кабан и свинья"). По словам У. Лаудаева, одушевленные и неодушевленные предметы будут одинаково страдать в будущей жизни за свои грехи.

198

Как и многие другие народы, чеченцы и ингуши обожествляли солнце. Оно играло большую роль почти во всех празднествах; все молельни были обращены к солнцу. Солнце — олицетворение всего чистого, прекрасного, красивого. Не случайно самая красивая девственная Маьлх-Аьзни (Солнцеликая) является героиней многих легенд и сказок, где все молодые стремятся овладеть ее сердцем. Луна пользовалась меньшим уважением, тем не менее и она, как брат солнца, считалась божеством.

Древнее представление чеченцев и ингушей о душе тоже запечатлелось в народных преданиях и сказаниях. В предании о Тамерлане душа человека материализуется и принимает образ мухи ("Легенда-быль о хромом Таймыре и его сыне").

Научную ценность представляет открытая несколько лет назад стилизованная каменная статуя ХУ-ХУШ вв. в районе высокогорного оз. Галанчо, посвященная богине плодородия Тушоли. Высеченная из огромного скального валуна, она достигает в высоту 4,5 м и весит около 2 тонн. Тушоли, олицетворявшая, по религиозным воззрениям чеченцев и ингушей, образ великой "матери людей" и покровительствовавшая плодородию, на протяжении многих веков пользовалась особым почитанием, прежде всего у женщин. Они называли ее Дэла йо! Тушоли (в буквальном переводе - "божья дочь Тушоли") и вымаливали у нее сыновей. О популярности данного культа свидетельствуют также многочисленные святилища этого божества, разбросанные по всей горной части Чечни и Ингушетии. Ежегодно весной отмечался праздник в честь Тушоли в месяц "Тушоли бут" (апрель), когда прилетала "священная" птица угод ("Тушоли котам") и впервые стада выгонялись на летние пастбища. "...Сама скульптура представляет заметный интерес. Это по-настоящему серьезная работа древнего ваятеля, которая не может не вызвать уважение к себе и нашего современника. Нижняя часть обнаруженной статуи носит следы многочисленных сколов: по бытовавшим у чеченцев и ингушей в прошлом поверьям, кусочки, отколотые от нее, обладали якобы целебными свойствами. Их часто носили на шее бездетные женщины"¹³.

У чеченцев и ингушей есть и высший бог — это Дела. Б. Далгат считает, что это слово ни у кого не заимствовано и встречается у чеченцев с "незапамятных времен". Оно употреблялось и для наименования других божеств, в виде приставки к их имени. По верованиям чеченцев и ингушей, высший бог человекоподобен, живет на небесах и смотрит оттуда на землю. Высший бог фигурирует, например, в известном сказании о Сеска Солее, нашедшем тазовую кость исполина, через отверстие которой богатырь свободно проехал верхом на коне. По просьбе Сеска Солсы бог воскрешает исполина, а затем вновь превращает его в кость.

Все названные боги воспринимались как могущественные покровители человека, каратели всякого, кто совершил или намерен

199

совершить недоброе дело или же посягнул на запрет. Народ поклонялся богам, просил у них благодати и страшился их гнева. В мифах о различных духах природы зафиксировано древнее представление людей о том, что это тоже живые существа. Древние мифы чеченцев и ингушей подтверждают их непосредственную веру в реальность фантастических образов.

Вся длительная история становления языческих воззрений от древнейшего тотемического уровня до развитого политеизма есть в то же время история становления искусства слова в недрах мифологического сознания, история отражения на протяжении тысячелетий трудового, хозяйственного опыта народа в образах, персонажах, сюжетах мифологии. В течение веков народом был накоплен богатый опыт изображения и осмысления действительности в многообразных ее проявлениях. Этот опыт оказал влияние на формирование не только фольклора, но и других видов народного искусства (танца, музыки, изобразительного искусства и т.д.), он продолжает оказывать самое сильное влияние на становление и развитие профессиональных искусств, письменной художественной литературы.

Конкретные, специфические способы обобщений в мифологии обусловлены ее известными функциями как формы языческих воззрений на природу. Наиболее характерные из них - обобщение явлений и объектов окружавшего человека мира в формах персонифицированных культов поклонения. В мифологии чеченцев и ингушей этот способ

обобщения широко разработан и имеет длительную историю развития. Наряду с ритуальными функциями культуры воплощали в обобщенной форме эстетические и этические представления древних предков чеченцев и ингушей об окружающей действительности. В этом плане они были символами красивого и безобразного, возвышенного и низменного, добра и зла, полезного и вредного. В них соответственно и обобщались представления о различных сферах деятельности и жизни человека.

Культы мифологии были не только чисто религиозными, но и своеобразными произведениями-символами, созданными в рамках мифологической художественности. В пользу этого говорит, скажем, тот факт, что с утратой религиозного смысла культуры не потеряли своего художественного содержания. Наоборот, оно все более возрастает как ценность духовной культуры некогда создавшего их народа.

Другим способом обобщения, характерным для мифологии, является наделение объекта повествования (изображения) свойствами святости. ореолом святости наделялось все: образы богов и духов, молитвы, обращенные к ним, многочисленные рассказы о них, весь сложный ритуал религиозных действий. В эстетическом плане обобщалось все то, что представлялось человеку в окружающей жизни в высшей степени наделенным красотой, мудростью, моральным и физическим совершенством, справедливостью и поэтому могущест-

200

венным. Создатель мифов был убежден, что словом, тщательно отобранным, насыщенным особым глубоким смыслом, доведенным до совершенства, можно управлять явлениями и объектами природы, изменять их состояние по своему усмотрению. С этим и связана и вера в могущество священных молитв и мифов, окруженных тайной, запретом для непосвященных. Считалось, что молитвы и мифы обладают большим могуществом. Таково мифологическое осмысление художественных и эстетических функций слова.

Существенной особенностью мифологического осмысления этих функций, как видно, является наделение важнейших понятий в сфере экономической, хозяйственной жизни качествами или свойствами святости, создание особого, "тайного" священного языка, на котором, как представлялось человеку, можно говорить с могущественными богами и духами. Как видно, в мифологических воззрениях и ценностях возникли и развились свои особые формы и способы осмысления, изображения и обобщения как трудового, так и культурного опыта народа, свой особый тип художественности, обусловленный всей системой мифологического миропонимания, ее достижениями в области развития народного искусства слова. Этот богатый опыт в той или иной мере влияет на становление художественной литературы, профессионального искусства слова, придает каждой литературе национальное своеобразие.

Народные предания упоминают предков чеченцев и ингушей, которые были христианами. Указания на древнее христианство встречаются и во многих кавказоведческих работах. В. Миллер, который возглавлял специальную экспедицию в горную Чечню и Ингушетию, встречал в Аргунском районе множество каменных крестов¹⁴. Нихалоевский крест стоит до сих пор. В долине р. Ассы сохранилась церковь Тхаба-ерды, ориентировочно датированная 830 г. и являющаяся древним памятником христианства.

Начало появления христианства в Чечне и Ингушетии обычно связывается с Грузией XII—XIII вв., с периодом царствования царицы Тамары. Б. Далгат указывает и на возможное распространение христианства через Византию посредством греческих миссионеров, которые издавна посещали Кавказ. С XVI в. начинается активное воздействие мусульманской религии на Кавказе со стороны турок. Одновременно ислам проникал к чеченцам, позднее - к ингушам со стороны Дагестана, где он утвердился намного раньше, после появления здесь арабов. Сильное влияние на распространение ислама в Чечне в конце XVIII в. оказал шейх Мансур.

Христианство, как и мусульманство, наложило определенный отпечаток на эпос чеченцев и ингушей. В некоторых сказаниях встречается понятие "керста" в смысле "христианин". Имеющиеся у чеченцев представления о рае (чечен. - Эхарт, Ялсмане) и ангелах, джиннах, илбисах и т.д. были чужды им и, несомненно, появились вследствие христианского и мусульманского влияний.

201

Древнейшие образы кавказского эпоса — это великаны. Они имеют много общего со своими кавказскими аналогами, что служит немаловажным подтверждением многих общих типологических моментов в древней культуре кавказских народов. Великаны встречаются не только в героических сказаниях, но и в волшебных и героических сказках, преданиях, в древних сказаниях о богатырях. У.Б. Далгат определяет несколько типов великанов, сходных с подобными образами у других народов¹⁵. Это мифические великаны-чудовища, одноглазые великаны-людоеды, великаны-богатыри. Великаны первой и второй групп в сказках и сказаниях оцениваются как персонажи сугубо отрицательные. Великаны-богатыри

в большинстве случаев воспринимаются как образы положительные.

Героические сказания составляют значительную часть эпических произведений чеченцев. Героический эпос не совсем однороден по идейно-тематической структуре. В нем можно выделить два вида сказаний: нарт-орстхойские сказания и сказания о местных героях, относящиеся к более позднему историческому эпосу. По сравнению с древними богатырскими циклами о великанах-богатырях героические сказания представляют более позднюю ступень развития эпоса; они тесно соприкасаются с жизнью и бытом чеченского народа, с его обычаями, мировоззрением и этикой. Легендарные образы богатырей зачастую соотносятся с реальными историческими лицами. Это говорит о том, что эпос настолько "вжился" в народную жизнь (собственно, он рожден ею), что героическая тема приобретает почти реально-бытовой характер. Кое в чем "нарты" и им подобные существа сопоставимы с некогда действовавшими "первопредками" из древних мифов (тем более, что они обязательно воспринимаются как предки народа — носителя эпической традиции), а время их жизни и славных походов — с настоящим мифическим временем типа "время сновидения".

Нарт-орстхойские сказания богаты и многообразны по тематике. Доминирующими темами У.Б. Далгат считает следующие: 1) тема набега, столкновений и состязаний нарт-орстхойских героев с местными богатырями; 2) тема богоборчества; 3) тема благодати; 4) тема гибели нартов.

Тема набега - одна из древнейших эпических тем. Многие сюжеты и образы нарт-орстхойских сказаний донесли до нас из глубины веков историческую информацию. Тема борьбы и столкновений эпических героев отражает общественные отношения тех отдаленных времен, когда на Северный Кавказ шли волны кочевых племен и народов, происходили межплеменные битвы и внутриплеменные столкновения.

В сказаниях нарт-орстхойцы предстают сильными богатырями, гордыми и независимыми. В их отношениях наблюдается своеобразный коллективизм. Все свои дела они решают совместно, добыча ими распределяется поровну. Самые характерные качества нарт-ор-

202

стхойцев — их гордость и непреклонность перед богами; богоборчество у нарт-орстхойцев выражено особенно сильно. Во многих сказаниях говорится о том, что они вместе с Соска Солсой вели "против бога войну".

Известна многим народам и тема благодати. Она имеет древние истоки. В нарт-орстхойском эпосе тема благодати впервые зафиксирована в сказании "Сеска Солса и тазовая кость". Это сказание представляет интерес во многих отношениях. В нем отразились распространенные представления о людях, якобы населявших горную Чечню во времена, предшествовавшие историческому периоду жизни народа, слышны отзвуки о прошлой благодати и изобилии, показан образ жизни этих людей, которые ночуют с табунами своих лошадей в тазовой кости или в черепе великана.

Согласно древним воззрениям чеченцев и ингушей в отдаленном прошлом существовала идеальная жизнь, на земле было обилие всего: воды, растений, животных. Это время связывается с золотым веком. В основе характеристики золотого века лежит идея мировой благодати - "дуьненан беркат". Время "дуьненан беркат", по чеченским мифам, - первоначальный период жизни человечества, когда всего было вдоволь и никто не испытывал нужды. В лесах было много дичи, в реках - рыбы, трава была густой и высокой, как деревья, земля была до того "жирной", что если сжать в руке горсть земли, то из нее капало масло. Люди были огромного роста и силы. Они доверяли друг другу; не было ни войны, ни хитрости, ни подлости. Во всем мире царил гармония, не было ни стихийных бедствий, ни болезней.

Один из основных параметров идеальной жизни — большая величина, масштабность. Согласно мифам все тогда было огромных размеров: и люди, и растения, и животные. Это была "эпоха великанов". Последующие поколения людей становились все мельче и мельче, но хитрее. Они действовали больше умом, чем физической силой. Так исчезли честность и справедливость, равенство, некогда господствовавшее в отношениях между людьми. Настало время вражды и насилия над человеком. Народные предания называют и конкретные виновников исчезновения земной благодати: нарт-орстхойцев, до появления которых на свет было всего в изобилии, царили мир и гармония, с появлением же их возникли вражда, зло и насилие.

Понятие о благодати сопряжено в сказаниях с деятельностью женщины. Во всех рассказах женщина предстает носительницей земной благодати. Именно она владеет преимуществом перед воинами-нартами в изготовлении пищи (даже из малого количества продуктов). Образ женщины, олицетворяющий земное изобилие, символизирует ее силу в период господства материнских родов, когда в ее руках сосредотачивались все добываемые человеком земные блага; во всех сказаниях постоянно присутствует рассказ о встрече богатырей с женщиной-вдовой или старухой. В некоторых

сказаниях, как, например, в "Ялхой-мохкском сказании", вдова оказывается такой сильной, что одной рукой снимает котел с огня, который не сумели сдвинуть четыре могучих богатыря. Но в большинстве сказаний женщина-вдова изображена не как эпическая силачка, а как физически слабое существо. Подчеркивается не столько физическая сила воздействия женщины, сколько ее нравственное преимущество. Женщина побеждает насильников словами, горьким упреком, которые парализуют их действия. Идея нравственного увещания женщиной могучего врага занимает в сказаниях значительное место.

Нарт-орстхойцы погибают поистине героически. Надо только представить себе этих могучих богатырей, сильных духом, гордых и непреклонных перед богами, как они, решив умереть, выпивают расплавленную медь. По народным преданиям чеченцев, "нарты, выпившие расплавленную медь, перенеслись на небо. На западе есть семь блестящих звезд - это и есть пропавшие нарты".

В "Ялхой-мохкском сказании" проявляется специфически чеченский философский эстетико-психологический комплекс, который в основном и определяет идейную сущность эпического повествования. Это раскаяние за злые дела, сознание своего вреда, обреченности на вечное проклятие за набеги и грабежи настолько удручает всех нарт-орстхойцев, что они решают исчезнуть с лица земли, поэтому и пьют расплавленную медь. Смерть нарт-орстхойцев вызвана не принуждением или угрозой с чьей-либо стороны, а их собственным побуждением, порожденным определенной нравственно-психологической ситуацией. Подобная мотивировка причины смерти эпических героев свидетельствует о специфической локализации общеэпического сюжета гибели нартов и его уникальной трактовке.

Популярнейшими жанрами чеченского и ингушского фольклора были многочисленные сказки и притчи: бытовые, волшебные, сказки о животных и фантастических существах и т.д. Яркая образность, буйство фантазии, нескончаемое разнообразие сюжетов характерны для этих поэтических народных творений. Читатель обретает еще один критерий оценки понятия "национальный характер".

Существенное место в фольклоре занимает волшебная сказка, уходящая своими корнями в глубокую древность. Образы и мотивы сказок возникли давно, связаны, несомненно, с фольклором первобытного общества периода разложения рода и с еще более ранним периодом - эпохой матриархата.

Интересна группа сюжетов, где героиней выступает женщина. Ей, творительнице всего человеческого на земле, древние прежде всего и посвящали свое поэтическое вдохновение ("Чингаз", "Золотой мальчик и девочка", "Всевидающая и всемогущая Малха-Азани", "Красавица Джингаз" и многие другие). Эти сюжеты наиболее древние в чеченских и ингушских сказках. Весь многовековой опыт со-

204

здающей деятельности женщины, ее приоритет в освоении окружающей природы запечатлены в народных сказках. Женщина в чеченских сказках обладает высоким интеллектом, магической силой слова, умением проникнуть в смысл иносказаний и т.п. Сказки чеченцев и ингушей часто дают материал со словесной зашифровкой, за которой искусно скрыта мысль, выраженная иносказательно, мысль, словно заключенная или проникающая в существо предмета и явления. Это можно проследить в сказке "Дочь старика", где девушка единственная из всех может разгадать смысл аллегорических объяснений юноши. В этой сказке воспроизводятся пласты глубокой древности, когда магической силой слова владела женщина. Только она способна из одной четверти куска сафьяна сделать чувяки и пуговицы на 63 человека, из одного блюда муки выпечь хлеба на такое же количество людей, только ее руки могут все, только она дает начало героизму и жизни. Волшебная сказка чеченцев и ингушей - прекрасный материал для доказательства того, что женщина в древности была чтима и уважаема.

Обращает на себя внимание образ Жера-бабы в фольклоре чеченцев и ингушей. Жера-баба - существо всегда положительное ("Чингаз", "О птичьем мясе для короля", "О красавице Малха-Аза-ни" и др.). Она помогает герою выбрать коня-богатыря, бороться с девятиглавым Хожей и т.п. В отличие от образа Бабы-яги в русских сказках Жера-баба - просто древняя старуха, но отнюдь не безобразна. Противостоит образу Жера-бабы в чеченском фольклоре образ женщины-ведьмы, действующей колдовством, обманом, стремящейся навредить человеку. Очень часто в одном и том же сюжете намечается борьба с нею человеколюбивой Жера-бабы. В единоборстве этих двух жизненных начал всегда побеждает Жера-баба, слуга и защитница человека.

Связь волшебной сказки с глубокой стариной, особенности мировоззрения чеченцев и ингушей прослеживаются и в изображении тесного общения древнего человека с миром животных. Здесь волшебная сказка дает очень красноречивый материал: превращение людей в животных, дружба человека с животными, постоянная взаимопомощь — все это

свидетельствует о настойчивом стремлении человека осознать свое место в окружающей его природе. В сказке "Эширп, сын Гарапа" рассказывается о юноше, поставившем себе цель изучить язык Гарапа, т.е. научиться превращаться в зверя, в домашнего животного, в зерно, птицу и т.п. Эширп, обладающий этим знанием, ревниво хранит свою сокровенную тайну и никому не открывает ее. В поэтической форме выражается жизненная философия древнего человека: во что бы то ни стало познать природу, мир животных, чтобы добиться полного счастья. У него не было сомнения в том, что превратиться в животное, понять его язык можно, познав какие-то тайны, доступные отдельным лицам. Древний человек свободно превращал в своей фантазии человека в животное и наоборот

205

рот. Три голубки в сказке "Чингаз" — не что иное, как три красавицы; птица-красавица в сказке "Птичье мясо для короля" — мудрая дева и т.д. Люди, принимающие облик птиц и зверей, очень мудры, и как в сказке "Эширп, сын Гарапа", очевидно, знают какие-то магические слова. Распространен также в сказках мотив ответной благодарности животного. Спасенные звери становятся верными друзьями и помощниками человека. Объяснение этого мотива тоже надо искать в древности, когда существовал обычай, запрещавший убивать тотемную птицу или зверя.

Тотемизм находился в тесной взаимосвязи с охраной человеком дичи в ту пору, когда она размножалась. Вероятно, сказки о благодарных животных охраняли обычаи, связанные с тотемными животными. Фантастическое переплеталось с реальной жизнью, а иногда реальная удача на охоте воспринималась человеком как дар природы и дань благодарности животных ("Телга и лиса"). «Представление и верование "тотемического" типа, - пишет Е.М. Мелетинский, - заслуживают особого внимания, поскольку они образуют для тех обществ, которые их выработали либо восприняли, коды, позволяющие в виде концептуальных систем обеспечить обратимость сообщений, относящихся к любому уровню, пусть даже они настолько удалены друг от друга, что восходят либо исключительно к культуре, либо к обществу, - иначе говоря, к отношениям людей между собой либо к проявлениям технического и экономического порядка (которые, как можно полагать, скорее очерчивают отношения человека с природой)»¹⁶.

С течением времени волшебные сказки все больше и больше заполняются реальными подробностями и вводят читателя в быт, характеризующий нравы и привычки чеченцев, описывают взаимоотношения между молодыми людьми ("Птичье мясо для короля"), отношение молодежи к старикам ("Мудрая дева"), подробное описание угощений, одежды ("Хитрость мужа и жены") и т.п. Сказки дают прекрасный материал для изучения истории народа, они являются своеобразной формой отражения и познания жизни.

Особого разговора заслуживают героико-эпические драматизированные поэмы-илли, которые занимают значительное место в чеченском фольклоре. Илли были самой емкой и популярной формой выражения общественных идеалов и поэтического мышления народа. Героико-исторические песни записывали и изучали А. Шерипов, З. Мальсагов, А. Нажаев, Х. Ошаев, С. Эльмурзаев, З. Джамалханов, Х. Туркаев, Я. Вагапов, И. Мунаев и др.

В илли почти не отражена трудовая деятельность человека, скупо представлена бытовая жизнь, любовные мотивы обычно выглядят побочными. Характерная черта содержания илли - беззаветный героизм.

Илли можно подразделить на три вида: древнейшие героические песни эпического склада, героико-эпические песни, баллады.

206

Ярким проявлением эпичности песен предстают довольно пространные описания, оправданные в идейном и композиционном плане. Одним из специфических признаков чеченских илли является то, что большую их часть занимает прямая речь (диалоги и реже — монологи). С каким бы сообщением, просьбой ни обращался герой к собеседникам, речь его всегда развернута. Даже если конкретная ситуация не требует каких-либо подробностей, они непременно появляются в эпической песне. Герой отвечает или обращается к собеседникам сочным, живописным языком, используя всевозможные, иногда неожиданные эпитеты, сравнения, метафоры, приводя различные подробности.

Исполнитель илли немало внимания уделяет описанию снаряжения, выезда, социального положения героя в аульном обществе. Сказитель героизирует своих персонажей не простой передачей их поступков (в илли обычно не приписывается героям никаких черт и свойств фантастического характера в отличие от нарт-орстхойского эпоса), но описанием их в своеобразной возвеличивающей манере, придающей значительность каждому движению, действию, слову и поступку героя. Поэтому во всех илли ("Песня о Биболате, сыне Таймы", "Песня о Сурхо, сыне Ады", "Песня о Черном Ногае" и др.) в первую очередь обстоятельно подчеркивается каждое движение и действия героя, передается размеренность, сдержанная

неторопливость, особая приподнятость речи.

Знаменательно, что в передаче диалогов илланчи (исполнители илли) придерживаются определенного правила: ярче, образнее, значительнее речь положительных персонажей. Речь же персонажей отрицательных — князей, владетелей и т.д., с которыми происходит столкновение, — обычно короче, беднее. Наиболее ярко это выражено в илли "Песня о Сурхо, сыне Ады". Сказитель создает контраст "герой — его противник" с помощью их же собственной речи. Герой даже в гневе рассудителен, говорит спокойно, взвешивая каждое слово, речь его образна, убедительна. Противник обычно резок в выражениях, речь его немногословна, часто груба.

В илли четко предстают народные воззрения на богатство, родовитость, этические нормы. Ни в одной из них мерилom ценности героя не становится его богатство или принадлежность к сильному роду. Симпатии сказителей всегда на стороне бедного и обездоленного юноши, ибо он не отступает перед опасностью и борется до последнего. Из всех перипетий герой благодаря своим личным качествам выходит победителем. Плохое воинское снаряжение в его руках становится грозным, добычу он всегда делит поровну среди обездоленных жителей села и берет себе лишь равную долю. Настоящий герой оптимистичен, правдив в речах и последователен в поступках, находчив, с уважением относится к женщинам и старикам, презирает смерть и богатство, мужествен и всегда готов к самопожертвованию. Есть нечто рыцарское в том, что герой совершает свои поступ-

207

ки открыто. Так, угоня табун, он посылает пастуха к князю известить его об этом, а сам ждет битвы и готовится к ней. О популярности в народе героев илли красноречиво говорит их широкая известность, сравнение человека с эпическим героем считается высшей похвалой.

В илли получил развитие и образ женщины. Одним из высоких моральных качеств героя становится его уважительное отношение к женщине. Даже если она является женой врага, на нее не поднимется рука героя, для него оскорбительна сама эта мысль ("Сын старой вдовы"). Герои ценят женскую любовь, они даже готовы отказаться от притязаний на похищенную любимую, если она сама пожелала выйти за похитителя.

По своей героической направленности, силе духа и патриотизму к основному герою илли примыкает образ матери, который значим и сам по себе, и для большего раскрытия центрального образа. Как присяга звучит клятва отправляющегося в поход сына, данная матери. Показательно, что клятва дается именно матери, и этим герой отрезает себе путь к отступлению. В минуту одиночества, перед лицом смерти герой обращается к далекой матери. Награда для него за героические деяния прежде всего - радость матери за своего сына. Сохранился в илли и древнейший мотив о целительной силе материнских рук. Образ матери Сурхо Адиева предстает как высшее завершение материнских образов илли - именно к матери идут старцы просить ее сына. Мать отвечает: "Родила я Сурхо моего не для того, чтобы нежить его. Вам, если надо, отдам я его". Затем наставляет сына: "Если они душу твою потребуют — вырви ее из тела и отдай им".

Хотя в период сложения илли патриархальные отношения были довольно сильными, образ отца получил значительно меньшее развитие, чем образ матери, а образы братьев героя почти отсутствуют. Видимо, сказители желали придать герою большую самостоятельность и не хотели делить его воинскую славу. Образ же матери эту славу возвеличивает.

Мужество, стойкость, находчивость — определяющие качества героя. Но его успех в бою во многом зависел от вооружения и боевого коня. Как правило, все историко-героические песни содержат описание оружия и одежды героя. Подчеркивается идеальный характер предметов, их высокие достоинства. «Критерием ценности является высокая "марка" изделия, его качество». Все вооружение героя именуется "тешаме", т.е. верным, надежным; часто употребляется определение "чал дера герзаш", т.е. злее разъяренного медведя оружие.

Исследуя многочисленные эпитеты оружия и одежды в илли, И.Б. Мунаев пришел к выводу, что "качество оружия и других предметов воинского снаряжения имеет исключительно важное значение для характеристики героя. Его оружие может быть только са-

208

мым лучшим и испытанным в бою. Обладая таким оружием и доспехами, он не может быть слабым и трусливым".

В содержании типичных героико-исторических песен нет прямого указания на самостоятельную роль оружия, как в волшебных сказках и древне-эпических жанрах. Но нет сомнения в том, что вещи в илли не нейтральны, а находятся в тесной связи с их обладателями. Эта связь неразрывна и статична, илли не знают героя без превосходного оружия, благородной одежды и скакуна. Таким образом, можно говорить о прямой взаимообусловленности и специфической взаимосвязанности понятий "герой" (человек, обладающий высокими

моральными и физическими достоинствами) и "вещи": оружие, одежда, конь (превосходных, выдающихся качеств). Связь этих понятий в илли объясняется не только законами жанра, но и своеобразием духовной культуры чеченцев эпохи позднего средневековья (когда и зародился жанр илли). Мир воспринимался как единое целое, вещи в сознании людей обладали своеобразием и особыми качествами. В спектр духовного видения создателей илли включалась и иррациональная связь людей и окружающего материального мира.

Песни создавали безвестные талантливые народные певцы-поэты - илланчи. В отличие от других жанров, которые почти общедоступны для усвоения и пересказа, такая сложная форма, как илли, требовала специальных навыков и способностей. Естественно при этом, что особо знаменитый илланчи становился и профессиональным певцом-импровизатором. Певцы, возможно, и сами бывали участниками походов. Исполнение песен, как правило, предполагало наличие многих слушателей. Илли исполнялись мужчинами, слушателями были все. Акт исполнения и восприятия был торжественным. Прослушивание илли требовало от слушателей активного участия.

Типичную картину исполнения и прослушивания илли зафиксировал Н. Семенов: "Чеченец не пел, а только говорил в тон балалайке. Это было вроде нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгим и быстрым перебором струн. Но певец до того углубился в положение воспеваемого героя, что, казалось, будто он импровизирует. Что-то вдохновенное слышалось в его голосе, полном тоскливого созерцания павшего абрека. Да, он действительно импровизировал, иначе бы ему не удалось так цельно пропеть эту песню..."¹⁷.

Важное значение имеет то, что в илли наметилась тенденция к созданию единого нахского фольклорного языка. З. Мальсагов отмечал: "...в среде живых нахских наречий и говоров мы уже имеем определенную междудialectную форму, общую для всего народа. Это язык народной поэзии, которым пользуются как орудием поэтического творчества представители всех наречий... Формально он почти полностью совпадает с чеченским наречием"¹⁸.

Хотя илли уже не имеют активного бытования в устной среде, интерес к ним не пропал. Песни продолжают записывать, к ним при-

209

влечено внимание читателей и исследователей. Героико-исторические песни оказали огромное влияние на письменную чеченскую поэзию¹⁹ и сегодня продолжают волновать читателя глубиной мысли и своим поэтическим совершенством.

¹ Мальсагов А. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. С. 7.

² Кавказ. Тифлис, 1849.

³ Толстой Л.Н. Поли. собр. соч.: В 90 т. М., 1937.

⁴ Яковлев Н.Ф. Несколько слов о чеченской и ингушской песне // Сердало. Орджоникидзе, 1927. № 63.

⁵ Ахриев Ч. Несколько слов о чеченских и ингушских сказаниях // ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870.

⁶⁻⁷ Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. 3. Владикавказ, 1893.

⁸ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. 6. Тифлис, 1872.

⁹ СМОМПК. Тифлис, 1879.

¹⁰ Семенов Л.П. Ингушская и чеченская словесность // Известия ЧИНИИ ИЯД. Т. 1. Вып. 3. Грозный, 1959.

¹¹ Леви-Строс Клод. Первобытное мышление. М., 1994. С. 305.

¹² Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 369.

¹³ Чахкиев Д. Тушоли // Грозненский рабочий. 1988. 12 сент.

¹⁴ Миллер В. Материалы по археологии Кавказа. М., 1988.

¹⁵ Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 71.

¹⁶ Мелетинский ЕМ. Герои волшебной сказки. М., 1958.

¹⁷ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

¹⁸ Мальсагов З. Общечеченская письменность // Горский вестник. Владикавказ, 1924. № 1. С. 35.

¹⁹ Туркаев Х.В. Чеченская советская поэзия 20-40-х годов. Грозный, 1971.

Р. А. Ташаева

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР: ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ 1950-1980-х гг.

"Театр - одно из самых действенных и полезных орудий в строительстве страны, это

барометр, отмечающий ее величие и упадок. Чуткий театр, верно направленный во всех своих жанрах - от трагедии до водевиля, - может в несколько лет изменить мировосприятие народа.

Театр - это школа слез и смеха, свободная трибуна, с которой люди могут обличать устаревшую или ложную мораль и объяснять на живых примерах вечные законы человеческого сердца и человеческого чувства.

Народ, не помогающий создавать свой театр, либо умер, либо при смерти. Но если театр не улавливает со слезами или со смехом пульс общества, пульс истории, драму своего народа и подлинные краски родного пейзажа и национального духа, то он не имеет права называться театром¹.

Это высказывание о театре известного испанского поэта, драматурга и публициста Федерико Гарсиа Лорки как нельзя более точно определяет основную суть деятельности Чечено-Ингушского театра на всем протяжении его истории, особенно в интересующий нас период. Неразрывно связанный со своим народом, он вместе с ним смеялся и плакал, обнажая в своем искусстве вайнахскую сущность, вайнахский дух, вайнахскую ментальность, поднимаясь в лучших своих спектаклях до пророчества. Чечено-Ингушский театр сыграл большую роль в приобщении зрителя к национальной, многонациональной советской, русской и зарубежной драматургии, воспитывал зрителя на нравственных примерах своих сценических героев.

Чечено-Ингушский государственный драматический театр имени Х. Нурадилова, находившийся в г. Грозном, не имеет подробной написанной истории, но эпизоды его деятельности, как драгоценные камни, рассыпаны по республиканской, российской и союзной периодике. Рецензии на спектакли, творческие портреты актеров и режиссеров, критические заметки, отклики зрителей, интервью деятелей искусства и многое другое, имеющее отношение к жизни театра, представляют богатейший материал для историков и театроведов.

Анализируя этот материал, можно проследить пути развития театрального искусства Чечено-Ингушской республики за весь период существования вайнахского профессионального драматического театра. Он зарождается в 1931 г., но уже через 13 лет, в 1944 г., отправляется вместе с народом в изгнание. С восстановлением республи-

215

ки в 1957 г. Чечено-Ингушский театр, которому в 1943 г. было присвоено имя Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова, возобновляет свою работу.

Трудным было возрождение театра. Начинать пришлось с нетворческих дел: переоборудовать бывший Дом культуры под театр, приспособлять сцену. Но прежде всего не хватало актеров. Была набрана актерская студия в Ленинградский театральный институт. А пока в театре рядом с вернувшимися профессиональными актерами Зубайраевым, Бадуевым, Алиевой, Исаевой, Ташухаджиевой, Мустапаевой и др. начинает работать способная молодежь из самодеятельности. «В премьере первого спектакля возрожденного театра "Асланбек Шерипов" успешно дебютировали: в роли Шерипова - бывший шахтер С. Гулиев, Гикало - комсорг Шалинского совхоза С. Ильясов, Демчука - бывший участник ансамбля А. Дениев»².

В короткой статье невозможно рассказать о всех постановках театра 1950-1980-х годов. Главное - выявить основные тенденции развития театрального искусства Чечено-Ингушетии на анализе постановок национального театра, не только ставших событием для республики, но и вошедших в историю советского театра.

В этот период театр, так же как и другие виды искусства, существовал в определенных идеологических рамках. В условиях творческой несвободы государство определяло репертуар театра: борьба с пережитками прошлого, тема раскрепощения женщины-горянки, трудовой подвиг советского народа, критика адатско-шариатских устоев, антирелигиозная тема, тема кровной мести и др.

Во все годы существования Чечено-Ингушского театра наибольшим успехом у зрителей пользовалась комедия, так как вайнахи всегда любили посмеяться над собой. Отсюда особенная популярность национальных комедий ("Женитьба Цаэбы", "Мирза-усач" Н. Музаева, "Бож-Али" А. Хамидова). Комедии "Храбрый Кикила" Г. Нахуцрашвили и Б. Гамрекели, "Чеховский вечер", "Левониша на орбите" Макаенка, гоголевские "Женитьба" и "Ревизор" и многие другие всегда тепло встречались зрителями.

В конце 1950-х — первой половине 1960-х годов в Чечено-Ингушском театре работали режиссеры М. Минаев, Л. Горькая, А. Бело-липецкий, П. Харлип, первый профессиональный чеченский режиссер Г. Батукаев. Режиссер-педагог Ленинградского театрального института И. Савельев ставил спектакль "День рождения Терезы" Г. Мдивани с выпускниками актерской студии. Вместе с ними создавали спектакли художники Э. Валентинов, Ф. Кузнецов, А. Сновинг.

В репертуаре театра были русские, грузинские, азербайджанские, осетинские, балкарские, дагестанские, туркменские, киргизские, белорусские пьесы. На сцене театра шли и русские, и зарубежные классические произведения. Уже упоминавшийся "Чеховский вечер" коллектив

провел в 1960 г., показав на нем "Юбилей", "Предложение", инсценировку "Хирургии". Были поставлены также "Ле-

216

карь поневоле" (1959) Мольера, "Женитьба" (1960) Гоголя, "Ромео и Джульетта" (1961) Шекспира, "Хозяйка гостиницы" (1962) Гольдони, комедии Мериме (1964), "Без вины виноватые" (1967) А. Островского, "Коварство и любовь" (1967) Шиллера.

Рецензенты в своих критических статьях отмечали не всегда удачную режиссерскую концепцию того или иного спектакля, порой несоответствие художественного оформления и режиссерского решения отдельных сцен, упрощенность драматургического решения той или иной постановки. Это не значит, что в то время в театре не было спектаклей с интересным режиссерским решением и удачным художественным оформлением. Несомненно, они были.

В хорошем ритме, по-разному показывая героев миниатюр Чехова "Хирургия", "Предложение" и "Юбилей", провел Чечено-Ингушский театр в 1960 г. "Чеховский вечер" (режиссер А. Белолипецкий). Удачными актерскими работами был отмечен спектакль "Петимат" по пьесе С. Бадуаева, поставленный Г. Батукаевым в том же 1960 г. "Несмотря на все недочеты, спектакль получился удачным - очень смешным и острым", - писала о гоголевской "Женитьбе" (режиссер А. Белолипецкий) в 1961 г. осетинский театровед Л. Орлова. "Режиссер Г. Батукаев хорошо почувствовал стиль пьесы и проявил много творческой выдумки", - откликнулась в 1961 г. газета "Грозненский рабочий" на спектакль "Мирза-усач". Актерским дебютом З. Багаловой стала роль юной Асет в спектакле "Горянка" по пьесе Р. Гамзатова (режиссеры Минаев и Горькая). Творческим экзаменом для коллектива стало выступление с этим спектаклем на сцене Кремлевского театра в Москве. Довольно успешно прошли гастроли Чечено-Ингушского театра в Дагестане и Кабардино-Балкарии весной 1963 г. "Театр этот, бесспорно, располагает способным актерским коллективом, сумевшим преодолеть многие драматургические недостатки показанных пьес", — отмечалось в газете "Кабардино-Балкарская правда".

Пьеса А. Хамидова "Бож-Али", поставленная П. Харлипом в 1965 г., стала чеченской классикой. Спектакль выдержал наибольшее количество представлений, был отмечен дипломом и премией на смотре, посвященном 50-летию Октября. Все рецензенты подчеркивали удачный выбор актера на главную роль. "М. Давлетмир-заев в роли Бож-Али рисует образ такого красавца, настоящего мужчины, знающего себе цену"³, - писала Л. Нимвицкая в статье "В распе с адатом". Артист изумительно передавал гнев героя, наказанного колхозом, ярко показывал хитрость и изворотливость Бож-Али, выманивающего деньги у тетки Маймы. "Какое богатство доводов! Как он обольстителен и страстен! А потом он демонстрирует танец, которым должен покорить новую жену. Чуть косолапя, Бож-Али дрожит от внутреннего темперамента. Его танец великолепен. В двух-трех движениях, выразительных и четких по ритму, актер показывает фанфаронство своего героя, делая его смешным,

217

тогда как Бож-Али хочет казаться неотразимым. Удачно найденное актером сочетание грозной внешности и слабого характера создает живой образ"⁴.

В другой рецензии на спектакль читаем: "Все мысли и переживания персонажа отражаются в глазах актера, в его жестах, то размашистых и самоуверенных, то безвольных и вялых. А усы Бож-Али! Они то гордо взвиваются кверху, как знамена победоносного завоевателя, то жалкими хвостиками свисают вниз. Все, что делает исполнитель в роли, очень смешно, но в то же время и убедительно, потому что актер до предела правдиво, всерьез живет на сцене в этой острокомедийной роли"⁵.

Корреспондент газеты "Советская культура", анализируя спектакль "Бож-Али", отмечает удачные актерские работы. "Одну из главных ролей - знахарки Маймы - сатирически ярко играет представительница старшего поколения театра нар. арт. ЧИАССР А. Исаева. Разоблачительно-остро, с элементами гротеска лепит образ спекулянта Сутарби ярко-комедийный мастер, засл. арт. ЧИАССР А. Дениев. Дядя Бож-Али - Абубешир - неисправимый проповедник родовых обычаев. Эту небольшую роль играет один из старейших актеров театра засл. арт. РСФСР Я. Зубайраев. Представители школы старшего поколения театра, - пишет В. Полтавцев, -вносят в спектакль особый национальный колорит. Их отличает характерно-национальная пластика движений и жестов"⁶. Автор говорит и об удачных работах молодых актеров театра. "Думается, что национальному Чечено-Ингушскому театру удастся сохранить и продолжить линию творческого слияния различных по возрасту, школам и направлениям актеров в едином ансамбле, ищущем решения больших и насущных задач времени в специфических, конкретных условиях"⁷, — заключает он.

Возрождение театра, его становление совпало с "оттепелью" 1960-х годов. В этот период в обществе создалась атмосфера свободы творчества. Появилось новое поколение творческой

интеллигенции, так называемые шестидесятники. Для вайнахского народа "оттепель" обернулась свободой права обрести родину. Родная земля питала общество и театр новыми, благодатными живительными соками. Театр постепенно набирал силу, постоянно пополняясь творческой молодежью. С середины 1960-х годов с приходом в театр молодой режиссуры в лице М. Солцаева и Р. Хакишева, воспитанников академической ленинградской школы, Чечено-Ингушский театр из социально-бытового превращается в театр героической романтики и высокой поэзии.

М. Солцаев, став в середине 1960-х годов главным режиссером театра, заново переосмысливает репертуар. Он ставит своего "Ас-ланбека Шерипова", обращается к лучшим произведениям национальной драматургии, и театр осуществляет четвертый вариант постановки пьесы классика чеченской литературы С. Бадиева "Пети-

218

мат". Пьесу А. Хамидова "Бессмертные" ставил в театре режиссер Вайнштейн. Солцаев создает свой вариант спектакля. Он также пишет пьесу "Бешто" по одноименной повести Бадиева и ставит по ней спектакль.

В своей статье с прозаичным названием "Начинается сорок первый сезон", опубликованной в газете "Грозненский рабочий" в октябре 1971 г., главный режиссер М. Солцаев так определил творческий поиск театра: "Во все времена подлинный театр занят воспитанием именно подлинной культуры человека, совершенствованием его личности, формированием его гражданских устремлений. Мы стремимся быть таким театром. В нашем понимании, это театр больших страстей, глубоких мыслей и широких обобщений. Нас привлекают мужественные и сильные люди: веселые, умные и страстные. Нам кажется, у нас есть свой почерк, своя манера общения со зрительным залом. Наш язык - символика: мы хотим обращаться не только к разуму, но и к взволнованным чувствам человека. Наш стиль - скульптурность и динамика. Мы стремимся к театру ге-роико-романтическому, поэтическому"⁸.

Повесть "Бешто" написана С. Бадиевым против адатско-шари-атских пережитков и построена на бытовом конфликте. М. Солцаев делает смелый шаг: отказавшись от бытовых подробностей сюжета, он переводит повесть Бадиева на язык романтической драмы.

В решении этой сложной творческой задачи режиссер находит единомышленников в лице композитора А. Шахбулатова и художника В. Григорьева. "Музыка в спектакле — плоть и кровь действия. В моменты наивысшего его напряжения она раскрывает внутреннее состояние героев: полет мечты и взрыв отчаяния, доходящего до безумия, огромную скорбь, как бы хлынувшую из сердца поверженных судьбой героев. Эмоционально выразительна условность художественного оформления сцены, светового решения пространства. Серокаменные кулисы, павильон с меняющимися от сцены к сцене горными пейзажами, то лучезарно-светлыми, то угрожающе сумрачными, то охваченными грозным пожаром, испепеляющим часть и жизнь героев"⁹.

Лучшие сцены спектакля были неразрывно связаны с образом Бусаны. "Развитие характера от девичьей лиричности, поэзии первой, почти детской любви до высокого мужества борьбы за право на счастье с большим мастерством показывает актриса Н. Хаджиева, - пишет театровед Г. Щедродарова. - В лучшей сцене спектакля - прощание с матерью и сестрами перед свадьбой - Н. Хаджиева раскрывает духовную драму сильного красивого человека, чьи представления пришли в противоречие со старым укладом жизни. Она бьется, как птица в клетке. Лихорадочно весела, но сквозь эту веселость все яснее проступает ставшая единственной мысль: счастье с любимым или смерть... Несколько торопливых шагов к выходу - заветных шагов к свободе, и единственный возглас-стон оставшихся в

219

комнате женщин, воздетые к небу руки. Это гимн ее смелости, гимн свободе!"¹⁰.

Главный герой спектакля Бешто — натура противоречивая. Любовь к Бусане для него — выражение собственного "я". Он чтит законы адата и готов принести в жертву свою любовь, хотя это для него неизмеримая потеря. Слово умирающей матери для него закон, и он идет свататься к первой же невесте. Раз мечта о счастье рухнула, он живет лишь выполнением сыновнего долга. Когда же вновь мелькнула искра надежды — он весь олицетворение любви и отваги. Стремление сочетать долг с чувством — драма его души.

Главную мужскую роль в спектакле играли два актера. Критик отмечала, что Бешто в исполнении Д. Омаева привлекал обаянием искренней любви и юной горячностью. А монологи-раздумья ему удавались меньше. Актер М. Цицкиев более глубоко передавал именно мысли своего героя, раздираемого противоречиями, что усиливало гуманистическое звучание образа.

"Не все в этом спектакле безупречно, точно по мысли и вкусу, -отмечала Щедродарова. - Однако это не мешает признать главное: театр дерзнул стать на тропинку, ведущую

коллектив от бытового жанра национальной драматургии к более философски насыщенным произведениям. Путь этот нелегок, но именно здесь театр ждут новые открытия"¹¹.

Героико-романтическая тема, становившаяся главным содержанием искусства Чечено-Ингушского театра, предполагала масштабность философских обобщений в решении проблемы "человек — общество" и органическое слияние лирики и романтики. И хотя форма героической романтики может быть любая, наш театр выбирает преимущественно трагедийно-драматическую, неизменно добываясь в спектаклях (даже по пьесам, драматургически несовершенным) глубокого и чистого звучания темы.

Период этой новой эстетики Чечено-Ингушского театра следует отсчитывать с постановки "Кровавой свадьбы" Г. Лорки в 1968 г. Этот спектакль доказал способность коллектива глубоко раскрыть сложное социально-философское содержание трагедии, ее высокопоэтическую форму. События разворачиваются на фоне ослепительно-желтой земли, окаймленной черным бархатом кулис. "Сцена четко разделена на две половины: примыкающая к авансцене затемнена, задняя же залита багровым светом; в центре - пирамидой, как ружья, составлены гитары. Траурная цветовая гамма еще до начала спектакля рождает тревожное чувство".

Р. Хакишев вводит в спектакль Ведущих, читающих стихи, они же еще и Дровосеки во второй части, где идет погоня за беглецами. Ведущие (Ю. Идаев, М. Цицкиев, А. Гайтукаев) разбирают гитары и занимают свое место на сцене. Они то просто читают стихи Лорки, создавая соответствующее настроение, то включаются в действие, то появляются в превосходной, сочиненной режиссером пантомиме

220

вещего сна Невесты, повторяя строки из "Перекрестка": "Со всех сторон, куда ни пойдешь, прямо в сердце — нож". По ходу спектакля Ведущие читают несколько стихотворений Лорки: о голой земле, выжженной солнцем, о ножах, о любви и ненависти. Одно из них повторяется и повторяется, как рефрен. Это — "Гитара": "Начинается плач гитары. Разбивается чаша утра..."

Утро в доме Жениха. На фоне беленой стены, рядом с двумя-тремя предметами грубой крестьянской утвари Мать (Х. Хакишева) и Жених (А. Хучиев) разговаривают, не прерывая монотонной работы. Бесцветное спокойствие их вопросов-ответов под размеренный тупой звук уже предвещает беду. Мать таит в своем сердце тревогу, предчувствуя гибель сына. Взрыв отчаяния потрясает ее, когда сын, собираясь на виноградник, просит дать ему нож. Так входит в спектакль тема ножа.

Та же беленая стена (художник А. Туладзе), но теперь в доме Невесты. Мать в сиреновой шали пришла с сыном сватать Невесту. Жених в праздничной одежде. Разговор нетороплив и прозаичен, каждый скрывает от другого свою тревогу. Невеста (Н. Хаджиева), пережив крушение любви, безрадостно и трезво готова встретить свою судьбу. Муж, дети и толстая стена - вот то счастье, которое ожидает ее. "Я смогу так жить", - отвечает она спокойно. Мать вместо сопротивления неожиданно встречает согласие. Оно рождает доверие друг другу, но не приносит покоя, а только усугубляет тревогу. Общее желание поскорее сыграть свадьбу выдает их страх перед бедой, что нависла над ними. За спокойствием Невесты чувствуется волнение, что она не выдержит взятой на себя роли. Но она выдерживает. А в стене, казавшейся глухой и неприступной, вдруг за-зияла чернотой приоткрывшаяся дверь, незаметная раньше. Будто именно оттуда, из этой черноты, должна появиться беда. А может быть, это последняя возможность убежать, пока не поздно?

«Режиссер и художник знают, как много значит деталь — эта зияющая дверь в стене или лимонно-желтое платье Невесты — такое же, как рубаха Леонардо, с которым она рассталась, но который все равно неотступно рядом. Даже накануне свадьбы Невеста думает только о Леонардо, и это подсказало режиссеру ввести пантомиму-сон Невесты, где она и ее любимый как бы плывут навстречу друг другу в вязком воздухе, то, сближаясь, то отдаляясь, под жестокое предсказание из "Перекрестка", а рядом неведомо откуда взявшиеся двое неизвестных - ловкие, бесшумные, явно преследующие их, не выпускающие из поля зрения. Так режиссер вводит в спектакль тех персонажей, которые у Лорки называются Луна и Смерть»¹². Режиссер не просто ввел этих персонажей, он сделал их старейшинами родов. Так мотив трагедии - старинная родовая месть - воплотился в Первом старейшине (М. Дудаев) - он же Луна, и во Втором (М. Хаджиев) - он же Смерть. Во время свадьбы эти старейшины - главные организаторы веселья по всем законам и обы-

221

чаем. Корифеи этого бесконечного, изнуряющего танца, они "правят бал", не забывая внимательно следить за Невестой, Женихом, Леонардо и Женой Леонардо.

Если в характере Невесты и Жениха ожидание беды скрыто за бесстрастностью реплик, то у Леонардо (Д. Омаев, М. Цицкиев) и особенно у Жены Леонардо (З. Багалова) — это предчувствие трагедии, которое уже бесполезно прятать: оно во взгляде, в бесшумной

стремительности движений, в молчании. То там, то здесь в толпе веселящихся гостей мелькает черной птицей Жена Леонардо — еще девочка, охваченная горем и уже чувствующая себя одинокой.

Свадьба Невесты и Жениха — странная свадьба. Гости и сами виновники торжества словно ждут чего-то. Вот Жених бросил шляпу к ногам Невесты. Она должна поднять ее, т.е. подчиниться. Невеста начинает танец вокруг этой шляпы, и этот танец все длится и длится. В этом затаяншемся свадебном ритуале, изматывающем Невесту, отнимающем у нее силы, — одна из великолепных находок режиссера. Все более и более приближается Невеста к шляпе в своем бесконечном танце — и тут общее напряжение взрывается. Ударом ногой по шляпе Невеста освобождается от напряженности, от усилия быть не собой. Сбрасывает броню покоя и невозмутимости Леонардо. Словно им — Невесте и Леонардо — все было ясно давно. Не надо ничего придумывать, решать. Просто надо бежать. Взбунтовавшаяся природа отбросила все наносное, и в этот миг и Невеста и Леонардо знают, что обрели счастье. Пусть только миг счастья.

Погоню за беглецами снаряжает Мать. Х. Хакишева словно молодеет в это мгновение, все ее тревоги за сына исчезают без следа. Теперь она сама вручит ему нож. Сильнее материнской любви, сильнее страха срубить дерево жизни рода оказывается привитое чувство чести. Она становится страшной в момент погони. Мать, носительница жизни, оберегающая жизнь, превращается в сеятельницу смерти: она дает нож. Так в спектакле разрешаются, столкнувшись, обе темы: тема бунта и тема ножа. Разрешаются смертью.

Своеобразным творческим экзаменом стали первые крупные гастроли Чечено-Ингушского театра в Москве, прошедшие летом 1971 г. Театр приехал в Москву в репертуаром, никому не известным. "Асланбек Шерипов" М. Солцаева, "Бессмертные" А. Хамидова, "Петимат" С. Бадуева, "Бешто" М. Солцаева по повести С. Бадуева, "Нефтяники" Н. Музаева и лишь одно знакомое название: "Кровавая свадьба" Г. Лорки. «Театр из Грозного не захватил с собой ни одной верной кассовой пьесы и даже рискнул вообще обойтись без комедии. Каждый вечер — только драма, героическая или романтическая. Драматическая хроника времен Гражданской войны, повествование о героях Великой Отечественной, печальная любовная история из прошлого, социальная драма начала века, драма современная — из жизни нефтяников — и, наконец, испанская трагедия с ее тревожным ритмом и суровостью. Театр составил гастроль-

222

ную афишу из одних своих пьес, если не считать Гарсиа Лорку. Впрочем, и "Кровавую свадьбу" он по праву может считать своей, потому что не просто о ней вспомнил, но предложил свою сценическую редакцию и неожиданное решение самых загадочных мест трагедии»¹³, — писала критик О. Дзюбинская.

Театр своими спектаклями стремился рассказать московским зрителям о героях народа, о тех, кто жертвовал жизнью во имя свободного будущего. Героическая драма "Бессмертные" прославляла подвиг, совершенный в Великой Отечественной войне Героем Советского Союза Ханпашой Нурадиловым. Людям, сильным духом, их борьбе за свободу и счастье посвящены спектакли "Бешто" и "Петимат". Героические нотки звучали и в современной драме "Нефтяники", и в классической трагедии "Кровавая свадьба". Гастроли театр начал героической драмой "Асланбек Шерипов" — о легендарном, бесстрашном борце за революцию. «Уже в первых спектаклях проявились неповторимые творческие особенности коллектива — стремление к искусству высокой героики и патетики, — писал в своей статье "Театр героической темы" Н. Путинцев. — Темперамент режиссуры, эмоциональность актерского исполнения, развернутый музыкальный фон — все направлено на выявление больших идей, мыслей и чувств»¹⁴.

Критик Дзюбинская, отмечая некоторые повторы режиссерского решения спектаклей М. Солцаева, тем не менее пишет, что "образное решение каждого спектакля вытекает из реальности". Говоря о том, что пьеса о герое революции, местном уроженце, есть почти в каждом национальном театре и зрители привыкли, что благородный замысел рассказать о человеке легендарной судьбы обычно воплощается в похожих друг на друга пьесах-биографиях, в спектаклях с громкой и шумной массовой, с тревожно бегущими по морщинистому небу свинцовыми тучами и несмолкаемой механической музыкой, — Дзюбинская отмечает, что «спектакль "Асланбек Шерипов" — не из числа привычных представлений. Он самобытен, как и сам герой этой исторической хроники»¹⁵.

Автор другой статьи так пишет о спектакле "Асланбек Шерипов": «Многое в этом спектакле представляется особенным, типичным для этого театра, для исполнительского стиля его актеров. Весь спектакль решен как публицистическая драма, где Асланбек и Николай Гикало открыто обращаются к зрителям со своими раздумьями, сомнениями, спорами, как бы призывая наших современников стать их сообщниками и друзьями. Весь строй спектакля тяготеет к монументальной драме. Большое значение в спектакле имеет

музыка - взволнованная, драматичная, во многом определяющая настроение происходящего действия. Художественное оформление лаконично и скупое. В спектакле "Асланбек Шерипов" раскрылись значительные творческие возможности коллектива театра¹⁶, заключает Н. Путинцев.

223

«Спектакль "Кровавая свадьба" был сыгран к концу гастролей, когда московскому зрителю все уже казалось известным о театре: о его склонности к драме и строгом ее решении, об особой легкости и органичности в актерской игре, о режиссерской недосказанности, благодаря которой событие как бы окутывается дымкой поэзии. И об умении дополнить автора, сделать односложный диалог содержательнее и тоньше, превратить конспект роли в живого человека, спрятать пробелы пьесы за сценической атмосферой, — отмечает критик О. Дзюбинская. — Но вот хорошо знакомые по предыдущим ролям актеры "переступили порог" спектакля "Кровавая свадьба", где от них потребовалось нечто большее — разгадка непростых характеров, сочетание драмы с поэзией, чувство автора, стиль, ритм, музыкальность, — и обнаружили их новые возможности, а главное — право работать над произведениями большой литературы, готовность к творческим поискам»¹⁷.

Завершив определенный этап своего творческого пути, связанный с работой над произведениями с национальным колоритом, М. Солцаев обращается к мировой классике. В 1972 г. он ставит спектакль "Сид" по пьесе Корнеля. Интереснейшим критиком спектаклей М. Солцаева, особенно поставленных по произведениям классической драматургии, был преподаватель Чечено-Ингушского университета кандидат филологических наук А. Очман. Ревностно защищая каждую букву, каждую ремарку, каждую сцену той или иной пьесы, он тем не менее, как никто другой, умел увидеть в спектакле основное, уловить мысль режиссера. А. Очман откликается на постановку корнелевской пьесы статьей "Обращаясь к классике", опубликованной в газете "Грозненский рабочий" 1 июня 1972 г.

Спектакль "Сид", поставленный Солцаевым, Очман характеризует как "интересный и привлекательный в целом, но не безупречный в частностях и немаловажных деталях". Проблема, всесторонне исследуемая Корнелем, — столкновение любви и семейного, родового долга. Этот общечеловеческий нерв произведения Корнеля режиссер почувствовал верно, считает Очман. Однако тему трагического выбора подает приглушенно, подтекстно, выдвигая на первый план трагическую любовь Родриго и Химены. «Такая интерпретация "Сиды" заслуживает внимания, хотя и связана с известными издержками», — пишет Очман. Для Корнеля было чрезвычайно важно, что Сид — национальный герой, государственный деятель, что и определяет его поведение. Для него долг — на первом месте. Он вступает за честь отца сознательно и мучается, что не может поступить иначе. Сид в солцаевском спектакле в первую очередь влюбленный юноша, который оглушен вестью о предстоящем поединке с отцом Химены.

Подробно анализируя образ Родриго, созданный актером А. Гайтукаевым, Очман, критикуя такую трактовку героя Корнеля, тем не менее передает основную идею спектакля: для режиссера

224

прежде всего важна судьба Родриго как человека. "Для Родриго А. Гайтукаева, — пишет А. Очман, — любовь к Химене — всепоглощающая, безоглядная — и есть реальное воплощение полноты, неповторимости бытия и земного счастья. Когда возникает угроза этой любви, когда Родриго сознаёт, что она рушится, — такая перемена воспринимается им как непоправимое бедствие, ужасная катастрофа. Он не может себе разумно объяснить, почему случайная пощечина взбалмошного и вспыльчивого феодала должна обязательно считаться несмыслимым позором и — как следствие — вести к кровной мести. Ведь он сам в таком случае разрушает собственное счастье. Пропливая кровь и утверждая законы родовой мести, он тем самым ничем не отличается от донна Гомеса. Иными словами, Родриго отказывается воспринимать законы феодальной морали как разумные и человеческие. Он всеми силами противится их исполнению, его чувства восстают против беспрекословного подчинения нелепым обычаям и традициям"¹⁸.

Обращение Чечено-Ингушского театра к серьезной трагедии французского драматурга дало возможность выявить важные общечеловеческие проблемы, создать значительные характеры. Выбор пьесы "Сид" выглядит смелым, но он вполне логичен для театра после успешного воплощения "Кровавой свадьбы" Г. Лорки.

1960-1970 годы — новая фаза в развитии советской сценической Шекспирианы. Это было тесно связано с зарождением и формированием новой театральной эстетики. О становлении новой эстетики шекспировского спектакля на советской сцене 1960—1970-х годов говорит в своей статье «Театральные парадоксы "Ричарда III"» известный шекспировед С. Мельникова.

Хроника Шекспира "Ричард III" всегда вызывала полемику среди исследователей

творчества английского драматурга. Один из основных спорных моментов — жанровая принадлежность пьесы. Советский театр рассматривал пьесу "Ричард III" как трагифарс.

В 1970-е годы пьеса "Ричард III" становится одной из самых репертуарных среди произведений Шекспира. «Зло как философская и этическая категория попадает в центр всестороннего исследования — без познания его невозможна и борьба с ним. Кроме того, узурпация трона герцогом Глостером во многом напоминала современные политические перевороты, и подчас желание театров "подтянуть" Шекспира к сегодняшнему дню, к горячим точкам мировой политики превалировало над остальными побуждениями».

Сценические образы Ричардов 1970-х годов даны без ореола исключительности. Рождение героя, не обладающего магнетической силой воздействия, лишённого демонизма, подводило к вопросу о том, какое общество могло породить столь ничтожного лидера. Драматическое напряжение постепенно перемещалось в сферу среды, которая окружает сценического героя. Ричард III из исключительного героя превращался в такого же, как все. Только более

8. Культура Чечни...

225

сильного, более жестокого, более грубого. Сама среда порождала такого лидера. Ничтожное общество становилось достойным своего правителя. Театры играли историю о захвате власти.

«Трезвый и требовательный взгляд на шекспировских героев обрел излишне прямолинейную жесткость, которая отсекала любые прочие возможности в толковании пьес великого английского драматурга. Проблематика намеренно упрощалась и художественными средствами доводилась до естественного логического тупика».

Апогеем постановок по "Ричарду III", кульминационной точкой и одновременно блестящим подведением итогов развития советской сценической Шекспирианы 1970-х годов явился спектакль Р. Стуруа в Тбилисском академическом театре им. Ш. Руставели (1979)¹⁹.

Ричарда III в этом спектакле играл Р. Чхиквадзе. Стержень образа, созданного им, — полная власть над человечеством, неограниченная способность и возможность манипулировать людьми, как послушными марионетками. Если у Шекспира Ричмонд появлялся в конце пьесы как олицетворение справедливости, а в постановках советского театра 1960-1970-х годов — как более сильный на смену ослабевшему тирану, то в спектакле Р. Стуруа он возникал с самого начала. "Ричмонд был поверенным в делах Ричарда, его учеником и последователем. Монологи Ричард обращал к нему, ему же демонстрировал силу своего коварства и обаяния. Ричмонд вдумчиво учился науке тирании. Когда же обучение закончилось, Ричмонд спокойно расправился с обессилевшим соперником, взойдя на желанный престол. История бесповоротно и беспросветно замыкалась"²⁰.

Потому ли, что солцаевский "Ричард III" не вписывался в концепцию сценической Шекспирианы, выстроенную С. Мельниковой, или потому, что спектакль не был замечен столичной критикой, так как не был включен ни в одни большие гастроли театра, но в данной статье чечено-ингушский спектакль не упоминается. Однако спектакль М. Солцаева "Ричард III", переключаясь с другими шекспировскими постановками советского театра того времени, отстаивал свой взгляд на шекспировского героя.

В спектакле М. Солцаева окружающая среда также имеет большое значение. Все герои выведены серыми, безликими фигурами. Сценография (художник А. Шкуренко) создавала очень ограниченное сценическое пространство. Тяжелые темно-серые ширмы, как бы они ни переставлялись, неизменно сохраняли ощущение тесноты и сдавленности. Но персонажи этого не замечали. "Они деловито и озабоченно, серыми мышками, суетились, собирались в группочки, ссорились, дрались, группочки эти разваливались и вновь возникали на дне каменного мешка, будто возрождались из серой пыли стен. Выхваченный из общего круговорота, каждый терялся и судорожно искал, за что бы ухватиться, где бы обрести опору"²¹.

Торговая сделка — это единственная форма отношений, которая существует в мире людей, окружающих Ричарда. Они мелки и не-

226

значительны. Либо это откровенные торгаши, которые за лакомый кусок продают и друзей, и детей, и совесть, либо бесхарактерные и недалекие растяпы. "В сценах в королевском дворце, да и собственно во всем спектакле мизансцены осмысленны, пластичны, выразительны. А иные из них поднимаются до образной символики, — писал А. Очман. — В расположении персонажей на сцене, в их перемещениях, взаимодействии друг с другом находим мы зримое, осязаемое выражение идеи распада человеческих связей, взаимного недоверия, всеобщей вражды, войны всех против всех. Будто символизируя обыденность, рутинность происходящего, герои часто движутся по кругу. И только Ричард — один только он — стремится вырваться из этого жуткого хоровода"²².

Каким показал М. Солцаев героя в своем спектакле? Главный конфликт, к которому обращается режиссер, — это трагическое противоречие между талантом и способом его

проявления. Солцаев наделил Ричарда сильной, талантливой натурой, полной творческих сил. Ричард выделяется среди всех колоссальной внутренней мощью. Театр отказывается от изображения внешнего уродства - нет ни горба, ни хромоты, ни сухой руки. Ричард предстает в спектакле абсолютно полноценным человеком - умным, мужественным и красивым. Природа, вопреки Шекспиру, ничем его не обделила. Он противопоставлен всем остальным личной значительностью, могучей природной одаренностью. Мышиная возня - споры, распри, интриги — не могут не раздражать такого Ричарда. Он видит истинные намерения, скрытые под маской напускной доброжелательности, лицемерных улыбок, фальшивых забот о благе общества. Ричард презирает всех этих мелких интриганов и склочников, тупиц и вырожденцев, воров и убийц за скудоумие и бездарность. Он стремится уничтожить весь этот бесцветный, безликий, мелкий и мелочный мир. Он просто не может существовать в его удушающей, беспринципной атмосфере. Но способ преобразования мира выбран им неверно. Именно в этом его трагедия.

Режиссер исподволь подводит зрителя к кульминационной сцене. Во сне Ричард слышит голоса убитых им людей. Женщины Хора в черных одеждах, как олицетворение возмездия, насаждают на Ричарда. Тот отчаянно сопротивляется, отбивается изо всех сил. «Теперь понятно, - пишет А. Очман, - почему после этого в Ричарде на какое-то мгновение просыпается живой, страдающий человек, вынужденный откровенно признаться себе: "Никто меня не любит. Никто, когда умру, не пожалеет"»²³.

Но глубинные страдания Ричарда обусловлены не тем, что его никто не любит, а осознанием бесполезности его усилий по преобразованию мира с помощью насилия. Мир не стал лучше. Зло порождает зло.

Чувство самосохранения и неприятие сильной, незаурядной личности объединяет всех этих серых, безликих людишек. Показателен

8*

227

и символичен в этом смысле финал спектакля. "Два воина бьются на сцене. Появляется Ричард. Они мгновенно забывают о распри и бросаются на него. А он их расшвыривает, как котят. Дерутся четверо, входит Ричард, и четыре воина, объединившись, дружно атакуют его. А он и их расшвыривает. Восемь человек дерутся между собой. Но стоит показаться Ричарду, и — все на него. А он и их расшвыривает. Вся сцена заполнена дерущимися; появляется Ричард, и все воины, сколько их ни есть, ринутся на него. В едином взмахе все мечи обрушиваются на Ричарда. Отхлынула толпа. А он стоит. И снова под дружный вопль мясников обрушиваются на него мечи. А когда все расступятся, на том месте, где он стоял, никого нет"²⁴. И уже в самом финале спектакля серой, безликой, стертой фигурой появляется Ричмонд, тем самым зачеркивая все деяния Ричарда, пытавшегося уничтожить подлый и бездарный мир, но уничтожившего только себя. Мир встряхнулся и вновь ожил в лице своего наиболее типичного представителя.

Чечено-Ингушский театр пробовал свои силы на произведениях не только зарубежной, но и русской классики. Спектакль "Пир во время чумы", поставленный Р. Хакишевым по произведениям Пушкина, раскрывает его маленькие трагедии как целостное произведение с единым героем - Поэтом, который может менять обличье, но неизменно будет нести идею независимости, непокоренности - идею свободы.

В композицию спектакля вошли "Пир во время чумы", "Скупой рыцарь", "Моцарт и Сальери" и стихи А. Пушкина. Еще перед поднятием занавеса на сцене появлялся Поэт — актер М. Дудаев, загримированный под Пушкина с хрестоматийной тщательностью. Но первые же строки стихотворения "К Жуковскому", произнесенные с пронзительной болью, с яростным напряжением, обнажали в Поэте отчаянное одиночество и задавали всему спектаклю трагедийное звучание.

Художественное оформление спектакля было выполнено А. Шкуренко, а музыку к песням Мери и Вальсингама композитор А. Мамврийский написал на фольклорной основе чечено-ингушских напевов. Тоскливая, заунывная мелодия песни Мери и гордая, воинственная ритмика гимна Чуме были пронизаны воздухом гор - диких, суровых и свободных.

В этом спектакле актеры демонстрировали свое мастерство, играя разные роли. М. Давлетмирзаев играл Герцога в "Скупом рыцаре" и Сальери в "Моцарте и Сальери". Герцог Давлетмирзаев, весь в стальном цвете, стоял над коленопреклоненным Альбером (И. Джамаев), по-хозяйски расставив ноги и уперев руки в бока. Снисходительно, сверху вниз, с откровенной долей презрения слушал он Альбера. А когда заговорил, открыто плебейский звук его голоса и манера произношения обнажили в этом стальном правителе и судье наглого хама. Сальери Давлетмирзаева лишен права на

228

трагичность. Он изначально раздражен своим поражением перед Моцартом, который и в постижении мыслей своего друга-врага намного выше и ярче.

М. Цицкиев выступил в спектакле в трех очень разных ролях: Священника в "Пире во время чумы", Жида в "Скупом рыцаре" и Моцарта в "Моцарте и Сальери". Священник Цицкиев — это жуткая скрюченная фигура в капюшоне, низко надвинутом на лицо, крадущаяся вдоль забора из копьев и высматривающая Поэта. Его Жид, веселый, преисполненный довольством и сытостью, появлялся у Зубковой в блестящем, сверкающем атласом костюме бурачного цвета, как запекавшаяся кровь. Клоунской походкой (пятки вместе, носки врозь) он пробежит по внешней стороне круга и, посмеиваясь, похотывая, предложит свой способ спасения Альбера. А его Моцарт светел и проницателен, он как бы читает мысли Сальери. И когда тот протягивает ему бокал с ядом, Моцарт-Цицкиев смотрит в бокал, словно проверяя, хорошо ли растворился яд, и пьет. Жизнью, творчеством и самой смертью Моцарт-Цицкиев в спектакле "Пир во время чумы" доказывал свое бесстрашие, свою несмиренность²⁵.

После работы над произведениями зарубежной и русской классики Р. Хакишев обращается к фольклору и ставит спектакль "Песни вайнахов". Из множества народных - веселых и грустных, воинственных и лирических, свадебных и траурных - песен режиссер отобрал самые яркие и характерные. И родилось произведение глубоко народное по духу и содержанию, традиционное и в то же время чрезвычайно оригинальное по форме.

Спектакль состоял из новелл "Песня о Таркоевце и сыне Вдовы" и "Мужские песни". Режиссеру и автору спектакля Р. Хакишеву в содружестве с художником К. Мурзабековым, хормейстером С. Цугаевым и балетмейстером С. Януркаевым удалось создать удивительный по форме и силе воздействия на зрителей спектакль. Поэзия и живопись, музыка и танец слились здесь воедино, и получилось представление, наполненное необычайной пластикой и напевностью²⁶, — писала о спектакле москвичка С. Бахметьева.

Пели и танцевали в спектакле "Песни вайнахов" все актеры, и делали это темпераментно и профессионально. И заслуга в этом не только режиссера и балетмейстера. Сказались природная музыкальность, пластичность, артистическая одаренность, свойственная вайнахскому народу. В 1977 г. спектакль получил Госпремию РСФСР.

Режиссера М. Солцаева всегда волновала проблема "личность и общество". Его привлекали сильные, неординарные личности. В 1982 г. Солцаев обращается к образу Ленина. Он пишет собственную композицию из произведений А. Корнейчука, Н. Погодина, К. Тренева и М. Шатрова. Спектакль "Лениниана" участвует в IV Всероссийском смотре драматургии и театрального искусства народов СССР, посвященном 60-летию образования СССР.

229

Среди театров, участвовавших в этом смотре, был и ленинградский БДТ со спектаклем о Ленине "Перечитывая заново", поставленным Г. Товстоноговым, учителем Солцаева. Для организаторов фестиваля был известный риск в том, что два спектакля о Ленине оказались в одной афише, — они имели заметное сходство в композиционном подходе к материалу. Спектакль БДТ состоял из предельно насыщенных эпизодов жизни вождя — избранных страниц из произведений А. Корнейчука, Н. Погодина, М. Шатрова и В. Логинова. Невольно состоялся спор-диалог Мастера и Ученика. И Ученик этот спор выиграл.

Нет возможности подробнее проанализировать оба спектакля, что было бы очень интересно. Приведу лишь небольшой отрывок из статьи П. Романова "Фестиваль дружбы": «Спектакль режиссера М. Солцаева - скорее поэтическая оратория, нежели психологическое исследование. Законы многоголосья, присущие симфоническому произведению, формируют здесь ритмический рисунок действия. Образ огромной разбухнувшей России воплощен в движении действующих лиц, в динамичном и жестком рисунке массовых сцен... Облик Ленина (М. Давлетмирзаев) слагается постепенно из штрихов, узнаваемых деталей. Эмоциональное, страстное исполнение М. Давлет-мирзаева заразительно, прежде всего потому, что выстроено по принципу высокой поэтической образности. За два часа актер проживает максимально насыщенную жизнь. И огромную помощь актеру в этом оказывают Ведущие — Х. Азаев и М. Магомадов — Солдат и Матрос революции. Звучащие в их исполнении стихи В. Маяковского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского — не просто логические связки сцен. Их звенящий, упругий ритм — словно камертон настроения каждого последующего эпизода. В спектакле БДТ функция Ведущих (М. Волков и В. Ковель), создающих ленинский портрет из воспоминаний современников, ко второму действию практически исчерпывается, и они все реже появляются на сцене. В "Лениниане" же, напротив, роли Ведущих по ходу спектакля становятся все существеннее. Все более пристальным становится их взгляд на происходящие события»²⁷.

Режиссер М. Солцаев и актер М. Давлетмирзаев получили за спектакль "Лениниана" Госпремию РСФСР.

Своеобразным подведением итогов почти 30-летней деятельности Чечено-Ингушского театра после возрождения стали его гастроли в Москве в 1984 г. Гастрольный репертуар

театра состоял из таких разных, и в драматургическом материале, и в жанровой принадлежности, спектаклей, как "Из тьмы веков" И. Базоркина, "Ко-риолан" Шекспира, "Инспектор ОБХСС" М. Солцаева, "Иду в путь мой" А. Проханова и Л. Герчикова, "Ревизор" Гоголя, "Когда арба перевернулась" О. Иоселиани.

«Нечасто происходят встречи с искусством не просто самобытным, но столь осозанным и истинно возвышенным, - писал рецен-

230

зент московских гастролей театра, сегодня министр культуры России М. Швыдкой в статье "Достоинство мастерства". — Каждая труппа располагает яркими индивидуальностями. М. Солцаев и Р. Хакишев обладают вполне определенными личными творческими пристрастиями, но важно отметить прежде всего некую общность в понимании предназначения и достоинства театрального искусства как такового, что сближало не только качество исполнения каждого спектакля, но и все увиденные постановки обеих трупп, определяло единство театра в целом»²⁸.

Рецензент отмечал высокую профессиональную грамотность обеих трупп, подлинный историзм спектаклей, о чем бы они ни рассказывали: о римских древностях, событиях минувшего века или сегодняшних драмах.

В том, что чеченская труппа выбрала для постановки эпос ингушского классика И. Базоркина, естественно выразилась историческая общность двух народов. Несчастливая любовь молодого Калоя (А. Марисултанов) не просто воссоздана на фоне "народной судьбы"; в частной лирической драме отразилось общее несчастье, в личных метаниях Калоя - искания народа. "М. Солцаев, следуя И. Базоркину, рассматривает определенный период истории своего края, но зорко всматривается в конфликты, что на протяжении столетий определяли уклад жизни народа. Именно поэтому так важен для стилистики спектакля элемент ритуальности. Здесь точно соблюдена ритуальность кавказской бытовой жизни, где строго регламентируются основные моменты человеческого бытия, встречи и расставания. Она ощутима и в художественном осмыслении, выражении эмоциональных кульминаций в судьбах героев. Психологические взрывы отражают типологию национального характера"²⁹.

Спектакль "Когда арба перевернулась" по пьесе О. Иоселиани в постановке Р. Хакишева был отмечен тонким психологизмом. Старый крестьянин Агабо был сыгран М. Цицкиевым без всяких внешних эффектов. Его немногословность, погруженность в свои мысли резко контрастировали с шумной, мельтешащей, говорливой толпой его потомков. "Режиссер не боится эклектики — потомство Агабо, сатирически броско представленное талантливыми молодыми ингушскими артистами, и должно быть чужеродным в доме, где жизнь течет неспешно и достойно, внутренне согласуясь с мерными ритмами природного бытия"³⁰.

Принцип соединения несоединимого, театрального гротеска, используемого Р. Хакишевым во всех его постановках, наиболее развернутое воплощение получил в спектакле "Ревизор". Режиссер здесь чисто театральными средствами сумел передать ощущение масштаба гоголевского текста, его трагикомической универсальности. "Режиссер и актеры позволяют себе самые рискованные ходы, обеспечивая любой нелепице, любому мизансценическому абсурду абсолютную искренность"³¹. "Ревизор" был полон искрометных и

231

изобретательных фантазий. Это был живой, остроумный спектакль, в котором его создатели не переставали вместе с Гоголем удивляться загадкам человеческой природы.

В различиях между "Ревизором" в постановке Р. Хакишева и "Кориоланом" в постановке М. Солцаева наиболее ярко обнаруживались творческие индивидуальности каждого из режиссеров. Конечно, художественные пристрастия выявляли себя в каждом из спектаклей, но театрально-гротескный "Ревизор" особенно зримо контрастировал с холодновато-совершенным трагическим монолитом "Кориолана". "М. Солцаев с безупречной четкостью мизансценирует спектакль (художник А. Сновинг), ритмически чутко чередуя фронтальными развернутые эпизоды движения римских легионов с диагоналями и вертикалями, входящими в глубину сцены, с элегическим полукружием в момент встречи Кориолана (М. Давлетмирзаев) с матерью (З. Багалова, Н. Хаджиева) и женой (З. Радуева), которое пронзит диагональ, когда герой ощутит меру своего падения"³².

Особенностью режиссерского решения было то, что народ в спектакле был представлен не как пестрый плебс, а как воин, защищающий свое отечество. Поэтому Кориолан не может простить ему бегство с поля боя. Поэтому не хочет предаваться публичному самовосхвалению. Он не может заигрывать с трусами - это равно предательству Рима. М. Давлетмирзаев создает образ подлинно трагического масштаба, образ героя, который выбрал ложный путь и обречен на возмездие. "Он не ощутил момента, когда максимализм его служения Риму трагически разошелся с действительностью, когда его презрение к легионерам обернулось презрением к народу"³³.

Анализируя постановки "Кориолана" на советской сцене, шек-спировед С. Мельникова отмечала, что успех исполнителю роли Кориолана в спектакле Чечено-Ингушского драматического театра обеспечил нелегкий поиск постижения шекспировской диалектики образа.

"Кориолан М. Давлетмирзаева в первых сценах спектакля зол, агрессивен, его энергия страшна и разрушительна: в глубине сцены высвечивалась напряженная, словно готовая к прыжку, фигура Кориолана, он стремительно пересекал сцену — и вот уже готов вступить в отчаянный бой с чернью.

Однако постепенно герой предстает иным. После боя, нечеловеческого по напряжению и опасности, ибо Кай Марций дрался один на один с целым городом при закрытых воротах, герой, еле держась на ногах, вспоминает вдруг о том, что один из врагов, Вольсков, давал ему когда-то кров, поэтому надо его освободить. В постановке Чечено-Ингушского театра эта сцена стала одной из ключевых. Кай Марций в ней глубоко человечен.

Когда же Кориолан - М. Давлетмирзаев, которому так легко и вольно в доспехах, с оружием в руках, вынужден надеть одежду

232

"смирения" и пойти, согласно обычаю, показывать народу свои раны, он вызывает искреннее сострадание: нелепый, беспомощный большой ребенок, он стоит в центре сцены, чувствуя себя оскорбленным и осмеянным.

После изгнания из Рима — после предательства, совершённого Кориоланом, герой Давлетмирзаева внутренне почти мертв. Он предчувствует свою скорую кончину. Перед нами каменное лицо, резкие интонации хриплого голоса, тяжелая поступь обреченного на смерть. Этот Кориолан погибал под бременем свершённого, а не только от руки врага. Таким образом, противоречия героя Чечено-Ингушского театра сконцентрировались в сфере нравственной, духовной³⁴.

В начале 1980-х годов по рейтингу среди театроведов в десятку лучших театральных режиссеров Советского Союза вошли три режиссера с Кавказа: Роберт Стуруа, Мималт Солцаев и Руслан Хаки-шев. Именно с именами Солцаева и Хакишева связан интереснейший период истории вайнахского театра.

Чечено-Ингушский театр всегда воплощал в себе лучшие черты народа, он говорил со сцены о самом сокровенном, подспудном мироощущении вайнахов. В различных драматургических произведениях он находил особую духовность, свойственную его народу. Сквозь определенность и заданность темы проступали история и трагедия вайнахов. В лучших своих спектаклях театр опережал время и поднимался до пророчества. В удивительном спектакле "Песни вайнахов" в борьбе добра и зла, белого и черного цветов побеждал красный. Оправданный, стремящийся к преобразованию мира, но не терпящий компромиссов максимализм трагических образов спектаклей театра как бы предопределял и тем самым предупреждал о возможных катастрофах. И одновременно через своих героев театр говорил о неумении, или, вернее, невозможности вырваться, уйти за пределы генетической ментальности, противящейся всякому проявлению несвободы. В этом противоречии — трагедия героических образов театра и в нем же — трагедия народа, выразителем чаяний которого всегда был Чечено-Ингушский драматический театр.

¹ Лорка Г. Об искусстве. М., 1971. С. 146.

² Советская Россия. М., 1959. 10 янв.

³ Театральная жизнь. М., 1965. № 16. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ Кривицкий К. Падение Бож-Али // Театр. 1965. № 11. С. 103.

⁶ Полтавцев Вл. Плоды вчерашней завязи // Сов. культура. 1966. 11 июня.

⁷ Там же.

⁸ Солцаев М. Начинается сорок первый сезон // Грозненский рабочий. 1971.

28 окт.

⁹ Щедродарова Г. Бешто // Грозненский рабочий. 1970. 24 янв.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Гапаева А. На земле тысячелетней // Театральная жизнь. 1968. № 13. С. 22.

¹³ Дзюбинская О. Только драма // Театр. 1971. № 12. С. 32-33.

¹⁴ Путинцев Н. Театр героической темы // Моск. правда. 1971. 11 авг.

¹⁵ Дзюбинская О. Только драма // Театр. 1971. № 12. С. 30.

¹⁶ Путинцев Н. Театр героической темы // Моск. правда. 1971. 11 авг.

¹⁷ Дзюбинская О. Только драма // Театр. 1971. № 12. С. 32.

¹⁸ Очман А. Обращаясь к классике // Грозненский рабочий. 1972. 1 июня.

¹⁹ Мельникова С. Театральные парадоксы "Ричарда Ш" // Шекспировские

чтения. 1985. М., 1987. С. 178.

²⁰ Там же. С. 182.

²¹ *Зубкова Е.* Классика на сцене Чечено-Ингушского театра // Многоязыкий театр России. М., 1980. С. 98.

²² *Очман А.* Пожнешь бурю // Грозненский рабочий. 1974. 25 апр.

²³ Там же.

²⁴ *Зубкова Е.* Классика на сцене Чечено-Ингушского театра // Многоязыкий театр России. С. 102.

²⁵ См.: Там же.

²⁶ *Бахметьева С.* Зримая песня // Грозненский рабочий. 1976. 17 апр.

²⁷ *Романов П.* Фестиваль дружбы // Театр. 1982. № 10. С. 22-23.

²⁸ *Швыдкой М.* Достоинство мастерства // Театр. 1985. № 4. С. 90.

²⁹ Там же. С. 93.

³⁰ Там же. С. 95.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 97.

³³ Там же.

³⁴ *Мельникова С.* "Кориолан" на советской сцене // Шекспировские чтения - 1990. М., 1990. С. 206-207.

С.С. Магомадов, Д.В. Пыльцин

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЗЕИ
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ПЕРИОД РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ
1994-1996 гг.

Развитие музейной сети Чеченской Республики (Чечено-Ингушской АССР до 1991 г.) в советское время привело к созданию целого ряда республиканских и районных музеев. На начало 1992 г. в республике функционировали следующие музеи: Чечено-Ингушский государственный объединенный музей - ЧИГОМ (головной музей в г. Грозном и 8 филиалов в районах), Музей изобразительных искусств им. П. Захарова и 2 музея-заповедника. Кроме них существовали еще ведомственные музеи: дендросад в ведении Министерства лесного хозяйства, музей завода "Красный Молот", музей НГДУ "Старогрознефть" и т.п. Намечалось открытие Археологического музея при Чеченском государственном университете.

Распад СССР и последовавшая за ним дестабилизация общественно-политической обстановки на всем постсоветском пространстве в первой половине 1990-х годов явно не способствовали дальнейшему развитию музейной сети. Скорее наоборот: прекратилось финансирование музеев, начался отток лучших специалистов музейного дела, ряд музеев подвергся ограблению.

Чеченский государственный объединенный музей получил новое здание - особняк бывшего обкома партии. Это здание, построенное в начале XX века, было историко-архитектурным памятником и одним из символов г. Грозного. Находясь в центре города, оно дало возможность музею в прямом смысле олицетворять собой лицо народа, его духовный облик. К лету 1995 г. планировалось открытие ряда экспозиций. К этому времени стали самостоятельными несколько бывших филиалов ЧИГОМ - музей Л.Н. Толстого в станице Старогладковской, музей М.Ю. Лермонтова на хуторе Парабоче, музей А. Мамакаева в с. Лаха-Невре. Но впереди их ждали еще более тяжкие времена.

Перед началом военных действий в декабре 1994 г. непосредственно в г. Грозном располагались два государственных музея - Чеченский государственный объединенный музей им. Х. Ошаева (чаще называемый Краеведческим музеем) и республиканский Музей изобразительных искусств им. П. Захарова.

Самым значительным было собрание фондов Чеченского государственного объединенного музея, который был создан в 1924 г. как исторический и краеведческий музей. За время его существования сотрудники по крупицам собрали богатые фонды и создали пре-

несходные коллекции. Музей вел большую научно-исследовательскую работу. Фонды и экспозиции были представлены подлинными памятниками материальной и духовной культуры и истории народов, населявших территорию Чеченской Республики. В музее была большая коллекция личных вещей героев и участников Кавказской (в том числе вещи Шамиля), Гражданской, Великой Отечественной войн, деятелей различных эпох¹. Совершенно

уникальной была коллекция национального огнестрельного и холодного оружия периода XVIII—XIX вв. В ней были собраны редчайшие, не имевшие в мире аналогов образцы: сабли, кинжалы, нагрудники, кремневые ружья и пистолеты, украшенные золотом, серебром, резьбой, чернью. Очень значительны были этнографические коллекции, на основе которых были созданы превосходные экспозиции разных времен (в том числе прекрасный ансамбль "Чермоевский зал" - интерьер и обстановка начала века с редкими экспонатами). Большую ценность имели археологическая, нумизматическая, естественнонаучная коллекции; имелась богатая научная библиотека с фондом редких книг. В музее хранилось множество уникальных образцов ювелирного искусства народов Северного Кавказа.

Все это было результатом многолетней кропотливой работы сотрудников музея - подлинных энтузиастов своего дела. По числу единиц хранения музей был крупнейшим на Северном Кавказе.

Музей изобразительных искусств им. П. Захарова был создан в 1961 г. Основой его коллекции стали картины из Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея, Чечено-Ингушского краеведческого музея. К ним прибавилось значительное число работ местных художников и скульпторов. Наряду с культурно-просветительной деятельностью музей вел широкую исследовательскую работу в области искусствознания.

На декабрь 1994 г. в фондах и экспозициях музея числилось 3,5 тыс. единиц хранения. Из них около 1 тыс. составляли произведения живописи. Среди них 50 единиц западно-европейского искусства, около 350 работ русских живописцев, около 500 произведений местных художников. Кроме того, в музее было 170 произведений скульптуры, около 1200 графических работ, свыше 1 тыс. предметов декоративно-прикладного искусства. Вспомогательный фонд составлял 200 единиц хранения².

Среди наиболее значительных живописных полотен в музее были: "Пленение Шамиля" Ф. Рубо, "Смерть генерал-майора Слепцова" и "Защита станицы Наурской" Н.С. Самокиша, "Портрет женщины в белом" К. Макарова, "Портрет мальчика с книгой" В.А. Тропинина, "На Валхане" А.И. Куинджи, "Пейзаж. Кавказ" П.П. Верещагина, "Лунный пейзаж" И.К. Айвазовского, "Итальянский дворик" И.И. Бродского, "Изголодавшийся" И.Е. Репина, "Автопортрет", "Портрет Волкова", "Портрет Ладыженского" П. Захарова и др.³ Музей обладал самым богатым собранием работ

240

П. Захарова — всего 9 полотен. Такая коллекция могла составить славу любого крупного музея.

Как уже подчеркивалось выше, оба музея — и Объединенный (более известный в республике как Краеведческий) и Изобразительных искусств — находились в центре г. Грозного. Во время штурма города российскими войсками зимой 1994/95 г. эти музеи постигла самая большая катастрофа за время их существования. Здание Объединенного музея подверглось артиллерийским и ракетно-бомбовым ударам; вокруг музея не один месяц шли жаркие уличные бои.

Однако музейные экспонаты не были эвакуированы из Грозного. Почему так случилось — это отдельный вопрос, требующий специального изучения. Еще летом 1994 г. руководство республики предвидело, что город может стать ареной боев. В специальном письме Министерства культуры республики на имя директора музея говорилось о возможной эвакуации экспонатов. Однако подготовка к ней была ограничена лишь требованием составить список наиболее ценных и подлежащих первоочередной эвакуации предметов. Когда 26 ноября 1994 г. начались военные действия, руководство музея обратилось в Министерство культуры и Правительство ЧР с просьбой начать эвакуацию. Но тяжелая обстановка не позволила это сделать. А после 11 декабря, когда музей вторично просил спасти его коллекции, это было уже неосуществимо. Укрыть наиболее ценные экспонаты музея в черте города также не удалось.

В результате боев здание Чеченского государственного объединенного музея превратилось в развалины. Бои продолжались в январе-феврале 1995 г. Все это время уцелевшие предметы в подвалах и запасниках музея находились в ужасных условиях: занесенные снегом, скованные морозом, они гнили и разрушались.

Главная задача состояла в том, чтобы спасти остатки музейного собрания. Некоторые сотрудники, не дожидаясь прекращения боев, пытались с риском для жизни спасти уцелевшие сокровища. Проникнуть в подвалы было невозможно, и они организовали охрану музея от грабителей и незаконного вывоза. В городе шли перестрелки, не было газа, электроэнергии, водоснабжения. Несмотря на это, в конце января 1995 г. у здания начались постоянные дежурства работников музея. Они, как могли, препятствовали расхищению, часто идя на риск и конфликты с мародерами и грабителями. По словам очевидцев, к музею несколько раз подъезжали грузовые машины с офицерами федеральных войск, которые пытались проникнуть в подвалы музея. Музейные работники подвергались угрозам,

избиениям, но не оставляли своего поста. Все дежурства велись на холоде, в сырости, с опасностью для здоровья. В период военных действий музей понес и людские потери. Смерть унесла двух его сотрудников - Л. Бабахяна и Х. Чапанову.

241

В марте 1995 г. музей приступил к извлечению коллекций из-под завалов. Здание представляло собой страшную картину: разрушенные перекрытия, прогнившие полы, уничтоженные лестницы, непроходимые завалы, груды мусора. Работы велись в темноте из-за отсутствия электроэнергии. Музейные энтузиасты (Х. Чапанова, А. Гишлакаева, Л. Халидова, З. Ахмадова, Ф. Гудаева, М. Далакова, С. Нинчиева, Д. Чахкиев) проникали в здание, разгребали завалы, по шатким мосткам вместо лестниц пробирались в недоступные места. Обнаруженные на верхних этажах предметы спускали вниз, обвязав веревками, обрывками штор. Лишь случайно не сработали мины и подготовленные к взрыву гранаты, о существовании которых в завалах поначалу и не знали. Подвалы музея с частью коллекций оказались залитыми водой. Вместо предметов попадались сплавленные металлические комки и головешки, глиняные изделия рассыпались в пыль. Почти все, что находилось вне подвалов, было уничтожено. Прямым попаданием была уничтожена археологическая экспозиция, созданная трудами М.Х. Ошаева перед самой войной. В довершение всего несколько дней в развалинах бушевал пожар, завершая уничтожение. Некоторые предметы были похищены грабителями, которые приняли их за драгоценные. Однако, как удалось установить, сохранилась значительная часть археологической коллекции, находившаяся в подвале музея. Ее извлечение стало главной заботой сотрудников.

Эпопея по спасению остатков музейного собрания продолжалась три месяца. Спасенные предметы было решено поместить в Музей изобразительных искусств им. П. Захарова. Извлеченные предметы упаковывались, погружались на машины и перевозились к месту складирования. Буквально голыми руками люди доставали из-под руин здания все, что можно было спасти. В этой работе участвовали все сотрудники музея.

Работы по расчистке завалов и извлечению ценностей продолжались с марта по май включительно. Усилиями сотрудников музея удалось установить электрогенератор и протянуть в подвалы освещение. Это несколько облегчило спасательные работы.

Спасенные из-под завалов предметы сосредоточивались в двух местах: в уцелевших экспозиционных залах Музея изобразительных искусств им. П. Захарова и в гараже Министерства культуры Чеченской Республики. Естественно, нормы транспортировки и хранения музейных экспонатов не соблюдались по объективным причинам.

Здание Музея изобразительных искусств также значительно пострадало, но в нем остались целыми несущие конструкции и внутренние помещения. В марте 1995 г. началась эвакуация особо ценных предметов и из него. Самые значительные художественные полотна были размещены в гараже Министерства культуры. Состояние картин было ужасное. Они нуждались в реставрации и особом режиме хранения.

242

Высказывалось мнение об объединении оставшихся собраний в единый музей. Это предложение не прошло, хотя фактически оба музея существовали как единое целое. Вновь этот вопрос встал осенью 1996 г.

Завершив эвакуацию предметов из разрушенных зданий, сотрудники начали работу по восстановлению музейной структуры. В Отчете о проделанной работе ЧГНОМ в 1995 г. период с марта 1995 г. по начало 1996 г. назван организационным. В структуре музея в этот период числились следующие подразделения: отдел фондов, отдел археологии, отдел средневековой и новой истории, отдел современной истории, отдел этнографии и культуры, отдел природы и экологии, отдел охраны и пропаганды памятников, отдел научно-просветительной работы, реставрационный отдел и художественно-оформительский отдел. Это деление впоследствии неоднократно пересматривалось. В структуре фондов числились: фонд естественно-исторических коллекций, фонд археологических коллекций, фонд этнографии, фонд изобразительных коллекций, фонд изделий из металла, керамики, дерева, оружия и т.д., фонд нумизматики, фонд редкой книги⁴. Подобное деление было связано с условиями существования музея и с количеством сохранившихся экспонатов. Немаловажную роль при этом играла также обеспеченность отделов сотрудниками.

Научная и исследовательская деятельность музея на этом этапе была парализована. Заведующим отделом археологии М.Х. Ошаевым была начата работа по комплектованию и систематизации археологических памятников, но она прервалась из-за его болезни. Вообще работа археологического отдела все время страдала от хронического недостатка подготовленных специалистов. Отсутствие опытных археологов ощущалось повсеместно — и в вузах, и в научно-исследовательских организациях. Поэтому долгое время отдел археологии музея был представлен лишь одним заведующим. И в этом заключался горький

парадокс: ведь именно археологическая коллекция составила самую значительную часть спасенных предметов.

Хранение предметов археологии все время вызывало обоснованную тревогу у руководства музея. Ведь любой предмет, извлеченный из земли, требует особого внимания и режима хранения. А вещи археологической коллекции были беспорядочно свалены в кучу.

Самым значительным мероприятием, проведенным сотрудниками музея в 1995 г., была государственная инвентаризация спасенных ценностей. Она охватила все фонды, за исключением фонда археологии.

Была проведена огромная работа по выявлению музейных предметов и их упорядоченному размещению. Нехватка квалифицированных кадров сказалась на качестве инвентаризационной деятельности. Было допущено множество ошибок: давались неточные, по-

243

рой произвольные наименования предметам, неквалифицированно определялась принадлежность предмета к различным музейным фондам. Но, несмотря ни на что, инвентаризация была завершена. Комиссия зарегистрировала 1990 единиц музейных экспонатов, из них 783 единицы основного фонда, 220 единиц вспомогательного фонда, 705 единиц без установленных номеров⁵.

Другим направлением музейной работы в это время стала деятельность по комплектованию новых коллекций. Для начала был предпринят сбор печатных изданий, трактующих современную историю ЧР, а также видеоматериалов, звукозаписей, документов, свидетельств очевидцев событий 1991—1995 гг.

Была утверждена фондово-закупочная комиссия, но ее деятельность так и не началась по причине полного отсутствия финансовых средств для закупки предметов. Музей страдал от нехватки квалифицированных кадров⁶.

Музей по-прежнему находился в прифронтовых условиях. Обращения в разные инстанции с просьбами о помощи оставались без внимания. Все помещения требовали капитального ремонта. Нужны были дополнительные меры по обеспечению безопасности хранения и круглосуточной вооруженной охране, потому что были попытки проникновения к коллекциям с целью хищения.

По договоренности с Министерством культуры музей должен был войти в число объектов, подлежащих реставрации. Эту работу взялась провести одна из турецких строительных фирм. Была выполнена небольшая часть работ, но из-за тяжелой обстановки и постоянных угроз турецкие строители покинули республику. Музей стали растаскивать по кирпичику на стройматериалы. Эта беда общими усилиями была отведена.

Не лучше обстояло дело с собранием Музея изобразительных искусств. В целях безопасности в марте 1995 г. 476 единиц хранения были сданы в гаражи здания Дома Правительства. Большинство из них срочно нуждались в реставрации. Российские структуры проявили в этом вопросе свою заинтересованность. Тогдашний секретарь Совета Безопасности Российской Федерации О. Лобов, являвшийся полномочным представителем Президента РФ в Чеченской Республике, направил запрос министру культуры России: "В связи с необходимостью сохранения находящихся в ЧР музейных ценностей прошу Вас сообщить предложения МК РФ по решению этого вопроса..."⁷.

Уже в марте было решено обеспечить реставрацию пострадавших полотен в научных центрах России. Почти сразу же первая партия, состоящая из 60 произведений живописи из Музея изобразительных искусств им. П. Захарова, на военно-транспортном самолете была отправлена в Москву на реставрацию во Всероссийский научно-реставрационный центр им. Академика Грабаря. На оплату работ Министерство культуры РФ выделило в апреле 1995 г.

244

250 млн. руб. В первую партию вошли ценные картины, наиболее пострадавшие. Их реставрация велась в первую очередь. Уже в конце 1995 г. восстановление таких картин, как "Итальянский дворик" И. Бродского, "На Валааме" А. Куинджи было завершено⁸.

Извлечение других картин из-под завалов продолжалось. Вскоре еще 34 полотна были отправлены в центр Грабаря на реставрацию.

Первые восстановленные полотна из собраний музеев Чеченской Республики были выставлены в Академии художеств в Москве на выставке "Реставрация-98". Среди них были отреставрированные работы В.А. Тропинина, И.К. Айвазовского и некоторых голландских художников. Специалисты центра Грабаря проделали колоссальную работу, по крупицам восстановив поврежденный авторский слой. В управлении музеями Министерства культуры России было принято решение восстановленные картины возратить в Чеченскую Республику лишь тогда, когда будут созданы условия для их сохранности. Этот вопрос

остаётся открытым по сегодняшний день.

Работы по извлечению всех предметов (и не только картин) из-под развалин в апреле-мае 1995 г. были завершены. Однако меры по обеспечению учета, хранения, реставрации музейных экспонатов вызывали беспокойство. Только лишь 21 октября 1995 г. было подготовлено постановление № 720 "О государственной комиссии по проверке сохранности музейных фондов ЧР". В состав комиссии вошли представители министерства, общественности, специалисты музейного дела. Целью ее являлось перепись всех сохранившихся в музеях экспонатов, выяснение степени причиненного ущерба коллекциям, определение количества утраченных предметов, а также выявление расхитителей. В январе 1996 г. работа комиссии была близка к завершению. Правда, неизвестно, какое влияние имела ее деятельность на улучшение музейного дела в республике. Тем более что все материалы сгорели во время августовских боев 1996 г.

В конце 1995 г. была достигнута официальная договоренность с Министерством культуры Российской Федерации о принятии на временное хранение музейных фондов ЧР и их реставрацию, с последующим размещением коллекций музеев Чеченской Республики во Всероссийском государственном музейно-выставочном центре Российского музея изобразительного искусства в Москве. При этом гарантировалось обеспечение музейного режима хранения экспонатов и возврат их в республику после создания условий для их хранения и экспонирования в восстановленном здании музея.

Аналогичная договоренность была заключена и с дирекцией Государственного музея Востока для передачи в него на временное хранение археологических коллекций музея им. Х. Ошаева. Кроме того, было достигнуто соглашение с Министерством культуры РФ и Государственным музеем Кремля о принятии им на хранение пред-

245

метов из спецхрана музеев ЧР с соблюдением особых условий музейного хранения⁹. Из-за необеспеченности маршрута перевозки ЧГНОМ отказался от этого мероприятия.

В течение всего 1995 г. Министерство культуры ЧР и дирекция музеев неоднократно обращались к руководителям соответствующих министерств и ведомств с просьбой включить здание музея в план первоочередных ремонтных работ, но эти просьбы повисли в воздухе.

Надо особо отметить, что в тяжелейших условиях сотрудники пытались возродить музеи или хотя бы спасти уцелевшие ценности. Строили планы на будущее. Однако вся работа, проделанная в 1995—1996 гг., оказалась напрасной. В августе 1996 г. новая, еще более страшная беда довершила уничтожение того, что осталось после зимы 1994/95 г.

6 августа 1996 г. вновь разгорелись ожесточенные бои в г. Грозном. В гуще сражений оказался и музей. Как известно, основная масса спасенных коллекций находилась в охраняемых хозяйственных помещениях Министерства культуры. В результате боевых действий все три гаража с музейными предметами были уничтожены: один полностью разрушен бомбой, два других ограблены и сожжены. Кроме того, вновь было разграблено здание Музея изобразительных искусств им. П. Захарова.

Если ранее еще можно было говорить о возрождении коллекций, то теперь все было кончено. Потери составили 99% музейных фондов. Погибли остатки этнографических коллекций и коллекций холодного и огнестрельного оружия; 101 предмет этнографического собрания (пояса женские и мужские, женские нагрудные застёжки, серьги и подвески, холодное оружие, платиновые пластины и проволока)¹⁰. Кроме того, полностью сгорели 476 единиц произведений искусств (из них 77 единиц из Краеведческого музея). По словам бывшего директора музея им. П. Захарова Н.С. Ширяевой, из 1200 произведений искусства к осени 1996 г. сохранилось около 400. В частности, из 9 работ выдающегося чеченского художника академика П. Захарова сохранилось всего две - "Автопортрет" и "Портрет Ладъженского"¹¹. Из спецхрана ЧГНОМ похищено 178 предметов из драгоценных металлов и камней. Таким образом, в августе 1996 г. война забрала все то, что не смогла уничтожить зимой 1994/95 г.

Как только боевые действия прекратились, руководство музея сразу же объявило розыск пропавших музейных ценностей. В результате упорных поисков и сложных переговоров в музей были возвращены 238 картин. Большинство полотен имели механические повреждения и нуждались в реставрации. Сохранялась маленькая надежда обнаружить пропавшие предметы под завалом в гараже Министерства культуры. Были проведены раскопки, и под слоем пепла и мусора нашли остатки былых коллекций. Каждый предмет фиксировался и переправлялся в музей.

246

Но колоссальные потери поставили под вопрос само существование республиканских государственных музеев — Национального и Изобразительных искусств им. П. Захарова. Поэтому осенью 1996 г. была проведена реорганизация музейной сети ЧР. В результате оба

музея были объединены в одно учреждение. 28 сентября 1996 г. вышло распоряжение Кабинета Министров за № 34-Р "О реорганизации структуры Министерства культуры ЧРИ". На его основании 16 октября 1996 г. и последовал приказ министра культуры за № 82-П "О создании Чеченского государственного национального музея" (ЧГНМ), который официально закрепил объединение двух музеев. Не последнюю роль в этом сыграли и финансовые трудности. Правительство стремилось уменьшить расходы на музейные проблемы и после объединения сократило расходы на содержание музея на 50%. Была сформирована комиссия, которая провела инвентаризацию музейного и книжного фондов.

На очередь дня встала трудная задача восстановления разрушенной двухлетней войной музейной сети республики. К сожалению, ни ЧГНМ, ни другие музеи не вошли в число первоочередных объектов, подлежащих восстановлению. Вся тяжесть восстановительных работ вновь легла на плечи сотрудников музея. Уже осенью 1996 г. работники музея провели некоторые ремонтные работы в залах, служебных и подвальных помещениях музея. Было восстановлено энергоснабжение, проводились работы и по благоустройству прилегающей территории. Все работы выполнялись в крайне сложной обстановке и при отсутствии элементарных условий труда¹².

Руководство музея постоянно обращалось за помощью в правительство. Встречи с чиновниками не приносили ощутимой пользы. Вся помощь сводилась практически к единовременной выдаче заработной платы сотрудникам и 5 тыс. долларов для приобретения предметов, представляющих музейную ценность. Конечно, это была мизерная поддержка, и руководство музея вновь и вновь шло на контакт с государственными структурами. В письме на имя министра культуры ЧР А. Закаева директор музея В. Асталов просил возбудить ходатайство в правительство по вопросу "О государственной поддержке Национального музея, и прежде всего его материально-технической базы". Был предложен ряд мер, которые могли бы существенно помочь музею, и выражена тревога по поводу незаконных раскопок на территории республики и незаконной торговли похищенными ценностями. В письме директора музея указывалось: "В настоящее время Национальный музей находится в крайне стесненных условиях и занимает лишь 50% площадей, принадлежавших ранее республиканскому Музею ИЗО. И это при том, что нынешний музей создан на базе двух музеев... Имеющиеся фонды и планировка позволяют только разместить музейные фонды, а о систематизации фондов, хранении музейных предметов по видам фондов, размещении экспозиции и выставок, обеспечении творческих работников

247

служебными помещениями говорить не приходится. Объективные условия функционирования музея, усугубляемые материальными трудностями, делают проблематичным выполнение плановых научно-исследовательских, научно-просветительских, экспозиционных, фондовых, хранительских задач"¹³.

И все же за первый послевоенный год музей сумел провести ряд мероприятий. Вновь были организованы раскопки развалин головного здания бывшего ЧГНОМ. Удалось извлечь монеты античного периода из бывшей нумизматической коллекции, картины местных художников, отдельные предметы этнографической коллекции, часть архивной документации, предметы изобразительно-прикладного искусства, небольшую часть археологической коллекции, в том числе золотые изделия, детали механизмов нефтедобычи разных эпох¹⁴.

Параллельно шел поиск пропавших и похищенных предметов. Совместно с Министерством культуры удалось найти и вернуть некоторые ценные картины, до войны входившие в состав основного фонда Музея изобразительных искусств им. П. Захарова, которые нуждались в срочной реставрации.

В который раз встала проблема учета уцелевших ценностей. Вновь была проведена инвентаризация музейных фондов. Однако данные по инвентаризации в целях сохранности предметов не публиковались. Известно только, что книжный фонд составил 3335 единиц хранения¹⁵. Инвентаризация выявила множество предметов, не отвечающих экспозиционным характеристикам, — поврежденных и нуждающихся в реставрации. Отдельные предметы превратились в лом.

Долгое время шла подготовка к инвентаризации археологической коллекции. На ее осуществление влияли очень серьезные причины. Все предметы археологической коллекции оказались перемешанными, без учетных обозначений, большей частью разбитые. Утрачены инвентарные книги и отчеты археологических экспедиций. Другая причина заключалась в том, что на весь музей работал всего один археолог-специалист М.Х. Ошаев. Совокупность этих причин делала идентификацию музейных предметов почти невозможной. Поэтому в июле-августе 1997 г. был проведен первоначальный учет археологических предметов. Полные идентификация, систематизация и инвентаризация были отложены на будущее.

Наряду с учетом своих фондов музей начал проводить и другую специфическую работу: пополнение фондов и научные исследования. Некоторые ценные предметы были закуплены у населения, другие передавались в дар музею. Для их принятия были воссозданы Ученый совет и фондово-закупочная комиссия. Были установлены связи со Всемирным фондом защиты памятников истории и культуры. В плане научно-исследовательской работы важнейшим направ-

248

лением стало изучение событий 1991—1997 гг. в Чеченской Республике. Велся сбор подлинных документов и фактического материала. На очередь дня встала задача восстановить хронологию и документально осветить ход боевых действий российско-чеченской войны 1994-1996 гг.

В январе 1997 г. состоялись первые заседания Ученого совета музея. На них была рассмотрена и утверждена следующая структура музея¹⁶:

- 1) отдел фондов;
- 2) отдел археологии, древней и средневековой истории;
- 3) отдел этнографии и культуры;
- 4) отдел докапиталистической истории (XVIII—XIX вв.);
- 5) отдел современной истории;
- 6) отдел природы и экологии;
- 7) экспозиционный отдел;
- 8) научно-просветительский отдел;
- 9) отдел охраны и пропаганды памятников истории и культуры;

10) отдел изобразительного искусства;

11) библиотека;

12) реставрационная мастерская.

На заседании Ученого совета было решено основной упор перенести на фондовую работу, классификацию и систематизацию музейных фондов, а также сбор материалов по истории и культуре чеченского народа. Кроме того, были созданы реставрационная и ликвидационная комиссии, в задачу которых входила работа по определению предметов, подлежащих реставрации или не годных к восстановлению. Всего в 1997 г. было проведено 6 заседаний Ученого совета музея. По решению Ученого совета была проведена полная инвентаризация музейных фондов и материальных ценностей. При этом проблема разработки методики учета музейных ценностей в условиях утери учетной документации не была решена. Предметы были топографированы в соответствии со структурой фондов, и начата их классификация. В ходе инвентаризации всем предметам присваивались временные учетные номера и определялся вид хранения. Заново приходилось разрабатывать шифрограммы учетных обозначений для нанесения на классифицированные и систематизированные предметы¹⁷.

В 1997 г. руководство ЧГНМ приступило к инвентаризации в филиалах музея. К уже существующим филиалам в селах Шатой и Махкеты с марта 1997 г. прибавились бывшие независимые музеи и ряд вновь созданных. Лучше всего обстояли дела в мемориально-этнографическом музее Л.Н. Толстого в станице Старогладковской. Несмотря на хищения и разваливающееся здание, этот филиал сохранил свои коллекции и даже продолжал функционировать. Гораздо более сложная ситуация сложилась в других филиалах.

249

В Шатое музей А. Шерипова оказался частично разрушенным в результате авиабомбежек. К тому же на здание музея и прилегающий к нему земельный участок претендовали родственники известного героя Гражданской войны. К счастью, большую часть предметов из этого музея удалось сохранить, но функционировать музей уже не мог.

В с. Махкеты здание музея было передано под мечеть. Музей М.Ю. Лермонтова располагался в здании средней школы и почти не имел музейного значения. Коллекции этих музеев были разграблены в период военных действий, лишь небольшую часть экспонатов удалось эвакуировать. В 1997 г. музей в с. Махкеты занимал площадь 70 кв. м в здании администрации села.

После проведения инвентаризации в 1997 г. фонды ЧГНМ составили 2868 предметов (за исключением фонда археологии). Из этого числа 2391 предмет (1783 основного фонда и 608 научно-вспомогательного) находится в главном музее, а 477 - в филиалах¹⁸.

В Чеченском государственном национальном музее на 31 декабря 1997 г. числилось 43 человека (в том числе 3 сотрудника в музее с. Махкеты). Из них 22 человека - научные сотрудники, остальные - хозяйственный, административный и технический персонал. Для

пополнения фондов приобретено 637 единиц предметов по археологии, этнографии, нумизматике, искусству и т.д. 114 предметов извлечено из-под руин старого здания. Книжный фонд увеличился почти вдвое и составил 6038 единиц хранения¹.

Главным достижением ЧГНМ, безусловно, стало открытие выставки "Искусство, опаленное войной". Ее цель — показать ущерб, нанесенный войной национальному достоянию республики, ее культуре. Выставка была организована благодаря энтузиазму сотрудников музея. На скудные средства собственными силами было отремонтировано здание для выставки и проведено электричество. Выставка имела большой резонанс в республике, но тяжелая общественно-политическая обстановка не располагала к ее массовому посещению. Всего за период с сентября по декабрь 1997 г. выставку посетило чуть больше 3 тыс. человек. Выставка не была застывшей, все время она менялась и совершенствовалась. К 23 февраля 1998 г. макеты погибших произведений искусства были заменены уцелевшими.

В указанный период была организована передвижная выставка произведений художника М. Эскерханова. Она была показана за пределами республики.

Музеи являются хранителями национального достояния народа, своеобразным мостом между прошлым и будущим. У музеев Чеченской Республики, как и у чеченского народа, сложная и трагическая судьба. И роднит их прежде всего то, что какое бы испытание ни выпадало на их долю, они выживают, неизменно возрождаются к жизни.

250

¹ Текущий архив ЧГНМ. Письмо на имя вице-президента ЧРИ. С. 1.

² Ичкерия. 1997. 19 апр.

³ Текущий архив ЧГНМ. Письмо на имя вице-президента ЧРИ. С. 1.

⁴ Текущий архив ЧГНМ. Отчет о работе ЧГНОМ за 1995 г. С. 1.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Грозненский рабочий. 1996. 5 янв.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Текущий архив ЧГНМ. Отчет о работе ЧГНМ за 2-е полугодие 1996 г. С. 1.

¹¹ Ичкерия. 1997. 19 апр.

¹² Текущий архив ЧГНМ. Отчет о работе ЧГНМ за 2-е полугодие 1996 г.

С. 2.

¹³ Текущий архив ЧГНМ. Письмо вице-премьеру правительства ЧРИ, ми

нистру культуры ЧРИ А.Х. Закаеву. С. 1.

¹⁴ Текущий архив ЧГНМ. Отчет о работе ЧГНМ за 2-е полугодие 1996 г.

С. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Текущий архив ЧГНМ. Протокол заседания Ученого совета ЧГНМ № 1 от 8 января 1997 г. С. 2.

¹⁷ Текущий архив Министерства культуры ЧРИ. Отчет о работе ЧГНМ за 1997 г. С. 1.

¹⁸ Там же.

«Там же. С. 2.

С.У. Димаев

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ, МЕСТО И РОЛЬ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ ИНОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОЗИТОРОВ

Чеченцы и ингуши могут гордиться своим народным творчеством. Правда, собирать, записывать и расшифровывать чеченский фольклор сначала стали представители не коренной национальности, так как у нас не было таких специалистов.

Самым первым собирателем чеченского фольклора следует назвать Абдул-Муслима Магомаева. Он родился в 1885 г. в семье кузнеца-оружейника, уроженца с. Старые Атаги. В доме Магомаевых царил творческая атмосфера: ставились домашние спектакли, звучала музыка, любили танцы, художественную литературу. Старший брат Муслима прекрасно играл на гармоне и флейте, увлекался фотографией и живописью, руководил ученическим оркестром в своей школе, позднее преподавал европейские и восточные танцы.

Маленький Муслим был музыкальным, легко и быстро подбирал на гармонике народные мелодии, прекрасно рисовал, пел, танцевал, играл на разных музыкальных инструментах; в Грозненской городской школе овладел игрой на скрипке, участвовал в ученических концертах.

В 1900 г. Муслим поступил учиться в Закавказскую учительскую семинарию в г. Гори. Здесь он подружился с Узеиром Гаджибековым.

М. Магомаев - автор таких сочинений, как оперы "Шах Исма-ил", "Нэргиз"; около 15

симфонических произведений разного жанра, незаконченный балет "Дели Мухтар" ("Сумасшедший Мухтар") и ряда других сочинений, которые пока не найдены. Есть сведения, что они хранятся в музее им. М. Магомаева в Баку, что композитор собирал чеченский фольклор, обработал и записал большое количество сочинений, основанных на национальном фольклоре, но сколько их и где они находятся, не установлено.

М. Магомаев на основе записанных им чеченских народных мелодий создает ряд композиций: "Маленькая фантазия", "Попурри из туземных мотивов", "Чеченская пляска", "Песни и танцы Чечни". Но даже в сочинениях, явно основанных на азербайджанском фольклоре, чувствуется мелос, интонация и ритмы чеченского народа. Таким образом, мы можем говорить, что первым профессиональным композитором и собирателем чеченского фольклора был наш земляк Муслим Магомаев.

252

В дальнейшем собирали чеченский и ингушский фольклор представители других национальностей.

Первый из них — А.А. Довиденко. В 1925 г. была организована научно-исследовательская экспедиция по изучению чеченского и ингушского фольклора, в которой и участвовал Довиденко. Труды этой экспедиции были выпущены в свет в 1926 г. в Москве. Довиденко издал сборник фортепианных пьес, в который вошли 30 народных мелодий и песен.

В 1929 г. композитор Е.К. Колесников из Северной Осетии записал и опубликовал 5 ингушских народных мелодий в сборниках литературного общества.

Неоценимый вклад в дело собирания и изучения чечено-ингушского музыкального фольклора внес Г.Х. Мепурнов, который руководил оркестром и хором Чечено-Ингушского радиокомитета, созданного в 1935 г. Под руководством Мепурнова работали такие музыканты, как два брата-гармониста Димаевы - Умар и Абдул-Азим, Ахмед Эльмурзаев, Йисита Ганукаева, Бауди Сулейманов, Хожа Мандиев и др.

Г.Х. Мепурнов - автор многих профессиональных сочинений для оркестра народных инструментов, а также сочинений для хора радиокомитета. Им написан ряд крупных произведений: "Героическая поэма" (посвященная Асланбеку Шерипову), "Фантазия на чечено-ингушские темы", "Горские эскизы" и др.

С 1936 г. начинается новый этап в развитии национальной музыкальной культуры. Руководителем оркестра народных инструментов в национальном театре становится композитор А.И. Александров. Роль Александрова в деле формирования национальной музыкальной культуры чеченцев и ингушей неоценима. Под его руководством была создана музыка к таким спектаклям, как "Бешто", "Костры на башнях", "Храбрый Кикила", "Бэла", "Красная крепость", "Мирза-усач" и др.

Александр Ильич конечно же не знал чеченский фольклор. Он и Умар Димаев, который работал в его оркестре, буквально ночи напролет засиживались в театре или дома, перебирая весь чеченский фольклор, пока не нащупывали нужную мелодию, чтобы создать музыку на нужную тему. Так родились широко известные в Чечне произведения "Усатый Мирза", "Храбрый Кикила", "Песня Бэлы", "Мы танцуем на базаре" и самое знаменитое произведение - "Нохчийн вальс" ("Чеченский вальс"). Музыка в данном жанре Александрову нужна была, чтобы подчеркнуть интернациональную сцену в спектакле "Красная крепость". Асет Димаева (жена Умара) говорила: «Когда они находили мелодичный материал, Александр Ильич вскакивал со стула и с сияющим лицом восклицал: "Умарик, это то, что нам нужно!" и сразу же приступал к оркестровке». Так родилась музыка "Чеченского вальса", которую спела Роза Багланова впервые по казахстан-

253

скому радио на чеченском языке, а слова написал Абдулла Ха-мидов.

В сборник вошли 53 чеченские народные мелодии и 26 ингушских, в том числе записанные Е.А. Колесниковым, А.М. Халевским, М.М. Бронштейном, Б.И. Шнапером, С. Цугаевым и А. Шах-булатовым.

На основе фольклора Н. Речменский написал такие симфонические сочинения, как "Памяти Асланбека Шерипова", "Старинный чеченский марш", "Ингушское интермеццо".

"Чеченскую сюиту" на темы народных песен написал А. Халевский; "Симфоническую поэму на чеченские темы" — Б. Шнапер; "Концертино для фортепиано с оркестром на материале народных песен" - В. Ашкенази. В жанре симфонической музыки работал и дирижер Казанец.

Но особую роль в деле воспитания и подготовки национальных кадров в области композиции сыграл Заслуженный деятель искусств Казахской ССР, доцент, композитор и дирижер Л.М. Шерго-родский. Он начал преподавать в Грозном в 1958 г. Его первыми учениками были я и Аднан Шахбулатов. Он многое нам дал. Бережно и осторожно раскрывал

то, что было заложено в нас от природы.

Аднан Махкаевич Шахбулатов родился 25 ноября 1937 г. в с. Урус-Мартан, в семье крестьянина. Начальное музыкальное образование получил в Грозненском музыкальном училище, а затем - в Московском музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных по классу композиции Г.И. Литинского. По возвращении домой он начал изучать фольклор, писать музыку. В его творчестве произошло слияние черт и особенностей классического и национального искусства на основе взаимопроникновения. Он пишет в различных жанрах: сонаты для фортепиано, оркестровые произведения, музыку к театральным постановкам, но любовь к жанру песни в его творчестве все же преобладает.

В 1957 г. песня Шахбулатова "Женщинам" удостоена специального диплома на Всесоюзном конкурсе, посвященном Международному году женщины. Особо ярко дарование композитора проявилось в его вокальных циклах: "Из чечено-ингушской народной поэзии" (составитель М. Дикаев), "Разлука" на стихи венесуэльского поэта Магальянеса. Песни Шахбулатова посвящены различным сторонам жизни человека, событиям, происходящим на нашей планете.

Композитор много сделал для развития жанра эстрадной песни. Он развил этот жанр до высокого профессионального уровня. Народ и музыкальная общественность высоко оценили его творчество. Он был принят в Союз композиторов СССР. Его произведения удостоены дипломов и первых премий. В 1977 г. Шахбулатову было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств ЧИАССР.

Умар Бексултанов - тоже представитель национальной композиторской школы. Он получил образование сначала в г. Фрунзе, за-

254

тем — в старейшей в стране Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. Учился по классу композиции у профессора О.А. Евлахова. С 1967 г. У. Бексултанов — член Союза композиторов СССР.

У. Бексултанов родился 20 октября 1937 г. в с. Чечен-Аул, в семье крестьянина. После окончания консерватории работал в Грозном. Он расширил и развил начатые еще композитором Г. Мепурно-вым творческие традиции симфонической поэмы. Ему принадлежат следующие сочинения: симфоническая поэма "Сказания гор", сюита "Родной мой край", симфоническая поэма "Тамар", "Пионерская увертюра", концерт для фортепиано с оркестром. Позже появляются такие сочинения, как программная симфония "За власть Советов", эпическая оратория "Дорогой Октября"; он пишет музыку к драматическим спектаклям "Петимат", "Совдат и Дауд", "Вторая волна" Х. Ошаева.

Главная особенность композиторского почерка У. Бексултано-ва - разнохарактерность, широта творческого самопроявления, яркий гармонический язык, вобравший в себя специфику национального мышления. Заслуги У. Бексултано-ва неоднократно отмечались, в 1974 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств ЧИАССР.

В Союзе композиторов ЧИАССР, который открылся в 1989 г., работает музыковед Светлана Вахаевна Татаева. В 1964 г. она окончила Грозненское музыкальное училище и в 1966 г. поступила в Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных на фортепианное отделение, который окончила в 1972 г., и через три года поступила в аспирантуру. Она работала преподавателем в Ленинградской консерватории, изучала фольклор. Вышло несколько ее трудов: "Композитор Умар Бексултанов", "Чечено-ингушская музыка" и др.

В 1976 г. С.В. Татаеву пригласили на работу в НИИ культуры при Министерстве культуры РСФСР в Москве. В настоящее время она работает в Санкт-Петербурге, преподает в музыкальной школе при консерватории. С.В. Татаева написала более 20 работ и статей по различным вопросам музыковедения. С 1980 г. она является членом Союза композиторов СССР (музыковед).

Скажу несколько слов и о себе. Я член Союза композиторов с 1989 г., окончил Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных по классу композиции О.К. Эгейса и как музыковед - по классу профессора Татьяны Поповой в 1968 г. Среди моих сочинений неоконченный балет "Хаджи-Мурат", "Рапсодия для симфонического оркестра и национальной гармоники", "Концерт-рондо для фортепиано с оркестром", оратория "Время - действовать" на собственное либретто, симфония с солирующей трубой в финале, Соната для скрипки и фортепиано, песни, цикл романсов "Трудная любовь" на стихи Р. Ахматовой, хоровые произведения, музыка для детей и юношества,

255

музыка к театральным постановкам "Бессмертные", "Сид", "Отел-ло", "Из тьмы веков", "Свобода или смерть", "Радуга зимой", "Земля отцов" и др., сюиты: "Отелло" для симфонического оркестра, Струнная сюита, Сюита для деревянных духовых инструментов,

около 150 песен. Я автор музыковедческой работы "Ладогармоническая основа чечено-ингушской народной музыки". Записал и расшифровал 120 народных мелодий от отца - У. Димаева. В настоящее время работаю над монографией о моем отце У. Димаеве.

Необходимо упомянуть и о том, что кроме перечисленных композиторов и музыковедов коренной национальности в наших рядах есть и Наталия Викторовна Антоненко, композитор, член Союза композиторов СССР с 1989 г. А это значит, что наша организация расширилась и пополнилась новым членом Союза не только коренной национальности. Наталия Антоненко - председатель нашего творческого Союза.

Н.В. Антоненко родилась в Грозном в 1959 г. Получила образование в Ростовском музыкально-педагогическом институте как композитор. Ей принадлежат сочинения различных жанров, среди них: Концерт для скрипки с оркестром, хоровая сюита на стихи А.С. Пушкина, две комические оперы по Чехову, фортепианные произведения, песни, романсы на стихи местных поэтов. Н.В. Антоненко плодотворно работала в Грозненской музыкальной школе № 1, где вела класс композиции и фортепиано. Среди ее учеников - талантливейший вундеркинд Адлан Тарамов, будущий композитор. Еще один талант — сын нашего певца Зайнди Хасанова, также будущий композитор.

Большой вклад в дело сохранения и развития национального музыкального фольклора внесли Народный артист ЧИАССР Умар Димаев, Народный артист ЧИАССР Валид Дагаев, Султан Магомедов, Супьян Цугаев, Рамзан Паскаев, Идрис Цицкиев, Бауди Сулейманов, Марьям Айдамирова, Шита Эдисултанов и многие другие, перечислять всех нет возможности, да простят они мне. До нынешних событий в республике развивались все жанры творчества, особенно в музыке, театре, хореографии. Можно смело сказать, если основоположником национальной эстрадной песни был композитор Аднан Шахбулатов, то осваивать и довести жанр вокально-инструментального ансамбля профессионального уровня удалось мне. Наверное, нет надобности подробно останавливаться на этом - вспомним программы ансамбля "Зама", его творческие поиски и весь путь.

Профессиональное искусство чечено-ингушского народа постоянно развивалось. Вспомним наши театральные постановки, достижения в области хореографии, симфонические вечера; мы уже стояли на пороге создания национального балета: Сайд-Эмин Януркаев и я уже работали над созданием балета "Хаджи-Мурат". Было написано либретто оперы "Совдат и Дауд" по А. Хамидову, обозначены основные образцы, подобран тематический материал, намечены голоса. Над

256

этой оперой работал и я, но воплотить замысел в жизнь не удалось, я успел завершить только ораторию "Время — действовать" для большого симфонического оркестра и хора, чтеца и двух солистов — время звучания 55 минут. Либретто я тоже написал. Готовилась опера к постановке в Бакинской филармонии в 1988 г. И все сорвалось!

В последнее десятилетие из-за войны музыкальный процесс оборвался, движения нет, образование прервано. Возрождение всего того, что мы имели, весьма проблематично; для этого необходимы титанические усилия как республики, так и ее творческой интеллигенции.

Мне думается, что для возрождения культуры в Чечне необходимо следующее:

1. Разработать план по подготовке будущих кадров для всех сфер искусства.
2. Объявить набор особо одаренных детей для обучения в художественных учебных заведениях.
3. Обеспечить государственную опеку обучающихся детей.
4. Подготовить места работы для выпускников.
5. После первого выпуска объявлять наборы до тех пор, пока республика не обеспечит своими кадрами филармонию, музыкальное училище. Постепенно надо готовить кадры для открытия консерватории. Необходимо открыть в республике оперный театр, создать симфонический оркестр, государственную хоровую капеллу. Все это может способствовать дальнейшему духовному развитию чеченского народа.

ЧЕЧЕНСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ
И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ИСКУССТВО НАРОДОВ РОССИИ
И ЗАКАВКАЗЬЯ

Тема о влиянии чеченского музыкального и изобразительного искусства на искусство России, Грузии, Азербайджана и другие республики бывшего СССР сложная, потому что ни в одной республике не только не хотели ее освещать, но даже не любили упоминать об этом. И тем не менее такое воздействие было и есть до настоящего времени. Мы попытаемся оценить влияние творчества первого чеченского композитора Абдул-Муслима Магомаева на искусство народов не только Советского Союза, но и многих государств. К сожалению, ни в одной энциклопедии не указывается чеченское происхождение знаменитого композитора.

Абдул-Муслим Магомаев родился 18 сентября 1885 г. в с. Старые-Атаги, там же, где и не менее знаменитый танцор Махмуд Эсамбаев. В г. Грозном прошли юность и становление Абдул-Муслима как музыканта. Здесь он создал свои первые произведения на основе чеченских мелодий: "Маленькая фантазия", "Чеченская пляска", "Песни и танцы Чечни". Но на родине Абдул-Муслим не мог применить свои знания и талант, потому что ни в Грозном, ни тем более в с. Бековичи, где ему пришлось жить и работать, условия для этого еще не сложились. Театр-студия был организован в Грозном лишь в 1933 г.

В 1900 г. Абдул-Муслима зачислят слушателем Закавказской семинарии в Гори, куда съезжалась молодежь со всего многоязычного и разноликого кавказского края. Зачисленные в семинарию учащиеся жили и учились за казенный счет. А по окончании учебы, которая продолжалась пять лет, выпускники обязаны были отработать этот же срок учителями народных школ. Среди однокашников чеченца оказался и будущий выдающийся композитор Азербайджана Узеир Гаджибеков. Сама судьба свела в стенах Горьской семинарии музыкально одаренных юношей Абдул-Муслима и Узеира, родившихся, кстати, в один и тот же день, месяц и год!

Учеба и пребывание в многонациональной семье учащихся, частые коллективные выезды во время каникул в Тифлис, посещение театров (особенно оперного) помогали развитию творческих способностей, прививали высокий художественный вкус, содействовали межнациональному взаимопониманию. В стенах семинарии нача-

258

лись и продолжались всю жизнь дружба и творческое сотрудничество Муслима Магомаева и Узеира Гаджибекова.

В семинарии преподавали музыку и пение. Игра на скрипке была обязательной для всех. Эти предметы особенно нравились Абдул-Муслиму. Там он научился играть и на гобое. Музыка все больше и больше заполняла его жизнь. Вскоре Муслиму разрешили выступать с концертами в составе духового и струнного оркестров в городском саду и в общественном клубе. Юноша делал такие большие успехи, что ему доверили встать за дирижерский пульт. С тех пор он нередко заменял дирижера.

Семинария осталась позади. Абдул-Муслим возвращается на работу домой, в Чечню. По распределению он попадает в с. Бековичи, где должен отработать пять лет. Здесь и начнет Магомаев свою трудовую деятельность учителем и заведующим народной школой.

В Бековичах Абдул-Муслим проработал недолго, но след оставил заметный. Кроме основных предметов он преподавал и пение. Ему удалось организовать школьный хор, выступления которого пользовались большим успехом. В селе учителя Магомаева полюбили, прониклись к нему уважением. Но ему недоставало родных и друзей. Оторванный от той духовной среды, что питала его талант, он чувствовал лишь горечь в душе. Абдул-Муслим решает переехать в Грозный. В письме, адресованном директору народных училищ Терской области, он пишет: "Окончив в текущем 1904 году курс в Закавказской учительской семинарии и получив при этом звание учителя, я бы готов был служить во всякой местности Российской империи, ибо пользу Отечеству можно принести везде. Но семейные обстоятельства, а именно старость родителей и их безграничные надежды, возлагаемые на меня как на единственную опору семьи, заставили меня просить... о разрешении мне служить на родине, именно в Грозненской горской школе".

На прошение Магомаев получил отказ. В ответе директора слышались великодержавные интонации, исключавшие культурное взаимообогащение наций: "Уведомить Магомаева, что

там, где православные ученики, по закону может быть назначен только православный учитель, а потому его просьба не может быть удовлетворена".

Этот приговор означал, что не только сейчас, но и в будущем рассчитывать на работу по специальности в Грозном ему нельзя. Бесполезно было пытаться пробить стену равнодушия. Тогда Абдул-Муслим попросил своего друга Узеира Гаджибекова помочь ему перевестись в Азербайджан. Узеир сразу откликнулся. Муслим переехал в маленький провинциальный городок Ленкорань. Трудно даже представить себе подобное отношение к специалисту из местных кадров в то время, когда Россия считала, что она несла цивилизацию в горский край.

Целых шесть лет Абдул-Муслим учительствует в этом городке. Все свое свободное время отдает любимому делу - музыке. Организу-

9*

259

ет хор и оркестр из числа своих учащихся, создает драматический кружок, где ставит спектакли на азербайджанском и русском языках. Часто выступает в концертах, играя на скрипке. С его приездом творческая жизнь городка заметно оживляется. Абдул-Муслим находит здесь применение и своему таланту, и бьющей через край энергии.

Тогда же на концертах в Ленкорани впервые прозвучали его собственные сочинения: "Маленькая фантазия", "Попурри из туземных мотивов для симфонического оркестра" и др. К тому времени относятся его оркестровые переложения хора "Ноченька" (из оперы "Демон" А. Рубинштейна), "Индийского марша". Тогда же появилась опера "Шах Исмаил", которая принесла молодому композитору громкую славу.

В азербайджанских операх до Магомаева не использовался драматический текст. Заслуга композитора и в том, что он первым начал перекладывать мугам на язык симфонического оркестра. Нотная грамота мугама - открытие Магомаева.

Магомаев становится известным и уважаемым композитором, популярность которого шагнула за пределы Азербайджана. В 1930 г. он выпустил первый сборник народных песен. Создал несколько симфонических и вокальных произведений. С 1929 г. Магомаев становится директором Государственного театра оперы и балета и руководителем Азербайджанского радиоцентра. Работая на этом посту, он собрал и записал около 300 народных песен и танцевальных мелодий. Именно национальный фольклор служит тем прекрасным материалом, который обогащает его новые произведения.

Магомаев сделал для азербайджанского музыкального искусства намного больше, чем все местные композиторы до него. Поэтому ему одному из первых было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Азербайджана.

В 1920 г. Абдул-Муслим задумал создать оперу "Нэргиз" и в течение 15 лет работал над ней. 24 декабря 1935 г. состоялась ее премьера. За пультом стоял тяжело больной Магомаев. Премьера стала значительным событием в жизни республики. Многочисленные отзывы, рецензии в бакинских, московских, тбилисских газетах свидетельствовали об огромном успехе оперы.

Директор Дома-музея Узеира Гаджибекова Р.Г. Халилов пишет: "Не все знают, что одно из лучших произведений азербайджанского музыкального искусства - опера "Нэргиз", которую "Правда" назвала в 1935 году большой победой советского оперного искусства, принадлежит чеченцу - талантливому педагогу, композитору Аб-дул-Муслиму Магомаеву... Выдающийся сын чеченского народа композитор А.-М. Магомаев многое сделал для развития национальной музыки Азербайджана... Его большое музыкальное наследие принадлежит азербайджанскому и чеченскому народам... Музыкальные организации Чечено-Ингушетии должны шире знакомить трудящихся республики с творчеством А.-М. Магомаева".

260

Муслим Магомаев в своем творчестве прокладывал новые пути. Он безусловно содействовал динамическому развитию азербайджанской культуры в 1920-1930-е годы. И здесь он был воистину первооткрывателем.

Недолгую жизнь отпустила судьба Абдул-Муслиму. Он умер 28 июля 1937 г. Но за этот короткий срок он успел очень много.

Влияние его творчества и музыкальных произведений на искусство России, Закавказья и других государств было велико, его оперы ставились на сценах многих театров как в Советском Союзе, так и в других государствах, и пользовались большим успехом. Трудно даже сказать, какому народу он принадлежал больше, чеченскому или азербайджанскому.

По стопам великого деда спустя 20 с небольшим лет пошел не менее знаменитый внук, Народный артист СССР, оперный и эстрадный певец Муслим Магомаев, творчество которого известно во всем мире. Своим прекрасным необычным голосом Муслим не оставляет равнодушными слушателей. Когда он появился на музыкальном Олимпе, вся страна была очарована его манерой исполнения. Многие артисты, впоследствии ставшие известными, учились у него и подражали ему.

Особенно ярко раскрылся талант многих чеченских композиторов в те годы, когда дирижером Чечено-Ингушского симфонического оркестра был Народный артист СССР и Украины Ярослав Антонович Вошак. При нем оркестр расцвел и достать билеты на его концерты было почти невозможно. Вошак ежемесячно устраивал творческие вечера композиторов: Аднана Шахбулатова, Умара Бе-ксултанова, Сайда Димаева, Александра Халевского. Эти концерты становились настоящими праздниками в республике. При Вошаке расцвет получили не только Чечено-Ингушский симфонический оркестр, но и вся музыкальная культура республики. Это был период наивысшего подъема музыкального искусства вайнахского народа. Жена Вошака, Народная артистка СССР Галина Поливанова была украшением всех концертов, организуемых знаменитым дирижером. Тогда появилось много музыкальных произведений на местном материале. Вошак приглашал из Москвы и других городов Союза композиторов и заказывал им музыкальные произведения как малых, так и больших форм. Оркестр вместе с солистами выезжал на гастроли в соседние республики и пропагандировал вайнахское национальное искусство. Кроме того, солисты, приглашенные в республику для участия в концертах, уезжая к себе, еще долгое время хранили в своих программах произведения чечено-ингушских композиторов. Все это, безусловно, влияло и обогащало музыкальное искусство других народов как России, так и Кавказа.

Уже в 1980-е годы на музыкальный Олимп врывается не менее талантливый вокалист - Народный артист ЧИАССР Мовсар Мин-цаев (бас, баритон). В 1980 г. он становится лауреатом Всероссий-

261

ского эстрадного конкурса "Сочи-80". А через три года в Бразилии на Международном конкурсе вокалистов им. Вила Лобоса Мовсар Минцаев получает золотую медаль и первую премию за прекрасное исполнение чеченской народной песни "Зезаг" ("Цветок").

Настоящей оценкой таланта Минцаева стало приглашение его на работу в Большой театр в 1982 г. О масштабности артиста судят по сыгранным ролям. Мовсар является исполнителем почти всех главных партий в операх, поставленных в Большом театре: Бориса ("Борис Годунов" М.П. Мусоргского), Банко ("Макбет" Дж. Верди), Фигаро ("Свадьба Фигаро" В.А. Моцарта), Собакина ("Царская невеста" Н.А. Римского-Корсакова) и многих других.

На эстраде иной раз посредственный певец становится популярным, если хоть одна песня в его исполнении стала шлягером. Популярность, "звездность" солиста Большого театра - иного плана. Оперный певец типа Минцаева - не мимолетная звезда. Это яркая сценическая личность, которая не нуждается в официальных наградах. Искусство такого артиста - достояние всех народов. Его талант нужен, дорог и понятен людям, живущим в разных концах земли.

Говоря о влиянии чеченского музыкального искусства на культуру народов нашей страны, необходимо отметить самобытного композитора, мелодиста, о котором Ваню Мурадели сказал: "Умар Димаев - это профессор музыки". Ему не было и 16 лет, когда он начал играть на национальной гармонике. В 1929 г. Димаев работает в национальном театре солистом оркестра, где раскрылся его многогранный талант. Вскоре он напишет музыку к нескольким спектаклям, а с 1934 г. он — солист оркестра народных инструментов Чечено-ингушского радиокомитета. Всю жизнь Димаев не расставался со своей гармоникой. И в тяжелые годы депортации чеченского народа он своей музыкой поддерживал дух и веру народа в скорое возвращение на родину.

Но Димаев был не просто мелодистом. Он создавал произведения, которыми восторгались не только чеченцы, но и другие народы Кавказа. Осетины, грузины, кабардинцы, черкесы и другие приезжали к нему брать уроки игры на национальной гармонике. Он всегда бескорыстно делился своим богатейшим музыкальным талантом. К сожалению, во время депортации чеченского народа (1944-1957) нашлись нечистоплотные люди, которые присваивали многие музыкальные произведения Димаева, выдавая их за свои. Музыкальное творчество Димаева еще раз убеждает нас в том, насколько сильное влияние имело чеченское музыкальное искусство на культуру народов нашей великой страны.

Вся жизнь Димаева была отдана благородному делу - служению не только своему, но и всем народам нашей страны.

Заметное влияние на музыкальное искусство многих народов, населяющих Россию, имело творчество Заслуженного деятеля ис-

262

кусств России Аднана Шахбулатова. "Реки, попадая в море, проходят трудный извилистый путь от истока до русла, но он почти всегда ведет в море или океан. Реки сродни истории человечества, сродни они и культуре моего маленького народа", — говорил А. Шахбулатов. И он был прав. Шахбулатов внес весомый вклад в музыкальную культуру Чечни.

На самом деле искусство маленькой Чечни, сливаясь с многонациональным искусством других народов, становится подобным тому океану, о котором говорил А. Шахбулатов.

Шахбулатов окончил Московский музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. В его творчестве произошло слияние черт и особенностей классического и национального искусства на основе взаимопроникновения. Он работал в разных жанрах: писал оркестровые произведения, сонаты для фортепиано, музыку к театральным постановкам, но больше любил жанр песни. И песня принесла А. Шахбулатову заслуженную известность. Его произведения удостоены дипломов и первых премий. Они исполнялись такими певцами, как Иосиф Кобзон, Павел Лисициан и др. Ленинградский оркестр под руководством Бадхена подготовил программу из произведений А. Шахбулатова. Многие известные певцы и музыканты исполняли и исполняют его произведения.

Говоря о музыкальной культуре чеченского народа, нельзя не сказать о творчестве выдающегося музыканта-трубача Алаша Эди-султанова, долгие годы работавшего в ведущих цирковых оркестрах страны. Пьесы и этюды, написанные им, исполнялись и до сегодняшнего дня исполняются многими музыкальными коллективами. Алаш свои знания передавал учащимся Грозненского музыкального училища, создал эстрадный оркестр в республиканском цирке, работал дирижером Чечено-ингушского симфонического оркестра.

У истоков создания Чечено-Ингушского музыкального училища (1936) стоял прекрасный музыкант — композитор Георгий Хри-стофорович Мепурнов. Музыкальная культура Чечни многими своими успехами обязана этому замечательному композитору, музыкально-общественному деятелю, основоположнику профессиональной музыкальной культуры Чечено-Ингушетии. Мепурнов — автор первых национальных произведений различных жанров: "Героические поэмы Чечни" для симфонического оркестра, "Чеченские мелодии" для струнного оркестра, "Горские эскизы" для фортепиано, "Восточные поэмы" для виолончели и фортепиано и др. Мепурнову принадлежат обработки народных песен. Большая часть произведений неоднократно исполнялась автором как у себя на родине в Грозном, так и в Ростове-на-Дону, Москве, Ленинграде и других городах. Как уже было сказано, Мепурнов — инициатор создания музыкального училища в Грозном, которое долгие годы оставалось в республике единственным центром воспитания профессиональных музыкантов (лишь в конце 80-х годов в Чечено-Ингушетии в педагогиче-

263

ском институте было открыто музыкально-педагогическое отделение). К великому сожалению, он погиб в 1938 г. в период сталинских репрессий.

О заслугах Грозненского музыкального училища, одного из лучших учебных заведений страны, в деле образования многих поколений музыкантов говорят имена ярких исполнителей, вокалистов, музыковедов, которыми по праву могут гордиться не только чеченцы, но и жители других стран и народов. Среди них известные композиторы Александр Халебский, Аднан Шахбулатов, Сайд Димаев, Наталья Антоненко, Светлана Татаева, Умар Бексултанов; преподаватели-теоретики А.В. Сахаров (Донская консерватория), И.В. Апрышко (Краснодарский институт культуры), А. Эдисултанов (Астраханская консерватория), Т. Инаркиева (Воронежский институт искусств); вокалисты Зайнди Хасанов — Заслуженный артист ЧИАССР, Магомед Ясаев, Апти Далхадов, Альви Мазаев, Муса Макаев, Амарбек Димаев и др.

Отдельное спасибо хочется сказать бывшему долгие годы директором училища Леониду Васильевичу Брайловскому, выпускнику Института им. Гнесиных по специальности дирижер-хоровик. Он руководил детским хором детской музыкальной школы № 1, готовил специалистов в училище, проводил большую музыкально-общественную работу. Заместитель директора училища Михаил Моисеевич Бронштейн, великолепный "слухач", специалист по инструмен-товедению, прекрасно владел основами классической академической школы теории музыки. Он вел широкую музыкально-общественную, публицистическую деятельность, участвовал в сборе и расшифровке национального музыкального фольклора. Среди его учеников — выпускники престижных институтов и консерваторий страны. Они и поныне занимают достойное место в музыкальной жизни не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья: в Барселоне преподает И. Варюшкина, Б. Роцак работал на сцене Ереванского оперного театра, А.В. Сахаров преподает в Донской консерватории имени Рахманинова, А.А. Козырев руководит Рязанским народным хором, Т. Семус — актриса Саратовского театра оперы и балета им. Луначарского. Выпускники училища, впоследствии окончившие Московскую, Ленинградскую, Ростовскую консерватории: Зайнди Хасанов, Магомед Ясаев, Амарбек Димаев, Альви Мазаев — внесли большой вклад в музыкальную культуру не только Чечни, но и всей нашей страны.

В 1987 г. я задумал и осуществил огромный проект, организовав в Лужниках десять концертов артистов из Чечено-Ингушетии. Моя затея просто пугала руководителей Лужников. Даже союзная республика могла с трудом собрать зрителя на один концерт, а я

объявил десять концертов и не ошибся. В этих грандиозных концертах участвовали Народный артист СССР Махмуд Эсамбаев, Народный артист ЧИАССР Мовсар Минцаев, Заслуженная артистка РСФСР

264

Марьям Айдамирова, лауреат Всероссийского конкурса эстрадной песни "Сочи-80" Апти Далхадов, государственный ансамбль танца "Вайнах", фольклорный ансамбль "Илли", эстрадный ансамбль "Зама" и другие артисты и коллективы. Эти концерты прошли на высоком профессиональном уровне, что говорит о прекрасной подготовке вайнахских артистов и их таланте. Даже сегодня, когда в республике нет ни одного очага культуры, у чеченцев столько отличных вокалистов, что ими восхищаются и в Москве, и в соседних с Чечней республиках. И сегодня велико воздействие чеченского музыкального искусства на культуру многих народов. Иосиф Кобзон, Александр Барыкин, Тамара Гвердцетели, Юрий Охочинский, Алика Смехова, Алена Резник и многие другие певцы исполняют песни чеченских композиторов. Даже в далекой Америке исполняются песни чеченских авторов. Очень популярная в Лос-Анджелесе певица Сюзанна Тэппер исполняет целую концертную программу на мои стихи.

Влияние чеченского музыкального искусства мы наблюдаем и в наши дни. Недавно в Доме Союза композиторов состоялся творческий вечер чеченского композитора Сайда Димаева. Отрадно было видеть, как один за другим выходили на сцену артисты российской эстрады и музыканты, исполнявшие произведения Сайда Димаева.

Мы охватили далеко не всех композиторов и музыкантов, которые своим творчеством внесли определенную лепту в развитие многонациональной советской (ныне российской), азербайджанской, грузинской музыкальной культуры. Однако такое влияние было довольно весомое, и это отрадно — ведь чеченское музыкальное искусство тоже обогащалось благодаря воздействию многонационального искусства народов бывшего СССР.

Не меньшее воздействие на искусство и культуру других народов имело и чеченское изобразительное искусство. И говоря об этом, хочется начать наш рассказ с художника Петра Захарова.

Будущий знаменитый художник родился в богатом притеречном селении Дады-Юрт. Это было мирное и красивое село, расположенное в живописном уголке равнинной Чечни. 15 сентября 1819 г., рано утром, его окружили царские войска. Село было разрушено. Почти все жители погибли*. Двоих мальчиков, оставшихся в живых, Ермолов увез с собой. Мальчик, названный Петром, был передан на воспитание родному брату генерала Петру Ермолову. С тех пор маленький Петр находился под его неусыпным наблюдением. Всегда грустный, мечтательный, задумчивый, он вызывал жалость к себе. Рисовал все, что попадалось ему на глаза. Заметив у него склонность к рисованию, воспитатель сделал все возможное, чтобы развить его

* Борис Соболев "Штурм будет стоить дорого" Кавказская война 19 века в лицах. Москва; Виноградова. 2001 год. С. 12.

265

способности. "Странный мальчик Петруша! Я о своем чеченце. Кроме обучения грамоте, он рисует все, что попадет под руку. Видимо, будет художник, и неплохой", — писал в письме к матери Петр Николаевич.

Он хотел сделать приемного сына счастливым, дав ему возможность в полной мере раскрыть свое уникальное дарование. В 1826 г., когда мальчику исполнилось 10 лет, П.Н. Ермолов обратился к президенту Императорской академии художеств А.Н. Оленину с письмом, в котором просил принять своего воспитанника в академию.

Попасть в академию в то время было непросто. Одного таланта было недостаточно. Сначала поступающий должен был пройти курс обучения у хорошего художника и представить работы, подготовленные для поступления. Только после обсуждения и одобрения этих работ членами комиссии ученик допускался к сдаче вступительных экзаменов. Петр Николаевич договорился с художником-портретистом Львом Волковым. Шесть с лишним лет Захаров провел в доме художника. В те времена обучение на дому было обычным явлением. У многих даже очень известных художников - Д. Левицкого, И. Аргунова и других - жили их ученики. Волков был доволен своим питомцем. Захаров любил живопись, был прилежным учеником, делал большие успехи и тщательно готовился к поступлению в академию. Вскоре он писал самостоятельно. П.Н. Ермолов постоянно следил за успехами своего подопечного, заботился о его дальнейшем образовании. К кому только не обращался он с просьбой помочь устроить в академию своего чеченца Петрушу! В письме к своему товарищу, члену Совета Общества поощрения художников Н.В. Шимановскому,

датированному 1829 г., Ермолов пишет: "Давно не писал к тебе, любезный Николай Викторович. Есть у меня к тебе величайшая просьба, исполнением которой ты меня чрезвычайно одолжишь, а вместе сделаешь и благодеяние. Ты знаешь моего чеченца Петра Захарова... Он отдан был живописцу, начал рисовать весьма изрядно и показывает большие способности, но время уходит..." Петр Николаевич сделал все, чтобы мальчик был принят в академию.

Упорство и труд Петра были вознаграждены. В 1833 г. он успешно выдержал экзамены и был зачислен в Академию художеств. Первая большая победа была одержана. Казалось, сам Бог, щедро наградивший чеченского мальчика талантом, за все лишения дал возможность этот талант развить.

В академии у юноши дела шли хорошо. Его настойчивость и трудолюбие приносили свои плоды. Если он ставил перед собой какую-то цель, то обязательно добивался ее. Уже через два года учебы в академии, в 1835 г., Захаров получил награду за эскиз к картине "Старуха, гадающая на картах" - две серебряные медали за верное отражение чувств и за живописную выразительность. Это было признание. В том же году решением Совета академии он получает

266

звание внеклассного художника. Через год он удостоивается еще двух серебряных медалей. Это был неслыханный успех за столь короткое время пребывания в стенах академии.

Начинал Петр не как портретист, а как мастер религиозной живописи. В 1839 г. он демонстрирует на выставке свою картину "Искушение Спасителя дьяволом".

Но подлинным успехом Захарова станет портретная живопись. Великий русский художник К.П. Брюллов, лично знавший Петра, назовет его вторым после себя мастером портрета.

Учеба в академии сформировала Захарова как самостоятельного художника. В 1836 г. он просит Совет академии дать ему звание свободного художника. Звание это делало человека лично свободным, к какому бы сословию он ни принадлежал, и давало права почетного потомственного гражданина России.

Оформив в 1837 г. документы о своем звании, Петр Захаров получает аттестат об окончании Академии художеств.

Юноша из Дади-Юрта не только сумел оправдать надежды своего воспитателя, но и поднялся над миллионами бесправных выходцев из национальных меньшинств, приравнивавшихся в царской России к крепостным. Отныне он имел все права почетного потомственного гражданина.

Жизнь Захарова была нелегкой.словно южное растение, пересаженное на землю севера, он постоянно болел. Кроме того, ему приходилось много трудиться, чтобы заработать на жизнь. Давал уроки рисования, выполнял заказы: писал портреты маслом и акварелью. Нужно было иметь сильную волю и мужество чтобы, прекрасно помня, кто он и как оказался здесь, в России, будучи больным, не сломаться, выстоять и продолжать работать.

Под каждой своей картиной художник с гордостью подписывался: "Захаров — чеченец", "П. Захаров, из чеченцев", "Захаров, чеченец из Дади-Юрта".

В это время Захаров заканчивает одну из самых прекрасных работ — портрет Елизаветы Валерьяновны Воейковой. Уже в мае 1840 г. он закончил портреты княгинь Волконской и Бороздиной.

Надо отметить, что в то время о генерале А.П. Ермолове писалось много статей восторженных и возвышенных. Видимо, поэтому Академия художеств и задала программу на золотую медаль - написать портрет Алексея Петровича. Петр Захаров долго и упорно готовился, сделал сотни эскизов, набросков, до мельчайших деталей обдумывал фон, чтобы точнее передать образ портретируемого, его характер. Особое внимание, как всегда, художник уделял внутреннему миру персонажа. Много набросков и этюдов он сделал с натуры. Над самим портретом художник работал более года. Захаров вложил в свое творение не только всю душу, талант, мастерство, но, к сожалению, и свое здоровье.

267

Портрет генерала Российской империи стал лучшим произведением художника Захарова. Своеобразная техника и манера письма, сложность композиции и оригинальность замысла дали свои результаты. Получился не просто портрет, а эпохальное полотно, на котором читается время, когда жил и вершил свои дела полководец.

Природа в картине играет огромную роль. Предгрозовый фон, хмурое небо и гордые, непоколебимые вершины Кавказа. Все это создает у зрителей определенное настроение, вводит в бурную обстановку Кавказской войны — кавказской трагедии ермоловской поры. На этом тревожном фоне глыбой выступает осанистая фигура генерала Ермолова. Он одет в зеленый мундир и рейтузы синего цвета. Грудь - в орденах, рука - на эфесе шпаги. Художник

намеренно изменил пропорции, увеличив объем головы. Таким образом он подчеркнул силу и мощь этой неординарной личности. В суровом, пронзительном взгляде, горделивой, уверенной позе живописец отразил внутренний мир всевластного правителя. Художник изобразил генерала именно таким, каким он был, не возвеличивая и не принижая его достоинств.

В августе 1843 г. портрет был готов к отправке в Петербург, в Академию художеств. На полотне стояла подпись: "П. Захаров. Из чеченцев. 1843 года 16 августа". В то время Захаров жил у своего приемного отца Ермолова П.Н. в Москве.

30 августа Совет академии вынес решение удостоить Захарова звания академика. Присуждение звания академика было большой радостью для художника. Его талант был оценен по достоинству высшей наградой, о которой мог только мечтать любой художник. По иронии судьбы именно за портрет "кровавого генерала" один из нескольких чеченцев, уцелевших в огне Дади-Юрта, получил золотую медаль и звание академика.

1843 год был в творческом отношении на редкость удачным для художника. В том счастливом для него году он написал еще и свой знаменитый "Воинственный автопортрет в бурке с ружьем". С малых лет Петр жил в русской семье, рос в славянской православной среде, но всегда помнил, что он чеченец. Поэтому и захотел увидеть себя на полотне настоящим горцем с типично кавказскими чертами лица: нос с горбинкой, широкие темные брови, черные пронзительные глаза, в которых скрывались боль и грусть о далекой родине.

1844 год Захаров продолжает творить. Далеко не все его произведения этого периода сохранились. Отличная работа - портрет Ф.И. Иноземцева радует зрителей и сегодня. Тогда же был создан и портрет композитора П.П. Булахова. К одной из лучших работ художника можно отнести созданный в этом же году портрет А.В. Алябьевой.

268

В 1845 г. Захаров участвовал в выставке живописи с портретом историка Т.Н. Грановского. Это полотно имело громкий успех. Его можно назвать образцом портретного искусства.

Трудно сказать, сколько всего картин создано художником за его недолгую, но напряженную жизнь, ясно, что их много и все они бесценны.

Неполных 30 лет, тяжелых, мучительных, прожил художник. В сентябре 1846 г. трагически оборвалась жизнь этого замечательного чеченца. Его жизнь напоминает судьбу прекрасного цветка, вырванного из благодатной почвы. Он прижился в России на короткое время, расцвел, ослепил всех своей красотой.

Мы подробно написали о тяжелой судьбе чеченца, ставшего знаменитым российским художником, чтобы показать, насколько велико было влияние его творчества не только на российскую, но и мировую культуру. Великолепные полотна, созданные чеченцем Захаровым, разошлись по всему миру, а часть из них украшают стены Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского, Пушкинского и других музеев нашей страны. У Захарова было много учеников, которых он обучал живописи, но еще больше у него последователей, обучавшихся его манере создания живописных полотен. Поэтому трудно и невозможно оценить тот вклад, что внес Захаров в развитие изобразительного искусства России и Запада. Его прекрасные полотна до сих пор остаются как бы маяками, к которым стремятся многие художники-живописцы. Разве это не есть влияние изобразительного искусства Чечни на культуру многих народов?

Говоря о чеченских художниках, мне вспоминаются слова директора Грозненской детской художественной школы Петрова, сказанные им недавно на совещании в Министерстве культуры России. "Каждый второй чеченский ребенок — это художник. Я не видел более творчески одаренных детей, чем чеченские дети". Всего в Чечне было свыше 60 художественных школ, где занимались несколько сот талантливых будущих художников. Много прекрасных художников подарила чеченская земля не только нашему народу, но и России. Такие художники, как Шамурзаев, Умарсултанов, Асуханов, Хасаханов, Юшаев, Мальцагов, Ахмадов, Расуханов, Ахмедов, и другие создали столько отличных работ, которыми может гордиться любой народ. На всех престижных российских выставках раздел чеченских художников был самым большим и интересным. Каждый из вышеназванных художников организовывал свои персональные выставки как в России, так и во многих республиках СНГ. Более того, почти все они выставлялись на выставках, проводимых на Западе, где имели заслуженный успех. Султан Юшаев проводил

три выставки своих работ в Англии. У Аманди Асуханова прошло несколько выставок в Турции, Польше и других странах. Графические работы Хамура Ахмедова удостаивались высших наград на многих престижных выставках.

269

Широко известны в стране работы мастера резьбы по дереву Ильяса Дугаева. Его работы также удостаивались высших наград на многих выставках. Он был зачинателем создания деревянной скульптуры. Это у него впоследствии учились резьбе по дереву многие художники Дагестана, Осетии и других республик.

Особо хочется отметить творчество выдающегося скульптора Илеса Татаева. Каждое творение Илеса — это произведение искусства со своим названием. Так и просится к каждому из них своя музыка. Смотришь на эти прекрасные творения и радуешься, что у нас есть такой художник, создавший уникальные, неповторимые произведения, аналогов которым нет в мире.

Лишения и невзгоды, душевные или физические травмы не могут заглушить в художнике творческий импульс. Обиды и раны, нанесенные войной или людьми, воспринимаются им тем болезненнее, чем чувствительнее его душа. Нельзя отступить ему от своего великого служения. Илес — подлинный творец, и поэтому он никогда не будет сломлен. Несмотря на то, что война разрушила его дом, где сгорели многие его работы, он нашел в себе силы и подготовил новую коллекцию деревянной скульптуры. Эта коллекция впервые экспонировалась в музее г. Черкесска под названием "Израненная Чечня". Вскоре эти уникальные работы были выставлены в Москве, где обратили внимание многих художников, скульпторов, политиков и были заслуженно ими оценены. Известный во всем мире художник Шемякин просто был заморожен коллекцией Илеса и сказал, что подобной выставки в мире нет.

Ежедневно в мастерской и на выставках монументальной скульптуры по дереву Илеса Татаева бывают сотни и тысячи людей. Они видят работы Илеса и, безусловно, некоторые из них учатся у него. Разве это не влияние чеченского искусства на культуру других народов?

Во всех музеях России, странах ближнего и дальнего зарубежья есть полотна чеченских художников. В Турции только на двух выставках было продано 7 полотен художника Асуханова. В Лондоне на выставке картин Султана Юшаева было реализовано три картины. А всего на Западе нашими художниками было продано более 100 работ.

Особо хочется остановиться на работах наших скульпторов Р. Мамилова, Д. Хасаханова, А. Сафронова, С. Ахмадова и др. На выставках в Москве и других городах России всегда экспонировались их работы. Они украшали и г. Грозный. Навсегда останутся в моей памяти Дворец Президента в Грозном скульптора А. Сафронова, его конный проект Герою гражданской войны Асланбеку Шери-пову, памятник пожарным в Заводском районе скульптора С. Мамилова и др.

Просто невозможно охватить всех чеченских композиторов и художников, внесших свою весомую лепту в искусство и культуру

270

народов России и других стран. Уверен — это влияние будет продолжаться и впредь. Жаль только, что руководство России этого никогда не замечало, а если и замечало, то никогда не оценивало. В подтверждение своих слов хочу привести один пример. Несколько лет назад вышла книга "Знаменитые россияне", где фигурирует более 900 личностей. Но среди них не нашлось места ни одному из чеченцев. Неужели они недостойны, чтобы о них хотя бы упомянули. Это такие чеченцы, как генерал-майор русской армии герой войны 1812 г., человек, без единого выстрела бравший города, Александр Чеченский, генерал-майор русской армии Орцу Чермоев, генерал-майор русской армии Валерьян Чеченский, великий живописец Петр Захаров, маршал артиллерии русской армии Эрисхан Алиев, о котором царь Николай II сказал: "Это мой лучший маршал". Я мог бы назвать еще много имен, достойных быть на страницах вышеуказанной книги, но о них даже нет упоминаний. Нет, я не прав. Упоминание об одном из них, Петре Захарове, есть. Просто невозможно было не упомянуть о нем, так как в книге помещен портрет самого жестокого генерала А.П. Ермолова работы Петра Захарова.

Р.М. Наухоев

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАХМУДА ЭСАМБАЕВА
И ЕГО РОЛЬ В СБЛИЖЕНИИ КУЛЬТУР НАРОДОВ
РОССИИ И МИРА

Имя Махмуда Алисултановича Эсамбаева, чеченца из старинного селения Старые Атаги, еще при жизни золотыми буквами вписано в историю культуры, в частности - пластического искусства Чечни, России и мира. Его уникальное творческое наследие - неисчерпаемая волшебная кладовая, которая оказывает благотворное влияние на сближение всех народов.

В короткой статье, естественно, невозможно подробно раскрыть все сверкающие, словно бриллиант, грани творчества Народного артиста СССР, РСФСР, всех союзных и автономных республик, трижды лауреата международных конкурсов, Героя Социалистического Труда Махмуда Эсамбаева, этого Чародея танца, как называл его народ.

Всемирно известные балерина Галина Уланова, балетмейстеры Игорь Моисеев, Юрий Григорович, Леонид Якобсон очень правильно, на мой взгляд, определили искусство М. Эсамбаева как танцы-новеллы, танцы-миниатюры, танцы-балеты.

Собирание со всего мира различных танцев, их своеобразная интерпретация и исполнение принесли славу Эсамбаеву главным образом как новатору, неповторимому исполнителю, который благодаря своему высокому мастерству — умению владеть своим пластичным телом создавал яркие запоминающиеся образы. Это мастерство шлифовалось многие годы в процессе титанического ежедневного труда - утром на репетиции у станка, вечером на спектакле или концерте.

М.А. Эсамбаев родился 15 июля 1924 г. Его отец Алисултан, авторитетный человек в с. Старые Атаги, брал 7-летнего Махмуда с собой на свадьбы, вечеринки, где тот под одобрительные возгласы старших самозабвенно плясал. Начало его творческой биографии пришлось на 1940-е годы. В 15 лет Махмуд стал профессионально заниматься танцами в Чечено-ингушском государственном ансамбле песни и танца. В 19 лет танцевал в Пятигорской оперетте и во фронтовых концертных бригадах под Ростовом-на-Дону и Новочеркасском, в 20 лет - в Киргизском государственном академическом театре оперы и балета, будучи спецпереселенцем. Причем за непокорность комендант сослал Махмуда в аул, где некоторое время ему пришлось сплавлять лес по горной речке. От верной гибели его спасли поклонники и администрация театра.

"Впервые увидев Махмуда Эсамбаева на репетиции, — писал в своих письмах ко мне Иван Кириллович Ковтунов, главный балет-

277

мейстер Киргизского театра оперы и балета, бывший режиссер театра оперы и балета им. С.М. Кирова, работавший с крупнейшими мастерами советской хореографии, — я был восхищен этим бесценным чеченским самородком, редчайшим даром природы, певучестью каждой части созданного богом для танца тела". Позже Ковтунов убедился и в огромном трудолюбии, целеустремленности, дисциплине этого необыкновенного юноши. Молодому артисту не хватает хореографического образования, решил он. По ускоренному варианту осваивая теоретическую программу балетного училища, они сразу реализовывали ее на практике. Помогал ему в этом интернациональный коллектив. Вскоре под горячие аплодисменты зрителей и на радость помогавшим исполнялись не только глубоко осмысленные характерные и народные танцы, но и главные партии в классических русских и других балетных спектаклях: в "Лебедином озере" - злого гения Ротбарта, "Бахчисарайском фонтане" - хана Ги-рея, "Спящей красавице" - Карабоса, "Тарасе Бульбе" - Тараса. Играл в премьерных киргизских национальных балетных спектаклях: "Чолпон", "Анар", "Весна в Ала-Тоо".

Вот как пишет о своих впечатлениях о спектакле "Бахчисарайский фонтан" известный режиссер театра В.М. Шахрай: "...вот в самом финале появился Гирей - Махмуд Эсамбаев, и сцена оживилась высокоодаренным человеком".

Всего за 13 лет работы в театре Махмуд создал десятки незабываемых образов, в том числе в киргизских национальных балетных спектаклях. У истоков хореографического искусства этого народа наряду с выдающейся киргизской балериной Б. Бейшеналиевой стоял М.А. Эсамбаев. Его творчество вошло в золотой фонд культуры Киргизии.

К 1956—1957 гг., к моменту восстановления Чечено-Ингушской АССР, М. Эсамбаев окончательно решил перейти на эстрадную сцену, исполнять танцы народов мира. Для этого у него был накоплен опыт — в репертуаре его уже было несколько танцев, и он имел по существу безграничные профессиональные возможности.

Классический танец, который превосходно освоил Эсамбаев, стоит на пяти позициях ног, служит базой для всякого сценического исполнения: будь то характерный, гротесковый или салонный танец. Умение управлять своим телом, руками, головой дает возможность двигаться свободно во всех направлениях. Выучившись только характерным танцам, никогда невозможно исполнять классику. И наоборот, зная классический танец, можно легко воспринять характерный, салонный и др. Это доказано, как свидетельствует известная русская балерина и балетмейстер прошлого А.Я. Ваганова, на опыте многих танцовщиков.

Именно этот багаж и, естественно, необыкновенная природная пластическая

выразительность тела, высокий рост, совершенный музыкальный слух, феноменальная память, потрясающий талант

278

моментажно, с первого раза схватывать движения, особенности танца любой национальности, музыку, редкая коммуникабельность и доброта помогли взлету творчества Эсамбаева.

Свои танцы-новеллы он собирал не только в родной Чечено-Ингушетии, но и в Москве, Индии, Испании, Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили, Перу, во Франции и во многих других городах и странах мира, где ему довелось бывать на гастролях.

Визитной карточкой, шедевром и как бы шагом в новый сказочный мир танца на новом витке жизни и творчества М. Эсамбаева является индийский храмовый ритуальный танец стиля Бхарат Натьям "Золотой бог", поставленный в 1957 г. Элеонорой Николаевной Гри-куровой, известным балетмейстером, преподавателем студии танца Государственного ансамбля народного танца СССР, руководимого Народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной и Ленинской премий Игорем Александровичем Моисеевым. Она много лет проработала в Индии и хорошо изучила четыре основные школы танца в Дели, Калькутте, Мадрасе и Бомбее. В то время Махмуду уже исполнилось 32 года, а такому сложному, редкому искусству в храмах в Индии учат много лет, потому что такой танец, а точнее, целое философское учение требует большой пластической выразительности, невероятной силы ног и тела. Поэтому Грикурова с большими сомнениями взялась за работу.

Первым исполнителем "Золотого бога", который раньше назывался "Золотой бог Шива", был популярный индийский танцовщик Рам Гопал. В танце повествовалось о том, как проснувшийся бог Шива зорким взглядом замечает все события, происходящие на земле Индии от восхода до захода солнца. И весь этот рассказ передается в танце. Танцующий изображает бога солнца. Начинается танец с того, что он сидит на полу на корточках. Из этого положения необходимо медленно и плавно, как встает утром солнце из-за края земли или, скажем, незаметно для глаз расцветает цветок, подняться за полторы минуты в полный рост. В таком положении танец продолжается в течение шести минут. После этого так же незаметно для глаз за полторы минуты надо войти в первоначальное положение. Самое сложное — правильно подняться и опуститься. Стоит ногам чуть-чуть задрожать или допустить едва заметное резковатое движение - моментажно зазвенят чуткие колокольчики, прикрепленные к щиколоткам ног. И все будет испорчено. Весь танец длится девять минут. Танец был выучен за 20 дней, хотя индийские специалисты утверждали, что меньше чем за 8 лет сделать это невозможно.

Премьера танца состоялась в 1957 г. в Москве в Концертном зале им. П.И. Чайковского. Вот как это выглядело.

Луч света выхватил из темноты сверкающее индийское изваяние. Зазвучала мягкая мелодия... Медленно восходит золотое солнце над безмолвными выжженными равнинами и склонами гор. Золотой бог просит бога неба послать на землю живительную влагу. По-

279

шел дождь, оживилась земля, зашелестели листьями деревья, запели птицы, зацвели сады — обрадовались люди. Но дождь — не может идти вечно. Прекратится дождь — и снова на земле все живое погибнет. Золотой бог молит бога неба послать на землю реки. По благодатной земле Индии величаво и спокойно потекли воды Ганга. Но не всегда спокоен Ганг. Поднимается буря. Вздываются огромные волны, река выходит из берегов. Ганг затопляет селения, посеиы, сады. Но вот буря утихает. Ганг снова входит в свое русло и опять течет спокойно и величаво. Золотой бог уходит, чтобы дать покой уставшей земле. Бог ночи вступает в свои права и окутывает землю голубым сиянием. А завтра снова явится Золотой бог, снова согреет землю своими золотыми лучами... И так будет вечно!

Махмуд опустился опять на корточки, замер, как скульптура. Луч прожектора погас. Я был на этом концерте и помню: зрители устроили бурную овацию Махмуду - еще малоизвестному танцовщику. Все спрашивали, кто он, откуда приехал? Вот тогда впервые вокруг Эсамбаева начали возникать легенды одна сказочней другой: что он индийский принц, великий индийский танцовщик... Премьера танца "Золотой бог" стала театральным событием Москвы. В прессе появилось много хвалебных рецензий. Специалисты, критики искали место новому явлению среди танцевальных, хореографических жанров. А удивляться было чему: "Золотой бог" был миниатюрным балетом или танцем-новеллой. В нем за 9 минут Эсамбаев создал несколько образов: бога солнца, бога ночи.

На Всесоюзном художественном конкурсе и Всемирном фестивале молодежи в Москве за исполнение танца "Золотой бог" М. Эсамбаев был удостоен золотой медали, а за "Таджикский воинственный танец с ножами" в постановке Народной артистки РСФСР Тамары Зейферт и испанский танец с кастаньетами "Булерияс" — серебряных медалей. Танец-новелла

"Золотой бог", как и балеты "Лебединое озеро", "Спящая красавица", "Бахчисарайский фонтан", стал классикой, пользовался неизменным успехом. Другой танец — индийская "Легенда о любви" тоже поставлен балетмейстером Элеонорой Грикуровой для художественного кинофильма "Я буду танцевать!", прототипом главного героя которого был сам М. Эсамбаев. В этом произведении он не только танцует, но и играет драматическую роль самого себя - Махмуда Ишхоева. "Легенда о любви" - это изящная лирика.

Если понимать условный язык этого танца, то можно было бы любоваться не только грациозностью движений, но и изумляться поэтическому рассказу, выраженному с помощью жестов и танца.

...Юноше снится сон, что около него расцвел лотос - цветок любви. Подарить его любимой - значит отдать ей сердце. И он, сорвав лотос, говорит: "Милая, прими его, он расцвел для тебя, у меня друзей нет, приди ко мне! Я тебе подарю этот лотос, ты приколешь его к волосам. Ты пойдешь за водой - от шороха твоих шагов испу-

280

гается олень. Но увидев красу твою, он спокойно будет щипать траву. А бог Кришна увидит нашу любовь и благословит нас на своей свирели. Иди ко мне! Видишь, я танцую для тебя! Не хочешь? Ну погоди! Когда ты пойдешь купаться к реке, я подкрадусь и унесу твоё одеяние. Тогда ты замерзнешь и почувствуешь холод любви".

И снова принц засыпает у распустившегося лотоса.

Если в "Золотом боге" Эсамбаев передает сложные обобщенные философские мысли о природе, бытии человека, то в танце "Легенда о любви" стиля Катхак он повествует о юности и целомудренной любви. Эсамбаев в совершенстве владел этим стилем и в своем танце показал разнообразную технику ног, на щиколотки которых были прикреплены бубенцы - по двести штук на каждой. По желанию артиста они звенели то поодиночке, то все вместе мощным оркестром. Стремительные повороты и внезапные остановки, искусная техника рук и пальцев, мастерское владение мимикой лица: глазами, бровями, ноздрями - все выразительные средства артист подчинил передаче чувств и мыслей своего героя.

Во время гастрольных поездок в страны Латинской Америки Махмуд Эсамбаев собрал целую коллекцию разнообразных танцев, многие из которых вошли в программу "Танцы народов мира".

Как он их собирал, что при этом было главным? "Для меня узнать народ, - вспоминал М. Эсамбаев, - значит узнать его танец, рожденный выдумкой, изобретательностью, воображением, разумом народа. Танцы, которые издревле живут в народе и создаются сегодня, — подлинная энциклопедия жизни. В них я почувствовал уклад жизни населения, горе и радости людей, их мечты и надежды, существо их национального характера. И как бы различны ни были танцы народов нашей страны и всего мира, сквозь бесконечное многообразие красок, приемов, особенностей исполнения ощущается глубокое духовное родство хореографии, рожденной на разных широтах"².

В Бразилии ритуальные танцы "Гандобле" ("Просящий урожай"), "Бамба" ("Черт") "Самба", "Макумба" ("Танец заклинания") Махмуд выучил с помощью популярной бразильской балерины, руководительницы фольклорного балета страны Мерседес Баптисты. Глубоко понять хореографию Бразилии Эсамбаеву помог также популярный танцовщик ритуальных танцев Жозеу да Гомеу, который специально пригласил его в свой храм, и там он вместе с Мерседес до восхода солнца участвовал в ритуальном танце "Макумба". Хозяева посчитали, что артист блестяще усвоил урок. Подарили ему ноты и костюм для исполнения этого танца.

А вот каково сценическое воплощение храмового ритуала... В своеобразном головном уборе с красными, голубыми, синими перьями редких птиц прерий Эсамбаев неторопливо выходит на сцену. Гаснет свет. Барабаны начинают медленно отбивать "там-там-там, та-та-там", все убыстряя ритм. "Макумба" - танец самопожер-

281

твования и любви. Изображая героя-шамана, спасающего людей от беды и смерти, он заклинает злых духов, он борется с силами тьмы. Все порывистой, быстрее становятся движения и жесты, все трудней уследить за их молниеносной стремительностью. Нервное напряжение доходит до того, что оно, как раскаленная магма, выливается в зал. Хочется закрыть уши, глаза и крикнуть: "Не убивай себя, хватит!" Уже захватывает дыхание, сохнут губы. Колдун чудовищно вращает головой из стороны в сторону, бешено мечется. И вдруг, издав дикий крик, он замертво падает, унося с собой злых духов.

И как это ни фантастично, на концертах, с которыми М. Эсамбаев объехал весь Советский Союз от Москвы до Сахалина, от Киева до Казахстана, он отводил от людей черные силы. Вот один пример. Это сообщение передало московское радио. Затем с помощью агентства печати "Новости" Советского Союза история, происшедшая в г. Херсоне, облетела весь мир... Во время

исполнения на концерте танца-новеллы "Макумба" немой студент Херсонского культурно-просветительного училища Анатолий Барыгин вдруг заговорил. Нашлись люди, которые утверждали: «Разве это не божественное чудо, не проявление воли всевышнего? Так ли это? На этот вопрос пришлось дать научно обоснованный ответ в журнале "Воинствующий атеист"».

Статья журналистки Г. Привитны "Встреча с необычным" была написана по свежим следам. В ней врач-психиатр доцент И.Я. За-вилянский так прокомментировал случившееся: «Толя Барыгин не испытал какого-либо вредного физического воздействия, а лишь пережил сильное нервное потрясение. Полный сил и здоровья юноша утратил речь. Выздоровление наступило так же неожиданно, как возникло заболевание. Исцелил юношу не врач, а артист. Произошло нечто вроде "чудесного" исцеления. И в возникновении невроза у Барыгина, и в исцелении его сыграли роль эмоции. Сперва это эмоция страха, а потом эмоция упоения искусством мастера танца»³.

В чудеса в наше время мало кто верит. Но есть великое, потрясающее чудо высокого искусства, которое покоряет и может даже исцелить. Этим искусством владел Махмуд Эсамбаев.

"Макумба" для исполнения физически и эмоционально был очень тяжелым танцем. Им восхищались критики, поэты, режиссеры, просто читатели в прозе и стихах. Вот, например, интересное стихотворение В. Гончарова⁴:

Мне нравится,
 Как Эсамбаев танцует...
Шаманствует
 В дикой одежде Махмуд.
 "Макумба" на сцене.
 "Макумба" на сцене!
Мне кажется,
Ливнем и громом
Оценит природа
Танцора невиданный труд!

282

От покоренных зрителей нередко поступали очень необычные для артиста просьбы «не исполнять потрясающую их мистическую "Макумбу", так как им дороже здоровье Махмуда».

Наоборот, танец "Мелодии Испании" заражал зал радостью, желанием вместе с артистом грациозно двигаться, делать красивые позы, жесты... Зрителей восхищало всё: костюм, подчеркивающий редкостную даже для женщин тонкую талию в 47 сантиметров, виртуозное владение кастаньетами, четкой... Этот танец имел сюжетную линию: артист изображал знаменитого испанского артиста, доставляющего своим искусством эстетическое удовольствие людям, молодого испанца, танцующего на свадьбе, тореодора... Восторг у зрителей вызывали многие эпизоды этого номера.

Эсамбаеву по его характеру, внутреннему ощущению были близки музыка, хореография испанских танцев. Он с удовольствием перетанцевал их десятки, начиная с характерного испанского в балете "Лебединое озеро", "Ля Коррида", "Булерияс" и кончая танцем "Тореодор" в кинофильме "В мире танца".

Где бы Махмуд Эсамбаев ни оказался, свою концертную программу он начинал чеченским или, вернее, чечено-ингушским танцем, подчеркивая сыновнюю любовь к прекрасному уголку родной земли.

Махмуд Эсамбаев ушел из жизни 7 января 2000 г. Но наследие для человечества он оставил огромное. Чеченские танцы в этой сокровищнице на видном месте. Сам Эсамбаев стиль чеченских танцев трактовал так: "В них должны поражать не внешние трюки, вращения на коленях, не демонстрация наигранного, показного темперамента, нет — целомудренность, элегантность, грация, благородство осанки, совершенное владение своей пластикой"⁵.

Эсамбаев как балетмейстер и блестящий исполнитель создал несколько новых типов эстрадных сюжетных чеченских танцев. Вспомним один из них. Эсамбаев появляется на свадьбе в чеченской одежде, с депутатским значком на груди. Гостью выбирают самую красивую девушку. Они исполняют танец любви. Нежный и одновременно темпераментный, жизнеутраченный "Чечено-ингушский танец" пленяет своей лиричностью.

Специально для художественного кинофильма "Я буду танцевать!" Народный артист Грузинской ССР балетмейстер Джано Ба-гратиони поставил старинный танец с альчиками. На пояс танцора подвешивают своеобразные украшения - альчики, нанизанные на нить. При этом ход танцора должен быть таким грациозным и четким, чтобы альчики ни разу не задели друг друга. Покоренные ловкостью плясуна зрители кричат: "Танцуй без альчиков, ты победил!" После этого начинается огненно быстрая часть танца. Здесь уже альчики стучат, как кастаньеты, в такт движениям. Танец Эсамбаева отличался мужеством, орлиной удалью, разнообразием ритмов. Вдохновляла его на это партнерша, очаровательная

Лейла Абашидзе, Народная артистка Грузии. На высоком профессиональном уровне Эсамбаева поддерживали участвовавшие в этом захватывающем зрелище танцоры из Грузинского государственного ансамбля песни и танца и их коллеги из Чечено-Ингушетии.

Примечательна танцевальная драма "Любовь к родине", которую артист сам сочинил и исполнял. Она повествует о том, как маленький горец любил свои горы, лес, родники, опьяняющий чистый воздух. С первыми лучами солнца он выбегал смотреть на алмазный блеск росы, изумрудную листву деревьев... Среди своих сверстников, таких же любознательных, умеющих хорошо пасти овец, искусно ловить рыбу, быстро отыскать нужную тропку, метко кинуть камень, рос мальчик.

Но однажды мать разбудила его поздно ночью, завернула в бурку, посадила на арбу и вся семья тронулась в путь.

- Куда мы едем? - спрашивал он.

- Молчи, сын мой, вырастешь - узнаешь законы гор, - шептала мать.

Много воды утекло с той поры. Маленький мальчик превратился в стройного, красивого юношу и узнал причину бегства: кто-то из их рода случайно на охоте убил соседа, и, чтобы не произошло ответного убийства, семья вынуждена была покинуть родину, но тоска по родине, по любимым местам точила юношу. Он мечтал о возвращении. Несмотря на грозящую гибель, он однажды решил пробраться к своему аулу. Ночью, вернувшись на родину, он увидел при свете луны свой аул, свой дом. И ему даже показалось, что он опять там, среди своих друзей, танцует с ними и вновь счастлив, но тревожная мысль о смерти прерывает танец. Юноша отбрасывает кинжал:

— Нет, не могу! Там мой дом, там моя родина. Пусть лучше смерть, но я пойду домой! Можно забыть все, что знал, можно забыть все, что любил, но родину забыть нельзя!

Черная бурка, черный башлык, завязанный так, что видны только глаза, кинжал на поясе, осторожные, напряженные шаги в темноте... — так начинается танец-легенда. Вдруг юноша — Эсамбаев увидел огоньки аула, свой дом. Он замер. Слезы на глазах, трепещут руки, тянутся туда, домой, руки плачут, стонут, затем бессильно опускаются. Бурка брошена, башлык сорван, юноша поклонился своей земле, слушает журчание ручейка. Вдруг из села до него доносится дробь барабана. Он смотрит туда внимательно, потом невольно вместе с теми, кто веселится в ауле, танцует. В самый разгар пляски ему показалось, что на него нападают.

Он схватил кинжал, чтобы защититься, но никого нет. Он отбрасывает кинжал и безоружный идет в аул. Многие эпизоды танца решены средствами пантомимы. Как и в других новеллах, переход от мимики и пантомимы к танцу логичен, связан с развитием действия.

284

Известный эстет и философ Лукиан (II в. до н.э.) в своем произведении "Диалоги" приводит случай, когда восхищенный искусством танца артиста зритель воскликнул: "Удивительный ты человек! Я слышу, что ты делаешь, а не только вижу! Мне кажется: самые руки твои говорят!"⁶ Эти слова в полной мере можно отнести и к творчеству Эсамбаева.

Узбекский танец "Чабаненок" — одна из лучших хореографических новелл, лирические мотивы которой были очень близки и дороги артисту, потому что это трогательные картинки из его детства. Веселый, озорной маленький чабаненок радуется ясному солнечному дню. Он беззаботно играет, пританцовывает. Разыгрывается интересная пантомима. Чабаненок, подражая взрослым, скручивает нитку, зашивает порванную рубашку. Потом мальчиком овладевает дремота. Но спать нельзя: он может потерять овец. И мальчик начинает медленно их считать. Вдруг он замечает, что одной овцы не хватает! Он пересчитывает всю отару, ищет, ищет пропажу. И вот она! Наконец-то нашел! Чабаненок бежит к овце, хватается за нее и несет к отаре.

Радостным, светлым ощущением бытия, заразительным юмором веет от этих живых картинок. Легко, воздушно, в ребячьем порыве танцует Эсамбаев, не оставляя никого равнодушным. Великолепно сыграна пантомима. С какой подкупающей искренностью и выразительностью смотрят глаза актера! Они лукавы и смешливы, когда чабаненок скручивает из шерсти нитку, они внимательно и по-детски широко раскрыты, когда он вдвигает нитку в иголку и шьет, они постепенно закрываются, и он с трудом их удерживает полуоткрытыми, когда его одолевает сон, они тревожны, когда пропала овца; они ликуют, когда пропажа обнаружена. Потрясают пластичные, будто говорящие руки. Они участвуют в каждом действии: искусно шьют, считают, ловят овец, и все это делается достоверно. Насыщенность танца пантомимой, исполняемой с большим мастерством, приближает зрителя к реальной жизни: мы явственно видим необозримое зеленое поле, овец, ощущаем палящее солнце, слышим крики чабаненка, угоняющего отару...

Когда смотришь этот танец, то невольно вспоминаешь слова великого киноартиста Чарли Чаплина: "...человечество всегда нуждалось в немом выражении своих эмоций, независимо от того, насколько прекрасней сделалась человеческая речь. И в таком именно мимическом выражении человечество всегда будет нуждаться, потому что в конечном итоге 87% наших впечатлений мы воспринимаем с помощью глаза и только 9% с помощью уха. Кроме того, пантомима, являясь простейшей формой человеческого проявления, в то же время оказывается самой сложной. Движение бровей, каким бы оно ни было легким, может передать больше, чем сотни слов".

За свою многолетнюю плодотворную творческую жизнь М.А. Эсамбаев в балетных спектаклях, на эстраде, в кинофильмах

285

"В мире танца", "Я буду танцевать", "Лебединое озеро", "Земля Санникова" и др., посвященных ему или созданных с его участием, сыграл немало балетных партий, исполнил около 100 танцев — новелл, легенд, хореографических миниатюр. Среди них такие яркие танцы-новеллы, как русский — "Эмигрант", монгольский — "Орел и охотник", еврейский — "Портняжка", перуанский — "Павлин", башкирский, цыганский, которые доставляли большую радость зрителям.

Чтобы понять искусство артиста, истинно народное по своей тематике и по используемым пластическим краскам, необходимо внимательней посмотреть на его истоки. Эсамбаев, словно опытный врач, держал руку на пульсе космического ритма нашего времени, видел революционные, социально-экономические, политические преобразования, процессы интернационализации духовной жизни человечества и находил для отображения этих сложных многоплановых явлений самые выразительные хореографические средства.

Сверхвыразительности, высочайшего мастерства артист добился в танцах социального протеста - в "Автомате", в "Негритянском танце" из кинофильма "В мире танца". Впервые, пожалуй, была совершена интересная попытка создать образ космонавта в вышеназванном фильме по свежим следам полета в космос первого космонавта Ю.А. Гагарина.

Справедливо будет сказать, что многие ставшие наиболее популярными танцы и вообще искусство М. Эсамбаева уходят своими корнями в далекое прошлое. Я пришел к этому мнению еще в 1970-е годы, когда многие критики и исследователи искали ответ на вопрос: что такое танцевальное искусство Эсамбаева?

В творчестве М. Эсамбаева много сходного с древними индийскими и с античными греческими танцами. Параллели можно привести и с чеченскими, и с ингушскими танцами. Среди чеченцев и ингушей нет нетанцующих. В Чечне, например, имеются народные и сочиненные гармонистом-виртуозом композитором Умаром Ди-маевым мелодии даже именных танцев, таких как Шамсудина, Иль-яса, Салаха, Андарбека Садыкова, Махмуда Эсамбаева. Урус-Мартановский, Катар-Юртовский — эти и ряд других сел имеют свои танцы.

Многим довелось видеть Эсамбаева на сцене. Каждый выход этого артиста - это новый образ, новый народ, новая страна. В хореографии очень жестки границы перевоплощения. Ведь танец длится всего несколько минут. Лаконичность жанра подсказала артисту возможность обобщений, выпуклого изображения, пластического гротеска, позволяющего глубже и ярче раскрыть сущность танца. Его тело, казалось, было создано для танца, для него не существовало технических трудностей. Импровизационность - одна из характерных черт, придающая его искусству свежесть и убедитель-

286

ность. Танец как бы складывался прямо на сцене, и танцовщик свободно и естественно входил в мир своих образов.

«Представитель гордого народа, — писал И. Моисеев в газете "Известия" в связи с кончиной М.А. Эсамбаева, — отдавал себя служению людям. Не случайно его репертуар состоял из танцев разных народов. Дружба, добро, красота были целью его творчества, основой его взглядов. С уходом Эсамбаева мы стали беднее. Но скажем спасибо ему за то непреходящее, что он оставил в искусстве и человеческих отношениях... Уход такого человека, как М. Эсамбаев, невосполним для искусства, для культуры..."⁸

Махмуд Эсамбаев широко пропагандировал танцы народов СССР, России, мира, помогал сближению и взаимообогащению культур различных наций, народностей, воспитанию людей в духе дружбы, братства и единой семьи. Продолжая лучшие традиции всемирно известного русского классического балета, народного, характерного танцев, Эсамбаев внес весомый вклад в их развитие, тем самым пополнив копилку мирового искусства. Он вобрал в свое творчество пластические культуры чуть ли не всех народов мира.

О личности Эсамбаева и его творчестве будут долго помнить те, кто знал его, видел на сцене, на экране. Но надо, чтобы и потомки тоже не забывали о нем. Для этого необходимо в программах теле видения, радио, кинофильмах, книгах, в публикациях в печати чаще

рассказывать об Эсамбаеве, организовывать вечера памяти о нем. Мы должны гордиться, что в нашей стране жил и творил великий танцовщик Махмуд Эсамбаев.

¹ Уразгильдеев Р. Бибисара Бейшеналиева. Фрунзе: Кыргызстан, 1971.

² Эсамбаев Махмуд. Рассказы о танцах // Огонёк. 1962. № 4.

³ Привитна Г. Встреча с необычным // Воинствующий атеист. № 10. 1964 (пер. с укр.).

⁴ Гончаров В. Ц Известия, 3 февр. 1961 г.

⁵ Эсамбаев Махмуд. Рассказы о танцах // Там же.

⁶ Лукиан. Избранное: проза, поэзия. М.: Терра, 1996.

⁷ Чаплин Чарльз. Моя биография. М.: Вагриус, 2000.

⁸ Моисеев Игорь. Танцовщик милостью природы // Известия, 10 янв. 2000 г.

Н.-Э.А. Хасиев

ДОЛГИЙ ПУТЬ К РАССВЕТУ

...Они покинули родные горы, когда над ними стояла глухая ночь и было очень далеко до рассвета...

Идрис Базоркин. "Из тьмы веков"

История, о которой я хочу рассказать, еще не закончилась. Она полна горечи человеческих потерь, в ней много тревожного ожидания неизвестного будущего и несбывшихся надежд. Эта история о чеченцах и ингушах, покинувших родные края в 1970-е годы и приехавших, кто на работу, а кто на учебу, в старинный волжский город Ярославль.

В те годы в Чечено-Ингушетии была массовая безработица, не хватало мест в учебных заведениях, процветали коррупция, взяточничество. Пройдя через суровые испытания во время депортации 1944 г., вернувшийся на родные земли народ долго не мог окрепнуть. Во всем ощущалась нужда. Наши отцы и деды хотели своими руками построить свое счастье и счастье своих детей, о котором долго мечтали на чужбине. И вновь вайнахи вынуждены были уезжать в разные уголки страны на временные заработки для того, чтобы восстановить свои жилища, обустроить свою жизнь, дать образование своим детям. Истосковавшись в бескрайних степях Сибири и Казахстана по родной земле, теперь они не хотели покидать ее надолго.

Время и обстоятельства не рассеяли нас, не разорвали наших связей друг с другом и с исторической родиной. И все те, кто обосновался на волжских просторах, образовали диаспору на Ярославщине. В своем романе "Из тьмы веков" ингушский писатель Идрис Базоркин пишет: "Бывает жизнь, когда лучше, что есть в ней, - это сон...". Как сон вспоминаем мы, казалось бы, недалекие 1980-е, когда сотни чеченцев и ингушей учились в ярославских вузах, строили школы, административные здания, сельхозобъекты. Не было в области ни одного района, ни одного поселка, где бы ни трудились вайнахи. За короткий период трудолюбивые и предприимчивые представители нашего народа заслужили не только авторитет среди местного населения, но и уважение руководящих органов. Вчерашние студенты, бригадиры на стройках теперь становились председателями колхозов, директорами торгов, руководителями строительных организаций и различных кооперативов. Они избирались в местные органы народной власти. Благодарные гостеприимным ярославцам за доверие и поддержку, мы ощущали себя в единой семье, в общем доме народов России. И конечно же, становясь на ноги на этой земле, мы не забывали напутствия родителей: "Помни, кто ты и откуда

288

родом". Удивительная вещь — память. Возвращая нас в недавнее и далекое прошлое, она объединяет всех людей. Эта память и причастность к роду своему объединяла нас и являлась мостом между нами и землей отцов. Воспоминания и воображение переносили нас в родные села, цветущий под щедрым кавказским солнцем любимый Грозный. И эта ностальгия диктовала нам следовать традициям предков, находясь за тысячи километров от Чечено-Ингушетии.

Время неумолимо, и оно оставляет свой след. Занимаясь своими будничными делами, мы понимали, что подвергаемся естественным процессам ассимиляции. Но в целом, как бы нелегко ни складывались наши судьбы, мы старались сохранять чувство национального достоинства и самосознания, язык, культуру, преданность родине. Каждую осень в Ярославле проводились акции, так называемые "вечера землячества". Следуя старинным традициям, по окончании сезонных работ совместно с учащейся молодежью мы устраивали праздник "ловзар". Изредка, но заезжали к нам такие знаменитости, как Махмуд Эсамбаев, Сулумбек Идрисов, незабвенная Марьям Ай-дамирова, государственный ансамбль танца "Вайнах". В

Ярославле появилось кафе "У Мусы", где любили собираться для обмена новостями земляки. Любимым местом проведения досуга стало и кафе национальной кухни "Вайнах", где можно было не только отведать жижиг-галнаш, но и посмотреть видеозаписи концертов с участием мастеров искусств ЧИАССР, станцевать лезгинку.

Но, к сожалению, жизнь вносит свои коррективы, и распад СССР изменил за короткое время всё: страны, города и людей. Все народы стали свидетелями, как с распадом братского Союза вместе с экономическими проблемами в обществе появились и межэтнические конфликты. Ученый-востоковед В. Черновская в книге "Мусульмане Ярославля" пишет: «Не избежала соблазна проявить свою национальную исключительность и Россия. Некоторые СМИ стали убеждать граждан в исключительности русского народа, который в ущерб себе поставил на ноги "захудалые окраины Российской империи". При этом, не стесняясь в выражениях в адрес "неблагодарных" собратьев по "исторической общности", печатали анекдоты, задевающие национальные чувства других народов. Власти перестали вмешиваться в эти взаимные нападки, тем более, что новый закон о печати позволял работать на грани фола».

Усложняло ситуацию и вытеснение из бывших республик Средней Азии, Прибалтики и Кавказа русскоязычного населения. Вместе с тем из этих же республик в Россию, и в частности в Ярославль, приезжало все больше инородцев, для которых переход к рыночной экономике был своего рода разрешением на инициативу в бизнесе. Они быстро начали заполнять все свободные рыночные ниши.

Массовая безработица, вызванная спадом производства на крупных предприятиях, задержка заработной платы на еще функ-

10. Культура Чечни...

289

ционирующих заводах вместе с подстрекательством со стороны национал-шовинистов вызывали в массах недовольство южанами. Этим и воспользовались радикально настроенные и имеющие своих спонсоров "летучие отряды", задача которых состояла в выдавливании с русских земель инородцев. Если в прошлые годы конфликты возникали на бытовой почве и сопровождались лишь мелкими стычками и драками, то теперь они обрели угрожающе массовый характер. В Ростове Великом, Переславле-Залесском, Тутаеве были устроены настоящие битвы под лозунгом "черные убирайтесь домой". В г. Мышкине преступление, совершённое одним ингушом, вызвало бурю негодования со стороны местного населения, переросшую в антикавказскую демонстрацию. Хотя виновный явился с повинной (в последующем суд оправдал его), разъяренная толпа крушила дома и автомашины кавказцев. Четыре дня продолжался стихийно возникший митинг, на котором срочно образованный гражданский комитет "Родина" требовал у сессии райсовета выселения южан из города в 24 часа. В г. Мышкин приехало руководство области и подразделение ОМОНа. В улаживании конфликта заметную роль сыграл председатель Мышкинского райпотребсоюза, член областного Совета народных депутатов Хамзат Идилов. Его заслуги перед мышкинцами в продуманном обеспечении не остались незамеченными. Приблизительно в то же время в Ярославле директору кафе "У Мусы" - М. Сусаеву были выдвинуты требования: оставить дело или распрощаться с жизнью. Но у вайнахов есть особенность: на проявление бытового национализма реагировать удивительной сплоченностью. Так и на этот раз люди разных профессий и возрастов показали силу, с которой необходимо было считаться.

Много еще было у нас подобных неприятностей, но все их оттеснил на задний план начавшийся на Северном Кавказе осетино-ингушский конфликт. Весть об изгнании ингушского населения с исконных земель Пригородного района Осетии вызвала тревогу и озабоченность в обществе. Собрался экстренный совет, на котором было принято решение оказать посильную помощь пострадавшим соотечественникам. Ярославский фотокорреспондент Юрий Барышев в своей книге "Мой взгляд на жизнь", вспоминая эти события, в 2000 г. напишет: "Десятилетиями здесь в мире и дружбе жили осетины, ингуши, русские, украинцы, чеченцы и евреи. Но для кого-то эта ситуация стала козырной картой в большой политической игре. И вот уже ингуши становятся чужаками на своей собственной земле". Все это заставило нас задуматься о создании координационного центра, который бы отвечал требованиям нового времени. На одном из собраний актива диаспоры я призвал чеченцев и ингушей, живущих в Ярославской области, объединиться в общественную организацию: "Сегодня мы еще можем жить по отдельности и заниматься каждый своим делом. Но может прийти время, когда и в

290

Ярославле каждому из нас потребуется помощь друг другу, помощь общества".

Доказательства долго ждать не пришлось. В лифте многоэтажного дома были взорваны два авторитетных чеченца, одного из которых ярославцы помнили по работе первым секретарем райкома комсомола. А в один из зимних вечеров 1993 г. в ресторанчик, в

котором любили отдыхать и собираться на свои совещания чеченцы и ингуши, ворвалась решительно настроенная против чеченцев группировка, в составе которой были и сотрудники РОВД. Как хозяину заведения, встречать непрошенных гостей пришлось мне вместе с братом. Мы даже не подозревали о такой дерзости нападавших, которые были в бронезилетах и с оружием в руках. В короткой потасовке мы оба получили огнестрельные ранения в живот.

Стихийно образовавшаяся "команда мстителей", собравшая около 300 земляков, была настроена решительно. Но мудрость старейшин и взвешенный подход к сложившейся ситуации позволили нам избежать кровопролития и больших ошибок. Мы понимали причины неприязни к нам русских обывателей. Массированные атаки СМИ, старающихся показать чеченцев как кучку бандитов с целями развалить и обобрать Россию, сделали свое дело. На этом фоне злиться на "неразборчивого" русского человека не стоило, ведь рядом с ним судьба определила нам жить. Было лишь чувство обиды и огорчения. "Сосед дороже брата" - следуя этой чеченской поговорке, мы начали строить свои отношения с ярославцами, показывая стремление в мире и дружбе делать нашу общую жизнь лучше.

Так весной 1993 г. родилось в Ярославле Общество чечено-ингушской культуры "Вайнах", объединившее более 1000 человек. Совет Общества с первых дней поставил перед собой задачу: помогать соплеменникам обустраиваться в новых условиях, оказывать правовую и моральную поддержку членам организации, хранить и передавать нашим детям родной язык, традиции, культуру, совместно решать многочисленные проблемы, стоящие здесь перед нашими людьми. Это было время духовного подъема. Вайнахи активно включились в восстановление мечети. Оказывали не только финансовую помощь, но и помогли оборудовать учебный класс, приносили ковры для молельного зала, подарили новый автомобиль. На пятничную проповедь в мечети наравне с татарами, азербайджанцами и другими братьями по вере собирались чеченцы и ингуши. Все чаще в своих домах стали устраивать ритуальные молитвы, в которых координирующую роль играл Хусейн-хаджи Наурбиев. Нужно сказать, что уважаемыми людьми Общества была образована группа "маслаат тоба", которая занималась разрешением споров, конфликтов не только среди членов нашей диаспоры, но и между другими этническими группами. Согласительные процедуры были очень эф-

10*

291

фективными, что повышало авторитет не только активистов, но и Общества "Вайнах" в целом. Авторитетность любого человека, любого общественного образования зависит от их конкретных дел. Не забывая, что и у русских, рядом с которыми мы живем, немало трудностей, и следуя вайнахским традициям, старались помогать соседям. Собирали пожертвования церквям в Ростове Великом и Угличе, оказывали помощь детским домам, домам для престарелых, школам и интернатам. По мере возможности помогали людям без различия по национальности и вере.

Тяжким нравственным грузом на Общество ложилось неблагоприятное поведение соплеменников. И, обеспечивая членам Общества правовые и материальные условия, способствующие удовлетворению национально-культурных интересов, Общество ревностно следило за репутацией своих людей.

Обогащаясь историческим наследием русской культуры, мы пытались знакомить ярославцев и с культурой вайнахов, осознавая, что отсутствие правдивой информации о нас, об истории и культуре нашего народа порождает недоверие к нам. Являясь некоммерческой организацией, Общество "Вайнах" все же находило возможности и формы социальной коммуникации. Перед ярославской аудиторией с лекциями о культуре и истории нахов выступал известный этнограф-кавказовед Ян Чеснов. Его рассказы и десятки статей других историков Чечено-Ингушетии публиковались в местных газетах. На областном радио звучали национальные песни в сопровождении рассказов о жизни нашего народа. На широкую аудиторию были рассчитаны выставки художественных работ мастера живописи Айнди Асуханова и Мовлади Гадиева. С концертными программами к нам приезжали Раиса Кагерманова, Сулейман Токкаев, Хусейн Расаев, Рамзан Паскаев и многие другие деятели культуры.

Но, к великому сожалению, 1994 год — год становления Общества "Вайнах" — открыл новую страницу в истории многострадального чеченского народа. Наверное, одну из самых трагических. Началась российско-чеченская война.

Изменения в Чечне изменили и деятельность Общества "Вайнах". Пришлось заниматься вопросами далекими от культурной деятельности. Вместе с главой администрации Ярославской области и председателем духовного объединения мусульман Общество "Вайнах" направило обращение к Президенту РФ Борису Ельцину с просьбой разрешить ситуацию в Чечне путем политического диалога. 15 января 1995 г. в Ярославле состоялась Первая региональная конференция чечено-ингушской диаспоры, где был учрежден благотворительный фонд "Грозный". И уже в феврале, после тщательной подготовки и при

содействии УВД области, вместе с представителями Костромской и Ивановской диаспоры в Чечню была отправлена автоколонна из пяти большегрузных машин с продуктами и медика-

292

ментами. Под наблюдением ярославской делегации во главе с президентом фонда Н. Халимовым гуманитарная помощь была роздана нуждающимся. А в марте в Ярославле была развернута выставка фоторабот известного журналиста Юрия Барышева "Чечня-95". Фотоснимки были сделаны во время его пребывания в республике с инициативной группой нашего Общества. Заметным событием стало издание Обществом книги "Победы не будет!" по материалам Ассоциации солдатских матерей и Общества "Мемориал". Мы поставили своей целью рассказать о том, что видели сами и о чем умалчивают газеты и телерадиопередачи.

Одним из направлений нашей деятельности можно считать поиск путей и реальные шаги в сотрудничестве со средствами массовой информации. Для журналистов организовывались пресс-конференции, на которых они могли расширить знания о современном положении чеченского народа. Для ведения открытой политики в 1996 г. была учреждена и собственная газета "Вайнах" - первая газета чечено-ингушской диаспоры в России. В условиях продолжающейся войны Ярославская земля принимала делегатов из разных регионов страны на проводимые конференции в надежде, что нас услышат. Чеченцы и ингуши собирались для того, чтобы обратиться к тем, кто решает судьбы народов, с призывом устроить подлинный и стабильный мир. Учредительная конференция и последний V съезд Конгресса вайнахской диаспоры России были проведены также в Ярославле. На них были приняты обращения к Генеральному секретарю ООН, Президенту РФ, а также к руководителям сил сопротивления Чеченской Республики с призывом прекратить войну. Приходилось встречаться с руководителями разного ранга, чтобы предотвратить дискриминацию чеченцев и ингушей в разных регионах в связи с войной в Чечне. Обидно, что не все члены диаспоры понимали, что их спокойная жизнь в Ярославле на фоне массовых притеснений в других регионах сложилась благодаря усилиям таких людей, как Г. Шамилов, М. Алсултанов, Н. Истамулов, Х. Исламов и др., которые защищали интересы вайнахской диаспоры, не замыкаясь в этнической среде, а поддерживая связи с видными представителями интеллигенции, чиновниками и бизнесменами - с известным бизнесменом и депутатом областной думы М. Айдаевым, народным дипломатом В. Чермоевым, подполковником милиции А. Шамаевым, представителем интересов Общества "Вайнах" в общественном собрании при губернаторе Х. Идиловым.

В Общество "Вайнах" обращались матери солдат, пропавших в Чечне, не всем из которых, к сожалению, удалось оказать возможную помощь. Но осчастливить родителей пяти российских солдат нам все же удалось. Чеченцы понимали, что мальчишки, которых посылали на верную смерть, не виноваты. И было больно видеть слезы их матерей.

293

Порой удивляешься равнодушию людей. Все знают, что идет война, гибнут люди, разрушаются города, но все это происходит где-то далеко, не с нами, на экране телевизора, а здесь и так много повседневных бытовых проблем. Поэтому я был поражен, когда узнал о постановке спектакля "Кавказский роман" в театре им. Ф. Волкова. Этот спектакль по произведениям Л.Н. Толстого "Хаджи Мурат" и "Казачьи войны" призывал зрителя задуматься над происходящим на сцене и в жизни. В нем говорилось о жизни и смерти, о любви и войне, о государстве и человеке, империи и свободе, об истории и современности, о России и Кавказе. Театр обратился к теме, уходящей в глубь веков и актуальной и в наши дни. В своем интервью газете "Северный Кавказ" в г. Нальчике, куда театр приехал на гастроли, на вопрос «Как восприняли "Кавказский роман" власти?» главный режиссер театра В. Боголепов ответил: "Они на нас обиделись, посчитав постановку антиельцинской. Но жизнь показала, что мы были правы: несчастье сегодняшнего дня в том, что государство ради геополитических интересов забывает о человеке, а человек - первичен, и государство существует ради человека. Эта идея - во всем творчестве Толстого".

Творчество Л.Н. Толстого близко каждому чеченцу, ведь именно в Чечне началась литературная деятельность Льва Николаевича. С юных лет склонный к бескомпромиссному анализу, он смотрит на кавказскую действительность как на трагическую реальность. Работая вместе с главным режиссером и труппой театра над спектаклем в роли консультанта по этнографии, перечитывая произведения великого русского писателя, я подумал, что разные народы огромной России должны сделать все от них зависящее, чтобы остановить братоубийство. А для этого нужно обратиться к своим нравственным истокам.

В старину у вайнахов существовал четко разработанный народный кодекс правил, установок, критериев поведения и взаимоотношений, основанный на традициях побратимства и дружбы. Его основой и жизненно важной целью было создание такого благоприятного

климата взаимовыгодных отношений между представителями разных народов, который сводил к минимуму возникающие конфликты и даже вражду, который находил пути мирного решения появившихся проблем.

Приближался 1997 год, а вместе с ним и надежда на мир. Боевые действия в Чечне завершились, и в одну из поездок в республику с гуманитарным грузом мне и члену совета Общества "Вайнах" Н. Халимову довелось встретиться с Асланом Масхадовым. В частной беседе будущий президент Республики Ичкерия призывал: "Передайте большое спасибо тем, кто, отрывая от своих семей, делился с несчастными братьями. Вы давно живете в России, у вас есть связи. Обратитесь за помощью к простым русским, к руководству края. Нашему многонациональному истерзанному народу

294

пережить бы зиму. Война еще не закончилась... Кремль нам не поможет".

В этом безумии взорвавшейся реальности, среди руин и пожарищ не нужно было призывов, чтобы ощутить боль своего народа, ужас происходящего. Но где взять силы и средства исчерпавшим за годы войны свои возможности членам диаспоры? Как помочь обездоленным калекам, словно призраки, блуждающим в развалинах мертвого города? Эти мысли возвращали к великому гуманисту Л.Н. Толстому, задававшему вопрос и людям, и самому себе более ста лет назад: "Если дурные люди объединяются для совершения дурных дел, почему же не объединяются добрые люди для совершения добрых дел?" Так родилась идея создания фонда развития экономических и культурных связей "Ярославль - Ичкерия".

Начало деятельности фонда совпало со временем подписания Договора о мире в мае 1997 г. между Россией и Чечней. Измученная войной республика нуждалась в помощи. Никто не будет стоять в стороне, когда наступило время для мирного строительства, о котором мечтали в годы войны. Однако только желающих работать недостаточно, нужны материалы и техника, нужны специалисты и технологии. В то же время и в Ярославле оказались свои проблемы: экономика региона хромала, предприятия зачастую простаивали без работы, на складах скапливалась нереализованная продукция. Казалось бы, сложились условия для установления взаимовыгодных контактов, которые помогли бы решить проблемы каждой из сторон. Когда еще свежи раны, нанесенные друг другу в этой ненужной войне, и чеченцы и русские должны были понять, что пришло время сменить в отношениях идеологию войны на идеологию мира. Нужно было координационное звено, которое стало бы мостом между общественностью Ярославля и Грозного, выполняло бы роль посредника в процессе установления сложных партнерских отношений. Именно с этой целью и был создан общественный некоммерческий фонд "Ярославль—Ичкерия". Средства массовой информации Ярославля передали сообщение о создании фонда. С первых дней своей работы фонд направляет усилия на развитие культурного обмена между Ярославлем и Чечней. При поддержке Департамента культуры области и мэрии провели акцию "К согласию - через искусство". Это было первое в России мероприятие после окончания боевых действий, в котором приняли участие ярославские и чеченские мастера искусств. Всех объединяла мысль о том, что хоть и различны наши народы с их традициями и культурой, все хотят одного и того же: счастья, любви и мирного неба над головой.

Впервые за всю историю существования первого русского театра им. Ф. Волкова его сцена была предоставлена чеченским гостям для проведения концерта фольклорного ансамбля "Звезда Кавказа". Сцена с соответствующими декорациями, национальные костюмы и

295

инструменты, лирические песни и общее настроение участников концерта — все это было отражено в фильме-концерте "Песня сердца". "Огонь души" — так назывался еще один фильм, героем которого стал певец Майрбек Исраилов, выпускник Ленинградской консерватории.

Не обделены были вниманием фонда и живописцы. В городском выставочном зале была организована экспозиция произведений ярославских и чеченских художников под названием "Непонимания одолеть границу..." и фотовыставка "Добро и зло".

Фонд возобновил выпуск газеты "Вайнах", издал книгу известного чеченского писателя С.-Х. Нунуева "Нахи и священная история", более половины тиража которой было безвозмездно роздано читателям. Цель издания этой книги - не просто удовлетворить естественный интерес вайнахов к прошлому, а гораздо шире и важнее: помочь чеченцам извлечь уроки из их исторического прошлого, донести правду о многих ключевых моментах в жизни народа и тем самым побудить к активному участию в возрождении общества. Чтобы ярославцы могли познакомиться с историей и культурой вайнахов, фонд собирал и передавал местным библиотекам сотни книг и журналов. Вузы Грозного тоже получали от фонда необходимую учебную литературу.

Как показывает жизнь, для нормального существования столь разных по культуре и обычаям народов мы должны знать друг о друге. Именно с этой целью были сняты

документальные фильмы «Общество "Вайнах" — кто они?», "Время — делать". А фильм «"Ярославль—Ичкерия" — мост к согласию» получил губернаторскую премию им. Опекушина. Когда я ознакомился с историей удивительного города Ярославля — колыбели России, от которой он впитал широту, глубину характера, красоту помыслов и дел, у меня родилась идея создать фильм "Храмы Ярославля". Этот фильм был подарен министру культуры России на праздновании Дня славянской письменности в Спасском монастыре. Установившиеся тесные контакты с телекомпаниями города помогли нам транслировать фильмы не только собственного производства, но и работы профессиональных компаний, таких как "Мир" и "Центр ТВ". Кроме того, Гостелерадиокомпания ЧР также освещала деятельность нашего фонда. Безусловно, все эти мероприятия способствовали поиску деловых партнеров и заключению договоров о сотрудничестве с десятками ведущих предприятий области. Определенную поддержку фонд получил и со стороны областной администрации и мэрии. Чеченское правительство выразило свою позицию подписанием соглашения о сотрудничестве. Но, к сожалению, ни предприятия, ни физические лица, даже чеченской национальности, не торопились оказывать материальную поддержку фонду.

Регулярные поездки в Грозный, встречи, переговоры с чиновниками выявили одну главную проблему, без решения которой любые

296

усилия будут безуспешными, а именно: пока федеральные власти России не договорятся с Чеченской Республикой и пока не будет подписан договор, гарантирующий государственную поддержку и защиту российских предпринимателей, работающих в Чечне, инвестиций в экономику республики ждать преждевременно. Но время не ждало. И руководство области сделало первый шаг. В апреле 1998 г. делегация администрации Ярославской области посетила Ингушскую и Чеченскую Республики. Возглавлявший ярославскую сторону губернатор Анатолий Лисицын провел переговоры с первыми лицами двух северокавказских республик. 11 апреля было подписано соглашение о сотрудничестве и протокол о намерениях в области экономических проектов. Без этого документа не имело бы силы ранее подписанное соглашение между фондом и правительством ЧР.

К сожалению, все эти соглашения остались на бумаге. Скептическое отношение россиян к стабилизации положения в Чечне, постоянно подпитываемое сообщениями о росте преступности и похищениях людей, отвернули от нас потенциальных партнеров. Автор этих строк - человек в бизнесе не новый. Создавая фонд, отбросив все текущие дела и работу в банке, которой отдал 6 лет, я знал, что будут трудности, но не предполагал, что такие непреодолимые. Казалось бы, что после всех лишений и страданий чеченское общество должно консолидироваться, чтобы вернуть народ в мирную жизнь, но вместо этого в республике возникла очередная революционная ситуация. Наделенные народом властью вчерашние полевые командиры решили, что светлое будущее уже наступило: они не приняли во внимание, что для достижения поставленных высоких целей у них нет ни базы, ни средств, ни навыков. Между замыслом и возможностями его реализации возникла зияющая брешь, в которую хлынули потоки крови. Те, кто провозглашал лозунг "Свобода, равенство, братство", повсеместно установили деспотию и террор. Я далек от мысли, что только Аслан Масхадов и его министры являются причиной всеобщего смятения и разочарования. Нормальное существование общества, спокойствие и безопасность его людей обеспечиваются лишь тогда, когда каждый готов поступиться ради общего блага толикой своих желаний и потребностей. Но поступиться своими корыстными интересами, подавить в себе звериные инстинкты вряд ли хотели те, кто на крови и нищете собственного народа наживал преступный капитал. Жалко простых парней, которые отдали жизнь за свободу, честь и достоинство своего народа. Однако властолюбивые псевдопатриоты развязали террор по всей Чечне, что привело к хаосу и отчуждению республики от всего мира, к очередной войне. Так чеченцы, по сути, сами способствовали осуществлению давно вынашиваемого Кремлем плана.

Долго будут заживать раны, полученные страной в этой войне своих со своими. Пора бы перейти к миру через покаяние и всеоб-

297

щее прощение, через политический диалог. Ведь мы в ответе перед потомками за все, что происходит теперь. Мы должны научиться понимать друг друга. Понять — значит принять другой народ. А это можно только через знакомство с традициями, через культуру. О достижении согласия между нашими народами на основе духовного взаимопонимания, а не из политического расчета мечтали организаторы Ярославского отделения Ассамблеи народов России, куда вошло вместе с 12 диаспоральными объединениями и Общество "Вайнах".

Роль диаспор в жизни страны зависит от ряда обстоятельств, среди которых определяющую роль играет потенциал созданных диаспоральных объединений, их

способность влиять на политику, проводимую страной проживания и по отношению к диаспорам, и по отношению к стране исхода. Когда все газеты пестрят сообщениями о военных действиях в Чечне, о гибели российских солдат, а первые лица государства, комментируя эти события, награждают весь народ эпитетом "бандиты", у рядовых россиян зреет невольное озлобление против простого чеченского народа, не имеющего ничего общего с бандитами и не повинного в преступлениях против россиян. Неудивительно, что потенциал нашей диаспоры стремительно падает за последние годы. Причиной тому и нескончаемый поток беженцев, проблемы которых мы вынуждены решать. Приходится работать по принципу: за себя и за того парня. Одному работающему члену диаспоры, кроме собственной семьи, необходимо содержать и семьи близких родственников, нужно оказывать содействие в восстановлении разрушенного жилья. Это не природное бедствие, когда на второй день можно собрать людей на коллективную помощь, а война, огонь которой пожирает все чеченское племя независимо от места проживания. В этих условиях не приходится рассчитывать и на стабильный бизнес, разваливающийся на глазах из-за недоверия партнеров. В сфере взаимоотношений диаспоры и региона проживания опыт подсказывает, что чем выше авторитетность и влияние ее представителей в экономических и культурных кругах общества, тем больше шансов, что администрация субъекта Федерации будет учитывать интересы этой этнической группы.

Любая диаспора, желающая выжить, не может не сотрудничать с государственными институтами. Понимая это, "Вайнах" постоянно ищет возможность конструктивного диалога с администрацией области и города, УВД и ФСБ, с лидерами политических партий и общественных движений. Существующие в структуре Общества отделы по различным направлениям выступают в роли "моста" между диаспорой и ответственностью Ярославля. Созданная руководителем Комитета по спорту Адамом Айдаевым футбольная команда "Вайнах" стала бронзовым призером областного турнира "Руко-водитель-2001". Ярославец Ислам Дадалов, став обладателем сереб-

298

ряной медали открытого Чемпионата России по боям без правил, получил право участвовать в Чемпионате мира 2001 г. в Ярославле. Трудно переоценить и роль руководителя Комитета по правовым вопросам, члена коллегии адвокатов Ярославской области Ханпа-ши Расуханова. Своим опытом мы охотно делимся с представителями нашего народа в разных регионах страны, а также с диаспорами в ближнем и дальнем зарубежье. Взаимодействуя с другими диаспоральными организациями, мы пытаемся перенять и их положительный опыт. Это способствует не только взаимному обогащению опытом, но и усиливает этническое самосознание.

Культурные связи способны оказывать огромное влияние и на развитие международных отношений. В этом смысле роль диаспор в современном мире поистине уникальна. Но пока этот позитивный потенциал не до конца осознан и политиками, и самими диаспоральными объединениями. Появление в Ярославле регионального отделения Ассамблеи народов России должно помочь решению проблем национальной политики этой области. Хочу привести слова депутата Государственной думы профессора Асламбека Аслаханова, прозвучавшие на II съезде Ассамблеи народов России (АНР): "В чем притягательная сила АНР для других общественных объединений, для государственных структур, и главное - для представителей разных народов России? В том, что она может и должна изменить создавшееся в последние годы в России отрицательное информационное поле в отношении нерусских народов". И очень отрадно, что власти г. Ярославля и области стали считаться с потенциалом национальных объединений. Подтверждение тому — акция "Культура во имя мира", организованная Ярославским отделением АНР при поддержке администрации области и города. В рамках этой акции Общество "Вайнах" провело "круглый стол" на тему "Ислам — это мир" с участием профессоров А. Яндарова, В. Черновской, В. Пороховой, С.-Х. Нунуева. Также была организована презентация вышедшей в Ярославле книги "Живительный дух ислама". Автор этой книги — председатель чеченского центра Культуры мира и ненасилия им. Кунта-Хаджи (ЮНЕСКО) писатель Сайд-Хамзат Нунуев — хорошо известен ярославской публике. По приглашению Общества "Вайнах" при содействии Президента Республики Ингушетия Руслана Аушева, которому мы безмерно благодарны за его гражданскую позицию, на сцене областной филармонии с большим концертом выступил государственный ансамбль танца "Ингушетия". Весной 2000 г. в Ярославле прошел V Международный фестиваль искусств. Основой его стали культурные сообщества национальных диаспор, проживающих в области. Директор фестиваля, председатель Ярославского отделения АНР, Заслуженный артист России Харис Аббясов в своем выступлении на его открытии сказал: "Фестиваль многосоставен, многоязычен, он важен и как пространство национального самостояния, самоутверждения той или иной культуры и диаспоры, и как пространство

взаимодействия разных художественных культур, он связан с новой оценкой и самооценкой, новым аспектом отношения зрителей к национальному художественному творчеству в срединной России — на Ярославской земле, которая дала приют и родину многим этносам и национальностям". На этот фестиваль наша диаспора представила программу "Легенды вайнахов".

С целью раскрыть внутренний мир своего народа, переживающего одну из трагических страниц истории, мы попытались выстроить свою программу. Не желая превращать эту программу в праздник, в то время как на нашей земле проливается кровь и гибнут люди, мы попытались использовать сцену для того, чтобы через песни и музыку, через народные танцы показать боль и трагедию чеченцев и ингушей. Выжить и не пасть духом им всегда помогали народные песни-илли, в которых отражаются не только подвиги предков, но и мечты о светлом будущем. Зал восторженно встречал аплодисментами мастеров искусств Чечни и Ингушетии. Не обязательно было знать язык, чтобы понять душевное настроение выступающих и смысл песен. Особый восторг зрителей вызывали народные танцы. Отражая характер народа, они символизировали готовность пожертвовать собой ради сохранения свободы и чести. В танцах вайнахи выражали и свои чувства: любовь, верность, дружбу. И это, на наш взгляд, удалось показать юным танцорам ансамбля песни и танца "Нохчо" под руководством заслуженного артиста Чеченской Республики Магомеда Тахаева. Разбросанных войной девочек и мальчиков руководитель коллектива специально собирал из разных городов и лагерей беженцев для участия в нашем фестивале.

За каждой ночью следует день. Повернуть души людей к свету, добру — вот была наша цель. Поэтому завершающим аккордом на фоне голубого неба прозвучал гимн миру в исполнении певца и композитора Али Димаева:

"Обнимитесь миллионы, Щедрость сердца не тая.
Пусть улыбкою Мадонны Мир согреет доброта..."

Мир не может быть получен как подарок. Чтобы он пришел в наши дома, мы должны работать для этого день за днем. Проводниками к миру и согласию выступают культура и творчество. К великому сожалению, не всегда вайнахи это осознают. В качестве примера хочу рассказать о концерте "Кавказские мотивы", прошедшем в Концертном зале им. Собинова. Целый месяц готовился к нему Ярославский Академический губернаторский симфонический оркестр под управлением главного дирижера Мурада Анна-мамедова: переписывали партитуры, репетировали, проводили рекламную кампанию. Неудивительно, ведь за 50 лет существования

300

оркестра он впервые обращался к произведениям чеченского автора — члена Союза композиторов России Сайда Димаева. Для исполнения сольных партий был приглашен солист Большого театра России Мовсар Минцаев, при появлении которого переполненный зал восторженно встал. Нечасто чеченцы могут услышать родные мотивы в таком великолепном исполнении. Но к нашему стыду, среди зрителей не оказалось вайнахов. К сожалению, мы не всегда умеем ценить то, что имеем, и гордиться теми, кто своим искусством спасает культуру народа от забвения.

Я благодарю судьбу, что появилась замечательная возможность на фестивале "Панорама музыки России", прошедшем в пяти городах России и представлявшем более 400 произведений композиторов из всех регионов страны, познакомить зрителей с творчеством чеченца Сайда Димаева, автора сюит, симфоний, ораторий. После окончания концерта в Ярославле председатель Союза композиторов России В. Казенин поблагодарил Сайда Умарови-ча Димаева.

Описывая культурную жизнь Общества "Вайнах" в Ярославле, хочу сказать и о последней акции "Марш мира и согласия по городам России", в рамках которой прошел спектакль "Женитьба" Н.В. Гоголя Ингушского государственного театра "Современник". На пресс-конференции перед началом спектакля руководитель театра Михаил Базоркин сказал: "Нам очень важно, что со сцены первого русского театра стартует наш Марш в защиту мира".

Учитывая сегодняшнюю реальность, уместно вспомнить слова великого чеченца Кунта-Хаджи Кишиева: "Свобода и честь народа — это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обид, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска хлеба". Именно эта свобода и честь, на мой взгляд, должна быть сегодня нам дорога.

Чтобы разжечь вражду и развязать войну, достаточно одного неосторожного слова, одного выстрела. А сколько затем потребуется сил небольшой группы людей, объединенных общей идеей, чтобы растопить лед недоверия между народами?! И чем

измерить тяжесть разочарования от крушения надежд, от бессилия и обид, от иссякшего терпения?! И с чем сравнить душевный подъем от осознания, что ты сделал все, что мог, для своего народа?!

РАЗДЕЛ VII *Ж.Ж. Гакаев*

ЧЕЧЕНСКИЙ КРИЗИС, ЕГО ПРИРОДА И ЭВОЛЮЦИЯ

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА

Современный чеченский кризис - явление сложное, многофакторное. Многие его составляющие сегодня не поддаются даже оценке. Вообще у таких сложных явлений, как чеченский конфликт, не может быть однозначного толкования, у каждого его участника - своя правда. Вместе с тем научный анализ событий сегодня позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Августовские события 1991 г. в Москве, последовавший в результате ГКЧП распад СССР предоставили многонациональному народу Чечено-Ингушской Республики (ЧИР) уникальный шанс сменить режим коммунистической бюрократии на демократическую систему власти мирным конституционным путем, определить посредством всенародного референдума статус республики, найти приемлемую форму отношений с Российской Федерацией и тем самым постепенно обрести реальную экономическую и политическую самостоятельность в рамках обновленного федеративного союза равноправных народов и республик новой демократической России.

Однако такой вариант решения обострившихся проблем власти и суверенитета, предложенный демократической общественностью Чечни, не устраивал определенные политические силы в Москве и в самой Чечено-Ингушетии. В результате ЧИР, ее политические элиты оказались в эпицентре борьбы нового российского руководства с союзным центром за передел власти и собственности. Коммунистический Верховный Совет ЧИР во главе с Д. Завгаевым, пытаясь сохранить власть, сделал ставку на М. Горбачева, который в свою очередь стремился разыграть карту российских автономий (обещая повысить их статус в обновленном Союзе до уровня союзных республик) против сепаратистских настроений российского руководства. Чеченские национал-радикалы во главе с Дудаевым, выступив против ГКЧП и поддержав Ельцина и Хасбулатова в августовских событиях, получили карт-бланш для захвата власти в Грозном. Дудаев и силы, стоявшие за ним, сделав ставку на капитал теневой экономики, радикализовав идею суверенитета и с ее помощью обеспечив поддержку маргинальных слоев населения, захватили власть в ЧИР. Однако не введи Ельцин Чрезвычайное положение, шансы Дудаева и К^о удержаться у власти были равны нулю. В развернувшейся борьбе за передел власти и собственности новая квазиэлита Чечни сделала ставку на агрессивный сепаратизм. В итоге народу ЧИР был на-

315

вязан иррациональный, тупиковый вариант радикальной суверенизации.

Для многих в Чечне уже тогда было ясно, что курс на независимость в условиях отсутствия плебисцита, со ставкой на силу, при доминировании в обществе революционного правосознания, низкой уровне политической культуры властвующих элит и в России, и в Чечне, криминальной сущности режима в Грозном, существующем расколе чеченского общества по вопросу о путях достижения независимости, направленных действиях античеченских сил неизбежно обернется очередной трагедией, большой кровью для чеченцев, эт-ноцидом народа. Так, к сожалению, и случилось.

Тезис о полной независимости Чечни - обман и миф, рассчитанные на невежественных людей. В современном взаимосвязанном, взаимозависимом, интегрированном мире существование полностью независимых государств невозможно. Более того, если говорить о жизненных интересах чеченского народа, то он как никто другой заинтересован в сохранении единого с Россией политического, правового, экономического и культурного пространства. Реальность такова, что Россия в Чечне, а Чечня в России и жить им вместе. Политика (политики), не учитывающая это обстоятельство, рискует оказаться несостоятельной. Д. Дудаев, вопреки устоявшемуся мнению, прекрасно понимал, что Чечня немыслима вне России. Кажущаяся непримиримость Дудаева в вопросе о суверенитете Чечни служила ширмой, прикрытием для решения основной задачи: легитимизации своей власти. Он всячески добивался встречи с Президентом РФ. Однако окружение Б. Ельцина упорно избегало прямых контактов с Дудаевым и убедило его не принимать лидера Ичкерии, а поддержать вооруженную оппозицию. Но это не помешало Ельцину и его команде использовать Дудаева и

его режим в борьбе с коммунистическим Верховным Советом РФ, "фактором Хасбулатова". Таким образом, война была заложена в чеченский сценарий изначально. Политика радикальной суверенизации не могла не обернуться вооруженным конфликтом.

В чеченских событиях отразились противоречивые социально-экономические и политические процессы. С одной стороны, исторически обоснованное стремление чеченского народа к самоопределению, с другой - борьба социальных низов за равенство и социальную справедливость. Трагедия Чечни состоит в том, что на волне общедемократического и национального движения к власти прорвалась маргинальная квазиэлита. В результате под флагом идеи национального возрождения, суверенитета был совершен очередной передел власти и собственности в корпоративных интересах. Но как часто бывает в незрелом обществе, свергнув ненавистную власть коммунистической номенклатуры, восставшие социальные низы вскоре стали жертвой новой власти - диктатуры мафиозно-клановой постсоветской квазиэлиты, национальной по форме, антинародной по

316

сути. Таков итог так называемой "чеченской революции" — социальной по сути, национальной по форме.

Чеченский кризис возник в результате внутричеченского раскола в подходах к проблемам власти и собственности. Лидеры отдельных кланов и политических элит Чечни, отказавшись действовать согласованно во имя высших интересов нации, спровоцировали раскол общества и упустили шанс создания в Чечне полиэтнического правового гражданского общества. Этим и воспользовались античеченские силы, спровоцировав военный конфликт. С момента захвата власти Дудаевым и К° и начала внутричеченского противостояния на характер конфликта влияют два фактора — внешний и внутренний. Первый связан с проблемой самоопределения чеченского народа, новым статусом Чечни, провозглашенным Верховным Советом ЧИР, второй - с борьбой различных политических сил и кланов за власть и собственность в самой Чечне. И как раз этот фактор после начала второй чеченской кампании определяет расклад политических сил в ЧР.

Перманентный этноцид чеченского народа в царское и советское время и как итог - уничтожение генетически здоровой, элитной части народа ослабили иммунную систему нации, создали условия для утверждения власти клептократии, а интеллигенция, в силу того, что беда пришла изнутри общества, оказалась не в состоянии ее предотвратить.

Чеченский кризис — это следствие, прежде всего, незавершенности модернизационных процессов в Чечне. Ее последствия теперь общеизвестны. Отметим главное — значительное отставание чеченцев от многих других народов России по качеству общества. Оно проявляется в высокой рождаемости, ведущей к преобладанию в популяции людей нетрудоспособных возрастов; в преобладании сельского населения; в сравнительно невысоком уровне образования; деформировании социально-профессиональной структуры, включающей повышенную долю работников сельского хозяйства и сферы услуг; отсутствии национального отряда индустриальных рабочих и технической интеллигенции; в самой высокой детской смертности и заболеваемости туберкулезом; в самом высоком проценте безработных (среди трудоспособных чеченцев он достигал в 1989 г. почти 40%) и рекордном числе (100 тыс. в год) "шабашников". В Чечне ставились наиболее жесткие социальные и политические эксперименты (16 частичных и 1 полная депортации).

Политическое недоверие советской системы к чеченцам отразилось и на формировании коммунистической номенклатуры из представителей коренных народов. Здесь, в отличие от других национальных республик, номенклатурная прослойка из чеченцев была малочисленной, не успела произвести смену поколения и пустить корни в чеченском обществе; политика русификации, незавершенность процесса формирования нации, отсутствие подлинно нацио-

317

нальной духовной и политической элиты (она была уничтожена в 1920-1940-е годы и только формировалась) дополняют картину последствий советской модернизации в Чечне.

В новой псевдокультуре, порожденной чеченской революцией, самым опасным по своим последствиям стало пренебрежительное отношение к труду, накоплению личного и общественного богатства через честный труд, т.е. через то, что только и делает человека личностью, приносит ему удовлетворение, подлинную радость жизни. Легкий, криминальный способ наживы очень быстро сказочно обогатил тысячи людей без роду и занятия, создав "новую элиту" из вчерашних маргиналов. Они стали основой нового режима. Неправедные богатства (приобретенные без особых усилий и попавшие в руки людей в большинстве своем неспособных использовать их во благо себе и обществу) породили зло, разрушили основы традиционной жизни и культуры чеченского общества.

Однако необходимо иметь в виду, что криминализация Чечни не имеет ничего общего с

национальными особенностями чеченского народа. Это явление прослеживается на всем постсоветском пространстве. В Чечне этот процесс с самого начала был управляем и целью его была не только нажива, но и дискредитация самой идеи чеченского суверенитета и решение российских внутривосточных задач.

Страшный урон традиционной культуре чеченцев нанесла ян-дарбиевско-удуговская пропаганда тотальной лжи и псевдокультуры. Культ силы, национальной исключительности, несвойственное чеченцам пренебрежительное отношение к другим народам, разжигание этнической ненависти к русским, ставка на низменные инстинкты людей стали содержанием официальной идеологии. Одним словом, дудаевский период чеченской истории вновь продемонстрировал старую истину: уровень демократии не должен превышать уровень культуры.

В основе чеченского конфликта лежит столкновение интересов криминально-мафиозных группировок и лоббирующих им политических элит центра и ЧР, прежде всего из-за нефти. К 1991 г. в ЧИР ежегодно добывалось до 4,2 млн тонн нефти в год. В советское время ЧИР перерабатывала до 18 млн тонн нефти и давала 6% совокупного валового национального продукта СССР. После распада СССР удельный вес Чечни в валовом национальном продукте России вырос до 10-12%. По территории Чечни проходят важные нефтегазопроводы к портам Черного моря, в том числе ветки от Каспийского, Тенгизского месторождений нефти (одного из крупнейших в СНГ). Такой огромный нефтяной куш, ставший по существу (на тот момент) бесхозным, не мог не спровоцировать схватку новых квазиэлит Москвы и Грозного. При этом следует иметь в виду, что нефть из других регионов России по трубе поступала в Грозный, перерабатывалась и реализовывалась вплоть до осени 1994 г. Доходы от опе-

318

раций с нефтью и нефтепродуктами в чеченском анклав, по самым скромным подсчетам специалистов, составили десятки миллиардов долларов. Но большая часть нефтедолларов осела в карманах российских чиновников, на счетах посреднических фирм, банков, отмывавших чеченские нефтедоллары.

Ситуация вокруг Чечни еще более активизировалась после подписания "контракта века" об условиях разработки и транспортировки нефти Каспийского бассейна. Здесь столкнулись интересы России, США, Турции, Ирана, Закавказских республик, мировых нефтяных компаний. Поход ваххабитов во главе с Хаттабом и Басаевым в Дагестан и начало контртеррористической операции в Чечне также связаны с борьбой транснациональных нефтяных компаний за нефть Каспийского бассейна.

Авторы чеченского сценария также преследовали цель сбить очередной виток пассионарности чеченцев (длящийся с середины 1980-х гг.), ослабить их позиции в сфере экономики, политики, финансового и банковского капитала России. Чеченский теневой капитал, в начале 1990-х годов быстро легализовавшись, занял прочные позиции в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и других крупных городах. Он стал серьезным конкурентом еврейской, русской, украинской финансовой мафии, прежде всего в сфере спекулятивного банковского бизнеса, финансовых пирамид, чубайсовской "прихватизации". Встала задача - любой ценой избавиться от опасных и напористых чеченских конкурентов, вытеснив их из сфер легального банковского, игорного, торгового бизнеса в России и странах СНГ. Эта задача вскоре была решена посредством инициирования чеченского конфликта.

Трагедия чеченского народа, его продолжающееся самоистребление напрямую связаны с оружием, которое было оставлено в Чечне решением военно-политического руководства России. Советская Армия уходила с территории многих стран Европы, Балтии, СНГ, но нигде она не оставила такого количества оружия, как в ЧР. В руках Дудаева оказалось 90% находившегося в Чечне оружия. То, что официально оставлено Чечне, — только вершина айсберга. Но и это поражает воображение. Генералу Дудаеву оставили оружие, которым можно было вооружить целую армию численностью 100 тыс. человек, в том числе ракеты, танки, самолеты. Версия "дерзкого разграбления" российского арсенала в Чечне не выдерживает критики. Теперь после ставших достоянием общественности фактов не вызывает сомнения существование "полюбовного" соглашения о передаче оружия из рук в руки за соответствующее вознаграждение. Таким образом, тогдашнее политическое и военное руководство РФ благословило милитаризацию Чечни, прекрасно сознавая, что здесь задействованы не только меркантильные интересы лидеров Ичкерии, высшего генералитета, оружейной мафии, но и далеко идущие политические цели.

319

Авторы чеченского сценария, зная менталитет чеченцев, их традиционную любовь к оружию, не могли не просчитать последствия такого шага. Теперь очевидно, что все это не только просчитывалось, но и планировалось. Оружейный бизнес в Чечне оказался весьма выгодным делом для ВПК, он (как и операция "фальшивые авизо", чубайсовская

"прихватизация") ускорил процесс создания в России слоя "новых" русских, чеченцев, т.е. расширил и укрепил социальную базу существующих режимов власти, а главное, чеченцы получили от российских генералов очень дорогой подарок, с помощью которого они прекрасно справляются с задачей самоистребления.

Таким образом, чеченский кризис порожден самыми разнородными явлениями, которые, как в фокусе, сошлись в нужном месте и в нужное время. Но самое печальное состоит в том, что чеченские национал-радикалы вольно или невольно дали себя втянуть в заговор против собственного народа.

Среди причин стратегического характера наиболее важной была и остается заинтересованность в конфликте геополитических соперников России. С ликвидацией СССР цель "холодной" войны была достигнута не вполне. Российская Федерация - это тот же СССР, только уменьшенный. Потенциал восстановления Союза, покуда сохраняется это ядро, весьма велик. С точки зрения геополитических целей "холодной" войны, это ядро империи также должно быть расчленено. Идеологи "холодной" войны (в частности, З. Бжезинский) никогда и не скрывали, что расчленение России должно продолжаться. Чеченский кризис с его возможными перспективами развития напряженности на Кавказе — исключительно важный узел, находящийся в центре внимания геополитических соперников. Вот почему столь внушительной оказалась поддержка российских правозащитников со стороны Запада.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНФЛИКТА

Военно-политические и финансовые элиты России три года взращивали режим Дудаева, превратив Чечню в своеобразный анклав для отмывания денег и бесконтрольной продажи нефтепродуктов, оружия, наркотиков. Идея независимости превратилась, по сути, в декорацию, фиговый листок, ширму для прикрытия преступных афер власти по ограблению чеченского народа и обогащению чеченских и российских постсоветских элит. Национал-радикалы Чечни использовали свободолобие чеченцев для утверждения власти награбленных денег. Их лидеры ради сохранения своей власти оказались готовыми на самую большую ставку: поставить на карту само существование чеченского этноса.

Начавшиеся внутрирежимные разборки, новый передел теневых доходов между финансово-политическими группировками Мо-

320

сковы и Грозного, а главное — стремление замести следы совершённых преступлений спровоцировали гражданскую войну в Чечне и затем ввод российских войск под предлогом разоружения противоборствующих сторон. Восстановление конституционного порядка в ЧР обернулось очередной трагедией народа и невиданным в современной истории погромом. Об этом свидетельствуют действия федеральных войск и чеченских боевиков в Грозном, Аргуне, Бамуте, Самашках, Шатое, Комсомольском и т.д. Практически все "сражения" в Чечне заканчивались уничтожением сел, городов и их населения. В чеченской войне российские и чеченские политики забыли старую истину: насилие разрушает то, что пытается защитить. Ер-моловская тактика "выжженной земли", примененная российскими генералами против мирного населения Чечни, сыграла на руку чеченским сепаратистам, спровоцировав массовое сопротивление чеченцев. Большая часть чеченских ополченцев не жаловала Дудаева и К°, но оказалась втянутой в войну из-за погромов, которые устраивали в Чечне федеральные войска. Чеченскую войну могут назвать справедливой только те, кто, протестуя против насилия, стали его жертвой. Если в сентябре-ноябре 1994 г. в Чечне вели войну две социально-политические клановые группировки за власть (одну из них поддерживал Кремль), то после 11 декабря 1994 г. события стали рассматриваться в контексте исторического российско-чеченского конфликта, а война из гражданской (внутричеченской) стала превращаться в российско-чеченскую.

И тем не менее, несмотря на все усилия чеченских и русских националистов, чеченская война так и не стала этнической, она была и остается мафиозно-политической разборкой. Другое дело, что конфликт перестал быть внутричеченским, так как в него оказались втянутыми практически все политические силы России, пытающиеся моделировать ситуацию в Чечне в своих конъюнктурных целях. Более того, конфликт все более интернационализируется, сепаратистов тайно или явно поддерживают практически все антироссийские, античеченские силы.

Военные действия в Чечне привели к колоссальным людским и материальным потерям, приобрели затяжной характер, перевернули мировое общественное мнение и настроили его против России, усугубили кризис власти и общества в самой РФ. Группировка российских войск в Чечне оказалась неспособной разоружить незаконные вооруженные формирования без ущерба для мирного населения. Выкуривая боевиков, военные бомбили г. Грозный и

мирных жителей, в большинстве своем настроенных против криминального режима Дудаева. Именно этого и добивались лидеры Ичкерии, навязав российским войскам кровопролитные бои в густонаселенном городе. В итоге режим избавился от антидудаевски настроенной части населения (более 300 тыс. горожан бежало из Грозного, спасаясь от ракетно-бомбовых ударов федеральных войск). Оставшихся жите-

11. Культура Чечни...

321

лей боевики использовали в качестве живого щита, а брошенное имущество сотен тысяч горожан стало легкой добычей боевиков, мародеров и главное — приманкой для притока новых "ополченцев" из сельских районов республики. После взятия города озлобленные солдаты-контрактники МВД продолжали убивать и грабить тех грозненцев, кого не успели ограбить и добить мародеры ичкерийской армии.

Неадекватное применение силы федеральными войсками, приведшее к массовой гибели мирных жителей, перекрыло в глазах народа Чечни все преступления дудаевского режима, вызвало волну ненависти к российским войскам и вовлекло в борьбу против них те слои населения Чечни, которые до начала массовых бомбардировок воздерживались от участия в конфликте. Если до ввода российских войск и начала боевых действий в Чечне Дудаев имел крайне низкий рейтинг среди населения, то вскоре для значительной части чеченцев он стал национальным символом. Оппозиция, которая выступала против Дудаева за союз с Россией, была дискредитирована, правительство С. Хаджиева оказалось в тяжелейшем положении. Остатки армии Дудаева, выпущенные из города, отступили в горы, леса, и затем небольшими подвижными группами стали нападать на федеральные войска.

Весной 1995 г. российские войска заняли последние оплоты боевиков - Ведено и Шатой. Генералы были полны решимости добить сепаратистов, казалось, что война идет к завершению. Однако именно в этот период — 14 июня — отряд боевиков во главе с Басаевым, загадочным образом оказавшийся в г. Буденовске, захватил в заложники не менее двух тысяч больных женщин, детей и потребовал от правительства России прекратить боевые действия и вывести войска с территории Чечни. Премьер Черномырдин начал переговоры с Басаевым и согласился выполнить требования террористов. Дальше — больше: террористам позволили выехать в Чечню, а в Грозном начались переговоры под эгидой ОБСЕ. Война была приостановлена. Но вскоре переговоры зашли в тупик, и боевые действия возобновились.

К зиме 1996 г. сложилось состояние вялотекущей войны. Стало очевидно, что в условиях продолжающейся войны обеспечить переизбрание Ельцина на второй президентский срок будет невозможно. Кремлевские сценаристы вновь решили использовать Чечню для решения главной внутривластной задачи - обеспечить победу Ельцина на выборах. Ситуация в Чечне и вокруг нее стала главным козырем в начавшейся борьбе за президентское кресло России. В апреле того же года был убит Д. Дудаев, а в мае в Кремль прибыл и.о. Президента Чеченской Республики Ичкерия З. Яндарбиев, который и подписал соглашение о прекращении военных действий. Замирение в Чечне обеспечило Ельцину переизбрание Президентом РФ на второй срок. После завершения президентской выборной

322

кампании проблема Чечни вновь отошла на второй план, острота спала, конфликт приобрел вялотекущий характер.

6 августа 1996 г. шестьсот боевиков, практически беспрепятственно вошли в контролируемый федералами Грозный и захватили город. Никто не мог понять, как это произошло. Стало ясно, что партия войны, на которую поставил Д. Завгаев, проиграла. Пропустив боевиков в Грозный, новые кремлевские фавориты дали понять главе ЧР и его сторонникам в Москве, что российские солдаты умирать за их клановые интересы больше не будут. Так Кремль предал идеалы антидудаевской оппозиции и вдохнул новую жизнь в отчаявшихся лидеров сепаратизма. 29 августа 1996 г. А. Лебедь и А. Масхадов подписали Хасав-Юртовское соглашение. Но главное поражение здесь не военное, и Россия потерпела его задолго до того, как отряды боевиков захватили Грозный. Она проиграла эту войну тогда, когда чеченских боевиков стали называть "духами" по аналогии с афганскими моджахедами, когда российские СМИ развернули травлю своих сограждан кавказской национальности, начав делить их на своих и чужих, а власти Москвы и других городов России стали принимать подзаконные акты, ограничивающие права и свободы граждан РФ чеченской национальности.

РЕЖИМ МАСХАДОВА

27 января 1997 г. в Чечне состоялись президентские выборы, на которых победил А. Масхадов. Однако эти выборы трудно назвать свободными и демократическими. Во-первых, в

них не участвовало полмиллиона беженцев — граждан ЧР, во-вторых, они были по существу безальтернативными, ибо только представитель "победившей" военной партии мог принять в них участие. Антисепаратистски настроенная часть населения Чечни практически была исключена из выборного процесса и лишена возможности выставить своих кандидатов. Тем не менее президентские и парламентские выборы в Чечне породили надежду и ожидания, что новые власти будут проводить политику внутричеченского примирения и нормализации отношений с Россией. Договор "О мире и принципах сотрудничества" между РФ и ЧР Ичкерия, подписанный 12 мая 1997 г. в Москве президентом России Б. Ельциным и Президентом ЧР А. Масхадовым, бесспорно, явился прорывом в отношениях между Москвой и официальным Грозным и мог стать основой для утверждения мира и возрождения Чечни. Однако этого не произошло.

Три года, прошедших после первой чеченской войны, не принесли Чечне национального согласия и гражданского мира. Более того, для всех стало очевидно, что природа чеченского кризиса связана не только с внешним, но и с внутренним фактором, т.е. конфликтом внутри самого чеченского общества. Президент Масхадов не смог

И*

323

консолидировать чеченское общество, стать лидером нации, объединителем его политической и национальной элиты. Государство Ичкерия не состоялось как с точки зрения международно-правового признания (де-юре), так и с точки зрения конструирования институтов публичной власти, защиты основных прав и свобод граждан. Новая квазиэлита Чечни, оказавшаяся у власти, стала выразителем интересов "победившей" военной партии, сепаратистских сил. Масхадов, сделав ставку на вооруженное меньшинство народа, отвергнув сотрудничество с центристскими политическими силами и лояльной к России модернизированной частью населения, усугубил существовавший с 1991 г. раскол в чеченском обществе. В результате режим потерял доверие не только в самой Чечне, но и в России, где находится большая часть чеченцев (более 500 тыс.). На этом фоне усилилось политическое и военное противоборство вооруженных группировок за власть и очередной передел собственности, источников доходов.

Кризис власти достиг критической отметки в 1998 г. Его основными субъектами выступили Президент ЧР, возглавляемая им исполнительная власть и подконтрольные ему вооруженные силы, с одной стороны, и военно-политическая оппозиция в лице бывших командующих фронтами - с другой. Президентская сторона пыталась вести политический диалог. Вооруженная оппозиция, особенно ваххабиты, демонстрировали пренебрежение к власти, прибегая как к массовым, так и тайным силовым акциям с целью устранения Масхадова и его влиятельных сторонников. В Чечне начался процесс консолидации всех антимасхадовских сил.

В сентябре 1998 г. известные полевые командиры С. Радуев, ГТТ. Басаев, Х. Исрапилов публично обвинили Масхадова в тайном сговоре с Москвой, в предательстве национальных интересов и потребовали его отставки. Президент ЧР ответил отказом и обвинил своих политических оппонентов в антиконституционных действиях. Одновременно Масхадов отправил в отставку правительство Басаева, взяв на себя исполнение обязанностей премьер-министра. В поддержку действий Президента ЧР высказалось большинство парламента во главе со спикером Р. Алихаджиевым. Однако любые меры Масхадова с целью наведения порядка, разоружения незаконных формирований встречали мощное противодействие лидеров вооруженной оппозиции, вчерашних соратников президента. А. Масхадов потерял контроль над бывшими полевыми командирами и над территорией за пределами г. Грозного. Чечня оказалась поделенной на вотчины полевых командиров, которые творили суд и расправу над населением.

Проблема Масхадова была в том, что он стал жертвой тех сил, которые сам же вызвал к жизни. Став заложником изначально непродуктивной идеи полной независимости Чечни, Масхадов вынужден был играть на поле крайних национал-радикалов и проиграл. За три года правления Масхадова в Чечне практически ничего не было сделано для восстановления экономики и социальной сферы, от-

324

существовал какой-либо созидательный процесс. Над Чечней реально нависла экологическая и эпидемиологическая катастрофа. Города и разрушенные села практически не восстанавливались, люди жили в разбитых кварталах, где уже давно нет ни канализации, ни воды, а часто — и электричества. Медицинское обслуживание, по существу, отсутствовало. Люди умирали от массовых болезней и голода, особенно высока смертность среди детей, практически все население нуждается в психотерапии. Школы, вузы практически не работали, кроме нескольких частных колледжей. Усилился процесс арабизации образования. В Чечне явно обозначились признаки распада хозяйственных, культурных связей внутри социума. Из Чечни продолжался исход населения. По данным последней переписи (1989),

здесь проживало 1270 тыс. человек, из них более 30% русских и русскоязычных. Перед началом второй чеченской кампании население Ичкерии не превышало 400 тыс. (русских в Чечне осталось около 50 тыс.), здесь остались только те, кому некуда деться.

Для масхадовской Чечни были характерны, с одной стороны, нищета и деградация большей части рядового населения, с другой -невиданное ранее обогащение лидеров режима, "новых" чеченцев и главарей вооруженных банд, "прихвачивавших" национальное богатство. Ситуация усугублялась тем, что в Чечне балом правил криминалитет, который с начала 1991 г. использовал национальную идею в своих интересах. Чечня стала международным криминальным отстойником. По данным российских и чеченских властей, на ее территории перед началом контртеррористической операции действовало 157 вооруженных группировок. Они поделили между собой основные источники доходов, сферы влияния. Организованная преступность превратила Чечню в крупнейшего производителя, потребителя и торговца наркотиками и оружием на юге России. Наиболее крупные прорезимные группировки контролировали нефтепровод, контрабандную торговлю нефтепродуктами, другие организованные группы преступников специализировались на грабежах, похищении людей и торговле "живым" товаром.

В криминальный бизнес были втянуты и сопредельные с Чечней регионы Северного Кавказа. В Ингушетии, Дагестане, Ставрополье, Северной Осетии была создана сеть перевалочных пунктов и в больших масштабах организован ввоз и сбыт по демпинговым ценам нефтепродуктов из Чечни. Контрабандный бизнес крайне выгоден не только региональным мафиозным структурам, но и государственным чиновникам, правоохранительным органам, втянутым в этот процесс.

В Чечне имело место массовое нарушение прав человека. Обычными в повседневной жизни стали убийства, аресты, похищения и торговля людьми. В среднем за неделю в Чечне происходило 60-70 преступлений, в том числе 8-10 убийств. Эти цифры - только видимая часть айсберга. В преступных деяниях непосредственно участ-

325

вовали и представители властных и силовых структур режима. В центре Грозного открыто действовал невольничий рынок, сотни людей (в основном чеченцы), подвергаясь насилию, томились в заложниках. Похищение людей с целью выкупа, обмена приобрело характер преступной эпидемии. По данным независимых источников, одних только чеченцев, похищенных с целью выкупа, насчитывалось более 3,5 тыс. человек. Тысячи чеченцев пали от рук бандитов, террористов. Многие из них с оружием в руках боролись и борются против сепаратистов и наемников. Сотни чеченцев награждены орденами и медалями России за участие в антитеррористических операциях. Двое из них — глава администрации г. Урус-Мартан Юсуп Эльмурзаев и 15-летний Магомед Ташухаджиев - стали Героями России посмертно.

Чечня стала не только криминальным отстойником стран СНГ, но и базой международного терроризма. На ее территории орудуют террористы-наемники из стран ближнего и дальнего зарубежья. Их деятельность финансируется зарубежными экстремистскими центрами. Отряд известного арабского террориста Хаттаба состоял из нескольких сотен иностранных наемников, под его началом в Чечне действовали ваххабитские центры по подготовке боевиков. С территорий Азербайджана и Грузии прибывают не только наемники, но и потоки оружия, наркотиков, валюты. В последнее время именно международные террористы и наемники стали доминировать в движении чеченского сопротивления. Масхадов и полевые командиры из числа чеченцев отнесены на второй план. Деньги получает Хаттаб, он и "заказывает музыку". Теперь террористические акты совершаются не только в Чечне, но и в других регионах России.

Суверенитет Чечни (или, как выражается М. Удугов, "чеченское государство") обернулся для рядовых граждан невиданной ранее "свободой" быть безнаказанно убитым, опозоренным, ограбленным, похищенным или умершим от массовых болезней и голода. Сепаратисты привели нищую, до зубов вооруженную Чечню к национальной катастрофе, и подталкивали ее к новой широкомасштабной войне. Видимо, для тех, кто на протяжении 10 лет грабил и терроризировал народ Чечни, это был единственный способ утопить следы своих преступлений в еще большей крови. К этому их толкала и боязнь предстать перед судом народа за содеянное.

Небывалый рост преступности, кровавые межклановые и межтейповые разборки, работорговля и многие другие факты демонстрировали бессилие официального Грозного перед бандитами, неспособность режима трансформироваться в публичную власть.

Итак, ресурсы внутреннего развития Чечни, связанного с перспективами политического процесса, основанного на идеологии эт-нонационализма, вооруженного сепаратизма, были исчерпаны. Ситуация в ЧР сложилась тупиковая. Противоборствующие силы в Чечне оказались неспособны разрешить системный кризис ни политическими, ни силовыми методами. Была необходима альтернатива

вооруженному сепаратизму. Ее могла предложить прогрессивная часть чеченского общества как в самой Чечне, так и за ее пределами. Однако она оставалась невостребованной.

Суть чеченской политики Кремля после окончания первой чеченской войны была сформулирована тогдашним секретарем Совета безопасности Б. Березовским и сводилась к простейшему постулату: "То, что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги". Если перевести это на язык дипломатии, то Кремль не только признавал режим сепаратистов, но и обещал лидерам Ичкерии финансовую и экономическую помощь в обмен на сохранение Чечни в составе России. Однако больших денег в российской казне не оказалось, и новая формула урегулирования чеченского конфликта стала давать сбой. Приручение сепаратистов ценой политических уступок, финансовых вливаний было воспринято лидерами Ичкерии как слабость России и только разжигало их аппетит. Деньги они брали и вместе с российскими чиновниками разворовывали, а взятые на себя обязательства не выполняли.

К негативным последствиям политики Кремля следует отнести и отказ федерального Центра от сотрудничества с другими политическими силами в Чечне. Сделав ставку на режим Масхадова, Кремль по существу признал за сепаратистами (вооруженным меньшинством народа) право быть единственным законным выразителем воли чеченского народа. В этом была изначальная ущербность послевоенной политической формулы урегулирования чеченского кризиса. Признав власть национал-радикалов, Кремль оттолкнул от себя лояльную в отношении России большую часть чеченского общества. Между тем только эта часть населения способна отвергнуть политику конфронтации с Россией и составить альтернативу вооруженному сепаратизму и попытке насадить в Чечне исламский фундаментализм. Чеченской политике Кремля изначальным образом присущ еще один существенный недостаток, до конца не преодоленный и сейчас: она была подвержена политической конъюнктуре и нацелена на решение тактических задач в ущерб стратегическим. Формула решения чеченского кризиса менялась в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в России, клановых и групповых интересов олигархического режима власти. Естественно, такая политика могла дать только те результаты, которые мы имеем сегодня в ЧР. Самое печальное то, что федеральный Центр видел, как Чечня превращается в базу международного терроризма, но не пытался помешать этому, процесс был сознательно пущен на самотек, так как не одно из принятых решений по стабилизации ситуации в ЧР не было выполнено. Ответственность за это несет не только Масхадов, но и федеральный Центр. Мало того, нам представляется, что чеченским национал-радикалам специально не мешали предстать перед миром во всей своей "красе" и окончательно дискредитировать идею чеченской независимости.

ДАГЕСТАНСКАЯ АВАНТЮРА. ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ

В начале августа 1999 г. резко обострилась ситуация в горных районах Дагестана, граничащих с Чечней. Группы боевиков-ваххабитов, проникшие с территории Чечни в Цумадинский и Ботлихский районы, захватили более 10 селений и провозгласили в этой части горного Дагестана Исламскую республику. Военные действия дагестанских и чеченских ваххабитов по освобождению Дагестана от "неверных" возглавили известные террористы Шамиль Басаев и Хаттаб. События приобрели характер широкомасштабных военных действий, с применением сил и средств регулярной армии. Однако ставка ваххабитов на поддержку населения в борьбе против коррумпированных властей Дагестана оказалась битой. Действия федеральных войск и руководства республики получили массовую поддержку населения Дагестана. Решающим фактором здесь стала оценка действий боевиков как вооруженное вторжение извне. Власти сумели сыграть на национальных чувствах дагестанцев, которые восприняли действия ваххабитов как нападение со стороны чеченцев (и это притом, что банды, проникшие на территорию Дагестана, на 80% состояли из дагестанцев и наемников). Вольно или невольно разворачиванию античеченской кампании подыграл и президент Масхадов, который не занял внятной позиции и публично не осудил действия Басаева и Хаттаба.

К концу августа под напором федеральных войск ваххабиты покинули села Цумадинского и Ботлихского районов и ушли в Чечню. Однако уже 5 сентября в разгар боевых действий против сел Кара-махи и Чабанмахи боевики вторглись в Новолакский район Дагестана. По свидетельству Басаева, цель вторжения заключалась в отвлечении сил, штурмующих Карамахи и Чабанмахи. На этот раз ваххабиты рассчитывали на поддержку чеченцев-аккинцев и обиженных республиканскими властями лакцев, лидеры которых подвергались преследованиям. Однако и эти расчеты не оправдались. Оппозиционно настроенный к власти лидер лакцев Н. Хачилаев не решился поддержать ваххабитов. Он заявил, что не причастен к

их действиям. Лидеры аккинской общины также заявили о своей лояльности дагестанским властям. Однако вторжение заметно усилило межэтническую напряженность в регионе. Чеченцы-аккинцы оказались под прицелом огульных обвинений.

Басаевский рейд в Дагестан и взрывы в Москве достигли главной цели — подготовили российское общественное мнение к силовому варианту решения чеченской проблемы и вводу российских войск в Чечню. И власть, и общество в едином порыве поддержали новую военную кампанию в Чечне. Все актеры этой политической драмы блестяще сыграли отведенные им роли. Хаттаб и Басаев получили свои деньги и спокойно ушли из Дагестана, кремлевские сценаристы

328

обеспечили победу на выборах нового Президента России, российские солдаты в очередной раз героически отдали свои жизни, а интересы народов России, Чечни и Дагестана вновь были принесены в жертву политической конъюнктуры.

Второй чеченской кампании предшествовала беспрецедентная по накалу античеченская кампания в СМИ в связи с террористическими актами в Москве, в результате которых погибло более 210 жителей столицы. И сразу априори все чеченцы стали подозреваемыми. Началось массовое преследование граждан РФ чеченской национальности. Суть происходящих событий четко выразил тогдашний главный редактор "Независимой газеты" В. Третьяков в редакционной статье от 12 октября 1999 г. Он писал: "Совершенно очевидно, что чеченцев в Дагестан заманили, дали им вляпаться в это дело, чтобы получить законный повод для восстановления федеральной власти в республике и начала активной фазы борьбы против собравшихся в Чечне террористов. Ясно - это была операция российских спецслужб (не путать ее со взрывами домов), причем политически санкционированная на самом вершине. А на самом вершине тогда находились члены "семьи" Б. Березовский, В. Юмашев, Т. Дьяченко, действовавшие от имени недееспособного президента".

Бомбардировки, ракетно-артиллерийские обстрелы Чечни, начатые 5 сентября с приграничных зон, 23 сентября распространились на Грозный. Началась вторая чеченская кампания. Учитывая уроки первой чеченской кампании, российские генералы стали избегать фронтальных лобовых атак, контактных боев, делая упор на массированные действия авиации и артиллерии. Новая тактика была призвана свести к минимуму потери среди солдат и офицеров российских войск и нанести максимальный урон противнику с помощью современной военной техники. Главная особенность второй чеченской кампании — это отсутствие у сепаратистов поддержки со стороны населения, которая была у них в первую чеченскую войну. Более того, население в первое время доброжелательно встречало российские войска в надежде на то, что они защитят их от криминального беспредела. Однако вскоре неадекватное применение силы вызвало гибель многих мирных жителей и массовое бегство от бомбежек и артобстрелов гражданского населения. Численность вынужденных переселенцев, нашедших прибежище в основном в Ингушетии, достигла 200 тыс. человек. Их страдания не поддаются описанию. На глазах всего мира в Чечне развернулась новая трагедия.

"России нужна Чечня без чеченцев" - так звучало в эти трагические дни в городах и селах Чечни, в местах скопления беженцев. Военные действия изменили внутривнутриполитическую ситуацию в Чечне. Перед российской угрозой лидеры вооруженных группировок вынуждены были объединиться, прекратив междоусобную борьбу. Но, с

329

другой стороны, сохраняется жесткое противостояние между ваххабитами и сторонниками традиционного ислама. Многие полевые командиры и религиозные авторитеты тарикатистов готовы замирииться с Россией ради искоренения ваххабизма. Но главная особенность нынешней ситуации — это отсутствие у лидеров Чечни поддержки со стороны населения, которая у них была в первую чеченскую войну.

Военно-полицейские акции в Чечне приобрели размах локальной войны довольно высокой интенсивности. Однако войска, особенно в первую чеченскую кампанию, действовали в условиях полной неразберихи, поэтому несли большие потери — не от чеченских боевиков, а от своих же. По официальным данным, в первую чеченскую кампанию потери федеральной группировки составили убитыми 4103 солдата и офицера, ранеными - 19 784 и пропавшими без вести - 1231. За время второй кампании погибло около 3 тыс., ранено 7865 и пропало без вести 40 военнослужащих. По некоторым неофициальным источникам, ²/₃ из них погибло в результате неумелого руководства и внутриармейских столкновений. В течение двух чеченских кампаний, по данным Минобороны РФ, потери боевиков составили только убитыми около 25 тыс. человек.

Самым страшным и тяжелым последствием войны стала массовая гибель людей, в основном мирных граждан ЧР. Здесь поставлены зловещие рекорды. В Чечне, по

предварительным данным, на каждого погибшего военнослужащего приходилось по 20 мирных жителей. Этот показатель больше, чем во всех предыдущих локальных войнах. Достоверных данных здесь нет. И вообще чеченская война — война необъявленная, без правил и статистики. Но если судить по числу свежих могил на чеченских кладбищах, то счет идет на десятки тысяч. Разные источники приводят разные цифры погибших. В первую войну они колебались от 40 до 100 тыс., в том числе свыше 5 тыс. детей, еще больше искалеченных, обезумевших и больных, 600-700 тыс. беженцев, вынужденных переселенцев, большая часть из них лишилась жилья, имущества и осталась без средств к существованию. В ходе второй кампании, по официальным данным, потери среди мирного населения составили: 2,2 тыс. убитыми и свыше 4,5 тыс. ранеными (по данным Масхадова, 20 тыс. погибших и 40 тыс. раненых). Истинную цифру пока никто не знает. Но достаточно сказать, что в Чечне в течение 2002 г., по нашим данным, ежедневно гибнет в среднем 8-10 мирных жителей.

Одна из особенностей чеченской войны - ее жестокость. Политика беспощадной войны вытекает из самой природы криминальной революции, происшедшей в России и Чечне.

К последствиям войны следует отнести и нравственно-психологическую травму, нанесенную прежде всего чеченскому народу. Нравственные раны этой войны будут заживать долго, как в чеченском, так и в российском обществе.

330

В числе последствий военных действий нельзя не назвать материальные, хозяйственные потери, которые не поддаются учету. Из 428 чеченских сел 380 были подвергнуты бомбардировкам, уничтожено 70% жилья, Грозный разрушен до основания. Разрушено полностью или частично свыше 60 тыс. жилых домов и административных зданий. Уничтожены вся промышленность, сельское хозяйство, более 30 тыс. гектаров сельскохозяйственных земель начинены взрывоопасными предметами. Во вторую чеченскую кампанию не пощадили и нефтекомплекс. Прервано воздушное и железнодорожное сообщение. Республика и население ограблены. Более 90% трудоспособного населения не имеет постоянной работы. Ее покинули наиболее образованные, трудоспособные, квалифицированные граждане - та часть народа, которая представляет ее потенциал и надежду на будущее. За 10 лет смутного времени Чечня стала артелью по производству люмпенов, выросло целое поколение молодых людей (150-200 тыс. чел.), которое оказалось вне процесса образования. Многие из них вовлечены в вооруженный конфликт и не умеют ничего делать, кроме как воевать. Они могут стать (если уже не стали) социальной базой сторонников войны и насилия, если их не занять трудом или учебой.

Культурные потери в этой войне просто невосполнимы. В Чечне разграблены и разрушены Академия наук, университет, нефтяной и педагогический институты, два десятка отраслевых научно-исследовательских институтов, столько же техникумов, большинство школ, больниц, библиотек, уничтожены музеи, театры, архивы, частные библиотеки и другие культурные ценности народа.

Основные силы сепаратистов в Чечне разгромлены. Боевики не имеют ни сил, ни средств вести крупномасштабные боевые действия, они перешли к тактике диверсионно-партизанской войны. Сегодня в Чечне гибнут дети, старики и женщины, бедствует и страдает мирное население как от боевиков, так и от "зачисток" федералов. Крайне обострилась проблема прав человека. Война в нынешней ее вялотекущей форме стала выгодным промыслом для обеих конфликтующих сторон. Главная ее жертва — гражданское население республики.

Кредит доверия к национал-радикалам полностью исчерпан. Это обстоятельство лишает чеченских псевдонационалистов исторической перспективы. Однако этот процесс станет необратимым при одном неременном условии: если чеченцы почувствуют себя полноправными гражданами России, займут подобающее им место (как третий по численности этнос) в едином многонациональном федеративном правовом государстве - РФ. Но, к сожалению, реальность такова, что если в начале второй чеченской кампании население доброжелательно встречало российские войска в надежде, что они защитят их от бандитов, то после многочисленных актов насилия и грабежей со стороны федеральных войск отношение к ним с

331

каждым днем ухудшается. Завоевание доверия чеченского населения — главное условие разрешения конфликта.

Чеченский народ в своем подавляющем большинстве отвергает идеологию ваххабизма и власть клептократии. Противодействующие в Чечне силы оказались неспособными разрешить системный кризис ни политическими, ни силовыми методами и спровоцировали новую войну. Необходима альтернатива вооруженному сепаратизму. Ее может предложить только пророссийская часть чеченского общества.

ПОЛИТИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И ТАКТИКА БОЕВИКОВ

Нынешний подход федерального Центра к разрешению чеченского конфликта заключается (как официально заявлено) в комбинировании силовых, экономических и политических мер. В последнее время имеет место положительная динамика в налаживании мирной жизни. Медленно, но все-таки идет процесс реализации программы восстановления экономики и социальной сферы ЧР. По официальным данным, освоено более 60% выделенных федеральным бюджетом средств. В республике работают школы, вузы, действует ряд лечебных учреждений, в бюджетных организациях регулярно выплачивается заработная плата, а также пенсии и другие социальные выплаты. В аграрном секторе обновлен парк сельхозтехники, получен неплохой урожай зерновых. Восстановлены и работают ряд промышленных предприятий. В 2001 г. добыто около 1 млн. тонн нефти. Достигнут некоторый прогресс в обеспечении безопасности, прав и свобод граждан. Спецоперации силовых структур стали более адресными. Однако переломить ситуацию в пользу мирной реконструкции пока не удалось. Социально-политическая обстановка в Чечне и вокруг нее продолжает определяться вооруженным противостоянием сторон. В мае-июле 2001 г. по республике прокатилась волна насилия, убийств, грабежей. Наибольший резонанс получают события в станицах Серноводская, Ассиновская и с. Курчалой.

Спецоперации, проведенные в этих населенных пунктах, наглядно показали, что конфликт во многом искусственно провоцируется его участниками. Для многих наблюдателей очевидно, что объективных причин для продолжения чеченского конфликта нет. Чеченская национальная идея продана и дискредитирована лидерами сепаратистов и лежит сегодня в плоскости прекращения бессмысленной, народоубийственной войны. Что же касается России, то мир и стабильность на Кавказе отвечает ее стратегическим интересам. Однако несмотря на это, конфликт провоцируется. Война в Чечне стала выгодным промыслом для всех его участни-

332

ков. Идет борьба за власть и собственность. Федералы вместо эффективной адресной борьбы с терроризмом и бандитизмом чаще всего отыгрываются на мирном населении. Лидеры сепаратистов и наемники чувствуют себя достаточно вольготно на территории ЧР, а население страдает не только от бандитов, но и от жестких экзекуций ("зачисток") федеральных войск. Неадекватное применение силы против мирного населения стало главным препятствием на пути разрешения конфликта. Растет недоверие чеченцев к федеральному Центру. Местные жители, оказавшись между молотом и наковальней, ненавидят и бандитов, не доверяют и федералам.

Администрация Кадырова не имеет реальной власти, занята решением собственных меркантильных проблем и не пользуется доверием населения. Нет доверия и тесного взаимодействия между федеральными и чеченскими силовыми структурами. Этим искусно пользуются боевики. Сказывается на обстановке и межгрупповое соперничество на федеральном и местном уровне за контроль над финансовыми средствами, которые выделены на восстановление экономики и социальной сферы ЧР. На общественную атмосферу влияет отчужденность населения от власти, отсутствие у него ресурсов воздействия на местную администрацию, равно как и на военных. В ЧР зарегистрировано около 50 различных общественных объединений, но практически они бездействуют. Нет гарантий безопасности для работы независимой прессы, правозащитных и общественных организаций.

Активизировав свою деятельность в августе-сентябре 2001 г., боевики пытались продемонстрировать не только свою способность вести масштабные боевые действия, но и склонить федеральный Центр к переговорам. Такой расчет мог стать вполне реальным, если учесть давление западных стран, международной общественности, требующих от России прекратить чрезмерное применение силы в отношении гражданского населения Чечни, соблюдать фундаментальные права человека. Однако террористический акт 11 сентября 2001 г. в США разрушил эти надежды. Теперь речь может идти только о переговорах на предмет работы условий о прекращении военных действий и сдаче оружия. Таким образом, ситуацию в ЧР можно охарактеризовать как тупиковую. Федеральный Центр не может разрешить чеченскую проблему силовыми методами, а в случае продолжения тактики грабежей и насилия рискует спровоцировать массовое сопротивление населения и негативную реакцию Запада. Чеченские сепаратисты также стоят перед жестким выбором: продолжать в крайне невыгодных условиях вооруженную борьбу, губительную для чеченского народа, или искать приемлемые условия выхода из тупиковой ситуации.

Плачевные итоги развития чеченского конфликта в 2001 г. и события начала 2002 г. ("зачистки" в Ножай-Юртовском, Шалинском

районах, г. Аргуне, с. Старые Атаги, Цоцан-Юрте) со всей очевидностью подтвердили бессмысленность продолжения дальнейшего кровопролития. Диалог, поиск политических решений — единственное средство мирного разрешения конфликта. В Обращении Президента РФ от 24 сентября 2001 г. впервые прозвучал призыв к чеченским сепаратистам определиться в своем отношении к международному терроризму и прекратить борьбу против собственного народа. Путин признал, что чеченский конфликт имеет предысторию и чеченское сопротивление неоднородно по составу. Часть боевиков, как выразился президент, участвует в войне из-за "ложных" ценностей. Именно с этой, обманутой, частью боевиков, не связанной с международным терроризмом, руководство России считает возможным вести переговоры. Однако боевики, пожелавшие прекратить сопротивление, потребуют не только гарантии безопасности, но и участия в послевоенном политическом устройстве Чечни. Вот тут у федерального Центра могут возникнуть проблемы с администрацией Кадырова. Однако в целях консолидации здоровых сил чеченского общества, реализации комплексной программы восстановительных работ, завоевания доверия населения необходимо начать диалог со всеми субъектами чеченского политического процесса. Его итогом должно стать примирение противоборствующих сторон и проведение свободных демократических выборов в ЧР.

Итак, анализ ситуации в Чечне подтверждает, что характер действий силовых структур, уровень их профессионализма и набор применяемых средств не адекватны той обстановке, которая сложилась в республике. Наряду с силовой составляющей (действенная борьба с терроризмом) необходимо активизировать процесс реализации федеральной целевой программы восстановления экономики и социальной сферы ЧР. Чеченский конфликт (и это подтверждает отечественный и мировой опыт) нельзя решить только силовыми методами. Настало время, когда федеральный Центр должен инициировать процесс политического урегулирования, заявив о намерении государства сделать все необходимое, чтобы преодолеть последствия разрушительного конфликта и восстановить в ЧР жизнь, достойную человека. Важно назвать условия урегулирования конфликта, контуры будущей республики, ее статус и правовое положение в составе РФ. Нужна программа сохранения не только территории Чечни, а прежде всего ее населения. Главное состоит в том, чтобы завоевать доверие граждан республики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулаева Хеди Рашидовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов Чечни Чеченского государственного университета.

Имеет 16 печатных работ, в том числе: Солнечный гребень ингушских женщин (о парадном головном уборе кур-харе) // Сов. этнография, 1985, № 3; Начало археологического изучения горского костюма // Л.П. Семенов - профессор-кавказовед, ученый-интернационалист (тез. докладов). Грозный, 1986; Из истории русско-вайнахских связей в XVI-XVII вв. (по материалам погребальных сооружений) // Из истории русско-северокавказских связей (тез. докладов). Краснодар, 1988; Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII-XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989 и др.

Алироев Ибрагим Юнусович — доктор филологических наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки ЧИАССР, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН.

Автор более 100 научных работ, в том числе 24 монографий: Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990; История письма. Грозный, 1987; Фауна Чечено-Ингушетии в вайнахских языках. Махачкала, 1986; В лесах Чечни. Грозный, 1988; Чеченский язык. М.: AKademia, 2001.

Арсанукаева Малика Султановна - кандидат экономических наук, старший преподаватель международного права Московского университета потребительской кооперации.

Автор ряда публикаций, в том числе: Ваххабизм: политико-правовой аспект // Сб. науч. ст. проф.-препод. состава и аспирантов МУПК по итогам научно-исслед. работы за 1999 г. М.: МУПК, 2000; Некоторые проблемы реализации права женщины на труд в новых

372

условиях // Там же; Проблемы регулирования кровной мести чеченцев в современных условиях // Там же. 2002.

Ахмадов Хизир Музаевич, окончил Московский институт культуры в 1963 г., а в 1969 г. - Дагестанский сельскохозяйственный институт народной академии.

С 1963 г. собирает народный музыкальный фольклор. В его составлении вышли три тома чечено-ингушской народной музыки. Он автор 10-томного документального издания "Правда и ложь о Чеченской войне".

Пишет стихи, рассказы, романы, пьесы, поэмы. Его книги издавались в Грозном, Москве, Душанбе, Чехии и Китае. Около 200 его стихотворений переложены на музыку, стали популярными песнями.

Ахмадов Явус Зайндинович — доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, профессор кафедры истории Чеченского государственного университета.

Автор около 100 научных и научно-методических работ, в том числе: Очерки политической истории народов Северного Кавказа XVI-XXII вв. Грозный, 1988; История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001.

Статьи Я.З. Ахмадова выходили в Турции и в США.

Багаев Муса Харонович - декан исторического факультета Чеченского госуниверситета, кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры всеобщей истории ЧГУ, награжден орденом "Знак Почета" (1986).

В 1964 г. окончил историко-филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института, в

373

1970 г. — аспирантуру Института археологии АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию "Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии".

Автор около 100 научных и учебно-методических работ, в том числе: Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость // ВЭС ЧИНИИ ИЯЛ. Т. 2. Грозный, 1968; Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // МАДИСА. Т. 3. Орджоникидзе, 1975; Галайтинский клад VI—VII вв. // СА. М., 1977. № 2; Раскопки у с. Саади-Котар // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986; Тайна имен. Грозный, 1994; Происхождение вайнахского народа // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996; Место Чечни в древних цивилизациях // 1-я Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси, 1998; Мифы народов Кавказа. Махачкала, 1999.

Гакаев Жабраил Жоколовевич - крупный специалист в области политической истории России XX в., автор более 100 научных работ, в том числе 6 книг. Под редакцией и при авторском участии Ж.Ж. Гакаева опубликовано более 20 книг и монографий. Внес большой вклад в изучение солдатско-крестьянского движения, деятельности левых партий в армии в период 1900-1918 гг.

В последнее десятилетие Ж.Ж. Гакаев сосредоточился на изучении этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Особое внимание уделяет анализу ситуации в ЧР. Его книги — Очерки политической истории Чечни XX век. М., 1997; Чеченский кризис: истоки, итоги и перспективы. М., 1999 — получили признание и широкую известность в России и за рубежом.

Гешаев Муса Баутдинович — член Союза писателей России, поэт-песенник, общественный и политический деятель, академик, Заслуженный деятель культуры искусств ЧИАССР.

374

Автор многих поэтических сборников, актуального исследования "Знаменитые чеченцы" (в 4 т.). Им написаны более 100 песенных текстов на музыку известных советских и

русских композиторов.

Далгат У.Б. — ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Дагестанской АССР, член-корреспондент Народной академии наук педагогического образования.

Автор более 100 научных работ, в том числе: Лев Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960; Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972; Фольклор и литература народов Дагестана. М.: Восточная лит., 1962; Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М.: Наука, 1981.

Джамбеков Овхад Джамлайлович - заведующий кафедрой чеченской словесности Чеченского государственного университета, доцент.

Автор ряда научных работ. Автор и редактор фольклорных изданий: Чеченский фольклор. Грозный, 1990; Пехьармат (Прометей) и др.

Димаев Сайд Умарович - композитор, музыковед, окончил Московский музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, член Союза композиторов СССР с 1989 г. Автор многих сочинений, в том числе: "Рапсодия для симфонического оркестра и национальной гармонии", "Концерт-рондо для фортепиано с оркестром", оратория "Время — действовать" и др., а также около 150 песен.

375

Козенкова Валентина Ивановна - ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук. Работает в Институте археологии РАН с 1960 г. В 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию "Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии", в 1990 г. - докторскую диссертацию "Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития)".

Основные научные интересы: эпоха поздней бронзы и ранний железный век Северного Кавказа.

Археологические экспедиции: с 1961 по 1978 г. (Северный Кавказ). 1963-1975 гг. - начальник Предгорного отряда Северо-Кавказской экспедиции, 1970 г. — Ново-Титаровского отряда; 1976-1977 гг. — работы в Ингушетии и Северной Осетии; 1977—1978 гг. — начальник Учкеекеновского отряда.

Автор около 120 работ, в том числе: Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977; Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М., 1989; Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989; Кобанская культура Кавказа // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989; Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001.

Магомедов Супьян Султанович - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории мировой культуры и музееведения Чеченского государственного университета.

Марковин Владимир Иванович - ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

Работает в Институте археологии РАН с 1957 г. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию "Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.)", в 1975 г. - докторскую диссертацию "Дольмены Западного Кавказа".

376

Основные научные интересы: культура, искусство, архитектура и духовный мир древнего и средневекового населения Северного Кавказа.

Археологические экспедиции: с 1948 по 1987 г. (Северный Кавказ, Заволжье, Абхазия, Калмыкия, Украина); с 1956 г. — начальник Аргунского и Горного отрядов Северо-Кавказской экспедиции, с 1967 г. - специального Краснодарского отряда, а затем Горно-Кавказской экспедиции, с 1980 по 1987 г. - Прикаспийской экспедиции.

Научно-организационная работа: 1980-1997 гг. — руководитель межсекторальной группы кавказской археологии.

Автор более 250 печатных работ, в том числе: Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1960. № 93; В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965;

Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1966 (в соавтор, с В.Б. Виноградовым); В стране вайнахов. М., 1969; Дагестан и горная Чечня в древности (каякент-ско-хорочоевская культура) // МИА. 1969. № 122; Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986; Материалы по археологии Северного Кавказа (эпоха бронзы - позднее средневековье) (Сб. к 70-летию Р.М. Мунчаева), М., 1999.

Масаев Усман Шакаевич - заместитель Главы Администрации Чеченской Республики, кандидат экономических наук, основатель и председатель межрегионального общественного движения за развитие культурных и общественно-политических связей с Чеченской Республикой "Керла зама" ("Новое время").

В 1993 г. окончил экономический факультет Чеченского государственного университета, в 2001 г. - Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. В октябре 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Автор ряда научных изданий, в том числе: Программа экономического и социального развития Конаковского района Тверской области на 2000-2005 годы. М., 2000 г.; Проблемы регулирования рынка труда субъектов Российской Федерации в условиях формирования предпосылок экономического роста. М., 2002.

Мунчаев Рауф Магомедович - директор Института археологии РАН, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный деятель науки Дагестана, член-корреспондент РАН, Германского археологического института и Итальянского института Африки и Востока, лауреат Государственной премии (1999). Награжден орденом Дружбы (1998) и медалями.

Работает в Институте археологии РАН с 1955 г. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию "Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III-II тыс. до н.э.)", в 1971 г. - докторскую диссертацию "Кавказ в

377

эпоху энеолита и ранней бронзы (V—III тыс. до н.э.)". В 2000 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Основные научные интересы: археология, древнейшая история и культура Кавказа и Ближнего Востока (эпох неолита, энеолита и ранней бронзы).

Археологические экспедиции: с 1950 г. по настоящее время (Северный Кавказ, Среднее Поволжье, Ставрополье, Болгария, Афганистан, Ирак, Сирия); с 1969 по 1984 г. - начальник Иракской, с 1988 г. по н.в. - Сирийской экспедиции ИА РАН.

Автор более 250 научных работ, в том числе: Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100; Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981 (в соавтор, с Н.Я. Мерпертом); Энеолит Кавказа // Археология СССР: Энеолит СССР. М., 1982; Kunst und Kultur in Nordkaukasus. Leipzig, 1988 (в соавтор, с В.И. Марковиным); Куро-аракская культура: Майкопская культура // Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Нашхоев Руслан Манцаевич. В 1960 г. окончил факультет журналистики Уральского государственного университета в г. Свердловске (ныне Екатеринбург) и по направлению вуза возвратился на работу в г. Грозный.

Трудовую деятельность начал младшим литературным сотрудником в республиканской газете на чеченском языке "Ленинан некъ" ("Ленинский путь").

В 1974 г. окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС в г. Москве и был назначен заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания, затем - заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Чечено-Ингушского обкома КПСС.

Одновременно активно сотрудничал в местной и центральной печати - в газетах "Правда", "Советская Россия", журнале "Журналист" и т.д.

Член Союза журналистов СССР, в настоящее время — член Союза журналистов России. Является одним из учредителей Союза журналистов Чеченской Республики.

Автор художественных и документальных изданий.

Осмаев Аббаз Догиевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Чеченского государственного университета, специалист по русско-кавказским, кавказско-турецким отношениям.

Пыльцин Денис Вячеславович - ассистент кафедры истории мировой культуры и музееведения Чеченского государственного университета.

Ташаева Роза Абдулмуслимовна. Окончила Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (театроведческий факультет) в 1991 г.

Тишков Валерий Александрович - известный российский ученый специалист по этнической истории, межэтническим отношениям, эт-нополитике и конфликтам, директор Института этнологии и антропологии Российской академии наук, вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук. Он автор многих монографий, в том числе: "Очерки теории и политики этничности", "Этничность, национализм и конфликты", "Политическая антропология", "Общество в вооруженном конфликте" и др. Автор и редактор энциклопедических изданий: "Народы и религии мира", "Народы и культуры". Многие его работы изданы за рубежом. В 1992 г. был министром по делам национальности Российской Федерации.

Туркаев Хасан Вахитович - заведующий кафедрой русской литературы XX в. Чеченского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР, член Союза писателей СССР.

В 1963 г. окончил историко-филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института. В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию "Чеченская советская поэзия 20-40-х годов", а в 1984 г. - докторскую диссертацию "Становление реализма в литературах чеченцев и ингушей (вторая половина XIX -40-е годы XX в.)".

Автор более 250 научных работ, в том числе 6 монографий и 6 сборников статей, учебника по чеченской литературе для 10 класса (в соавт. с В.А. Дыхаевым). Некоторые монографии: Чеченский рассказ. Становление и развитие жанра. Грозный, 1971; Чеченская советская поэзия 20-40-х гг. (XX в.). Грозный, 1971; Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный, 1978; На пе-

379

реломе: Монография и статьи. Грозный, 1990. Сб. ст.: О путях развития чеченской литературы. Грозный, 1973; В семье братских литератур. Грозный, 1983 и др. Выступил официальным оппонентом на защите 15 докторских и кандидатских диссертаций на специализированных советах ИМЛИ РАН, АН Казахстана, АН Грузии, МГУ, АН Республики Башкортостан, Дагестанского филиала РАН.

Халидов Айса Идрисович - заведующий кафедрой русского языка Чеченского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор.

Автор более 60 научных работ, в области русского, сопоставительного и типологического языкознания.

Хасбулатова Зулай Имрановна — кандидат исторических наук, доцент Чеченского Государственного педагогического института. Автор ряда публикаций, посвященных этнографии Чечни и Ингушетии.

Хасиев Нур-Эл Абдулович. Окончил Ярославскую сельскохозяйственную академию. В настоящее время учится в Международной академии предпринимательства по специальности "международные экономические отношения".

С 1998 г. по настоящее время — президент Ярославской областной общественной организации "Вайнах".

С 1999 г. - заместитель председателя Ярославского отделения Ассамблеи народов России, председатель Ярославского регионального отделения Межрегионального движения за развитие культурных и общественно-политических связей с Чеченской Республикой "Новое время".

380

Чеснов Ян Вениаминович — кандидат исторических наук, профессор университета Российской академии образования. Ведущий сотрудник Института человека РАН.

Автор около 400 научных статей, 4 монографий; а также книги: Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарих, 1998.

Ряд статей по общей антропологии опубликованы за рубежом. Читал курс лекций в США, Китае и Югославии.

УСМАН ШАКАЕВИЧ МАСАЕВ

Книга "Культура Чечни: история и современные проблемы" издана на средства, предоставленные президентом Союза промышленников и предпринимателей Чеченской Республики Усманом Шакаевичем Масаевым. Крупный российский предприниматель, кандидат экономических наук, чеченец по национальности, он вкладывает много средств в благотворительные проекты, в частности в издательскую деятельность, нацеленную на воссоздание подлинной истории чеченского народа, возрождение его духовных ценностей, культурных традиций, укрепление связей вайнахов с другими народами России. По инициативе У.Ш. Масаева и при его деятельном участии было создано общественное движение "Новое время", председателем которого он избран. Движение материально помогает беженцам, издает культурно-просветительскую газету "Зов времени" (ныне - "Объединенная газета"), оно учредило стипендии для студентов-отличников Чеченского госуниверситета и Грозненского нефтяного института, премии в области литературы и искусства Чеченской Республики. Недавно У.Ш. Масаев назначен заместителем Главы Администрации Чеченской Республики.

Научное издание

КУЛЬТУРА ЧЕЧНИ

История и современные проблемы

Утверждено к печати

Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН

Зав. редакцией Н.Л. Петрова

Редактор Н.В. Иванова

Художник Ю.С. Шлепер

Художественный редактор В.Ю. Яковлев

Технический редактор З.П. Павлюк Корректоры З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 14.11.2002 Формат 60x90 1/16. Гарнитура Тайме

Печать офсетная

Усл.печ.л. 24,0. Усл.кр.-отт. 24,5. Уч.-изд.л. 26,5 Тираж 2600 экз. Тип. зак.

Издательство "Наука" 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Word Count ? X

Statistics: _____

Pages	182
Words	103,642
Characters (no spaces)	658,130
Characters (with spaces)	760,095
Paragraphs	2,321
Lines	10,797

Include footnotes and endnotes

Close